

Е. Е. Озмитель, Л. Э. Яковлева

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебник для 6 класса
школ с русским языком обучения

*Рекомендовано Министерством образования и науки
Кыргызской Республики*

Бишкек
2018

УДК 373.167.1
ББК 83.3 Р я 721
О – 47

Рецензент КАО С. А. *Алмурзаева*

Озмитель Е. Е., Яковлева Л. Э.

О – 47   Русская литература: Учебник для 6 кл. шк. с рус. яз. обучения. – Б.: Аркус, 2018. – 272 с., илл.

ISBN 978–9967–31–776–5

Учебник предназначен для 6 класса школ с русским языком обучения. Соответствует государственному стандарту и программе по литературе и учитывает специфику изучения русской литературы в школах Кыргызстана. Является частью непрерывного авторского курса и продолжает линию учебников для начальной школы, рекомендованных Министерством образования и науки КР (Озмитель Е. Е., Власова И. В. Книга для чтения, 2–4 классы, 2013–2016), и учебника для 5 класса (Озмитель Е. Е., Яковлева Л. Э. Русская литература, 5 класс, 2018).

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- – Учебная статья
- – Для самостоятельного чтения
- – Обсуждаем прочитанное
- – Вопросы и задания к тексту
- – Проект
- – Творческая работа
- – РАФТ

О 4306020400–18

УДК 373.167.1
ББК 83.3 Р я 721

ISBN 978–9967–31–776–5

© Е. Е. Озмитель, Л. Э. Яковлева, 2018
© ОсОО «Издательство Аркус», 2018
© Министерство образования и науки КР, 2018

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Дорогие шестиклассники!

Вы продолжаете изучать литературу, а это значит, что вы будете продолжать учиться читать, понимать и анализировать самые разные произведения словесного искусства. Зачем вам это нужно — задумывались?

В прошлом году мы с вами говорили о пользе чтения: книга тренирует ум, учит общаться, сочувствовать, размышлять, понимать людей, хорошо писать... А сейчас давайте подумаем, как чтение книг может пригодиться именно вам, каждому — лично?

Люди, которые умеют хорошо читать, ценятся в каждой профессии. Они всегда на шаг впереди, потому что их умение читать и понимать любые тексты: инструкции и пособия, справочники, правила и распоряжения начальства — делает их незаменимыми. Но это не художественная литература, скажете вы. Правильно, это учебные, научные, юридические тексты. Их точный язык далёк от языка литературных произведений. А в каких профессиях вам пригодится умение читать и хорошо понимать художественную литературу? Есть профессии, прямо связанные со словесным искусством. Давайте перечислим некоторые из них:

писатель — человек, который занимается литературным трудом, пишет художественные литературные произведения;

литературовед — учёный, изучающий теорию и историю литературы;

литературный критик — специалист, оценивающий литературные произведения;

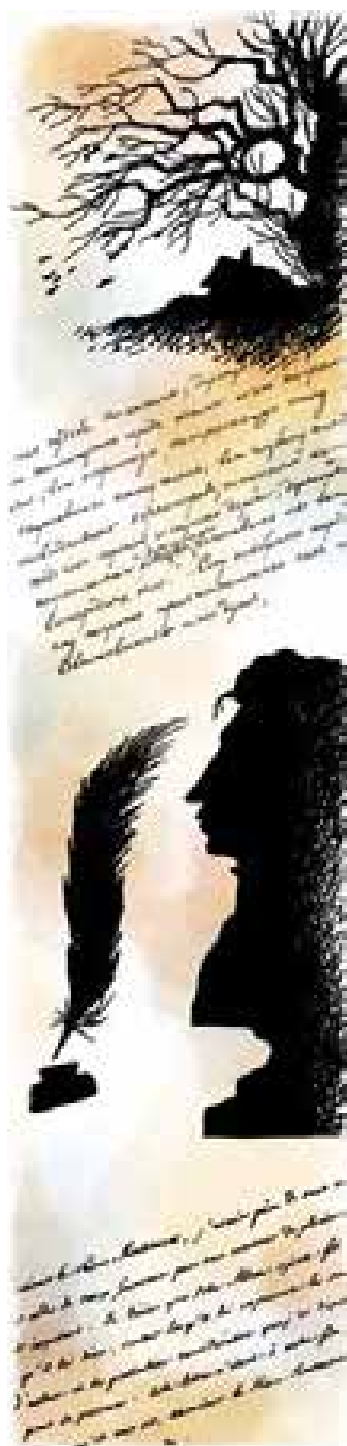
журналист — сотрудник газет, журналов, телевидения, который сочиняет статьи и репортажи на самые разные темы;

редактор и корректор — сотрудники издательства или телевидения, исправляющие тексты.

Ещё — сценаристы, учителя, рекламисты, спортивные комментаторы, политики, адвокаты...

Подумайте, кого мы забыли?

Вы не поверите, но интерес к художественной литературе, знание книг помогают также людям, профессии которых никак не связаны со словесным искусством. Поэмы Гомера подтолкнули археологов

к поиску древних цивилизаций. Труды великих писателей XIX века Бальзака и Достоевского повлияли на экономику, медицину и психологию. Даже приключенческими книгами увлекалось не только юношество. Подвигами капитана Немо из романа Жюль Верна «20 000 лье под водой» зачитывались военные специалисты и корабельные инженеры, и через несколько десятков лет подводные лодки стали реальностью. Талантливый фантазёр Жюль Верн был знатоком всех научно-технических достижений своего времени, он предсказал появление аппаратов тяжелее воздуха и вдохновил учёных на научные открытия в области аэродинамики. И таких примеров, когда художественная литература повлияла на разные области человеческой деятельности, — множество.

Мы поговорили с вами о практической пользе от чтения художественной литературы, но есть ещё другая великая польза — душевная. Удовольствие, которые мы получаем от чтения книг, рождает желание подражать их героям. Многие хотят быть такими же честными, смелыми, добрыми, умными, как полюбившиеся им персонажи. Многие в своих занятиях хотят подражать и писателям — творить разные прекрасные вещи на радость себе и другим людям.

Дорогие наши шестиклассники! Давайте извлечём из уроков литературы и этого учебника максимальную пользу. Для этого надо с интересом читать учебные статьи и художественные тексты, внимательно слушать учителя, вдумчиво выполнять задания, творчески подходить к проектам, делать умные доклады и писать оригинальные и красивые эссе и сочинения.

Успехов вам!

Дети в мире искусств

РАЗДЕЛ I. ЛИТЕРАТУРА И ДРУГИЕ ВИДЫ ИСКУССТВА

Литература — искусство слова

Литература — это одно из самых ранних искусств. В древнем мире возникли и другие виды искусства: театр, музыка, танец, изобразительное искусство. Художественное творчество всё время развивалось, и в XIX—XX веках к традиционным искусствам прибавились современные: кино, искусство фотографии, компьютерная графика и многие другие технические виды.

Все виды искусства: и древние, и новые — связаны со словесным творчеством. Кино начинается с литературной основы — сценария. Художникам литература даёт сюжеты для их картин и рисунков. Сочиняя песни, музыканты не могут обойтись без поэтов. Без драматургов, которые пишут пьесы, театр просто перестанет существовать.

Многие народы относили литературу к высшим видам искусства. Теперь мы не делим виды искусств — какое лучше, какое хуже, но мастерство людей, владеющих искусством слова, по-прежнему ценится очень высоко.

Талантливые писатели внесли большой вклад в мировую культуру, и сегодня для многих важны их мысли и образы. К словам признанных писателей прислушиваются политики, и многие лидеры в своих речах цитируют классиков мировой литературы. В частной жизни люди также пользуются советами, почерпнутыми из книг. Имена литературных героев становятся нарицательными и встречаются нам повсюду — в средствах массовой информации, в рекламе, в названиях магазинов и предприятий.

Может, в будущем что-то изменится, но пока культура без словесного искусства существовать не может.

ИСКУССТВО — это

- ▶ творческое отражение, воспроизведение действительности в художественных образах;
- ▶ умение, мастерство, знание дела.

1. Какие виды искусства вы знаете?
2. В статье говорится о важности литературы, а какое искусство вы считаете самым важным?
3. Согласны ли вы с утверждением, что все виды искусства связаны с литературой? Есть ли такое искусство, которому словесное творчество совсем не нужно?
4. Можно ли считать компьютерные игры искусством? Какова роль писателей в их создании?
5. Выдающийся педагог В. Сухомлинский сказал, что дети должны жить в мире красоты, игры, сказки, музыки, рисунка, фантазии, творчества. Согласны ли вы с этим утверждением? Как вы понимаете выражение «мир красоты»?
6. **Пишем сочинение.** Рассмотрите заставку к I разделу. На рисунке изображены дети, которые попали в мир красоты. Представьте, что вы находитесь вместе с ними. Сначала опишите ваши общие впечатления от увиденного, затем перейдите к описанию деталей. Почаще отвечайте на вопросы *какой? какая? какое? какие?*, когда будете описывать признаки предметов. Может быть, вам помогут слова «как», «как будто», «словно», «похож на». Назовите своё сочинение «Мир красоты — это мир искусств».

Аполлон и музы

Кто же воодушевляет писателей и поэтов на создание произведений? В Древней Греции и Древнем Риме такими вдохновительницами были музы — богини искусства, дочери Зевса и богини памяти Мнемосины.

АТТРИБУТЫ — это предметы, с которыми постоянно изображались мифологические или какие-либо другие персонажи.

Мифологические персонажи	Атрибуты, с которыми они изображались
Аполлон	Предводитель муз, бог Солнца, покровитель всех искусств, часто изображался в окружении девяти богинь на колеснице, запряжённой четвёркой лошадей.
Каллиопа	Муза эпической поэзии, которую изображали с восковыми табличками и с заострённой палочкой для письма (стилосом).
Эвтерпа	Муза лирической поэзии и музыки, изображалась с флейтой.
Эрато	Муза любовной поэзии, изображали играющей на кифаре, струнном музыкальном инструменте.
Талия	Муза комедии, держала в руках комическую маску, на голове её — веночек из плюща.
Мельпомена	Муза трагедии, изображалась с трагической маской и венком из виноградных листьев.
Терпсихора	Муза танца — в позе танцовщицы с лирой.
Клио	Муза истории — держала в руках свиток из папируса.
Уrania	Муза астрономии — держала глобус и циркуль.
Полигимния	Муза гимнов и пантомимы, изображали в виде задумчивой девушки, закутанной в покрывало.

Почему среди муз оказались покровительницы наук? Дело в том, что древние греки, а за ними и римляне, относили историю и астрономию к искусствам, в то время как скульптура или живопись у них высоко не ценились и рассматривались всего лишь как ремесло.

Греки и римляне представляли себе муз в виде молодых женщин, не уступающих по красоте самым прекрасным богиням. Своими песнями и танцами музы веселили богов и вдохновляли людей на творчество. Одним из любимых мест обитания муз считался Кастальский источник у подножья горы Парнас. Человека, испившего волшебных вод Кастальского ключа, музы наделяли вдохновением.

Тех, кто осмеливался состязаться с ними, музы сурово наказывали, но чаще всего они относились к людям доброжелательно и ласково, особенно к своим любимцам — поэтам, драматургам, певцам и актёрам. «Счастлив тот, кого любят музы», — говорили греки вслед за Гомером и обращались к ним за помощью в любом творческом деле.

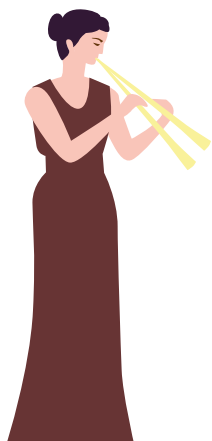
Аполлон и музы

АПОЛЛОН

ТАЛИЯ

ЭВТЕРПА

КЛИО

ЭРАТО

УРАНИЯ

МЕЛЬПОМЕНА

КАЛЛИОПА

ТЕРПСИХОРА

ПОЛИГИМНИЯ

1. Какие народы в древности считали муз покровительницами искусств? Сохранилось ли это представление до наших дней?
2. Выпишите из этого текста незнакомые вам слова и уточните их значение по словарю.
3. Какие слова произошли от слова «муза»? С какими видами искусств они связаны?
4. Перечислите муз, которые покровительствовали литературе.
5. Почему в Древней Греции считалось, что историкам тоже нужна муза? Что роднит историю и литературу?
6. Теперь вы знаете, что такое атрибут. Рассмотрите заставку, на которой изображён Аполлон с музами. Отгадайте имена муз по атрибутам.
7. Придумайте, какие атрибуты могут обозначать разные виды искусства. Каких искусств не было в древности? Нарисуйте атрибуты для трёх современных видов искусства.

Особенности литературы как вида искусства

Художники создают свои произведения из красок и линий, архитекторы — из камня и дерева, музыканты — из звуков. А писатели? Материал для творчества писатели берут из языка. Это — слова и словосочетания литературного языка, это — интонации и ритмы разговорной речи.

Кроме обычных слов и словосочетаний авторы художественных произведений используют также изобразительно-выразительные средства языка: тропы и поэтические фигуры речи.

Давайте вспомним изобразительно-выразительные средства, которые вы изучали в 5 классе.

Тропы: эпитет, сравнение, метафора, олицетворение, иносказание (аллегория), гиперболола.

Поэтические фигуры речи: антитеза, повторы, риторические высказывания (обращения, вопросы и восклицания), умолчание.

Есть ещё и другие, с которыми вы познакомитесь на уроках литературы в этом году.

Тропы и поэтические фигуры речи нужны для создания художественных образов. Когда текст рождает в нашем сознании картины (портреты, пейзажи, интерьеры, сценки и прочее), вызывающие у нас чувства и размышления, это и есть художественные образы.

Анализ произведения литературы всегда связан с поиском в тексте и изучением тех средств художественной выразительности и изобразительности, которые использовал автор.

Талантливые писатели стараются не повторяться, поэтому у каждого писателя есть своя манера письма, свой индивидуальный стиль. Оригинальность — один из признаков хорошей литературы. Задача читателей — заметить особенности языка полюбившихся им писателей, понять художественный замысел произведения (что хотел сказать автор) и оценить его воплощение в произведении.

1. Каким образом писатели и поэты создают свои произведения? Зачем они используют изобразительно-выразительные средства?
2. Вспомните ваше любимое стихотворение, найдите в нём изобразительно-выразительные средства.
3. Какого писателя мы можем назвать «талантливым»? А бывают ли талантливые читатели?

Герой художественного произведения и его автор

Книги приглашают нас в путешествие в особый мир — в мир художественной литературы, то есть в художественный мир произведения, в художественный мир писателя. Литературоведы и критики так и говорят: «мир Пушкина», «мир Чехова», «мир Айтматова».

Писатели создают миры подобно тому, как вы в своих детских играх придумывали для себя и друзей роли, наряжались, надевали маски, использовали разные предметы, чтобы изменить, преобразить реальность вокруг вас. Художественный мир — такой же выдуманный, как и мир детских игр, но в нём есть свои законы, есть правила поведения для персонажей, автора и читателей.

Описывая пейзажи и интерьеры, автор обустраивает пространство для событий, создаёт среду обитания для героев своего произведения. Он даёт приметы времени суток и времени года, показывает характерные черты эпохи, подробно или намёками описывает внешность, одежду, атрибуты, биографии персонажей, внимательно относится к выбору их имён.

Очень ярко характеризует персонажей их речь: монологи, диалоги, любимые слова и выражения. И, конечно же, очень важны для создания образа героя его поступки. Автор кропотливо работает над любой деталью текста, чтобы раскрыть перед читателем характер своего героя, показать своё отношение к персонажам.

— Расскажите, как вы работаете над романом, — спросили журналисты Булата Шалвовича Окуджава, советского и российского писателя и поэта.

В ответ Окуджава сочинил песенку «Я пишу исторический роман». Отрывок из этой песни поможет нам раскрыть некоторые секреты литературного творчества.

Исторический роман
Сочинял я понемногу,
Пробиваясь, как в туман,
От пролога к эпилогу.

В путь героев снаряжал,
Наводил о прошлом справки,
И поручиком¹ в отставке
Сам себя воображал.

Были дали голубы,
Было вымысла в избытке,
И из собственной судьбы
Я выдёргивал по нитке.

Вымысел не есть обман,
Замысел — ещё не точка.
Дайте дописать роман
До последнего листочка.

¹ Поручик — воинское звание, соответствующее званию лейтенанта.

В центре художественного мира всегда стоит человек. Погружаясь в книгу, мы неотступно следуем за главными героями, размышляем и переживаем вместе с ними. Мастерство некоторых писателей столь велико, что иногда нам кажется, будто мы стали одним из героев произведения — как будто переселились в его мир. И наоборот, полюбившиеся нам герои запоминаются надолго, выходят из книг и могут сопровождать нас всю жизнь. Это чудо встречи реального и выдуманного — большое искусство!

1. Что такое *художественный мир*? С чем вы можете его сравнить?
2. Герои каких книг вам запомнились больше всего? Кем они стали для вас: друзьями или врагами?
3. Какие приметы делают литературного героя запоминающимся? Что помогает понять его поступки и отношение к людям?
4. Согласны ли вы с тем, что некоторые литературные герои «выходят из книг и могут сопровождать нас всю жизнь»? Как это может быть?
5. О каких особенностях художественного творчества говорится в песне Булата Окуджавы «Я пишу исторический роман»? Выпишите литературоведческие термины из этого стихотворения и объясните их значение, пользуясь словарём.

Михаил Беломлинский
Шарж на Булата Окуджаву

Александр Сошин
Шарж на Булата Окуджаву

Перед вами два шаржа¹ на поэта Булата Окуджаву художников Михаила Беломлинского и Александра Сошина. Какой из шаржей, по вашему мнению, более точно передаёт настроение песенки «Я пишу исторический роман»? Объясните, почему?

Узнайте, как зовут крылатого коня, изображённого на шарже справа. Почему этот конь был любимцем муз? Какое излюбленное выражение есть у писателей и поэтов, связанное с крылатым конём? Что оно значит?

¹ Шарж — добродушно-юмористический портрет.

Валерий Яковлевич Брюсов

Библиотеки

Власть, времени сильней, затаена
В рядах страниц, на полках
библиотек:
Пылая факелом во мгле, она
Порой язвѣт¹, как ядовитый дрóтик².
В былых столетьях чей-то ум зажѣг
Сверканье, — и оно донине светит!
Иль жилы тетивы³ напрячь возмог, —
И в ту же цель стрела поныне метит!
Мы дышим светом отжитых веков,
Вскрывающих пред нами даль дороги,

Повсюду отблеск вдохновенных слов, —
То солнце дня, то месяц сребророгий!
Но нам дорожке золотой колчán⁴
Певучих стрел, завещанный в страницах,
Оружие для всех времён и стран,
На всех путях, на всех земных границах.
Во мгле, куда суд жизни не достиг,
Где тени лжи извилисты и зыбки, —
Там дротик мстительный бессмертных
книг,
Веками изощрён, бьёт без ошибки.

Марина Ивановна Цветаева

Книги в красном переплёте

Уз рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлѣте,
Неизменившие друзья
В потёртом, красном переплёте.

Чуть лёгкий выучен урок,
Бегу тотчас же к вам, бывало,
— Уж поздно! — Мама, десять строк!.. —
Но, к счастью, мама забывала.
Дрожат на люстрах огоньки...

Как хорошо за книгой дома!
Под Грига, Шумана и Кюи
Я узнавала судьбы Тома.
Темнеет, в воздухе свежо...
Том в счастье с Бэкки полон веры.

Вот с факелом Индеец Джо
Блуждает в сумраке пещеры...

Кладбище... Вещий крик совы....
(Мне страшно!) Вот летит чрез кочки
Приёмыш чопорной вдовы,

Как Диоген, живущий в бочке.
Светлее солнца тронный зал,
Над стройным мальчиком — корона...
Вдруг — нищий! Боже! Он сказал:
«Позвольте, я наследник трона!»

Ушёл во тьму, кто в ней возник.
Британии печальны судьбы...
— О, почему среди красных книг
Опять за лампой не уснуть бы?
О золотые времена,

Где взор смелей и сердце чище!
О золотые имена:
Гекк Финн, Том Соьер, Принц и Нищий!

¹ Язвѣть — причинять боль, неприятность кому-чему-нибудь..

² Дрóтик — в древности и в средние века: метательное копьё на коротком древке.

³ Тетива́ — туго натянутая верёвка, бечева и т. п. в различных устройствах.

⁴ Колчán — сумка, футляр для стрел.

Владимир Семёнович Высоцкий

Баллада о времени¹

Зáмок временем скрыт и укутан, укрыт
В нежный плед из зелёных побегов,
Но... развяжет язык молчаливый
гранит —

И холодное прошлое заговорит
О походах, боях и победах.

Время подвиги эти не стёрло:
Оторвать от него верхний пласт
Или взять его крепче за горло —
И оно свои тайны отдаст.

Упадут сто замков, и спадут сто оков,
И сойдут сто потов целой груди веков, —
И польются легенды из сотен стихов
Про турниры, осады, про вольных
стрелков.

Ты к знакомым мелодиям ухо готовь
И гляди понимающим оком, —
Потому что любовь — это вечно любовь,
Даже в будущем вашем далёком.

Звонко лопалась сталь под напором
меча,
Тетива от натуги дымилась,
Смерть на копьях сидела, утробно урча,
В грязь валились враги, о пощаде крича,
Победившим сдаваясь на милость.

Но не все, оставаясь живыми,
В доброте сохраняли сердца,
Защитив своё доброе имя
От заведомой лжи подлеца.

Хорошо, если конь закусил удила
И рука на копьё поудобней легла,
Хорошо, если знаешь — откуда стрела,
Хуже — если по-подлому, из-за угла.

Как у вас там с мерзавцами? Бьют?
Поделом!

Ведьмы вас не пугают шабашем?
Но... не правда ли, зло называется злом
Даже там — в добром будущем вашем?

И вовеки веков, и во все времена
Трус, предатель — всегда презираем,
Враг есть враг, и война всё равно есть
война,

И темница тесна, и свобода одна —
И всегда на неё уповаем...

Чистоту, простоту мы у древних берём,
Сáги², сказки — из прошлого тащим, —
Потому что добро остаётся добром —
В прошлом, будущем и настоящем!

1. Опишите картины мирной жизни, в которой протекало детство и раннее отрочество Марины Цветаевой. Почему поэт называет детское житьё раем? О каких героях книг пишет Марина Цветаева? Что вам известно о них? А у вас есть любимые герои? Кто они?
2. Какие чувства испытывает героиня при чтении книг? Почему автор ставит в конце предложения многоточие? С какой интонацией следует читать в этом стихотворении диалоги, обращения? Найдите слова, которые говорит уже повзрослевший поэт. А с какой интонацией надо читать эти строки?
3. В каком стихотворении воспеваются мир народных сказаний, а в каком речь идёт о художественном мире писателей? Что вам ближе?
4. Почему в приключенческих книгах всегда бывают отрицательные персонажи? Разве автор не может писать только о положительных героях?

¹ Публикуется в сокращении.

² Сáга — старинная западноевропейская героическая поэма.

- ★ 5. Прочитав стихотворение Владимира Высоцкого, представьте себе те события, которые могли происходить в нём, подберите точные слова и выражения, которые использовал поэт, и устно нарисуйте картины к этому стихотворению.
- ★ 6. Как вы понимаете последнее четверостишие «Баллады о времени»? Что даёт современному человеку знание преданий и героических дел предков?
- 7. Прочитайте выразительно понравившееся вам стихотворение.
- 8. **Пишем эссе.** Письменно ответьте на вопрос: «В мир какого писателя вам бы хотелось попасть и почему?». Ваше эссе должно быть небольшим по объёму. В нём вы должны передать ваши личные впечатления и соображения по теме, над которой работаете. Избегайте общих, скучных фраз. Ваши рассуждения должны быть ближе к разговорной речи. Всё, что вы напишете, постарайтесь подтвердить примерами. Не забудьте написать заголовок. В конце проверьте себя:
  - Ответил ли я на заданный вопрос?
  - Насколько понятно и точно я изложил свои мысли?
  - Естественно ли звучит то, что я написал?
  - Нет ли в тексте ошибок?

Задания на повторение и обобщение изученного в разделе «Литература и другие виды искусства»

1. Назовите древние и современные виды искусства. Какую роль в их существовании играет литературное слово?
2. Профессор Игорь Галимович Гусманов посвятил девяти музам своё стихотворение. Перепишите отрывок из него в тетрадь, вставьте имена муз согласно их атрибутам и прочитайте стихотворение выразительно.

От подножья Парнаса до рощ Геликона
Ты услышишь их песен пленительный звук,
Ты увидишь их танец в лучах Аполлона
С атрибутами разных искусств и наук.

Старше всех _____. Эпическим слогом
Пишет стилос её на доске восковой,
_____, муза истории, в пеплосе строгом
Держит свиток папируса перед собой.

Держит муза _____ глобус небесный,
Муза _____ — маску с улыбкой смешной,
_____ танцует свой танец прелестный,
И _____ на флейте играет двойной.

_____ с нежной лирою вслед выступает,
_____ с трагической маской в руках,
_____ лик покрывалом скрывает,

Вознося свою песнь о героях, богах.
Вдохновляя поэтов, артистов, учёных,
И сегодня слетают они с высоты,
Девять юных богинь, девять муз просвещённых,
Девять символов разума и красоты.

3. Вспомните и запишите в тетрадь все изученные тропы и поэтические фигуры языка. Сверьтесь с учебной статьёй. Подберите свои примеры. В случае затруднения обращайтесь к литературоведческому словарю.
4. Что значит «проанализировать произведение»? Составьте план ваших действий, используя статьи первого раздела.
5. Составьте кластер «Герой художественного произведения» и сделайте вывод о том, как создать полноценный художественный образ.
6. Найдите значение фразеологизмов «посетила муза» и «оседлать Пегаса». Какое значение эти фразеологизмы имеют для писателей и поэтов?
7. В. Высоцкий написал «Балладу о времени» в 1975 году к фильму «Стрелы Робин Гуда». Знаете ли вы что-нибудь о герое английских баллад Робин Гуде? Почему он остался в памяти народной?
8. Какие чувства переживает героиня стихотворения М. И. Цветаевой «Книги в красном переплёте»? Докажите выдержками из стихотворения.
9. О какой пользе книг говорит в своём стихотворении В. Брюсов? С чем он их сравнивает?

Темы для сочинений

1. Мой любимый писатель. За что я люблю его творчество
2. Рассказ о любимой книге
3. Литературный герой, который заставил меня задуматься
4. Фильм, который перевернул мою жизнь
5. Если бы я встретился с моим любимым литературным героем, то...

РАЗДЕЛ II. ГЕРОИ МИФОВ И ЛЕГЕНД В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Мифы и герои

Мифы — это древнейшие сказания, представляющие собой художественное повествование. Это могут быть фантастические истории о богах и необыкновенных героях, о чудесных существах и фантастических персонажах. В глубокой древности при помощи мифов люди пытались объяснить разнообразные природные явления, происхождение и устройство Вселенной и Земли, человека и животных. Мир вещей и явлений человеческой жизни также нашёл своё отражение в мифах и легендах. Люди приписывали богам и другим сверхъестественным персонажам заслугу создания городов, изобретение алфавита, появление искусства и военного дела и многое другое. Так в далёком прошлом у каждого народа возникла своя мифология — собрание мифов, легенд, преданий, в которых выражалось народное представление о природе и устройстве человеческого общества.

Этим рассказам, где чудеса происходят на каждом шагу, в древности верили, как истинной правде, как самой настоящей реальности. Эта вера отличает мифы от сказок, которые всегда воспринимались как выдумка, как чистый вымысел.

Сейчас мы не верим мифам, но это не значит, что они бесследно исчезли. От мифов сохранились сюжеты, аллегории, образы. Особенно большой след в мировой культуре и языке оставили античные мифы Древней Греции и Древнего Рима. Именами героев мифов названы многие звёзды, созвездия и планеты, например: Близнецы, Марс, Юпитер; цветы: нарцисс, астра, гиацинт; понятия искусства: сатира, музей. Спортсмены мечтают об Олимпе и пальме первенства. Врачи используют гипноз, морфий и советуют есть геркулесовую кашу. Мы все в обиходной речи употребляем понятия и фразеологизмы, которые связаны с мифологическими сюжетами: лабиринт, яблоко раздора, лопнуть от злости, рог изобилия.

Особенно часто к античной мифологии обращаются писатели. Они заимствуют оттуда отдельные образы и целые сюжеты. За каждым мифологическим образом стоит красивая, чудесная и глубокомысленная история, так мифы обогащают и украшают литературу.

Теперь понятно, почему нам надо изучать мифы народов мира. Знание мифологических сюжетов поможет нам лучше понять те произведения литературы и других искусств, в которых есть имена героев, аллегории, сравнения и метафоры, почерпнутые авторами из мифологии.

1. Что такое миф?
2. Какой след в мировой культуре оставили мифы Древней Греции и Древнего Рима?
3. Почему писатели и простые люди так часто обращаются к мифологии?
4. Как вы понимаете фразеологизмы «яблоко раздора», «лопнуть от злости», «рог изобилия»?
5. Вспомните фильмы и мультфильмы, в которых есть мифологические персонажи. Расскажите, почему они вам понравились?

Фразеологизмы из древнегреческих мифов

Олимпийское спокойствие

В Древней Греции рассказывали, что на Олимпе, самой высокой горе Греции, не дует ветер, там нет ни дождя, ни снега, там всё купается в ликующем свете. На этой безмятежной горе, как представляли греки, жили высшие божества. Во главе всех — громовержец Зевс, давший жизнь многим богам и героям; рядом — его жена Гера, покровительница семьи. В царские покои Зевса собирались на совет богов другие олимпийцы: солнечный Аполлон и его сестра, лунная лесная Артемида; дева-воин Афина, бог морей Посейдон, грозный бог войны Арес, прекрасная Афродита, кузнец Гефест, быстрый Гермес, мрачный Аид и богиня плодородия Деметра.

Древнегреческая мифология полна драматических историй о спорах и ссорах между олимпийцами. Несмотря на это, считалось, что могущественные бессмертные боги всегда сохраняли невозмутимость и величественность, то есть — *олимпийское спокойствие*.

Рог изобилия

Однажды божественная коза Амалфея наскочила на дерево и сломала рог. Нимфы, которые вскармливали Зевса молоком Амалфеи, наполнили её рог плодами. Они поднесли его Зевсу, тот ел эти плоды, но рог никогда не становился пустым. У рога Амалфеи были и другие волшебные свойства — он давал всё, что пожелает его владелец.

Рог, полный плодов и ягод, являлся неизменным атрибутом бога богатства Плутоса, богини счастья Фортуны и других благодетельных божеств. Так он стал символом богатства и изобилия.

Лопнуть от злости

Бог злословия и глупости Мом, живя на Олимпе, постоянно ругал Зевса, Афину, насмеялся над всеми богами. За это он был изгнан с Олимпа. Именно Мом, не сумев найти в одной из богинь ни одного недостатка, лопнул от злости.

Пальма первенства

Пальмовая ветвь — атрибут богини победы Ники. В Древней Греции существовал обычай награждать победителя в состязаниях пальмовыми листьями.

1. Приведите примеры жизненных ситуаций, когда эти фразеологизмы уместно использовать.
2. Соотнесите олимпийских богов с их атрибутами: молния, диадема, Солнце и лира, охотничье снаряжение, змея или сова, трезубец, копьё и щит, роза или голуби, наковальня, крылатые сандалии, страшный трёхглавый пёс Цербер, факел и зерно. Как вы думаете, подходят богам их атрибуты? Придумайте свои символы и атрибуты для античных богов, нарисуйте их и объясните их значение.
3. Спросите у родных, какие фразеологизмы из древнегреческих мифов они знают и используют, запишите в тетрадь те, о которых не знаете, и постарайтесь найти историю их происхождения.

Подвиги Геракла

Геракл, или Геркулес, как его называли римляне, — легендарный герой, один из самых любимых в Древней Греции и Древнем Риме. Геракл совершил множество подвигов, и боги даровали ему бессмертие на Олимпе. Обрёл Геракл бессмертие и в искусстве. Он стал героем множества поэм, драматических произведений, живописных и скульптурных произведений, романов и кинофильмов — от Гомера до Диснея.

Геракл был сыном Зевса и смертной женщины Алкмены, дочери царя Микен. Геракл с раннего детства отличался огромной силой. Ещё находясь в колыбели, он задушил двух огромных змей, которые должны были погубить младенца.

Он должен был стать царём Микен, но по воле рока царём стал Эврисфей, а Геракл попал к нему в рабство. Герой должен был подчиняться этому слабому и трусливому царю, пока двенадцать раз не выполнит его приказы.

Совершая свои двенадцать подвигов, Геракл проявлял не только могучую силу, но и ум, находчивость, упорство. Он избавлял обжитые греками страны от страшных чудовищ, очищал и благоустраивал Землю, наводил порядок, столь необходимый людям для спокойной жизни.

Стимфалийские птицы

После победы Геракла над немейским львом, шкуру которого не могло пронзить ни одно оружие, после других подвигов Геракл отдыхал со своим спутником Иолаем. Но тут явился посланник от царя Эврисфея и сказал:

— Царь вместо очередного подвига предлагает тебе, Геракл, поохотиться на диких уток или что-то в этом роде. Прошёл слух, что на Стимфалийском озере завелись птицы. Их ты должен перестрелять — вот и всё.

Когда глашатай Эврисфея ушёл, Геракл сказал Иолаю:

— Слышал и я про этих птичек. Это птицы Ареса, бога войны. У них медные клювы и когти. Но не в клювах и когтях их главная сила, а в медных перьях, которые они мечут, словно стрелы, и, убивая ими людей, питаются человеческим мясом. И всё-таки я думаю, что настоящая опасность для нас не в меднопёрых стимфалидах, а в чём — увидим.

— Это ты хорошо сказал, — ответил Иолай, — вижу, что ты хочешь взять меня с собой!

Стимфалийское озеро лежало недалеко от владений Эврисфея. После двух дней странствий по горным тропинкам Геракл и Иолай были уже там. Озеро блестело на дне мрачной котловины. Его питали ручьи, стекавшие с окружающих гор, а оно само посылало воды через тайную пещеру под землёю, в царство теней Аида. Рядом с этой пещерой находилась роща чёрных тополей. Здесь и обитали чудовищные стимфалийские птицы.

Геракл и его друг Иолай с утра засели на противоположном берегу, держа свои луки наготове. Но птицы не показывались. Пустынно и дико было всё вокруг, голые камни: ни травы, ни цветка, ни дерева. Ветер не шевелил рябью гладкую поверхность озера, ни одна ящерица не грелась на солнце. Стояла мёртвая тишина.

— Со мной творится что-то неладное, — сказал Геракл. — Мне трудно дышать, и лук выпадает из моих рук... Это озеро дышит отравленной мглой преисподней... О, Зевс! Дай умереть мне не здесь, а на какой-нибудь горной вершине!

— Сон смерти овладевает и мной, — еле слышно прошептал Иолай.

Герои сидели на камнях у самой воды и молча смотрели на неподвижное озеро. Мгла преисподней всё гуще и гуще окутывала Геракла. Его щёки горели, его жилы дрожали, его голос прерывался. Ноги и руки у него совсем отнялись, и он уже был не в состоянии ни встать с места, ни схватить лук.

Вдруг что-то звякнуло. Рядом с Иолаем упал какой-то предмет. Точно проснувшись от этого звука, он поднял его.

Это была простая трещотка, какой крестьяне прогоняют птиц из садов и огородов. Её послала Афина, мудрая наставница и помощница людей. Иолай схватил трещотку и начал трясти. Громко затрещала она над спящим озером, а эхо стократ умножило производимый ею шум. И тогда с тополёвой рощи поднялась огромная птица, за ней другая, третья, много... Длинной вереницей, заслоняя солнце, скользнули они над гладью озера. Мгновение — и град острых медных перьев обрушился на берег, где сидел Геракл со своим другом.

Хорошо, что Геракл не расставался со своим плащом из шкуры Немейского льва, — он успел и сам им накрыться, и прикрыть Иолая. Смертоносные перья птиц теперь были им не страшны. Схватил Геракл свой лук и из-под плаща стал поражать чудовищных птиц одну за другой. Сражённые стрелами Геракла, они падали в чёрные воды озера. Теперь оно уже не было спокойным, вода в нём клочкотала, белый пар поднимался к небу.

Птицы, оставшиеся в живых, взвились под облака и скрылись за горизонтом. В страхе они улетели далеко за пределы Эллады¹ — на берега Чёрного моря — и никогда больше не возвращались.

— Уйдём скорее отсюда, пока нас снова не заволокло ядовитой мглой, — сказал Геракл и, бросив в кипящую воду трещотку Афины, зашагал прочь.

Чем дальше уходили друзья от заклётого места, тем бодрее они себя чувствовали. Но ещё долго странная истома в их мышцах и костях напоминала им об опасных чарах Стимфалийского озера.

Стимфалийские птицы были последними чудовищами в Пелопоннесе². Теперь эта земля была свободна от древних ужасных созданий, враждебных людям.

1. В чём заключалась настоящая опасность для Геракла и Иолая на Стимфалийском озере?
2. Перескажите текст о подвиге Геракла, добавляя положительные эмоциональные выражения, к примеру: удивительно, представьте себе, поразительно, как...
3. Докажите, что Геракл, птицы и Стимфалийское озеро — это мифологические образы.
4. В современной культуре многое связано с именем Геракла (Геркулеса), к примеру, геркулесовая каша, геркулесовы столбы, астрономические объекты, фильмы, названные в честь Геракла, и т. п. Почему этот древний герой так популярен в нашем мире?

¹ Эллада — Греция.

² Пелопоннес — область в Греции, южная часть Балканского полуострова.

- ★ 5. Найдите в домашней или школьной библиотеке книгу Н. А. Куна «Легенды и мифы Древней Греции» и прочитайте самостоятельно об остальных подвигах Геракла. Узнайте, как появилась у Геракла шкура Немейского льва, как герой укротил Критского быка и страшного пса Цербера, почему был не засчитан его второй подвиг — уничтожение Лернейской гидры — и многое-многое другое.

Нидерландский живописец Питер Пауль Рубенс, интересуясь сюжетами древнегреческой мифологии, написал картину «Геракл убивает дракона из сада Гесперид». Узнайте, почему двенадцатый подвиг был для Геракла самым трудным и так ли на самом деле закончилась эта история, как изобразил её на своём полотне художник?

Питер Пауль Рубенс. Геракл убивает дракона из сада Гесперид. 1635–1640 гг.

Из славянской мифологии

Мифология древних славян отличается от мифологии других народов. Она возникла позднее, чем, например, древнегреческая. Славянские мифы были тесно связаны со стихиями природы, хлеборобским или пастушьим бытом. У славян мифологическая символика соседствовала с атрибутами семейного быта, поэтому очень часто в мифах употреблялись слова *мать*, *отец*. Например, в мифе о Солнце главный персонаж носит имя *Мать-Сыра Земля*. Славяне считали Землю прародительницей всего сущего. В мифе также дано объяснение появлению растительности и животного мира, происхождению человека, смене времён года, возникновению огня, обряду погребения.

Миф о Солнце

Лежала Мать-Сыра Земля во мраке и стуже. Мертва была — ни света, ни тепла, ни звуков, никакого движения. И сказал вечно юный, вечно радостный светлый Ярило¹: «Взглянем сквозь тьму кромешную на Мать-Сыру Землю, хороша ль, пригожа ль она?» И пламень взора светлого Ярилы в одно мгновение пронизал неизмеримые слои мрака, что лежали над спавшею Землёю, и где Ярилин взор прорезал тьму, там воссияло солнце красное. И полились через солнце жаркие волны лучезарного Ярилиного света.

Мать-Сыра Земля от сна проснулась и в юной красе раскинулась. Жадно пила она золотые лучи живоносного светила, и от того света палящая жизнь и томящая нега разлилась по недрам её... Любы Земле Ярилины речи, возлюбила она бога светлого и разукрасилась злаками, цветами, тёмными лесами, синими морями, голубыми реками, серебристыми озёрами...

Пила она золотые лучи живоносного светила Ярилы, и из её недр вылетали поднебесные птицы, из вертепов выбегали лесные и полевые звери, в реках и морях заплывала рыба, в воздухе затолкались мелкие насекомые, мушки да мошки.

И всё жило, и всё любило, и всё пело хвалебные песни Отцу-Яриле, Матери-Сырой Земле. Потом Земля породила человека. И когда он вышел из недр земных, ударил его Ярило по голове золотой вожжой — яркой молнией, и от той молнии ум в человеке зародился. Здравствовал Ярило любимого земнородного сына небесными громами, потоками молний, и от тех громов, от той молнии вся живая тварь в ужасе встрепенулась: разлетелись поднебесные птицы, попрятались в пещеры дубравные звери, один человек поднял к небу разумную голову и на громовую речь отца отвечал словами вещими, речью крылатою... И услышав то слово и узрев царя своего и владыку, все древа, все цветы и злаки пред ним преклонились.

Потом стала слабеть сила Ярилы, Мать-Сыра Земля стала тосковать, боясь, что всё замёрзнет. Ярило утешил её, сказав, что опять вернётся, а пока для поддержания тепла на земле послал Огонь.

Так мыслили люди о смене лета зимою и о начале Огня. Оттого наши праотцы сжигали умерших. Заснувшего смертным сном Ярилина сына отдавали живущему в огне отцу. А потом стали отдавать мертвецов матери, опуская их в ложе её, зарывая в землю. Оттого наши предки и чествовали великими праздниками дарование огня человеку.

По пересказу П. Мельникова-Печерского

1. В чём, по вашему мнению, отличие древнеславянских мифов от древнегреческих?
2. Какой была Земля до зарождения на ней жизни?
3. Расскажите, как возникла жизнь на Земле, если придерживаться версии древнеславянского мифа?
4. Какие силы природы олицетворялись в мифах?

---

¹ Ярило (Ярила) — древнеславянский бог солнечного света, весны и расцвета всех жизненных сил человека.

Борис Кустодиев. Эскиз декорации к опере «Снегурочка»
Н. А. Римского-Корсакова по сказке А. Н. Островского. 1918 г.

5. В 1873 году драматург Александр Николаевич Островский написал весеннюю сказку «Снегурочка». В финале перед жителями сказочной страны — берендеями — появляется бог Ярило, которого они восхваляют следующим гимном:

Свет и сила,	Красное Солнце наше!
Бог Ярило.	Нет тебя в мире краше.
Красное Солнце наше!	Краснопогодное,
Нет тебя в мире краше.	Лето хлебородное.
Даруй, бог света,	Красное Солнце наше!
Тёплое лето.	Нет тебя в мире краше.

Через несколько лет композитор Николай Андреевич Римский-Корсаков напишет музыку к опере «Снегурочка», а художник Борис Кустодиев нарисует декорации для сцены. Подготовьте сообщение, каким образом создаётся образ Ярилы писателем А. Островским, композитором Н. А. Римским-Корсаковым и художником Б. Кустодиевым? Что общего и различного у них с главным персонажем мифа о Солнце, какое настроение хотят передать мастера слова, звука и кисти в своих творениях? (Финальный хор «Свет и сила, Бог Ярило!» из оперы «Снегурочка» — 4 действие можно прослушать по ссылке: <http://poiskm.co/show/опера-снегурочка>.)

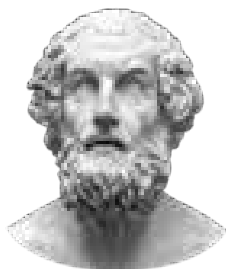
Эпос, эпические жанры

Самый ранний род литературы — эпос. Слово это произошло от греческого слова «эпос», что означало *слово, речь, рассказ*.

Эпические произведения — это народные сказания, былины, героические эпические поэмы, романы, повести, рассказы. В них подробно рассказывается о людях, о событиях, с ними связанных, об обстоятельствах жизни героев. Авторы (это может быть и народ, и писатель) не высказывают прямо своего отношения к происходящему, не показывают своих чувств. Основная форма словесного выражения в эпосе — повествование.

Гомер

Гомер. VIII век до нашей эры

Гомер — легендарный древнегреческий поэт-сказитель, создатель эпических поэм «Илиада» и «Одиссея». Эти поэмы в Древней Греции считались самыми увлекательными произведениями, образцом художественной речи и мудрости. Их чаще всего читали, переписывали и цитировали. В поэмах Гомера речь идёт о мифических временах, когда встречались друг с другом боги, герои-полубоги, люди и чудовища.

Поэмы Гомера, сочинённые три тысячи лет назад, не устарели. В творчестве многих писателей, художников, композиторов и режиссёров можно встретить образы героев из поэм Гомера.

Одиссей на острове циклопов

(Отрывок из поэмы «Одиссея»)

«Одиссея» — большая эпическая поэма Гомера, созданная в VIII веке до нашей эры. В ней рассказывается о приключениях мифического героя по имени Одиссей. После окончания Троянской войны царь острова Итака, Одиссей, в течение долгих десяти лет странствует по морям. Однажды Одиссей со своими спутниками попадает на остров одноглазых великанов — циклопов и оказывается в пещере самого свирепого из них — Полифема (сына бога морей Посейдона), у которого было большое стадо овец. Оказавшись в плену у циклопа, Одиссей увидел, как великан убивал его спутников. Одиссей тоже мог убить циклопа, но тогда бы он с товарищами навсегда остался в пещере, которую запирали огромный камень. Одиссей придумал хитрость: он ослепляет циклопа (при этом Одиссей называет своё вымышленное имя — «Никто»). Во время схватки из пещеры раздавался такой шум, что он был слышен на всём острове. Сбежались великаны.

Громкие вопли услышав, сбежались они отовсюду,
Вход обступили в пещеру и спрашивать начали, что с ним:
— Что за беда приключилась с тобой, Полифем, что кричишь ты
Через амбросийную¹ ночь и сладкого сна нас лишаешь?
Иль кто из смертных людей насильно угнал твоё стадо?
Иль самого тебя кто-нибудь губит обманом иль силой? —

Им из пещеры в ответ закричал Полифем многомогущий:
— Други, Никто! Не насилье меня убивает, а хитрость!
Те, отвечая, к нему обратились со словом крылатым:
— Раз ты один и насилья никто над тобой не свершает,

¹ Амбросийный — ароматный или божественный (от греч. амброзия — пища богов).

Кто тебя может спасти от болезни великого Зевса?
Тут уж родителю только молись, Посейдону-владыке! —
Так сказавши, ушли. И моё рассмеялось сердце,
Как обманули его моё имя и тонкая хитрость.

Когда циклопы, решив, что Полифем лишился рассудка, ушли, Полифем стал обшаривать пещеру в поисках ослепивших его людей. Потом сел у входа, расставив руки. Однако Одиссей и в этом случае нашёл выход.

Было немало баранов кругом, густорунных и жирных,
Очень больших и прекрасных, с фиалково-тёмною шерстью.
Их потихоньку связал я искусно сплетённой лозою,
Взяв из охапки её, где спал великан нечестивый.
По три барана связал я; товарища нёс под собою
Средний; другие же оба его со сторон прикрывали.
Трое баранов несли товарища каждого. Я же...
Был в этом стаде баран, меж всех остальных наилучший.
За спину взявшись его, соскользнул я барану под брюхо
И на руках там повис и, в чудесную шерсть его крепко
Пальцами впившись, висел, отважным исполненный духом.

Тяжко вздыхая, прихода божественной Эос¹ мы ждали.
Рано рождённая вышла из тьмы розоперстая Эос.
Стал на пастбище он козлов выгонять и баранов.
...Хозяин, терзаемый злою
Болью, ощупывал сверху у всех пробежавших баранов
Пышноволнистые спины. Совсем он, глупец, не заметил,
Что привязано было под грудью баранов шерстистых.
Самым последним баран мой наружу пошёл, отягчённый
Шерстью густою и мною, исполнившим замысел хитрый.

Так Одиссею и его спутникам удалось выбраться из пещеры циклопа.

(Перевод с греческого Викентия Вересаева)

---

¹ Эос — в греческой мифологии — богиня зари.

1. Кто такой Одиссей? Кто такой циклоп?
2. Что придумал Одиссей, чтобы выбраться из пещеры, как он перехитрил циклопа?
3. На чьей стороне в этой ситуации вы — циклопа или Одиссея и его спутников? Объясните, почему?
4. Циклоп — мифологический персонаж. А кто такие Зевс и Посейдон? Почему Зевс здесь назван насылающим болезни, а Посейдон — отцом?
5. За то, что Одиссей ослепил Полифема, Посейдон его наказал. Из дополнительной литературы узнайте, как же был наказан Одиссей.
6. Какие эпитеты использует автор при описании Полифема и его овец?
7. Как вы понимаете словосочетание «злая боль»?

Мифологические образы кыргызского эпоса «Манас», древних тюркских легенд и сказаний

Кыргызский народ по языку и культуре относится к семье тюркских народов. Поэтому о мифологических образах древних кыргызов нам могут рассказать не только великие и малые героические эпосы «Манас», «Эр Тёштюк» и «Коджоджаш», но и другие источники. Надписи и рисунки, которые выбивали на камнях древние тюркские народы, их сказки и обрядовый фольклор — всё это дополняет наши знания о кыргызской мифологии.

**Тенгри
(Кок-Тенгаир)**

Верховное божество
неба и солнца

Джер-Суу

Божество воды и
земли, дарующее
плодородие
животным
и растениям

Кумай

Снежный грифон, у которого
голова беркута, а туловище
льва

Умай

Божество домашнего
очага, защитница матерей
и новорождённых

Эрлик-хан

Властитель подземного
мира мёртвых

Бай-Терек

Священное дерево (тополь, берёза или другое), которое являлось символом опоры, надежды, плодородия, связывало мир людей и мир духов

Эпический герой, легендарный богатырь, дух-покровитель древних кыргызских племён

Манас

Мать-олениха

Легендарная прародительница, дух-покровитель некоторых древних кыргызских родов

Джинн

Дэв (по-кыргызски – доо) – сказочное демоническое существо огромного роста и чудовищного вида. В эпосе «Манас» упоминаются нукер-доо – богатыри-великаны

Алкыракуш

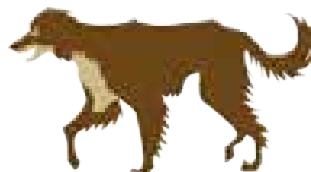
Огромная сказочная птица, которая часто приходит на помощь легендарным богатырям в трудные моменты

Тулпар Говорящий крылатый богатырский конь

Кумайык

Чудесный охотничий пёс, от которого не может укрыться ни один зверь, верный спутник Манаса и Семетея. Кумайык был рождён от мифической птицы Кумай, а выросла его Каныкей.

Макси-малгун

Одноглазый бессмертный великан, у которого было только одно уязвимое место – зрачок. Один из дружинников Манаса, великий стрелок Куттумерген, попал в единственный глаз великана и убил его.

Дракон

Священное животное, символ верховной власти и мудрости. У дракона учились соратники Манаса – богатыри Алмамбет и Аджыбай

Сказание о Манасе

Вещие сны¹

(Отрывок из эпоса «Манас»)

Эпос «Манас» начинается с рассказа о Джакыпе. Он был богатым и знатным, у него было две жены — Чыйырды и Бакдолет, но не было детей.

Отец Манаса бай Джакып.
Иллюстрация Т. Герцена

Угоревать Джакып стал вновь,
Что бог ему так и не дал
Наследника — родную кровь.
— У всех есть дочери, сыны,
А я живу один как перст,
Хотя женат уж много лет.
Мой дом напоминает склеп,
Не слышны детский шум и крик.
Кому, зачем добро копить? —
Всё больше горевал старик. —
Когда меня в последний путь
Придут родные проводить,
Никто, крича «Мой атаке!»,

В слезах за мной не победит.
Кто будет ловчих птиц моих
Кормить, поить, дрессировать,
А кто с копьём и айбалта²
Кочевья будет защищать?
Ужель, встав на ноги, наш род
По миру вновь пойдёт вразброд?!
Зачем имею две жены,
Коли бесплодные они?
Услышав горькие слова,
Расплакалась и Чыйырды...

Ну, а потом, придя в себя,
Воздела руки к небесам
И чрез тюндюк над головой
Взмолилась богу своему:
— Услышь меня, Коке-Тенгир,
И дай здоровье старику!
Верни мне молодость мою!
Я жизнь отдам, рассудок свой,
Лишь бы родился плод живой.
Пошли зачатье Бакдолет,
Красотке глупой, молодой.
Коль грешны мы перед тобой,
Прости нас всех, создатель мой!
Я в жертву всё тебе отдам,
Но только дай ребёнка нам!
В слезах заснула Чыйырды,
И видится ей вещий сон:
Седой старик явился к ней
И добрым голосом сказал:
— Тенгир всевышний повелел,
Чтоб слёз никто не проливал.

¹ Перевод с кыргызского Мара Байджиева. Название дано при публикации. Иллюстр. Теодора Герцена.

² Айбалта — секира, боевой топор с лезвием в виде полумесяца.

Потом тебе он передал
Вот это яблоко. Ты съешь! —
Сказал старик и вмиг исчез.
Едва вкусила сладкий плод,
Как вздулся у неё живот.
И под седлом её не конь,
А дышащий огнём дракон!

Проснулась в страхе байбиче¹,
Но не смогла узнать сама
Разгадку виденного сна.
Тут и Джакып проснулся вдруг
И радостно сказал жене:
— Старушка, больше не горюй!
Сам бог избавит нас от мук.
Сейчас я видел вещий сон.
Давай родных всех соберём,
Быть может, кто-нибудь из них
Найдёт разгадку снов моих.
И тут с поклоном вдруг вошла
Джакыпа младшая жена:
— Прости, старик! Прости, сестра,
Что, не дождавши свой черёд,
Я в юрту старшую вошла.
Но мне приснился чудный сон!
Ты на охоте, наш старик,
А на руке твоей сидит
Прекрасный сокол Ак-Шумкар.
Расправив мощные крыла,
В полёт он рвётся в небеса.
А рядом на земле сидят
У юрты двое соколят,
На взмахи брата своего
С ревнивой завистью глядят.

И тут сказала Чыйырды:
— Уж сколько лет в твой дом, Джакып,
Детей создатель не давал.
А может, сам Коке-Тенгир
Тебя за жадность наказал?

Сегодня в ночь мы все втроём
Увидели хороший сон.
Зови всех в гости, не скупись,
Родных, соседей и друзей,
Манжү, калмыков² не забудь,
Зарежь побольше лошадей!
Пусть все на наш тулэ³ придут
И вдоволь мяса поедят,
На счастье нас благословят.
И просим мы тебя с сестрой:
Зови скорее всех на той!
С родного края на Алтай
Пришли кыргызов сорок юрт,
Теперь их семьдесят, считай:
Переженилась молодёжь,
Успели нарожать детей.
Джакып зарезал для гостей
Отборных девять лошадей,
Баранов сотню, семь коров
И двух верблюдов в жертву дал —
Такую щедрость от него,
Видать, никто не ожидал.
(Джакып с рожденья был скупой.)
— Зарезал столько! Ой-ой-ой! —
Шептались гости меж собой.

Когда поели бешбармак
(На четверых один тавак⁴),
Хозяин всех гостей собрал
И сон подробно рассказал:
— Вдруг ястреб сел на мой тундук
И клёкот боевой издал.
Он крылья в перьях золотых
С размахом мощным расправлял.
А зоркий ястребиный глаз
Огнём пылающим сверкал.
И клюв его блестел, как сталь,
А когти остры, как кинжал.
Я пути длинные ему
Из нитей шёлковых связал.

¹ Байбиче — старшая жена.

² Манжү, калмыки — народы, кочевавшие рядом с родом Джакыпа.

³ Тулэ — той, торжественное застолье в честь важного события.

⁴ Тавак — деревянное блюдо.

И тут откуда-то с небес
К тюндюку сокол прилетел,
Сложил крыла и рядом сел.
Кто разгадает этот сон,
Тот будет щедро награждён.
А может, тут же сообщит,
Когда мой ястреб прилетит.
Да и бедняге байбиче
Загадочный приснился сон:
Она вкусила сладкий плод,
Как тут же затрещал живот.
Потом, дракона оседлав,
Помчалась в край родной стремглав.
Что это может означать?
Второй жене моей — токол¹
Приснился той же ночью сон:
Как будто прямо в юрту к ней
Влетели двое соколят.
И Бакдолет к своей груди
Прижала тёпленьких цыплят.
Что это может означать?
Никто не мог все эти сны
Понять и толком разгадать.

И, наконец, как и всегда,
Поднялся мудрый Акбалта:
— Джакып, ты видел вещий сон,
Видать, свершится в жизни он.
И если ястреба ты взял,

То сына бог тебе послал —
О нём ты столько лет мечтал.
Родится воин, славный сын,
Могучий будет властелин.
И если к юрте привязал
Его ты крепкой бечевою,
То значит, знай, потомок твой
Опорой будет родовой.
А коли байбиче твоя
Дракона оседлала вдруг,
То значит, сын могучий твой
Кыргызов всех с земли чужой
Сведёт в единый дружный круг,
И вместе будут с братом брат.
И будет сын твой от врагов
Народ и землю защищать.
Узнав о смысле вещих снов,
Джакып заплакал, как дитя.
Тут вспомнил мудрый Акбалта
Про двух похожих соколят,
Которых видела токол:
— То значит, что создатель ей
Пошлёт двух крепких сыновей!
И все, кого позвал Джакып,
Подняли руки к небесам,
Молили, чтоб создатель сам
Джакыпа жён благословил
И всё, что видели во сне,
Он наяву осуществил.

1. Сон какого героя произвёл на вас большее впечатление? Почему?
2. Верите ли вы снам? А какие сны называются вещими?
3. Встречали ли вы ранее в мировой литературе произведения, в которых говорилось о вещих снах?
4. Найдите в тексте, как объясняется истинная причина, по которой у Джакыпа и его жён долго не было детей?
5. Какие мифологические образы вы заметили в этом отрывке? Расскажите о них.
6. Прочитайте выразительно этот отрывок (можно по ролям). Во время чтения постарайтесь передать чувства героев: Джакып сначала чувствует отчаяние и скорбь, а потом — душевный подъём; Чыйырды испытывает боль и печаль, а затем — воодушевление; Бакдолет чувствует волнение и радость, Акбалта — воплощение спокойствия и сочувствия.

¹ Токóл — младшая жена.

Чингиз Торекулович Айтматов (1928–2008)

Ч. Айтматов — один из самых выдающихся кыргызских писателей. Он внёс огромный вклад в мировую литературу. Писал на кыргызском и русском языках. Лауреат многочисленных наград и премий. Его произведения издавались в мире более 650 раз на 150 разных языках. Легенды, мифы и предания были неисчерпаемым источником творчества писателя. Он писал о человеческих пороках, предупреждал читателей о них и восхвалял в своих произведениях лучшие качества человека — искренность, доброту, верность и жертвенность.

Акбара

(Легенда)

На необъятных просторах вокруг озера Балхаш раскинулись пустынные степи. Рассказывают, что некогда здесь была богатая земля, шли обильные дожди, росли высокие кустарники, тёмно-зелёным ковром стелилась густая сочная трава. Повсюду били родники, струились ручьи и разливались реки, люди жили счастливо, кочуя от пастбища к пастбищу.

В те давние времена был в этих краях каганат Торо Байтал. Никто не знает, было ли это большое ханство или крошечное. Но до сих пор в степи встречаются развалины захоронений, где некогда стояли роскошные мавзолеи. Но теперь вокруг ни одной живой души. Всё вымерло, солнце беспощадно жжёт мёртвую землю. И только в разгар лета, когда зной становится нестерпимым, на далёком горизонте поднимаются столбы песка. Песчаные смерчи кружат по пустыне, словно гоняясь друг за другом. Они прилетают издалека, проносятся над широкими степями и, достигнув своей цели — озера Балхаш, пропадают в воде. Тогда пастухи на берегу говорят: «Это Акбара, прекрасная Акбара убегает от своих врагов». И умолкают. Место, где исчезают смерчи, находится вблизи одной из красивейших бухт Балхаша, что протянулась длинной узкой полосой. Залив называют Торо Байтал (Гнедая Кобылица).

В незапамятные времена, когда земля ещё была благословенной и обжитой, везде росла трава, на лугах пасся скот, правил здесь прославленный хан. Была у него дочь — красавица Акбара.

Хан был умён, богат, и народ почитал его. Но этого ему было мало. Правитель хотел, чтобы его единственная дочь изучила все известные миру науки и воспитывалась без малейшего принуждения. Отец мечтал вырастить её совершенством. Лучшие учителя обучали девочку. Акбара оказалась очень одарённой.

Но этот хан был вассалом¹ ещё более могущественного хана, который стремился к безграничной власти над всеми родами, населявшими бескрайние степи Прибалхашья. Он постоянно враждовал с соседями, а при его дворе плелись бесконечные интриги. Могущественный хан и его приближённые никому не доверяли, лгали, обманывали и строили друг другу козни.

Все знали, что могущественный хан ненавидит отца прекрасной Акбары, но до открытой вражды не доходило. Злобный хан искал предлог поссориться с добрым ханом, и неприязнь между ними всё росла. Однако наша сказка о другом.

В тех же краях жил юноша из бедного рода. Звали его Мухтар. Он отличался стремлением к знаниям и жаждой деятельности. Местные муллы, видя пытливого уму и способности юноши, поделились с ним своими познаниями, и вскоре он взял всё, что они могли ему дать. Тогда его отправили учиться далеко от дома, в Хиву — город, куда стекались все, кто тянулся к наукам. Именно там находилось лучшее медресе во всей Средней Азии. В то время слава Хивинского ханства гремела далеко за его пределами. Хотя Хива за свою историю не раз переживала взлёты и падения, но и ныне по сохранившимся великолепным зданиям видно, каким дивным был средневековый город.

Так Мухтар попал в Хиву. Но он не забывал своего аула, и время от времени навещался в родные края.

Особенно отличал Мухтара поэтический дар — он слагал удивительные стихи. Акбара тоже увлекалась стихосложением. Именно страсть к поэзии и сблизила прекрасную дочь богатого хана и незаурядного юношу из бедной семьи.

Как и в наши дни, молодые люди того времени собирались, устраивали игры, пели и танцевали. И в один из таких вечеров Акбара и поэт из Хивы влюбились друг в друга. Семнадцатилетняя ханская дочь и хивинец, как его прозвали, читали свои стихи. Юноша заглянул в глаза Акбаре и уже не мог забыть их — лучистых, синих-пресиних, и её чарующего голоса. Хотя среди азиатов и встречаются изредка голубоглазые, но очи Акбары отличались необычайной синевой.

Когда молодые люди состязались в искусстве стихосложения, хивинец тут же понял, что Акбаре нет равных. Он был пленён не только её красотой, но и искренностью, непосредственностью, словно и не была она ханской дочерью. Мухтар сразу почувствовал, что её песни и стихи посвящены ему. Отвечая ей, он проявил всё своё поэтическое искусство. А чтобы никто не догадался о его чувствах, юноша сначала декламировал творения прославленных поэтов и лишь потом собственные стихи. Эти строки таили нечто сокровенное, обращённое к одной Акбаре: в них он изливал всю свою душу, находил для прекрасной ханской дочери такие слова, смысл которых был понятен только ей.

Так началась история большой любви Акбары и Мухтара.

Конечно, очаровательная дочь богатого хана была недостижима для бедняка. Что у него за душой? Никто из родичей не мог его поддержать, как этого требовали обычаи. Даже отправить сватами к отцу Акбары ему было некого. Ведь чтобы осмелиться просить руки ханской дочери, Мухтар должен был послать к её отцу караван с подарками и уважаемых людей, которых тот принял бы и выслушал...

---

¹ Вассал — здесь: правитель, который служит другому правителю.

Долго жили в разлуке Акбара и Мухтар, он учился в Хиве, а она проводила дни у озера.

Со временем их чувства перестали быть тайной. Их письма и песни так полюбились людям, что их пели на праздниках и свадьбах. Любовь Акбары и хивинца была у всех на устах. И именно ей суждено было стать причиной их гибели.

Между тем отец Акбары впал в немилость к грозному хану. Тот догадывался, что его вассал отнюдь не слаб. За отцом Акбары стояло много родов, прославившихся умением воевать. Хан-деспот сомневался, победит ли в войне. Но он не хотел бездействовать, чтобы не стать посмешищем. Мужчина должен быть мужчиной, а тем более грозный хан...

Грозный хан подумал: «Если я женюсь, прекрасная Акбара станет моей, мы породнимся, и распри стихнут». И появился у него коварный замысел.

В тот же день грозный хан послал своих людей в Хиву и велел передать юноше:

— Народ прославляет тебя, поэт из Хивы. Ты молод, умён и образован. Ты можешь сам вершить свою судьбу. Приезжай, стань моим акыном и летописцем, а я буду щедро платить тебе. Не мешкай, отправляйся в путь!

Для Мухтара это было как гром среди ясного неба. Могущественный хан пригласил его, человека из бедного рода, служить при дворе! Поэт и не догадывался, что замышляет грозный хан, суля ему почёт и благополучие. И не долго думая согласился.

Отныне он входил в свиту, близкое окружение грозного хана.

Однажды хан позвал юношу к себе. Мухтар, конечно, знал: «Хан — властелин, ему подчиняются все и вся. Я же молод и беден, и у меня ничего нет, кроме умения слагать стихи».

И тут хан заговорил не таясь:

— Хивинец, ты станешь первым человеком при моём дворе, обретёшь влияние. Твой род прославится. Вы всегда были неимущими, безвестными и слабыми, а теперь можете считать себя сильными.

Не сразу поэт понял, к чему тот клонит. Хан, не спускавший с него глаз, сказал:

— Это случится, если ты возглавишь мой караван и от моего имени попросишь у хана Торо Байтала руки его дочери. Передай ему, что я, владыка Балхаша, желаю взять в жёны Акбару. Тогда мы объединимся в один род, и между нами не будет вражды.

Так грозный властитель уговорил хивинца, ведь ему для сватовства нужен был акын, который в стихах выразил бы намерение хана. Акынов издревле почитали, народ любил их слушать. Но редкому акыну было под силу воспеть мудрость и прозорливость хана.

Но этого грозному хану было мало. Зная о большой любви Акбары и Мухтара, он решил положить ей конец. Вот в какие сети завлёк он бедного хивинца.

Долго терзался поэт из Хивы. Он не мог никому высказать свою боль. «У меня просто нет выбора. Против власти я бессилён», — думал несчастный юноша.

Знал и грозный правитель: «У хивинца нет выбора. Моё желание — для всех закон».

Акбара уже прослышала, что её возлюбленный вернулся из Хивы, и томилась ожиданием встречи. Однако, чтобы им увидеться, нужен был предлог.

Девушку по-прежнему любили и почитали. Все восхищались её красотой и свободомыслием. Отец ни в чём не стеснял её воли, и другой жизни Акбара себе не представляла.

Была у неё замечательная гнедая кобылица. Ханская дочь всегда выезжала на прогулки верхом в сопровождении свиты девушек. Лошадей для Акбары и её подружек украшали по-особому. Весело и беспечно неслись они галопом по зелёной цветущей земле. И каждый, кто видел Акбару среди подруг, любовался стройной синеглазой красавицей. Казалось, нет на свете человека счастливее. Ведь люди знали, как Акбара любит хивинца и как сохнет юноша по ханской дочери. Немало было и тех, кто считал, что он недостойн её, ведь он был низкого происхождения.

Всё случившееся позже поразило Акбару, словно удар молнии.

Её судьба вершилась втайне от неё. Грозный хан через посредников сообщил отцу Акбары, что знает, как покончить с распрями и враждой между ними. Хотя отец Акбары и догадывался, что дочь любит только хивинца, но для него было куда важнее выдать её за могущественного хана. Этот союз укрепит оба ханства, тогда им будет легче завоевать соседние.

Отец Акбары рассуждал: «Придётся смириться, иначе предстоит готовиться к войне. Пусть я и не слаб, но мне не одолеть грозного хана». В глубине души он знал, что его дочь достойна быть женой любого властелина.

Отец растил и обучал Акбару не так, как принято воспитывать девочек. У оседлых народов женщины носили чадру, жили замкнуто и были бесправны. Но здесь, в степях, простиравшихся вокруг озера Балхаш, женщины отличались свободным духом, тем более черноволосая и синеглазая ханская дочь. Поэтому у неё и в мыслях не было, что за её спиной зреет тайныйговор.

Однажды вдали показалась длинная вереница верблюдов. Её сопровождали всадники в роскошных одеяниях. Люди сразу поняли, что это караван грозного хана, и поспешили навстречу, чтобы торжественно принять гостей.

Все вокруг уже догадались, что коварный хан намерен просить руки Акбары. Ханской дочери велели приготовиться к встрече. Но она не знала, что возлюбленный приехал сватать её за своего повелителя как придворный акын. Караван встретили с почестями, и тут Акбара увидела любимого верхом на великолепном скакуне. Мухтар был в дорогой одежде, на голове роскошная шапка, а в руках домбра.

Хивинец принялся превозносить своего господина, его власть и богатство, славить его как могущественного и милостивого хана.

Он пел:

— Великий хан решил облагодетельствовать дочь хана Акбару и жениться на ней. Поэтому мы и прибыли к отцу и матери Акбары. Я, акын великого хана, клянусь, что он достоин вашей дочери. С ним она обретёт счастье. Такой союз — честь для вас.

Так поэт из Хивы восхвалял в песнях грозного хана.

На самом деле он вкладывал в свои слова другой смысл: «Мы должны повиноваться власти имущим, никто не в силах противостоять им».

Хивинец хотел объяснить Акбаре, что произошло. Нет, он не забыл их любви и тех посланий, которыми они обменивались, но, видно, не судьба им быть вместе. И умная Акбара сразу же всё поняла.

Между тем начали подавать угощения, устроили игры. Все уселись в круг. Акбара взглянула на хивинца.

Девушка могла бы воскликнуть: «Лучше бы тебе сгинуть, а мне умереть, чем терпеть такой позор!» Но она молча смотрела на того, кто предал их любовь.

А хивинец пел не смолкая. Это было мучительно. Желая оправдаться, он находил всё новые и новые слова, чтобы объяснить свой поступок и облегчить совесть. Ведь стоит однажды предать — и жизнь станет невыносимой.

Все ждали, что ответит Акбара.

Отец и мать хранили молчание, как требовал обычай. Этим они выражали своё согласие...

А хивинец-акын пел о том, что ожидает девушку, если она согласится стать молодой женой владыки: «Вы будете красивейшей из его жён и хозяйкой ханского двора, станете главнейшей не только для своей семьи, но и для целого рода». Такими сладкими речами убеждал хивинец прекрасную Акбару не отвергать предложение.

Выслушав его, Акбара сказала:

— Хорошо, скоро я дам ответ. А теперь мне надо уйти. В это время я всегда выезжаю на прогулку с подружками. Продолжайте пировать и веселиться. Поговорите, вам есть что обсудить и без меня. Я скоро вернусь.

Для неё оседлали кобылицу, и Акбара ускакала с подружками. Все были очень раздосадованы. Когда девушки выехали в степь, Акбара обернулась со словами:

— Прощайте, милые подруженьки! Больше вы меня не увидите. На такой бесстыдный сговор я никогда не пойду. Возвращайтесь и скажите, что я покинула вас.

Она круто повернула лошадь и умчалась. Подружки галопом понеслись обратно к месту, где потчевали гостей. Поднялся переполох. Все: могущественный хан, отец Акбары, свита и хивинец — бросились в погоню.

И с тех самых пор по степям Балхаша кружатся песчаные смерчи. Это за прекрасной синеглазой Акбарой бешено скачут предавший её возлюбленный, отец и грозный хан, одержимые одной лишь целью — вернуть девушку.

Вскоре они настигли беглянку и окружили на берегу озера, у залива Торо Байтал. В отчаянье они зывали к ней. Громче всех звучал голос отца:

— Акбара, остановись! Мы передумали.

Они кричали что было сил, до неё доносились их мольбы, но она уже ничего не слышала. Когда Акбара оказалась в кольце, ей оставалось только одно — прыгнуть в волны.

И девушка решилась. Она устремила кобылицу к озеру, в его глубокие, бескрайние воды. Лошадь плыла и плыла. Достигнув берега, она в изнеможении рухнула замертво.

У преследователей не хватило духа ринуться в воду, и они топтались на берегу. Лишь хивинец осмелился прыгнуть. Ему удалось переплыть озеро, и его конь тоже упал замертво.

Хивинец бросился на колени перед Акбарой, заклиная её:

— Убей меня, иначе мне придётся смириться с неизбежным. У нас нет выхода. Не покоримся — нас не оставят в живых. Всё это дело рук грозного хана.

Акбара заглянула ему в глаза. В это время мимо пробежал волк.

— Лучше мне стать волчицей и уйти с этим волком, чем оставаться с тобой, — сказала хивинцу ханская дочь и обернулась волчицей.

Хивинец от ужаса зажмурился. Открыв глаза, он увидел, что рядом с волком бежит волчица. Юноша лишился рассудка и одиноко побрёл по степи. Он так и не пришёл в себя и вскоре нашёл свою смерть.

Грозный хан так ничего и не добился. Между ним и отцом Акбары разразилась война. Все аулы были сожжены и разграблены. И было сказано: в этом краю люди уже никогда не будут счастливы.

Вскоре перестали идти дожди. Травы и кустарники высохли. Всё покрылось пылью и пеплом. Никто больше не мог здесь жить. С тех пор эти места обратились в безлюдную пустыню.

Только песчаные смерчи время от времени проносятся по степи. Столбы пыли, гонимые ветром, мчатся друг за другом до самого залива Торо Байтал, чтобы скрыться в воде.

Сегодня, как и в былые времена, говорят: «Это Акбара, прекрасная Акбара убегает от своих преследователей».

1. Что вам особенно запомнилось в образе Акбара? Какое решение приняла Акбара?
2. Составьте план к легенде, перескажите её.
3. Охарактеризуйте героев: обратите внимание на их портреты, отношение друг к другу. Как вы оцениваете их поступки?
4. Что заставило юношу отказаться от любви к девушке и принять предложение хана?
5. Опишите, какой момент из легенды «Акбара» изображён на иллюстрации. Так ли вы представляли себе главную героиню? Если бы вы были художником, то какой момент изобразили бы вы? Нарисуйте будущую картину словами.

Проект «Герои мифов и легенд в произведениях искусства»

Задание	Результат
Пользуясь ресурсами интернета, найдите несколько произведений искусства (скульптура, архитектура, вазовая живопись, картины художников, киноискусство) разных периодов истории человечества, в которых нашли воплощение герои мифов и легенд. Оформите электронную презентацию.	Демонстрация презентации, её защита.

Задания для повторения и обобщения изученного в разделе «Герои мифов и легенд в прошлом и настоящем»

1. На примере известных вам произведений проведите собственное исследование и объясните, чем миф отличается от сказки.
2. В этом разделе вы узнали о мифологических персонажах разных народов. Начертите в тетради и заполните таблицу, вспомнив имена героев.

Мифы	Мифологические персонажи
Древнегреческие	
Древнеславянские	
Кыргызские	

3. Кто из героев вам особенно запомнился? Почему? Напишите небольшое эссе о герое или создайте творческую работу (рисунок, лепка, аппликация).
4. Самостоятельно прочитайте о других подвигах Геракла. Запишите в тетрадь, какие качества, поразившие вас, вы бы хотели перенять у этого героя?

- ★ 5. Во время многолетних путешествий Одиссей не забывал свой остров Итаку. Он стремился туда, преодолевал все препятствия, отказывался остаться пусть в чудесных, но чужих местах. Герой Гомера не только вернулся домой. Благодаря своей мудрости и выдержке он вернул себе свою жену, царский титул, свои владения и наказал бывших «друзей», которые предали его и пытались всё это у него отнять. Узнайте о других событиях из жизни Одиссея и ответьте на вопрос: какой народный идеал воплотился в его образе?
6. Какие традиции кыргызского и других тюркских народов описаны в отрывке из эпоса «Манас» «Вещие сны» и в легенде «Акбара»?
7. Запишите:
- Что вы знали о Чингизе Айтматове до знакомства с этой книгой?
  - Что вы узнали о Чингизе Айтматове после чтения этого раздела?
  - Что вы ещё хотите узнать о великом кыргызском писателе? (Запишите вопросы и постарайтесь самостоятельно найти на них ответы.)

Мои достижения

Изучив материал раздела «Герои мифов и легенд в прошлом и настоящем», вы можете узнать о своих достижениях. Перечертите таблицу в тетрадь, оцените по одному баллу ваши знания и умения. Впишите в последний столбик то, что надо ещё подучить. Сколько баллов вы получили? Поставьте себе отметку.

Знаю		Оценка	Надо повторить
1	что такое миф		
2	что такое легенда		
3	древнегреческих героев и фразеологизмы, отсылающие к древнегреческим мифам		
4	мифологические образы в кыргызском фольклоре и литературе		
5	русских и зарубежных художников, изобразивших на своих картинах мифологических персонажей		
Умею			
1	отличать мифологических персонажей от сказочных		
2	пересказывать и составлять план прочитанного текста		
3	самостоятельно искать нужную книгу, информацию		
4	при чтении стихотворений передавать эмоции и чувства героев		
5	делать сообщение о проделанной работе		

Моя оценка

РАЗДЕЛ III. ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Письменность и просвещение

Святые Кирилл (827–869) и Мефодий (815–885) — создатели славянской азбуки. Икона XVIII—XIX веков

ощаются со своими священными книгами. Они считают священным даже алфавит, на котором они написаны. А знание, которое несут эти книги, называют просвещением.

Алфавит, которым мы с вами пользуемся, называется *кириллица*. Он появился в IX веке благодаря деятельности братьев Кирилла и Мефодия, которые придумали

Группа участников общегородского собрания интеллигенции города Фрунзе, посвящённого переводу кыргызской письменности на русский алфавит. 1939 г.

Письменность изобрели в далёком прошлом, примерно 10 тысяч лет назад. В Китае, Вавилоне, Египте, Индии и других странах люди придумывали самые разные способы для записи своих знаний, размышлений и впечатлений: рисунки-пиктограммы, иероглифы, буквы. Письменность постоянно совершенствовалась, и именно благодаря этому словесное искусство стало активно развиваться. Так появились книги, в которых в первую очередь люди стали записывать то, что они считали самым важным. Рассказы о прошлом, о великих людях, размышления о смысле жизни, о добре и зле, правила жизни — всё это сохранялось в священных книгах.

У каждой религии — своё Священное Писание: у мусульман — это Коран, у иудеев — Тора, а у христиан — Библия. Все верующие люди почтительно обращаются со своими священными книгами. Они считают священным даже алфавит, на котором они написаны. А знание, которое несут эти книги, называют просвещением. Алфавит, которым мы с вами пользуемся, называется *кириллица*. Он появился в IX веке благодаря деятельности братьев Кирилла и Мефодия, которые придумали буквы для древних славян. Болгары, чехи, сербы, русские и другие славянские народы в это время становились христианами, а в жизни христиан религиозные книги имеют важное значение. Кирилл и Мефодий не просто создали алфавит, они не только придумали буквы для славянских языков, они занялись переводом Священного Писания и других религиозных текстов с греческого на славянский язык.

Вместе с письменностью на Руси появилось не только Священное Писание, но и другие произведения литературы: *летописи, послания, поучения, притчи*.

Русские и другие славянские народы прославляют братьев Кирилла и Мефодия и называют их своими просветителями. С благодарностью вспоминают об их труде и все те народы, которые сегодня пользуются алфавитом Кирилла и Мефодия. Кириллицей записаны замечательные стихи, рассказы, повести и романы Аалы Токомбаева, Касымалы Баялинова, Чингиза Айтматова, Мурзы Гапарова, Мара Байджиева и многих других классиков кыргызской литературы.

1. Почему славянский алфавит называется кириллицей?
2. Что вы знаете о том времени, когда у славян появилась письменность?
3. Кто такие Кирилл и Мефодий? Почему их называют просветителями славянских народов?
4. Какие народы сейчас пользуются кириллицей?
5. Какие жанры литературы вы уже знаете? Какие жанры первыми появились на Руси?

Мудрые изречения, санаты и притчи

Мудрые слова из древних книг вошли в современный язык и в сокровищницу мировой литературы. Эти изречения и притчи сохранялись в сборниках, их заучивали наизусть, повторяли в назидание своим детям. Писатели включали их в свои произведения как лучшие образцы мысли и речи. Многие изречения стали афоризмами. Например, популярное выражение для осуждения лени, безделья и тунеядства: «Кто не работает, тот не ест».

В Средней Азии в древности было принято выписывать из поэм самые удачные строчки назидательного характера. Такие четверостишия или двустишия называются санатами. Народные поэты исполняли их или включали в тексты своих песен-импровизаций. Так санаты распространялись, становились известными, превращались в поговорки и афоризмы.

Пиши проще, ясным и чистым слогом: и тебе меньше будет труда, и тому, кто читает.

Бабур

Уж лучше совершить тяжёлых сто грехов,
Принять сто тяжких мук, сто обрести врагов,
Чем, став ослушником, родителя обидеть.
Чем не прийти к нему в тяжёлый час на зов.

Бабур

Будь добрым, справедливым и правдивым,
Ведь быть таким — и значит быть счастливым.

Юсуф Баласагунский

Две доблести в людях не знают предела:
Хорошее слово и доброе дело.

Юсуф Баласагунский

Притчи царя Соломона¹

Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым.
Нет у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя;
но он заготавливает летом хлеб свой,
собирает во время жатвы пищу свою.
Или пойди к пчеле и познай, как она трудолюбива,
какую почтенную работу она производит;
её труды употребляют во здравие и цари, и простолюдины;
любима же она всеми и славна;
хотя силою она слаба, но мудростью почтена.
Доколе ты, ленивец, будешь спать?
Когда ты встанешь от сна твоего?
Немного поспишь, немного подремлешь,
немного, сложив руки, полежишь:
и придёт, как прохожий, бедность твоя,
и нужда твоя, как разбойник.
Если же будешь не ленив, то, как источник, придёт жатва твоя;
скудость же далеко убежит от тебя.

1. Верно ли утверждение, что изречение — это мудрый совет? Объясните свой ответ. Какие синонимы к слову «изречение» вы знаете?
2. Какое изречение вам понравилось больше всего? Расскажите подробнее, чему оно учит.
3. Вспомните, что такое притча. Какие притчи вы знаете?
4. Вы прочитали изречения и притчи, взятые из книг разных народов. О каких ценностях они говорят? Есть ли в них что-то общее?
5. Все эти изречения и притчи — из старинных книг. А можно ли их применить к нашей жизни? В каких ситуациях?
6. В дополнительных источниках найдите информацию о царе Соломоне (в Азии его называли Сулайманом). Какой памятник культуры Кыргызстана связан с его именем? Подготовьте об этом сообщение.

Летописание

Летописание появилось в глубокой древности. На Руси первые летописи стали составлять в XI веке. Во время правления Ярослава Мудрого в Киеве был создан «Древнейший свод», в который были собраны, сведены воедино рассказы об основных событиях мировой и русской истории. Постепенно летописцы стали записывать не только то, что случилось много лет назад, но и то, что происходило при их жизни.

Труд одного летописца переписывали и дополняли следующие писатели. Как это происходило, хорошо показал Александр Сергеевич Пушкин в трагедии «Борис Годунов». Герой этого произведения летописец Пимен говорит о себе:

¹ Отрывок из Библии. Соломон (приблизительно 967–928 г. до н. э.) — третий иудейский царь, прославился своей мудростью.

...Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдёт мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду¹ —
И, пыль веков от хárтий² отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет...

Нестор Летописец.
Скульптура работы М. Антокольского

Чаще всего летописцы не ставили в рукописи своего имени и оставались безымянными. Но до нас всё-таки дошло имя одного из первых русских писателей-историков. Это — монах Нестор, который в начале XII века написал «Повесть временных лет». Составляя свою летопись, Нестор обращался к разным книгам — религиозным, историческим; записывал он также устные предания и сказания.

Летописи — ценный источник наших знаний об истории. Но важны они не только для науки и просвещения. Они оказали большое влияние на зарождение художественной литературы. В этих собраниях разнообразных текстов совершенствовалось искусство письменного повествования, рассказа. Так рождалась проза как вид литературного творчества.

1. Что такое летопись?
2. Как звали первого известного нам русского летописца?
3. Из каких источников брали летописцы сведения об истории?
4. Объясните, как вы понимаете каждое слово в названии летописи «Повесть временных лет».
5. Как повлияли летописи на развитие художественной литературы?

Сказание о белгородском киселе (Отрывок из «Повести временных лет»)

В год 997. Пошёл Владимир к Новгороду за северными воинами против печенегов³, так как была в это время непрерывная великая война. Узнали печенег, что нет князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и был в городе голод сильный, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было много множество. И затянулась осада города, и был сильный голод.

¹ Лампа́да — масляный светильник.

² Хáртия — старинная рукопись.

³ Печене́ги — древняя народность тюркского происхождения, кочевавшая в IX—XI вв. н. э. на юго-востоке Европы.

Варка «белгородского киселя».
Миниатюра из Радзивилловской летописи

И собрали вече¹ в городе, и сказали:

— Вот уже скоро умрём от голода, а помощи нет от князя. Разве лучше нам так умереть? Сдадимся печенегам — кого оставят в живых, а кого умертвят; всё равно помираем от голода.

И так порешили на вече. Был же один старец, который не был на том вече, и спросил он:

— О чём было вече?

И поведали ему люди,

что завтра хотят сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им:

— Слышал, что хотите сдаться печенегам.

Они же ответили:

— Не стерпят люди голода.

И сказал им:

— Послушайте меня, не сдавайтесь ещё три дня и сделайте то, что я вам велю.

Они же с радостью обещали послушаться.

И сказал им:

— Соберите хоть по горсти овса, пшеницы или отрубей.

Они же радостно пошли и собрали.

И повелел женщинам сделать болтушку, на чём кисель варят, и велел выкопать колодец и вставить в него кадью², и налить её болтушкой. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадью, и повелел поискать мёду. Они же пошли и взяли лукошко мёду. И приказал сделать из него пресладкий медовый напиток и вылить в кадью в другом колодце. На следующий же день повелел он послать за печенегами.

И сказали горожане, придя к печенегам:

— Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем.

Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдаться, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих рядах и послали в город, чтобы проведали, что делается в городе.

И пришли они в город, и сказали им люди:

— Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и 10 лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами.

¹ Вече — народное собрание.

² Кадья — кадка, большой деревянный сосуд, вмещавший 229 кг зерна.

И привели их к колодцу, где была болтушка для киселя, и почерпнули ведром, и вылили в горшки. И когда сварили кисель, взяли его, и пришли с ними к другому колодцу, и почерпнули мёду из колодца, и стали есть сперва сами, а потом и печенег.

И удивились те и сказали:

— Не поверят нам князи наши, если не отведают сами.

Люди же налили им корчагу¹ кисельного раствора и мёду из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали всё, что было. И, сварив, ели князь печенежские и подивились. И, взяв своих заложников, а белгородских пустив, поднялись и пошли от города восвояси.

1. О каком событии рассказывается в «Сказании о белгородском киселе»?
2. Какие качества проявили жители Белгорода, когда их город попал в осаду?
3. Почему печенег сняли осаду с Белгорода? Что они подумали про напиток, которым их напоили?
4. Как вы понимаете выражение «имеем мы пищу от земли»? Можно ли его назвать иносказательным?
5. Приготовьтесь выразительно пересказывать «Сказание о белгородском киселе», передавая особенности старинного повествования.
6. «Повесть временных лет» — это сборник, который составлялся из устных преданий и других, более древних летописей. Откуда пришло «Сказание о белгородском киселе»? Почему вы так думаете? Отвечая на этот вопрос, обратите внимание на особенности языка этого сказания.

Похвала князю Ярославу Мудрому²

(Отрывок из «Повести временных лет»)

Ярослав книги любил, читая их часто и ночью, и днём. И собрал писцов многих, и переводили они с греческого на славянский язык. И написали они книг множество, ими же поучаются верные люди и наслаждаются учением божественным. Как если один землю вспашет, другой же засеет, а иные жнут и едят пищу неиссякаемую. Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Ярослав же засеял книжными словами сердца верных людей, а мы пожинаем, учение принимая книжное.

Велика ведь бывает польза от учения книжного. Это ведь — реки, напояющие вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся. Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то найдёшь великую пользу душе своей.

1. Что вы узнали о жанре древнерусской литературы «похвала»? За что летописец восхвалял Ярослава Мудрого?

¹ Корчага — большой, обычно глиняный сосуд, употребляющийся в деревенском обиходе.

² Ярослав Мудрый (около 978—1054) — великий князь киевский, сын крестителя Руси князя Владимира Святославича. Рядом побед обезопасил южные и западные границы Руси. При нём был составлен первый свод законов — «Русская правда».

2. Какая польза бывает от книг?
3. Подходит ли Ярославу Мудрому его эпитет-прозвище «мудрый»?
4. В этом произведении есть несколько метафор, в основе которых лежит сравнение книг с хлебом. Выпишите предложения, где есть эти метафоры.
5. Найдите в тексте, с чем ещё сравниваются книги? Прочитайте предложения с этим сравнением.
6. Придумайте для книг свои сравнения и метафоры. Запишите их в тетрадь.

«**Повесть временных лет**» — это не только образец древнерусской литературы, но и памятник исторической и культурной жизни народа. Сюжеты летописи многие поэты широко использовали в своём творчестве. Особое место принадлежит знаменитой «Песни о вешем Олеге» А. С. Пушкина.

Летопись вобрала в себя в большом количестве материалы сказаний, повестей, легенд, устные поэтические предания о различных исторических лицах и событиях.

Предание о смерти князя Олега¹

(Отрывок из «Повести временных лет»)

Жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого прежде поставил кормить, решив никогда на него не садиться, ибо спрашивал он волхвów и кудесников²: «От чего я умру?» И сказал ему один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездешь, — от него тебе и умереть». Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошёл на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, — на пятый год помянул он своего коня, от которого волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Неверно говорят волхвы, но всё то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать себе коня: «Да увижу кости его». И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемую Щековица; есть же могила его и доньне, слывет могилой Олега-вой. И было всех лет княжения его тридцать и три.

1. Расскажите, как погиб князь Олег? Что вы узнали о жизни Олега из этого отрывка? Каким он был человеком, правителем? Почему он так любил своего коня? Что хочет подчеркнуть летописец, когда говорит, что «оплакивали его все люди плачем великим»?

¹ Олѣг (Вѣщій Олѣг, ум. 912) — князь новгородский с 879 года и великий князь киевский с 882 года.

² Волхвы́ (кудесники) — древнерусские языческие жрецы, прорицающие будущее.

Поучение Владимира Мономаха¹

(Отрывок из «Лаврентьевской летописи»)

Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет любя, пусть примет её в сердце своё и не станет лениться, а будет трудиться. Собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по порядку и написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите.

Василий Великий² учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне: «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свирепствовать словом, не хулить в беседе, не много смеяться, стыдиться старших, ...глаза держа книзу, а душу ввысь, не переставать учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почёт. Если кто из вас может другим принести пользу, от Бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится».

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте, и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своём не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на ти́уна³ или на о́трока⁴, чтобы не посмеялись приходящие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами снаряжайте и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает.

Лжи остерегайтесь и пьянства — от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни сёлам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдёте и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришёл, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, — то пищей и питьём: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям или добрым или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите.

Если будете забывать это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Лениость ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится.

¹ Влади́мир Монома́х (1053–1125) — великий князь киевский, государственный деятель, военачальник, писатель, мыслитель.

² Васи́лий Вели́кий (ок. 330–379) — святитель, церковный писатель и богослов.

³ Ти́ун — княжеский или боярский слуга, управляющий хозяйством.

⁴ О́трок — 1. Мальчик-подросток между ребёнком и юношей. 2. Младший дружинник.

В. М. Тормосов. Владимир Мономах на охоте. 2006 г.

1. Поучение — это послание, завещание, мудрый совет, наставление, заповедь. Выберите наиболее точный синоним и объясните свой выбор.
2. Какая цель у этого поучения? Что побудило князя Владимира взяться за перо?
3. Кому адресовано поучение Владимира Мономаха? Из каких слов вы это поняли?
4. Коротко опишите, какими Владимир Мономах хочет видеть своих детей.
5. Какой из советов князя Владимира вам понравился больше всего? В какой ситуации он может вам пригодиться?
6. В чём отличие языка поучения от языка сказаний? Какой из них ближе к разговорной речи, а какой — к литературному языку? Подтвердите свой ответ примерами из текста.
7. Князь Владимир Мономах рано стал взрослым — в 13 лет отец отправил его княжить в Ростов, с чего и началась у него жизнь-поход. Князь очень любил охотиться. На картине В. М. Тормосова Владимир Мономах изображён на охоте. Рассмотрите внимательно все детали этой картины, прочитайте материал для сочинения и напишите рассказ «Охота князя Владимира».

Материал для сочинения

«А теперь поведаю вам, дети мои, о труде своём, как трудился я в разъездах и на охотах с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошёл сквозь землю вятичей; послал меня отец, а сам он пошёл к Курску; и снова вторично ходил я к Смоленску... а из Чернигова выйдя и до этого года — по сотне загонял и брал без трудов, не считая другой охоты, вне Турова, где с отцом охотился на всякого зверя.

И вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах де-сять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил сво-ими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конём, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал. Вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вско-чил ко мне на бёдра и коня со мною опрокинул, и Бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал, и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей»¹.

Юсуф Баласагунский (1017–1075)

Известный тюркский писатель XI века Юсуф Баласагун-ский родился в городе Баласагуне (около Токмака в Чуйской долине), потом переехал в Кашгар (территория Китая). В воз-расте 50 лет он завершил поэму «Кутадгу Билиг» («Наука быть счастливым»²), которую подарил тюркскому правителю кагану Сулейману Арслану. Хотя Юсуф Баласагунский знал литературные языки своей эпохи — арабский и персидский, — поэму он писал на тюркском языке государства караханидов. «Кутадгу Билиг» — первое полностью сохранившееся произ-ведение, написанное на языке древних тюрков.

Наука быть счастливым (Отрывки из поэмы)

Вступление

Сии листы, где труд мой и страданье,
Для понимающих — источник знанья.

Все знающие знают, что Восток
Ещё не создавал подобных строк.

Здесь, среди слов моих, как украшенья,
Блистают разных мудрецов реченья.

На свете эта книга повсеместно
Под разными названьями известна.

Известно людям Чйна и Мачйна³,
Что эта книга — в мире книг вершина,

Ей честь владыки Чина оказали
И «Книгой благочиния» назвали.

¹ Поучение Владимира Мономаха из «Лаврентьевской летописи».

² Название книги Юсуфа Баласагуна на русский язык переводят по-разному: «Наука быть счастливым» или «Книга о благодатном знании».

³ Чин и Мачин — старинное название Китая и Индии.

Мудрец Мачина, книгу эту взяв,
Назвал — «Благополучие держав».

Был назван персом немногоречивым
Мой скромный труд «Наукой быть
счастливым».

А в тюркских землях этой книге книг
Название дали «Кутадгу билиг».

Она для всех ценна без исключения,
Но для властителей она — прозреньё.

Владыка, чьё могущество в законах,
Не может править без людей учёных.

Учёный муж, создатель этих строк,
Немало исходил путей-дорог.

Покинув род свой, чтоб бродить по свету,
Мир повидав, он начал книгу эту.

Труд завершил он на земле Кашгарской,
За что отмечен был наградой царской.

Мудрец, раскрывший книгу пред
владыкой,
Был удостоен милости великой.

Он был одеждой с ханского плеча
Пожалован по воле табгача¹.

Дал за усердный труд ему и знанья
Хан милосердный Хас-Хаджиба² званье.

И звали с той поры и до конца
Юсуфом Хас-Хаджибом мудреца.

Теперь о книге должен рассказать я:
Четыре в ней героя и понятия.

Четыре в ней лица, четыре свойства:
В ней Справедливость, Счастье, Ум,
Довольство.

Лишь во взаимосвязи этих лиц
Смысл и значенье праведных
страниц.

В руках у мудрецов перебивало
Арабских и персидских книг немало,

Но эта книга — первая из книг,
В которой тюрки слышат свой язык.

Вот книга эта, в дар её примите,
Писавшего молитвой помяните.

Я смертен, я навеки ухожу,
Мой час пробьёт — и веки я смежду³.

Но пусть прозреют тьмы людей далёких,
Читая мной написанные строки.

Бог справедливый, к этим правоверным
И терпеливым будь, и милосердным.

Дай всем — и беднякам, и власть
имущим —
И пищу для души, и хлеб насущный.

Глава о свойствах речи

Речь умного, как влага из колодца,
Речь глупого бедой к нему вернётся.

Я в многословье видел мало пользы,
От краснобаев не бывает пользы.

Коль хочешь говорить, скажи, но кратко,
Чтоб был в едином слове смысл десятка.

¹ Табгач — *здесь*: тюркский правитель.

² Хас-Хаджиб — придворный, высокочтимый.

³ Смежить веки — закрыть глаза.

Тебя великим может сделать слово,
А многословье — превратить в смешного.

Пусть, как гранит в руках каменотёсов,
Весомой будет суть твоих вопросов.

Невежда слеп и глух, а просвещение
Глухому дарит слух, слепому — зренье.

Ты знания обретёшь, себя прославишь,
Ты сам уйдёшь, но в мире след оставишь...

Не говори плохого никому,
Когда не враг ты счастью своему.

Оставишь память ты на свете белом
Лишь добрым словом да хорошим делом...

Умом и знанием обретёшь по праву
Почёт при жизни, после смерти — славу.

(Перевод Наума Гребнёва)

1. Что вы узнали из этого фрагмента книги о её авторе — Юсуфе Баласагунском?
2. Какое самое лучшее наследство может получить сын от отца? Какому правителю народ доверяет и какого любит? Согласны ли вы с мнением Юсуфа Баласагунского?
3. Жанры древнерусской и древнетюркской литератур схожи: поучение, притча, похвала. Можно ли из вступления к книге Юсуфа Баласагунского «Наука быть счастливым» понять, к какому жанру относится эта книга? Объясните свой выбор. Может быть, есть признаки нескольких жанров? Назовите их.
4. Для средневековой литературы были типичными такие изобразительно-выразительные средства, как метафоры, антитезы, сравнения и т. д. Найдите их в «Главе о свойствах речи».
5. **Театр одного актёра.** Выучите наизусть «Вступление» или «Главу о свойствах речи». Продумайте, с какой интонацией, в каком темпе вы будете читать свой отрывок, на какие двустопия обратите внимание слушателей особенно? Может быть, в руках у вас будет древняя книга, другие подходящие атрибуты, или вы наденете театральный костюм: головной убор и халат восточного придворного? Постарайтесь создать образ мудреца. Ваше выступление вы можете показать во время защиты проекта к данному разделу.

Низами Гянджеви (1141–1209)

Низами Гянджеви — один из крупнейших поэтов средневекового Востока. Он написал «Хамсэ» — пять знаменитых поэм. В их число входит поэма «Искандер-наме», в переводе с фарси — «Книга Александра». Поэма является творческой переработкой сюжетов из письменных исторических повестей и устных легенд об Искандере — греческом императоре Александре Македонском, который в IV веке до нашей эры объединил в своей империи Европу и Азию. В поэме Низами этот античный император предстаёт как идеальный правитель — мудрый, сильный и справедливый.

Искандер-наме (Отрывки из поэмы)

Начало рассказа и изложение истины о рождении Искандера

В ночь родин царь¹ велел, чтоб созвал звездочёт
Звездочётов, — узнать, как судьба потечёт,
Чтоб открыл ему тайну, чтоб в звёздном теченье
Распознал звёздных знаков любое значенье.

И пришёл предсказателей опытных ряд,
Чтоб взглядеться в тот мир, где созвездья горят.
И, держа пред собой чертежи и приборы,
На движенья светил старцы подняли взоры.

В высшей точке горело созвездие Льва,
На предельный свой блеск обретая права.
Многозвёздный Овен, вечно мчащийся к знанию,
Запылав, устремился от знания к деянью²,

Близнецы и Меркурий сошлись, и, ясна,
Близ Тельца и Венеры катилась луна.
Плыл Юпитер³ к Стрельцу. Высь была не безбурна.
Колебало Весы приближенье Сатурна.

Но воинственный Марс⁴ шёл и шёл на подъём
И вступил в свой шестой, полный славою, дом.
Что ж мы скажем на то, что явили созвездья?
Небу — «Слава!» Завистникам — «Ждите возмездья!»

Не дивись же, что звёздным велениям в лад
Из ростка распустился невиданный сад.
Звёздный ход был разгадан по древним примерам, —
И пришедшего в мир царь назвал Искандером.

Ясно старцам седым семь вещали планет,
Что возьмёт он весь мир, что преград ему нет.
Всё сказал звездочёт обладателю Рума⁵,
Чтоб ушла от владыки тревожная дума.

---

¹ Греческий царь Филипп II Македонский, отец Александра Македонского.

² Деяние — дело.

³ Юпитер — название планеты и верховный бог-громовержец у древних римлян.

⁴ Марс — название планеты и бог войны у древних римлян.

⁵ Рум — так называли в Азии античные государства — Древнюю Грецию и Древний Рим.

В предвкушении благ, славой сына прельщён,
Казначая призвав, сел владыка на трон.
В светлом сердце царёвом тревоги не стало,
И просящим он роздал сокровищ немало.

Славя Месяц душистый, надежд не тая,
Пил он сладкие вина в саду у ручья.

...

Искандер восходит на трон отца

...Так намерен свой новый рисунок начать:
На весь мир налегла Искандера печать,
Вновь румийский венец засверкал, — и повсюду
Правосудье царя стало ведомо люду.

Всё, что было отцом установлено, он,
Обсуждая, вводил в обновлённый закон.
Соблюдая незыблемо все договоры,
Не расширил границ и не вызвал он ссоры.

Все цари, Филикусу¹ подвластные, с ним
Не хотели войны; мир был всюду храним.
То же золото Дарию слал он, что встаре
Получал от отца его сумрачный Дарий.

И быстрее, чем отец, привлекал он сердца,
И бросал всех он в трепет быстрее отца.
И хоть в силе достиг наивысшей он грани,
Не с кем было померяться силою длáni².

Мощь руки Искандера была такова,
Что вязал он узлом ухо мощного льва.
Веселясь, вскинув лук, предназначенный к бою,
Сотни стрел он метал с быстротою любою.

Лишь охоту на львов себе ставил он в честь,
Хоть им сбитых она́гров³ нельзя было счесть.
Он храбрейших дивил и — вещают сказанья —
Что мудрейших сражал он обилием знанья...

¹ Филикус — Филипп II Македонский, отец Александра Македонского.

² Длань — ладонь.

³ Она́гр — дикий осёл.

Да! Когда всех границ рассечёт он черты,
Чертежей всего мира порвутся листы.
Был могуч его стан, сердце знаньем блистало.
Лишь подобным ему быть на троне пристало!..

Столько дел милосердья свершил он, что людям
Вспомнить всё не дано; исчислять их не будем.
Он решал только то, что другим не во вред.
Он в решениях шёл правосудию вслед.

Снял он додать¹ с купцов; в довершение помощи
С горожан приказал снять повсюду налоги.
Все поборы с дихкáнов² сложил, и дары
Нёс он бедным, не знавшим счастливой поры.

Тратя денег на зданья за грудую груду,
Он все тёрны³ подсёк, — розы были повсюду.
Стал он славен везде. Им посаженный сад
Внёс в Хабеш и Египет благой аромат.

Были руки его, словно молнии в туче.
Та — с венцом, эта — меч поднимает летучий.
Руки — чаши весов, та и эта нужна:
Эта — золотом, та — вся железом полна.

На престоле своём он, внимающий многим,
То как золото сиял, то железом был строгим.
Он был столь справедлив, столь сиял его ум,
Что весь мир восклицал: «Как блаженствует Рум!»

Аристотель, придворный советник, о друге
Ведал всё: о делах его знал, о досуге.
Искандер слушал мудрого каждый совет,
Потому-то так скоро прошёл он весь свет,

Если властный велик и советник на славу, —
Весь последует мир их благому уставу..

(Перевод Константина Липскерова)

---

¹ Додать — дополнительный налог.

² Дихкáне — дехкане — земледельцы.

³ Тёрны — колючие сорняки.

1. Кто главный герой поэмы «Искандер-наме»? Что вы о нём знаете?
2. Как вы думаете, как надо читать эту поэму: медленно или быстро? Какая интонация больше всего подходит? Почему?
3. Найдите в тексте поэмы гиперболы. Как вы думаете, для чего они нужны автору?
4. Найдите в тексте и прочитайте описание Александра Македонского, которое начинается словами «Были руки его, словно молнии». Найдите в этом фрагменте художественные приёмы. Объясните, зачем они нужны автору, какое настроение создают?
5. Объясните, как вы понимаете две последние строчки отрывка из поэмы. О каком советнике идёт речь?
6. Рассмотрите иллюстрацию к произведению. Расскажите, что вы видите на картинке. К каким строкам поэмы подходит эта иллюстрация?
7. Звездочёты исследуют «звёздных знаков значенье». «Поработайте» и вы звездочётами. Объясните, что означают слова «Лев», «Овен» и «Марс» в предсказании звездочётов? Узнайте из дополнительной литературы о делах великого античного полководца Александра Македонского. Как вы думаете, сбылись ли пророчества, о которых писал Низами в своей поэме?

ФРАГМЕНТ – это

- ▶ отрывок текста, музыкально-го произведения;
- ▶ обломок, остаток древнего произведения искусства.

Проект «Рукописная книга»

Задание	Темы	Результат
Изготовить книжку, придумать свой текст, нарисовать иллюстрации, украсить обложку.	<ul style="list-style-type: none"> • Мудрые слова древних книг • Мои любимые афоризмы • Изречения из «Притчей царя Соломона» • Мудрые мысли моих родных • Летопись моей семьи • Хроника славных дел нашего класса • Похвала труду учителя • Поучение младшему брату или младшей сестре • Охота князя Владимира 	Выставка-конкурс, выразительное чтение.

Задания для повторения и обобщения изученного в разделе «Из литературы Средних веков»

1. Составьте и запишите в тетрадь план статьи «Письменность и просвещение». Найдите дополнительный материал по этой теме и напишите по этому плану реферат «Значение кириллицы для развития литературы».

2. Составьте из предложенных ниже изречений и пословиц пары соответствий и подготовьтесь объяснять смысл изречений:
  - Кто не проявит милосердия, к тому не будет проявлена милость.
  - Ты можешь закрыть ворота города, но не можешь закрыть рта врагам.
  - Две доблести в людях не знают предела: хорошее слово и доброе дело.
  - На чужой роток не накинешь платок.
  - Что посеешь, то и пожнёшь.
  - Хорошее дело два века живёт.
3. Составьте текст-рассуждение. В качестве темы возьмите любое изречение из третьего раздела. Порассуждайте, о чём говорится в изречении, как его можно применить в вашей жизни.
4. Расскажите о начале летописания на Руси. Опишите труд летописцев.
5. Кому принадлежат эти слова: «Когда-нибудь монах трудолюбивый найдёт мой труд усердный, безмянный»? Как вы их понимаете?
6. Какая пословица лучше всего выражает главную мысль «Сказания о белгородском киселе»? Объясните свой выбор.
  - а) Видел мужик во сне кисель, так не было ложки; лёг спать с ложкой — не видел киселя.
  - б) Сmekнёшь да схитришь — врагов победишь.
  - в) Если народ един, он непобедим.
7. Перечертите в тетрадь и заполните таблицу.

Жанры средневековой литературы

Жанры средневековой литературы	Примеры
летопись	
поучение	
похвала	

- ★ 8. Расскажите, что нового вы узнали об Александре Македонском?
- ★ 9. Подготовьте небольшое сообщение о вреде сквернословия. Завершите своё выступление словами Юсуфа Баласагунского: «Не говори плохого никому, когда не враг ты счастью своему».
10. Выпишите из «Поучения Владимира Мономаха» в один столбик те советы, которые могут пригодиться в сегодняшней жизни, а в другой — те, которые нам не подходят. Объясните свой выбор.
11. Напишите письмо своему младшему брату (сестре, другу) или себе самому в жанре поучения. Постарайтесь передать особенности языка средневековой литературы.
12. Устройте словесное соревнование «Похвала книге», в своём выступлении постарайтесь использовать те образы-символы, которые изображены на заставке к этому разделу.

13. Вы закончили изучать раздел «Из литературы Средних веков». Внимательно рассмотрите заставку к этому разделу. Перечислите, что изобразил на ней художник? А какие образы, символы Средневековья добавили бы вы на эту заставку, если бы были художником? Объясните, почему?

Мои достижения

Изучив материал раздела «Из литературы Средних веков», вы можете сами узнать о своих достижениях. Перечертите таблицу в тетрадь, оцените по одному баллу ваши знания и умения. Впишите в последний столбик то, что надо ещё подучить. Сколько баллов вы получили? Поставьте себе отметку.

Знаю		Оценка	Надо повторить
1	из чего в древнем мире делали книги		
2	о чём писали в старинных религиозных книгах		
3	когда появилась кириллица		
4	что такое «Повесть временных лет»		
★ 5	о какой исторической личности написал в своей поэме Низами Гянджеви		
Могу			
1	перечислить жанры средневековой литературы и привести примеры		
2	пересказать близко к тексту содержание сказаний из «Повести временных лет»		
3	подобрать изречение или поговорку, выражающую главную мысль произведения		
★ 4	рассказать наизусть «Главу о свойствах речи» Юсуфа Баласагунского		
5	написать поучение или рассказ		

Моя оценка

РАЗДЕЛ IV. ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

Роман — большой эпический жанр

В романах, чаще всего в прозе, рассказывается о судьбах нескольких героев на протяжении длительного времени. Для того чтобы с наибольшей полнотой показать разных людей, сложность человеческих отношений, всё разнообразие мира, автор романа придумывает для своих героев самые разные житейские ситуации. Герои романов — обычные люди или исторические личности. Писатель рассказывает об их детстве и юности, описывает различные периоды в их жизни. Подробнее всего рассказывается о тех моментах, когда герою надо сделать выбор, проявить себя, раскрыть свой характер.

Событий в романе — множество, и поэтому сюжет больших повествований состоит из многих эпизодов, в которых раскрываются разные стороны характера героев.

Романы появились в Средние века в Западной Европе. Особенно популярными они стали в XVII—XVIII веках, когда писатели стали сочинять приключенческую литературу. Захватывающие события происходили с героями романов во время далёких и опасных путешествий, детально описанных автором.

Роман — литературный жанр, чаще прозаический. Будучи развёрнутым повествованием о жизни и развитии личности главного героя (героев) в кризисный период его жизни, отличается от повести объёмом, сложностью содержания и более широким захватом описываемых явлений.

Читая романы-путешествия, мы узнаём о реальных и выдуманных странах. Открывая новые миры, герои этих произведений познавали себя. Мы тоже можем понять их характер, отвечая на вопросы: «Почему герой попал в такую ситуацию?», «Почему один персонаж струсил, а другой проявил сильные стороны своего характера?» А попробуйте задать ещё такой вопрос: «А что бы сделал я в этой ситуации?» — и вы узнаете что-то новое о себе.

1. Вспомните, что такое эпос? Расскажите об особенностях эпических произведений.
2. Какой роман Р. Л. Стивенсона вы изучали в 5 классе? Объясните, почему это произведение относят к приключенческой литературе?
3. А какие романы вы читали ещё? Вспомните имена авторов этих романов. Когда они жили?
4. Что для писателя становится важным, когда он создаёт героя романа?
5. Рассмотрите заставку к этому разделу, предположите, о чём в нём пойдёт речь. Что вы уже знаете о тех героях, которые изображены на заставке? Расскажите о них и о том времени, когда они жили.
6. Представьте себе, что вы попали на необитаемый остров. Опишите его: какая там природа, животные? Составьте план ваших действий, чем вы займётесь в первую очередь, что для вас будет главным?

Даниэль Дефо

(1660–1731)

Даниэль Дефо — знаменитый английский писатель. Он родился в Лондоне в семье торговца, готовился стать священником, сочинял религиозные стихи. Но вопреки желанию родителей Дефо стал купцом. Он энергично занимался бизнесом, то приобретал, то терял своё состояние, много ездил по свету и даже побывал в плену у алжирских пиратов. Но и литературной деятельности Дефо не оставлял: писал стихи, пародии, статьи, романы, редактировал журнал. Среди множества книг Дефо есть и научно-популярные очерки: «Путешествие по всему острову Великобритания», «Всеобщая история пиратства».

Прославился Даниэль Дефо благодаря роману, который он написал в 1719 году. Этот роман назывался «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки, близ устья реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого погиб весь экипаж, исключая его одного, с изложением его освобождения пиратами, написанным им самим». Сейчас такие длинные названия с аннотацией не принято давать, поэтому книгу публикуют под названием «Робинзон Крузо». Роман переведён на сотни языков, издаётся огромными тиражами, потому что всем понравился моряк Робинзон, оптимистичный, смелый и трудолюбивый. Имя Робинзон стало нарицательным. Появился даже термин — «робинзонада»; так стали называть истории об отважных людях, которые в одиночку противостоят всем трудностям далёких опасных путешествий.

Робинзон Крузо

(Отрывки из романа)

Глава первая

С самого раннего детства я больше всего на свете любил море. Я завидовал каждому матросу, отправлявшемуся в дальнее плавание. По целым часам я простаивал на морском берегу и не отрывая глаз рассматривал корабли, проходившие мимо.

Моим родителям это очень не нравилось. Отец, старый, больной человек, хотел, чтобы я сделался важным чиновником, служил в королевском суде и получал большое жалованье. Но я мечтал о морских путешествиях. Мне казалось величайшим счастьем скитаться по морям и океанам.

Отец догадывался, что у меня на уме. Однажды он позвал меня к себе и сердито сказал:

— Я знаю: ты хочешь бежать из родного дома. Это безумно. Ты должен остаться. Если ты останешься, я буду тебе добрым отцом, но горе тебе, если ты убежишь! —

Тут голос у него задрожал, и он тихо прибавил: — Подумай о больной матери... Она не вынесет разлуки с тобою.

В глазах у него блеснули слёзы. Он любил меня и хотел мне добра.

Мне стало жаль старика, я твёрдо решил остаться в родительском доме и не думать более о морских путешествиях. Но увы! — прошло несколько дней, и от моих добрых намерений ничего не осталось. Меня опять потянуло к морским берегам. Мне стали сниться мачты, волны, паруса, чайки, неизвестные страны, огни маяков.

Через две-три недели после моего разговора с отцом я всё же решил убежать. Выбрав время, когда мать была весела и спокойна, я подошёл к ней и почтительно сказал:

— Мне уже восемнадцать лет, а в эти годы поздно учиться судейскому делу. Если бы даже я и поступил куда-нибудь на службу, я всё равно через несколько дней убежал бы в далёкие страны. Мне так хочется видеть чужие края, побывать и в Африке, и в Азии! Если я и пристроюсь к какому-нибудь делу, у меня всё равно не хватит терпения довести его до конца. Прошу вас, уговорите отца отпустить меня в море хотя бы на короткое время, для пробы; если жизнь моряка не понравится мне, я вернусь домой и больше никуда не уеду. Пусть отец отпустит меня добровольно, так как иначе я буду вынужден уйти из дому без его разрешения.

Мать очень рассердилась на меня и сказала:

— Удивляюсь, как можешь ты думать о морских путешествиях после твоего разговора с отцом! Ведь отец требовал, чтобы ты раз навсегда позабыл о чужих краях. А он лучше тебя понимает, каким делом тебе заниматься. Конечно, если ты хочешь себя погубить, уезжай хоть сию минуту, но можешь быть уверен, что мы с отцом никогда не дадим согласия на твоё путешествие. И напрасно ты надеялся, что я стану тебе помогать. Нет, я ни слова не скажу отцу о твоих бессмысленных мечтах. Я не хочу, чтобы впоследствии, когда жизнь на море доведёт тебя до нужды и страданий, ты мог упрекнуть свою мать в том, что она потакала тебе.

Потом, через много лет, я узнал, что матушка всё же передала отцу весь наш разговор, от слова до слова. Отец был опечален и сказал ей со вздохом:

— Не понимаю, чего ему нужно? На родине он мог бы без труда добиться успеха и счастья. Мы люди небогатые, но кое-какие средства у нас есть. Он может жить вместе с нами, ни в чём не нуждаясь. Если же он пустится странствовать, он испытает тяжкие невзгоды и пожалеет, что не послушался отца. Нет, я не могу отпустить его в море. Вдали от родины он будет одинок, и, если с ним случится беда, у него не найдётся друга, который мог бы утешить его. И тогда он раскается в своём безрассудстве, но будет поздно!

И всё же через несколько месяцев я бежал из родного дома. Произошло это так. Однажды я поехал на несколько дней в город Гулль. Там я встретил одного приятеля, который собирался отправиться в Лондон на корабле своего отца. Он стал уговаривать меня ехать вместе с ним, соблазняя тем, что проезд на корабле будет бесплатный.

И вот, не спросившись ни у отца, ни у матери, — в недобрый час! — 1 сентября 1651 года я на девятнадцатом году жизни сел на корабль, отправлявшийся в Лондон.

Это был дурной поступок: я бессовестно покинул престарелых родителей, пренебрёг их советами и нарушил сыновний долг. И мне очень скоро пришлось раскаяться в том, что я сделал.

Глава вторая

Не успел наш корабль выйти из устья Хамбера, как с севера подул холодный ветер. Небо покрылось тучами. Началась сильнейшая качка.

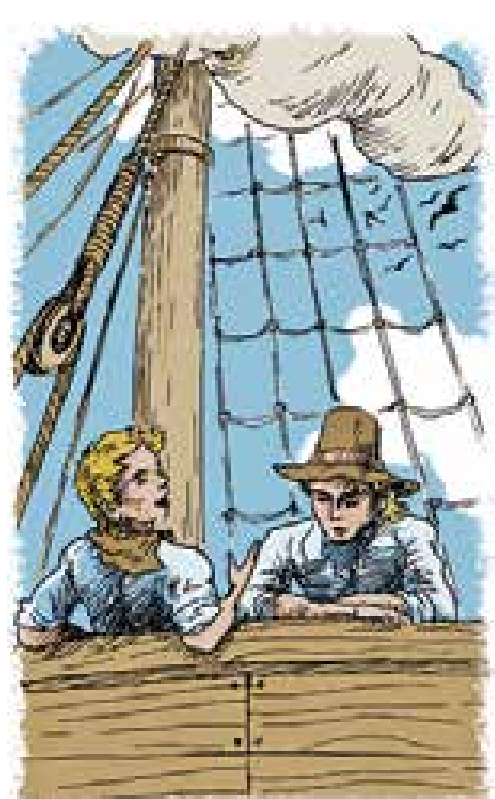
Я никогда ещё не бывал в море, и мне стало худо. Голова у меня закружилась, ноги задрожали, меня затошнило, я чуть не упал. Всякий раз, когда на корабль налетала большая волна, мне казалось, что мы сию минуту утонем. Всякий раз, когда корабль падал с высокого гребня волны, я был уверен, что ему уже никогда не подняться.

Тысячу раз я клялся, что, если останусь жив, если нога моя снова ступит на твёрдую землю, я тотчас же вернусь домой к отцу и никогда за всю жизнь не взойду больше на палубу корабля.

Этих благоразумных мыслей хватило у меня лишь на то время, пока бушевала буря.

Но ветер стих, волнение улеглось, и мне стало гораздо легче. Понемногу я начал привыкать к морю. Правда, я ещё не совсем отделался от морской болезни, но к концу дня погода прояснилась, ветер совсем утих, наступил восхитительный вечер.

Всю ночь я проспал крепким сном. На другой день небо было такое же ясное. Тихое море при полном безветрии, всё озарённое солнцем, представляло такую прекрасную картину, какой я ещё никогда не видал. От моей морской болезни не осталось и следа. Я сразу успокоился, и мне стало весело. С удивлением я оглядывал море, которое ещё вчера казалось буйным, жестоким и грозным, а сегодня было такое кроткое, ласковое.

Тут, как нарочно, подходит ко мне мой приятель, соблазнивший меня ехать вместе с ним, хлопает по плечу и говорит:

— Ну, как ты себя чувствуешь, Боб? Держу пари, что тебе было страшно. Признавайся: ведь ты очень испугался вчера, когда подул ветерок?

— Ветерок? Хорош ветерок! Это был бешеный шквал. Я и представить себе не мог такой ужасной бури!

— Бури? Ах ты, глупец! По-твоему, это буря? Ну, да ты в море ещё новичок: не мудрено, что испугался... Пойдём-ка лучше да прикажем подать себе пуншу, выпьем по стакану и позабудем о буре. Взгляни, какой ясный день! Чудесная погода, не правда ли?..

На шестой день мы увидели вдали город Ярмут. Ветер после бури был встречный, так что мы очень медленно подвигались вперёд. В Ярмуте нам пришлось бросить якорь. Мы простояли в ожидании попутного ветра семь или восемь дней.

В течение этого времени сюда же пришло много судов из Ньюкасла. Мы, впрочем, не простояли бы так долго и вошли бы в реку вместе с приливом, но ветер становился всё свежее, а дней через пять задул изо всех сил.

Так как на нашем корабле якоря и якорные канаты были крепкие, наши матросы не выказывали ни малейшей тревоги. Они были уверены, что судно находится в полной безопасности, и, по обычаю матросов, отдавали всё своё свободное время весёлым развлечениям и забавам.

Однако на девятый день к утру ветер ещё посвежел, и вскоре разыгрался страшный шторм. Даже испытанные моряки были сильно испуганы. Я несколько раз слышал, как наш капитан, проходя мимо меня то в каюту, то из каюты, бормотал вполголоса: «Мы пропали! Мы пропали! Конец!»

Всё же он не терял головы, зорко наблюдал за работой матросов и принимал все меры, чтобы спасти свой корабль.

До сих пор я не испытывал страха: я был уверен, что эта буря так же благополучно пройдёт, как и первая. Но когда сам капитан заявил, что всем нам пришёл конец, я страшно испугался и выбежал из каюты на палубу. Никогда в жизни не приходилось мне видеть столь ужасное зрелище. По морю, словно высокие горы, ходили громадные волны, и каждые три-четыре минуты на нас обрушивалась такая гора.

Сперва я оцепенел от испуга и не мог смотреть по сторонам. Когда же наконец я осмелился глянуть назад, я понял, какое бедствие разразилось над нами. На двух тяжело гружённых судах, которые стояли тут же неподалёку на якоре, матросы рубили мачты, чтобы корабли хоть немного освободились от тяжести.

Кто-то крикнул отчаянным голосом, что корабль, стоявший впереди, в полумиле от нас, сию минуту исчез под водой.

Ещё два судна сорвались с якорей, буря унесла их в открытое море. Что ожидало их там? Все их мачты были сбиты ураганом.

Мелкие суда держались лучше, но некоторым из них тоже пришлось пострадать: два-три судёнышка пронесло мимо наших бортов прямо в открытое море.

Вечером штурман и боцман пришли к капитану и заявили ему, что для спасения судна необходимо срубить фок-мачту¹.

— Медлить нельзя ни минуты! — сказали они. — Прикажете, и мы срубим её.

— Подождём ещё немного, — возразил капитан. — Может быть, буря уляжется.

Ему очень не хотелось рубить мачту, но боцман стал доказывать, что, если мачту оставить, корабль пойдёт ко дну, — и капитан поневоле согласился.

А когда срубили фок-мачту, грот-мачта стала так сильно качаться и раскачивать судно, что пришлось срубить и её.

Наступила ночь, и вдруг один из матросов, спускавшийся в трюм, закричал, что судно дало течь. В трюм послали другого матроса, и он доложил, что вода поднялась уже на четыре фута.

Тогда капитан скомандовал:

— Выкачивай воду! Все к помпам!²

---

¹ Фок-мачта — если на судне несколько мачт, то первую от носа называют фок-мачтой, вторую или самую высокую называют грот-мачтой.

² Помпа — насос.

Когда я услышал эту команду, у меня от ужаса замерло сердце: мне показалось, что я умираю, ноги мои подкосились, и я упал навзничь на койку. Но матросы растолкали меня и потребовали, чтобы я не отлынивал от работы.

— Довольно ты бездельничал, пора и потрудиться! — сказали они.

Нечего делать, я подошёл к помпе и принялся усердно выкачивать воду.

В это время мелкие грузовые суда, которые не могли устоять против ветра, подняли якоря и вышли в открытое море.

Увидев их, наш капитан приказал выпалить из пушки, чтобы дать им знать, что мы находимся в смертельной опасности. Услышав пушечный залп и не понимая, в чём дело, я вообразил, что наше судно разбилось. Мне стало так страшно, что я лишился чувств и упал. Но в ту пору каждый заботился о спасении своей собственной жизни, и на меня не обратили внимания. Никто не поинтересовался узнать, что случилось со мной. Один из матросов стал к помпе на моё место, отодвинув меня ногою. Все были уверены, что я уже мёртв. Так я пролежал очень долго. Очнувшись, я снова взялся за работу. Мы трудились не покладая рук, но вода в трюме поднималась всё выше.

Было очевидно, что судно должно затонуть. Правда, шторм начинал понемногу стихать, но для нас не предвиделось ни малейшей возможности продержаться на воде до той поры, пока мы войдём в гавань. Поэтому капитан не переставал палить из пушек, надеясь, что кто-нибудь спасёт нас от гибели.

Наконец ближайшее к нам небольшое судно рискнуло спустить шлюпку, чтобы подать нам помощь...

Только к вечеру удалось нам выбраться на сушу, да и то с величайшими трудностями.

В третьей и четвёртой главах рассказывается о путешествии Робинзона Крузо в Гвинею, стычке с племенем берберов, бегстве из плена и спокойной жизни в Бразилии.

Глава пятая

...Ещё раз — в недобрый час! — 1 сентября 1659 года я ступил на палубу корабля. Это был тот самый день, в который восемь лет назад я убежал из отцовского дома и так безумно загубил свою молодость.

На двенадцатый день нашего плаванья мы пересекли экватор и находились под семью градусами двадцатью двумя минутами северной широты, когда на нас неожиданно налетел бешеный шквал. Он налетел с юго-востока, потом стал дуть в противоположную сторону и, наконец, подул с северо-востока — дул непрерывно с такой ужасающей силой, что в течение двенадцати дней нам пришлось, отдавшись во власть урагана, плыть, куда гнали нас волны. Нечего говорить, что все эти двенадцать дней я ежеминутно ждал смерти, да и никто из нас не думал, что останется в живых.

Однажды ранним утром (ветер всё ещё дул с прежней силой) один из матросов крикнул:

— Земля!

Но не успели мы выбежать из кают, чтобы узнать, мимо каких берегов несётся наше несчастное судно, как почувствовали, что оно село на мель. В тот же миг

от внезапной остановки всю нашу палубу окатило такой неистовой и могучей волной, что мы принуждены были тотчас же скрыться в каютах.

Корабль так глубоко засел в песке, что нечего было и думать стащить его с мели. Нам оставалось одно: позаботиться о спасении собственной жизни. У нас были две шлюпки. Одна висела за кормой; во время шторма её разбило и унесло в море. Осталась другая, но никто не знал, удастся ли спустить её на воду. А между тем размышлять было некогда: корабль мог каждую минуту расколоться надвое...

<...> Невозможно описать то смятение чувств и мыслей, которые я испытал, когда меня накрыла волна. Я очень хорошо плаваю, но у меня не было сил сразу вынырнуть из этой пучины, чтобы перевести дыхание, и я чуть не задохся.

<...> Последняя волна с такой силой швырнула меня о скалу, что я потерял сознание.

Некоторое время я был совершенно беспомощен, и, если бы в ту минуту море снова успело налететь на меня, я непременно захлебнулся бы в воде.

К счастью, ко мне вовремя вернулось сознание. Увидев, что сейчас меня снова накроет волна, я крепко уцепился за выступ утёса и, задержав дыхание, старался переждать, пока она схлынет.

Здесь, ближе к земле, волны были не такие огромные. Когда вода схлынула, я опять побежал вперёд и очутился настолько близко к берегу, что следующая волна хоть и окатила меня всего, с головой, но уже не могла унести в море.

Я пробежал ещё несколько шагов и почувствовал с радостью, что стою на твёрдой земле. Я стал карабкаться по прибрежным скалам и, добравшись до высокого бугра, упал на траву. Здесь я был в безопасности: вода не могла доплеснуть до меня.

Я думаю, не существует таких слов, которыми можно было бы изобразить радостные чувства человека, восставшего, так сказать, из гроба! Я стал бегать и прыгать, я размахивал руками, я даже пел и плясал. Всё мое существо, если можно так выразиться, было охвачено мыслями о моём счастливом спасении.

Но тут я внезапно подумал о своих утонувших товарищах. Мне стало жаль их, потому что во время плавания я успел привязаться ко многим из них. Я вспоминал их лица, имена. Увы, никого из них я больше не видел; от них и следов не осталось, кроме трех принадлежавших им шляп, одного колпака да двух непарных башмаков, выброшенных морем на сушу.

Посмотрев туда, где стоял наш корабль, я еле разглядел его за грядою высоких волн — так он был далеко! И я сказал себе: «Какое это счастье, великое счастье, что я добрался в такую бурю до этого далёкого берега!»

Выразив такими словами свою горячую радость по случаю избавления от смертельной опасности, я вспомнил, что земля может быть так же страшна, как и море, что я не знаю, куда я попал, и что мне необходимо в самом непродолжительном времени тщательно осмотреть незнакомую местность.

Пережив несколько кораблекрушений, Робинзон Крузо оказался на необитаемом острове, где он обосновался, сняв с корабля всё, что могло помочь выжить в одиночку на острове.

Глава шестая

<...> Уже тринадцать дней я жил на острове и за это время побывал на корабле одиннадцать раз, перетащив на берег решительно всё, что в состоянии поднять пара человеческих рук. Не сомневаюсь, что, если бы тихая погода продержалась дольше, я перевёз бы по частям весь корабль.

Делая приготовления к двенадцатому рейсу, я заметил, что поднимается ветер. Тем не менее, дождавшись отлива, я отправился на корабль. Во время прежних своих посещений я так основательно обшарил нашу каюту, что мне казалось, будто там уж ничего невозможно найти. Но вдруг мне бросился в глаза маленький шкаф с двумя ящиками: в одном я нашёл три бритвы, ножницы и около дюжины хороших вилок

и ножей; в другом ящике оказались деньги, частью европейской, частью бразильской серебряной и золотой монетой, — всего до тридцати шести фунтов стерлингов.

Я усмехнулся при виде этих денег.

— Негодный мусор, — проговорил я, — на что ты мне теперь? Всю кучу золота я охотно отдал бы за любой из этих грошовых ножей. Мне некуда тебя девать. Так отправляйся же на дно морское. Если бы ты лежал на полу, право, не стоило бы труда нагибаться, чтобы поднять тебя.

Но, поразмыслив немного, я всё же завернул деньги в кусок парусины и прихватил их с собой.

Море бушевало всю ночь, и, когда поутру я выглянул из своей палатки, от корабля не осталось и следа. Теперь я мог всецело заняться вопросом, который тревожил меня с первого дня: что мне делать, чтобы на меня не напали ни хищные звери, ни дикие люди? Какое жильё мне устроить? Выкопать пещеру или поставить палатку?

В конце концов я решил сделать и то и другое.

К этому времени мне стало ясно, что выбранное мною место на берегу не годится для постройки жилища: это было болотистое, низменное место, у самого моря. Жить в подобных местах очень вредно. К тому же поблизости не было пресной воды. Я решил найти другой клочок земли, более пригодный для жилья. Мне было нужно, чтобы жильё моё было защищено и от солнечного зноя, и от хищников; чтобы оно стояло в таком месте, где нет сырости; чтобы вблизи была пресная вода. Кроме того, мне непременно хотелось, чтобы из моего дома было видно море.

«Может случиться, что неподалёку от острова появится корабль, — говорил я себе, — а если я не буду видеть моря, я могу пропустить этот случай».

Как видите, мне всё ещё не хотелось расставаться с надеждой.

После долгих поисков я нашёл наконец подходящий участок для постройки жилища. Это была небольшая гладкая полянка на скате высокого холма. От вершины до самой полянки холм спускался отвесной стеной, так что я мог не опасаться нападения сверху. В этой стене у самой полянки было небольшое углубление, как будто вход в пещеру, но никакой пещеры не было. Вот тут-то, прямо против этого углубления, на зелёной полянке я и решил разбить палатку.

Место это находилось на северо-западном склоне холма, так что почти до самого вечера оно оставалось в тени. А перед вечером его озаряло заходящее солнце.

Прежде чем ставить палатку, я взял заострённую палку и описал перед самым углублением полукруг ярдов десяти в диаметре. Затем по всему полукругу я вбил в землю два ряда крепких высоких кольев, заострённых на верхних концах. Между двумя рядами кольев я оставил небольшой промежуток и заполнил его до самого верха обрезками канатов, взятых с корабля. Я сложил их рядами, один на другой, а изнутри укрепил ограду подпорками. Ограда вышла у меня на славу: ни пролезть сквозь неё, ни перелезть через неё не мог ни человек, ни зверь. Эта работа потребовала много времени и труда. Особенно трудно было нарубить в лесу жердей, перенести их на место постройки, обтесать и вбить в землю.

Забор был сплошной, двери не было. Для входа в моё жилище мне служила лестница. Я приставлял её к частоколу всякий раз, когда мне нужно было войти или выйти.

Пересказ Корнея Чуковского

1. Какой момент особенно поразил вас во время чтения этого произведения? Объясните, почему?
2. опишите родителей Боба. Что стало истинной причиной того, что он совершил «дурацкий поступок» и «безумно загубил свою молодость»?
3. Хотя Боб клялся во время первой бури, что больше не взойдёт на палубу корабля, он всё же не вернулся домой, почему?
4. Объясните морские термины (используйте словарь).

боцман

палуба

трюм

капитан

помпа

шлюпка

каюта

трап

штурман

5. Сравните поведение Робинзона Крузо во время первого и второго кораблекрушения. Как изменился герой, что нового появилось в его характере?
6. Чем похожи Даниэль Дефо и Робинзон Крузо? Как относится автор к своему герою? В каких эпизодах это особенно заметно?
7. Рассмотрите заставку к разделу и иллюстрации, данные в тексте, скажите, кому из художников удалось более точно нарисовать тот образ Робинзона, который создал в своём романе Даниэль Дефо? Так ли вы представляли себе Робинзона Крузо? Подберите слова из текста к иллюстрациям. Объясните свой выбор.
8. Рассмотрите предложенные ниже иллюстрации Игоря Ильинского. Предположите, какие события произойдут дальше в романе. Прочитайте роман полностью — и тогда вы узнаете, кто такой был Пятница и как Робинзону Крузо удалось вернуться на родину.

Композиция литературного произведения

Когда мы читаем книгу, мы узнаём о событиях, которые происходят с героями, об их переживаниях и мыслях. Цепь описанных событий образует сюжет произведения. Писатели могут излагать события в той последовательности, как они обычно происходят в реальности — как если бы вы описывали свой день, перечисляя по порядку все свои действия. Но в рассказе можно поменять события местами, что-то пропустить, а что-то важное описать очень подробно.

Например, Даниэль Дефо в романе «Робинзон Крузо» в прологе и в первых главах, опережая события, несколько раз намекает на смертельные опасности, которые ожидают главного героя. Благодаря этому приёму мы с большим нетерпением ждём, какие же приключения произойдут во время его путешествий. Автор кратко рассказывает об обычной жизни Робинзона на берегу и очень подробно —

о его приключениях в море и на острове. Приключения более важны для автора, потому что именно в тех эпизодах, где Робинзон старается справиться с трудностями, раскрывается его характер.

Талантливый писатель специально располагает элементы сюжета так, чтобы переключать внимание читателя с одного персонажа на другой. Он подчёркивает важные для него моменты повествования, намёком говорит о других, скрывает до поры до времени некоторые обстоятельства жизни героя или в середине произведения вдруг рассказывает нам о его детстве.

Композиция — это построение художественного произведения, размещение его элементов. Композиция романа и других больших прозаических жанров обычно состоит из пролога, завязки, эпизодов, в которых развивается действие, кульминации, развязки и эпилога. В небольших жанрах некоторые элементы композиции могут быть опущены.

Замечать особенности композиции важно при анализе произведения. Композиционные приёмы помогают нам лучше понять замысел писателя и его отношение к своим героям.

1. Что такое композиция?
2. Из каких композиционных элементов состоит роман?
3. Почему для читателя так важно замечать особенности композиции?

Джонатан Свифт (1667–1745)

Джонатан Свифт — англо-ирландский писатель, поэт, священник и философ. Он был видным общественным деятелем и политиком. Благодаря своему таланту сатирика он прославился как литератор, который умел беспощадно высмеивать пороки людей и общества, обличать недостатки государственного устройства.

Самое известное произведение Джонатана Свифта — фантастический роман в четырёх частях «Путешествия Гулливера». В первой части рассказывается, как после кораблекрушения судовой врач Лемюэль Гулливер попадает в страну Лилипутию, где живут существа, рост которых в двенадцать раз меньше роста обычного человека. Эта часть романа стала самой популярной. Именно из неё в современный язык пришло слово «Гулливер» как синоним гиганта, хотя на самом деле Гулливер — человек среднего роста. В следующей книге Гулливер оказывается в стране великанов, и там уже сам выглядит лилипутом.

Путешествия Гулливера

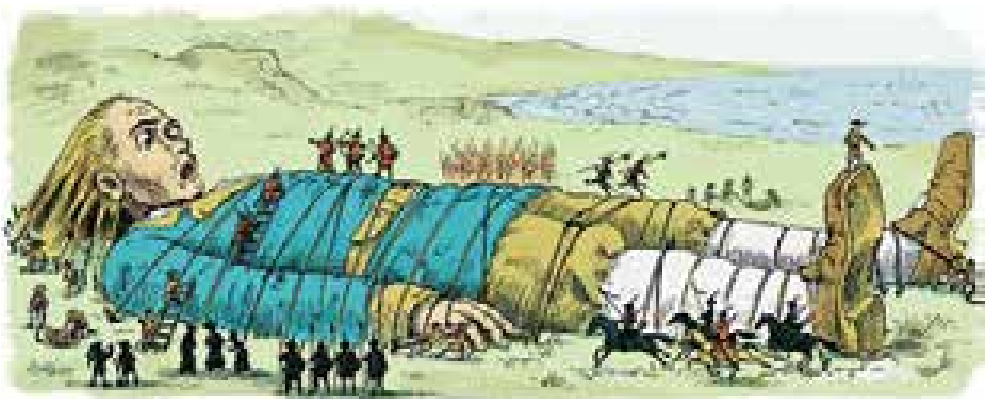
(Отрывки из романа)

Путешествие в Лилипутию

...5 ноября (начало лета в этих местах) стоял густой туман, так что матросы только на расстоянии полукáбельтова¹ от корабля заметили скалу; но ветер был такой сильный, что нас понесло прямо на неё, и корабль мгновенно разбился. Шестерым из экипажа, в том числе и мне, удалось спустить лодку и отойти от корабля и скалы. По моим расчётам, мы шли на вёслах около трёх лиг², пока совсем не выбились из сил, так как были переутомлены уже на корабле. Поэтому мы отдались на волю волн, и через полчаса лодка была опрокинута внезапно налетевшим с севера порывом ветра. Что случилось с моими товарищами по лодке, а равно и с теми, которые нашли убежище на скале или остались на корабле, не могу сказать; думаю, что все они погибли. Что касается меня самого, то я поплыл куда глаза глядят, подгоняемый ветром и приливом. Я часто опускал ноги, но не мог нащупать дно; когда я совсем уже выбился из сил и неспособен был больше бороться с волнами, я почувствовал под ногами землю, а буря тем временем значительно утихла. Дно в этом месте было так покато, что мне пришлось пройти около мили, прежде чем я добрался до берега; по моим предположениям, это случилось около восьми часов вечера.

Я прошёл ещё с полмили, но не мог открыть никаких признаков жилья и населения; или, по крайней мере, я был слишком слаб, чтобы различить что-нибудь. Я чувствовал крайнюю усталость; от усталости, жары, а также от выпитой ещё на корабле полупинты³ коньяку меня сильно клонило ко сну. Я лёг на траву, которая была здесь очень низкая и мягкая, и заснул так крепко, как не спал никогда в жизни.

По моему расчёту, сон мой продолжался около девяти часов, потому что, когда я проснулся, было уже совсем светло. Я попробовал встать, но не мог шевельнуться; я лежал на спине и обнаружил, что мои руки и ноги с обеих сторон крепко

¹ На расстоянии полукáбельтова — примерно 90 м. Кáбельтов — единица измерения расстояния, применяющаяся в мореплавании, равняется примерно 185 м.

² Лига — британская единица измерения расстояния. Одна лига равна 3 милям или 4828 м.

³ Полупинта — примерно 280 граммов.

привязаны к земле и точно так же прикреплены к земле мои длинные и густые волосы. Равным образом я почувствовал, что моё тело, от подмышек до бёдер, опутано целой сетью тонких бечёвок. Я мог смотреть только вверх; солнце начинало жечь, и свет его ослеплял глаза. Кругом меня слышался какой-то глухой шум, но положение, в котором я лежал, не позволяло мне видеть ничего, кроме неба.

Вскоре я почувствовал, как что-то живое задвигалось у меня по левой ноге, мягко поползло по груди и остановилось у самого подбородка. Опустив глаза как можно ниже, я различил перед собою человеческое существо, ростом не более шести дюймов, с луком и стрелой в руках и колчаном за спиной. В то же время я почувствовал, как вслед за ним на меня взбирается, по крайней мере, ещё около сорока подобных же (как мне показалось) созданий. От изумления я так громко вскрикнул, что они все в ужасе побежали назад; причём некоторые из них, как я узнал потом, соскакивая и падая с моего туловища на землю, получили сильные ушибы. Однако скоро они возвратились, и один из них, отважившийся подойти так близко, что ему было видно всё мое лицо, в знак удивления поднял кверху руки и глаза и тоненьким, но отчётливым голосом прокричал: «Гекина дегуль»; остальные несколько раз повторили эти слова, но я не знал тогда, что они значат.

...Спустя три недели я сделал большие успехи в изучении лилипутского языка. В течение этого времени император часто удостоивал меня своим посещением и милостиво помогал моим наставникам обучать меня. Мы уже могли объясняться друг с другом, и первые слова, которые я выучил, выражали желание, чтобы его величество соизволил даровать мне свободу; слова эти я ежедневно на коленях повторял императору. В ответ на мою просьбу император, насколько я мог понять его, говорил, что освобождение есть дело времени, что оно не может быть даровано без согласия государственного совета и что прежде я должен «люмоз кельмин пессо демарлон эмпозо», то есть дать клятву сохранять мир с ним и его империей. Впрочем, обхождение со мной будет самое любезное; и император советовал терпением и скромностью заслужить доброе к себе отношение как его, так и его подданных. Он просил меня не обижаться, если он отдаст приказание особым чиновникам обыскать меня, так как он полагает, что на мне есть оружие, которое должно быть очень опасным, если соответствует огромным размерам моего тела.

Я просил его величество быть спокойным на этот счёт, заявив, что готов раздеться и вывернуть карманы в его присутствии. Всё это я объяснил частью словами, частью знаками. Император ответил мне, что по законам империи обыск должен быть произведён двумя его чиновниками; что понимает, что это требование закона не может быть осуществлено без моего согласия и моей помощи; что, будучи высокого мнения о моём великодушии и справедливости, он спокойно передаст этих чиновников в мои руки; что вещи, отобранные ими, будут возвращены мне, если я покину эту страну, или же мне будет за них заплачено, сколько я сам назначу.

Я взял обоих чиновников в руки и положил их сначала в карманы камзола, а потом во все другие, кроме двух часовых и одного потайного, которого я не хотел показывать, потому что в нём было несколько мелочей, никому, кроме меня, не нужных. В часовых карманах лежали: в одном серебряные часы, а в другом кошелек с несколькими золотыми.

Господа эти имели при себе бумагу, перо и чернила и составили подробную опись всему, что нашли. Когда опись была закончена, они попросили меня высадить их на землю, чтобы они могли представить её императору. Позднее я перевёл эту опись на английский язык. Вот она слово в слово:

Во-первых, в правом кармане камзола великого Человека Горы (так я передаю слова Куинбус Флестрин), после тщательнейшего осмотра, мы нашли только большой кусок грубого холста, который по своим размерам мог бы служить ковром для главной парадной залы дворца Вашего Величества. В левом кармане мы увидели громадный серебряный сундук с крышкой из того же металла, которую мы, досмотрщики, не могли поднять. Когда, по нашему требованию, сундук был открыт и один из нас вошёл туда, то он по колени погрузился в какую-то пыль, часть которой, поднявшись до наших лиц, заставила нас обоих несколько раз громко чихнуть. В правом кармане жилета мы нашли громадную кипу тонких белых субстанций, сложенных одна на другую; кipa эта, толщиной в три человека, перевязана прочными канатами и испещрена чёрными знаками, которые, по скромному нашему предположению, суть не что иное, как письма, каждая буква которых равняется половине нашей ладони. В левом жилетном кармане оказался инструмент, к спинке которого прикреплены двадцать длинных жердей, напоминающих частокол перед двором Вашего Величества; по нашему предположению, этим инструментом Человек Гора расчёсывает свои волосы, но это только предположение: мы не всегда тревожим его расспросами, потому что нам было очень трудно объясняться с ним. В большом кармане с правой стороны среднего чехла (как я перевожу слово «ранфуло», под которым они разумели штаны) мы увидели полый железный столб, длиною в рост человека, прикрепленный к крепкому куску дерева, более крупному по размерам, чем сам столб; с одной стороны столба торчат большие куски железа, весьма странной формы, назначения которых мы не могли определить. Подобная же машина найдена нами и в левом кармане. В меньшем кармане с правой стороны оказалось несколько плоских дисков из белого и красного металла, различной величины; некоторые белые диски, по-видимому серебряные, так велики и тяжелы, что мы вдвоём едва могли поднять их.

В левом кармане мы нашли две чёрные колонны неправильной формы; стоя на дне кармана, мы только с большим трудом могли достать их верхушку. Одна из колонн заключена в крышке и состоит из цельного материала, но на верхнем конце другой есть какое-то круглое белое тело, вдвое больше нашей головы. В каждой колонне заключена огромная стальная пластина; полагая, что это опасные орудия, мы потребовали у Человека Горы объяснить их употребление. Вынув оба орудия из футляра, он сказал, что в его стране одним из них бреют бороду, а другим режут мясо.

Кроме того, на Человеке Горе мы нашли ещё два кармана, куда не могли войти. Эти карманы он называет часовыми; они представляют две широких щели, прорезанных в верхней части его среднего чехла, а потому сильно сжатых давлением его брюха. Из правого кармана спускается большая серебряная цепь с диковинной машиной, лежащей на дне кармана. Мы приказали ему вынуть всё, что было прикреплено к этой цепи; вынутый предмет оказался похожим на шар, одна половина которого сделана из серебра, а другая из какого-то прозрачного металла; когда мы, заметя на этой стороне шара какие-то странные знаки, расположенные по окружности, попробовали прикоснуться к ним, то пальцы наши упёрлись в это прозрачное вещество. Человек Гора приблизил эту машину к нашим ушам; тогда мы услышали непрерывный шум, похожий на шум колеса водяной мельницы. Мы полагаем, что это либо неизвестное нам животное, либо почитаемое им божество. Но мы более склоняемся к последнему мнению, потому что, по его уверениям (если мы правильно поняли объяснение Человека Горы, который очень плохо говорит на нашем языке), он редко делает что-нибудь, не советуясь с ним. Этот предмет он называет своим оракулом и говорит, что он указывает время каждого шага его жизни. Из левого часового кармана Человек Гора вынул сеть почти такой же величины, как рыболовная, но устроенную так, что она может закрываться и открываться наподобие кошелька, чем она и служит ему; в сети мы нашли несколько массивных кусков жёлтого металла, и если это настоящее золото, то оно должно представлять огромную ценность.

Таким образом, во исполнение повеления Вашего Величества, тщательно осмотрев все карманы Человека Горы, мы перешли к дальнейшему обследованию и открыли на нём пояс, сделанный из кожи какого-то громадного животного; на этом поясе с левой стороны висит сабля, длиною в пять раз более среднего человеческого роста, а с правой — сумка или мешок, разделённый на два отделения, из коих в каждом можно поместить трёх подданных Вашего Величества. Мы нашли в одном отделении сумки множество шаров из крайне тяжёлого металла; каждый шар, будучи величиной почти с нашу голову, требует большой силы, чтобы поднять его; в другом отделении лежала кучка каких-то чёрных зёрен не очень большого объёма и веса: мы могли поместить на ладони до пятидесяти таких зёрен.

Такова точная опись найденного нами при обыске Человека Горы, который держал себя вежливо и с подобающим почтением к исполнителям приказаний Вашего Величества. Креплено подписью и приложением печати в четвёртый день восьмидесятой девятой луны благополучного царствования Вашего Величества.

Клефрин Фрелок,
Марси Фрелок

Когда эта опись была прочитана императору, его величество потребовал, хотя и в самой деликатной форме, чтобы я отдал некоторые перечисленные в ней предметы. Прежде всего он предложил вручить ему саблю, которую я снял вместе с ножнами и со всем, что было при ней. Тем временем император приказал трём тысячам отборных войск (которые в этот день несли охрану его величества) окружить меня на известном расстоянии и держать на прицеле лука, чего я, впрочем, не заметил, так как глаза мои были устремлены на его величество.

Император пожелал, чтобы я обнажил саблю, которая хотя местами и заржавела от морской воды, но всё-таки ярко блестела. Я повиновался, и в тот же момент все солдаты испустили крик ужаса и удивления: отражавшиеся на стали лучи солнца ослепляли их, когда я размахивал саблей из стороны в сторону.

Его величество, храбрый из монархов, испугался меньше, чем я мог ожидать. Он приказал мне вложить оружие в ножны и возможно осторожнее бросить его на землю футов на шесть от конца моей цепи. Затем он потребовал показать один из полых железных столбов, под которыми он разумел мои карманные пистолеты.

Я вынул пистолет и, по просьбе императора, растолковал, как мог, его употребление; затем, зарядив его только порохом, который благодаря герметически закрытой пороховнице оказался совершенно сухим (все предусмотрительные моряки принимают на этот счёт особые меры предосторожности), я предупредил императора, чтобы он не испугался, и выстрелил в воздух.

На этот раз удивление было гораздо сильнее, чем при виде моей сабли. Сотни человек попадали, как бы поражённые насмерть, и даже сам император, хотя и устоял на ногах, некоторое время не мог прийти в себя. Я отдал оба пистолета тем же способом, что и саблю, и так же поступил с пулями и порохом, но просил его величество держать последний подальше от огня, так как от малейшей искры он может воспламениться и взорвать на воздух императорский дворец.

Равным образом я отдал часы, которые император осмотрел с большим любопытством и приказал двум самым дюжим гвардейцам унести их, надев на шест и положив шест на плечи, вроде того как носильщики в Англии таскают бочонки с элем. Всего более поразили императора непрерывный шум часового механизма и движение минутной стрелки, которое ему было хорошо видно, потому что лилипуты обладают более острым зрением, чем мы. Он предложил учёным высказать своё мнение относительно этой машины, но читатель и сам догадается, что учёные не пришли ни к какому единодушному заключению, и все их предположения, которых, впрочем, я хорошенько не понял, были весьма далеки от истины; затем я сдал серебряные и медные деньги, кошелек с десятью крупными и несколькими мелкими золотыми монетами, нож, бритву, гребень, серебряную табакерку, носовой платок и записную книжку. Сабля, пистолеты и сумка с порохом и пулями были отправлены на телегах в арсенал его величества, остальные вещи возвращены мне.

Я уже сказал выше, что у меня был секретный карман, которого не обнаружили мои сыщики; в нём лежали очки (благодаря слабому зрению я иногда пользуюсь ими), карманная подзорная труба и несколько других мелочей. Так как эти

вещи не представляли никакого интереса для императора, то я не считал долгом чести заявлять о них, тем более что боялся, как бы они не были потеряны или попорчены, если бы попали в чужие руки.

(Перевод Адриана Франковского)

1. Какие чувства возникли у вас при чтении этого отрывка? Что в стране Лилипутии вас особенно поразило? Почему?
2. Какие законы были в Лилипутии?
3. Почему Гулливер был так вежлив с императором и почтителен с его подданными, ведь он мог легко освободиться?
4. Какие эпизоды из романа Дж. Свифта «Путешествия Гулливера» изобразил в своих иллюстрациях художник? Скажите, на какие детали художник обращает внимание, а какие детали он не отразил в своих иллюстрациях?
5. Составьте список вещей, найденных у Гулливера. А как бы сейчас лилипуты описали современные вещи? К примеру, телефон, наушники, ноутбук, фотоаппарат и т. д. Запишите в тетрадь.

Средства художественной выразительности сатиры: гипербола, ирония, аллегория

Комические явления, увиденные автором в жизни, переносятся им на страницы его юмористических или сатирических произведений. При помощи сатиры автор обличает и высмеивает отрицательные явления.

Для того чтобы представить предмет в уничижительном, нелепом, смешном виде, сатирик использует разнообразные изобразительно-выразительные средства: гиперболу, иронию, аллегорию и другие.

С сатирической аллегорией вы встречались в баснях И. А. Крылова. Вы помните, что басенный муравей — олицетворение трудолюбия («Стрекоза и муравей»), свинья — невежества («Свинья под дубом»), ягнёнок — кротости («Волк и ягнёнок»).

Иронию, то есть скрытую насмешку, и гиперболу можно обнаружить у Джона-тана Свифта. Нам становится смешно, когда Гулливер иронично, скрывая улыбку, с серьёзным видом рассуждает о нелепых действиях лилипутов. Смех вызывает и сама ситуация, когда огромный человек попал в плен к маленьким людям, и преувеличенный ужас, который испытали приближённые императора при звуках выстрела из оружия Гулливера.

Разнообразные изобразительно-выразительные средства позволили Дж. Свифту выразить своё отрицательное отношение к напыщенности и тщеславию сановников. Он обличал самомнение, никчёмность чиновников и невежество учёных своего времени.

В одной из поэм Свифт так обрисовал свой портрет:

Поставил автор цель благую —
Лечить испорченность людскую.
Мошенников и плутов всех
Хлестал его жестокий смех...

Сдержки перо он и язык,
Он в жизни многого б достиг.
Но он не помышлял о власти,
Богатство не считал за счастье...

Согласен я, декана ум
 Сатиры полон и угрюм;
 Но не искал он нежной лиры:
 Наш век достоин лишь сатиры.

Всем людям мнил он дать урок,
 Казня не имя, но порок.
 И одного кого-то высечь
 Не думал он, касаясь тысяч.

(Перевод Юрия Левина)

Следовательно, сатирические произведения всегда направлены против пороков того общества, в котором живёт автор. Чтобы их понять, раскрыть смысл намёка, аллегории, надо знать обстоятельства жизни автора, исторический фон его произведения.

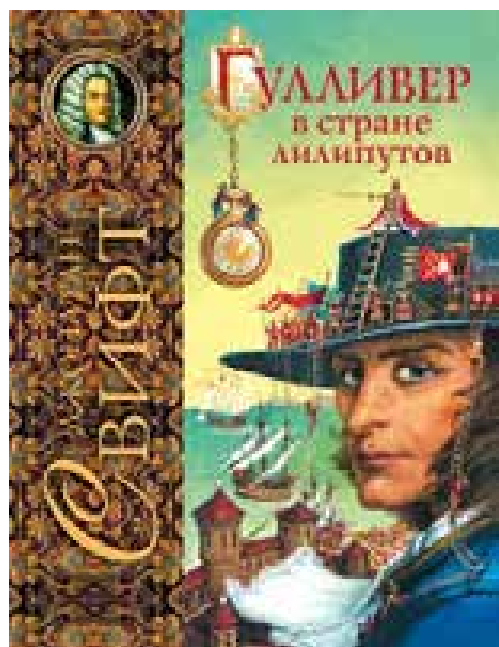

1. Как бы вы объяснили, что такое сатира?
2. О каких сатирических изобразительно-выразительных средствах вы узнали? Используя словарь, запишите их значения в тетрадь.
3. Приведите примеры сатирической аллегории из басен И. А. Крылова.
4. Ещё раз перечитайте сцену обыска и опись вещей, обнаруженных у Гулливера. Что в действиях чиновников и рассуждениях учёных высмеивает автор? Объясните смысл авторских аллегорий.
5. Зная факты из биографии Дж. Свифта и его стихотворение, скажите, каким он был человеком? Как вы понимаете строки «Всем людям мнил он дать урок, / Казня не имя, но порок»?

Проект «Дружелюбный критик»

Задание	Результат
<p>Напишите рецензию (критический отзыв) на обложки художников к книге Дж. Свифта «Путешествие Гулливера». В рецензии подробно опишите:</p> <ul style="list-style-type: none"> • что изображено на них; • выскажите своё мнение о том, насколько верно художники изобразили персонажей, передали настроение романа; • кому из художников, по вашему мнению, удалось более заинтересовать читателя, почему? <p>Предложения в рецензии можно начинать так: «Безусловной заслугой художника является... Художник передаёт идею автора в... К недостаткам можно отнести... Таким образом, рассматриваемая обложка...»</p>	<p>Круглый стол. Класс делится на четыре группы (по числу обложек). Все участвуют в обсуждении, отстаивают свою точку зрения, при этом не забывают уважать мнение оппонентов, задают другим группам вопросы. В конце возможна творческая работа по созданию варианта обложки к роману Даниэля Дефо «Робинзон Крузо».</p>

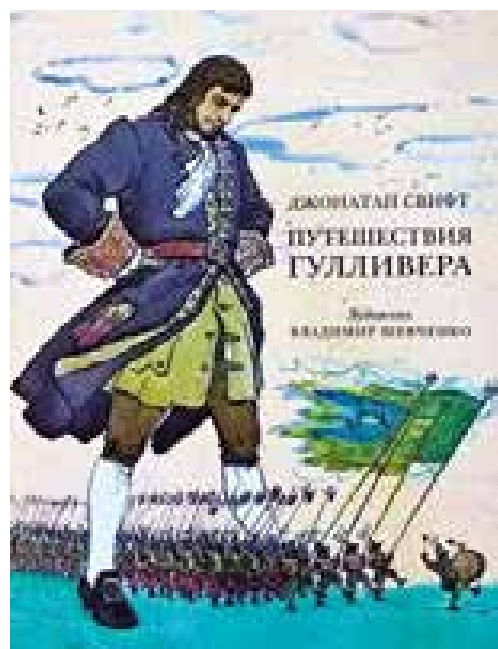
Художник
Андрей Симанчук

Художник
Ольга Подвилова

Художник
Виктор Шатунов

Художник
Владимир Шевченко

Задания для повторения и обобщения изученного в разделе «Из литературы XVIII века»

1. Назовите признаки жанра романа, которые вы отметили при чтении произведений этого раздела.
2. Что в биографиях Даниэля Дефо и Джонатана Свифта вам особенно запомнилось? Какими людьми были эти авторы?
3. Определите, какие элементы композиции присутствуют в отрывке из романа Д. Дефо «Робинзон Крузо».
4. Когда вы прочитаете роман о Робинзоне Крузо, составьте план выживания Робинзона Крузо на необитаемом острове и сравните со своим, который вы написали до чтения этого произведения. Похожи ли ваши представления о необитаемом острове на описание Даниэля Дефо? Как вы объясните сходства и различия в этих двух планах?
5. Что является для автора романа самым главным, когда он создаёт своего героя?
  - а) дать ему звучное имя
  - б) показать его приключения
  - в) создать его портрет
  - г) раскрыть его характер
6. Отец Робинзона Крузо хотел, чтобы его сын стал...
  - а) чиновником
  - б) моряком
  - в) купцом
  - г) писателем
7. В каком городе родился Робинзон Крузо?
  - а) Лондон
  - б) Гулль
  - в) Йорк
  - г) Глазго
8. Сколько раз Робинзон побывал на корабле, чтобы перевезти нужные ему вещи?
  - а) 11
  - б) 12
  - в) 13
9. Что Робинзон посчитал «негодным мусором» из найденного на корабле?
  - а) деньги
  - б) ножи
  - в) инструменты
  - г) чернила
10. Какой забор защищал жилище Робинзона?
  - а) деревянные колья, вбитые в землю
  - б) забор из досок, привезённых с корабля
  - в) стена из камней, найденных на острове
  - г) высокий кустарник
11. Как Робинзон попадал в своё жилище?
  - а) вплавь
  - б) по верёвке
  - в) по лестнице
12. Сколько человек спаслось после кораблекрушения в романе Дж. Свифта «Путешествия Гулливера»?
  - а) 1
  - б) 2
  - в) 5
  - г) 7
13. Как переводилось с лилипутского языка выражение «Куинбус Флестрин»?
  - а) здравия желаю
  - б) сохраняйте спокойствие
  - в) Ваше Величество
  - г) Человек Гора

14. Какие предметы во время досмотра были описаны лилипутами так: «Одна из колонн заключена в покрывше и состоит из цельного материала, но на верхнем конце другой есть какое-то круглое белое тело, вдвое больше нашей головы. В каждой колонне заключена огромная стальная пластина»?
- а) бритва и нож
 б) перо и карандаш
 в) сабля и пистолет
 г) подозренная труба и трость
15. Что значит «ранфуло» по-лилипутски?
- а) камзол
 б) часы
 в) штаны
 г) расчёска

Темы для сочинений

1. Романский герой в литературе XVIII века
2. Чему нас могут научить морские приключения Робинзона Крузо и Гулливера?
3. Дневник Робинзона Крузо
4. В гостях у Робинзона Крузо
5. Над чем смеялся Дж. Свифт в жизни и в своих произведениях?

Мои достижения

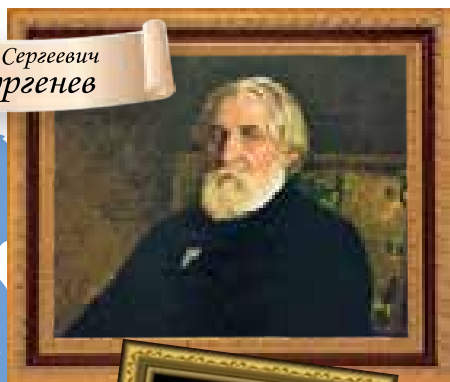
Изучив материал раздела «Из мировой литературы XVIII века», вы можете сами узнать о своих достижениях. Перечертите таблицу в тетрадь, оцените по одному баллу ваши знания и умения. Впишите в последний столбик то, что ещё надо учить. Сколько баллов вы получили? Поставьте себе отметку.

Знаю		Оценка	Надо повторить
1	что такое роман		
2	особенности изображения героя в романе		
3	что такое роман-путешествие и робинзоиана		
4	что такое сатира		
5	изобразительно-выразительные средства, которые используются в сатире		
Могу			
6	назвать главных героев и пересказать эпизод из романа Д. Дефо «Робинзон Крузо»		
7	объяснить, в каких эпизодах особенно ярко раскрывается характер Робинзона Крузо		
8	сделать пересказ содержания эпизода из романа Дж. Свифта «Путешествие в Лилипутию»		
9	найти в тексте произведения средства сатиры		
10	описать главного героя произведений, изученных в этом разделе		

Моя оценка

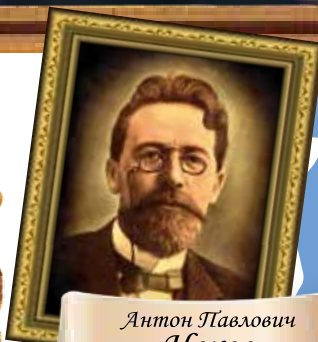
*Александр Сергеевич
Пушкин*

*Иван Сергеевич
Тургенев*

*Михаил Юрьевич
Лермонтов*

*Антон Павлович
Чехов*

*Роберт Льюис
Стивенсон*

*Марк
Твен*

*Михаил Михайлович
Зощенко*

*Николай Алексеевич
Некрасов*

*Иван Андреевич
Крылов*

РАЗДЕЛ V. ИЗ КЛАССИКИ XIX ВЕКА. НАЧАЛО XX ВЕКА

Классическая литература

Деятнадцатый век для многих стран стал временем расцвета литературы. Появились новые жанры, книг стало больше — они издавались большими тиражами и стали разнообразнее. Но главное, конечно, то, что в это время появились писатели, которых по праву можно назвать знатоками человеческой души. Они писали о самых разных сторонах жизни. Они ярко и интересно показывали, как в душе человека и в обществе сталкиваются доброта и злоба, храбрость и трусость, благородство и подлость, верность и предательство, щедрость, великодушие и жадность, эгоизм. В своей душе, в отношениях окружающих их людей, в разных общественных событиях они умели подметить самое важное и увлекательно об этом написать.

Созданные писателями образы, которые воспитывают душу и врезаются в память, остаются на века, становятся материалом для размышлений, образцом для подражания. Именно такую литературу называют классической.

Классическая литература (классика) — образцовые, лучшие, совершенные произведения художественной литературы. Писатель-классик — тот, который внёс большой вклад в национальную и мировую литературу.

Классическую литературу обязательно изучают в школе, но учатся у классиков не только школьники. Русский писатель Василий Андреевич Жуковский, переводя стихотворения классиков немецкой и английской литературы, учился у них сочинять баллады, песни, повести в стихах. В свою очередь, Александр Сергеевич Пушкин считал своим учителем В. А. Жуковского. Белинский так сказал об этом: «...без Жуковского мы не имели бы Пушкина».

Многие писатели до сих пор учатся поэтическому мастерству у писателей-классиков XIX века, особенно — у Пушкина. Они считают его стихотворения эталонным, высочайшим образцом литературного творчества.

Классическая литература создавалась не только в XIX веке. Мы знаем и писателей-классиков XX века.

1. Какую литературу называют классической? Почему? Вспомните, с творчеством каких писателей-классиков вы уже познакомились ранее?
2. Почему именно XIX век называют временем расцвета литературы? Какие темы в литературе XIX века были особенно популярны?
3. «... — это наше всё». Как вы думаете, о каком русском писателе поэт Аполлон Григорьев сказал такие слова? Какой вклад внёс в русскую и мировую литературу писатель, о котором говорит Григорьев?

Рассмотрите внимательно картину Григория Григорьевича Чернецова. На этой картине художник изобразил классиков русской литературы начала XIX века — Пушкина, Крылова, Жуковского и Гнедича, с которыми был лично знаком.

Г. Г. Чернецов. Пушкин, Крылов, Жуковский и Гнедич в Летнем саду. 1832 г.

В 1832 году А. Пушкин был в зените славы, не случайно Г. Чернецов изобразил его в центре. Но писатель Василий Жуковский был не менее знаменит, он стоит справа от Пушкина. Баснописец Иван Крылов намного старше их, он изображён с тростью. Поэт и переводчик Николай Гнедич стоит дальше всех. В детстве он сильно переболел оспой и лишился правого глаза, поэтому художник изобразил его в профиль.

Художник смотрит на своих героев как бы сверху, но они стоят как-то странно. Писатели не жестикулируют, не смеются, как будто ожидают чего-то. Оказывается, эта картина была подготовительной. Впоследствии Г. Чернецов перенесёт эту знаменитую четвёрку литераторов на другое полотно — «Парад на Царицыном лугу в Санкт-Петербурге» (1883 год). Здесь будет изображена огромная толпа людей, всадников, сам государь император на коне и 223 фигуры знаменитостей: художников, музыкантов, писателей, поэтов, среди которых будут и наши писатели-классики.

1. Кто изображён на картине Г. Г. Чернецова? Так ли вы представляете писателей-классиков?
2. Если бы вы были художником, то как изобразили бы классиков русской литературы? Каких бы писателей нарисовали? В какой одежде? На каком фоне? Запишите ответы на эти вопросы в тетради и приготовьте устный рассказ о своей воображаемой «картине».

Детские годы Александра Сергеевича Пушкина

В конце XIX века, когда родился Александр Сергеевич Пушкин (1799—1837), отец его уже отошёл от военной и государственной службы. Он жил светской жизнью, участвовал в празднествах и собраниях. Был прекрасным актёром в домашних спектаклях, очень любил и читал Мольера. Дружил с Карамзиным, поэтом Дмитриевым, а много позднее — с Батюшковым и Жуковским. Сам тоже писал стихи по-французски и по-русски.

В доме Пушкиных французский язык был обиходным. Библиотека была заполнена произведениями французских классиков, трудами философов-просветителей и поэтическими сборниками XVII и XVIII веков.

Рядом с великолепной французской библиотекой, с французской речью в гостиной особый дух царил в детской комнате.

Кто же лелеял детские годы Александра? Кто научил его «предавать мечтам свой юный ум»? Кто была та «наперсница волшебной старины», которую Пушкин с любовью вспоминал уже в южной ссылке, в 1822 году:

Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелён оставила свирель,
Которую сама заморозила.

Через всю свою жизнь пронёс Пушкин нежную, трогательную любовь к бабушке, Марии Алексеевне Ганнибал, и к няне Арине Родионовне.

Мария Алексеевна Ганнибал, владевшая сильной и образной русской речью, была первой наставницей маленького Александра, она выучила его грамоте. Мальчик жадно впитывал в себя её русские сказки, предания и рассказы о прадеде Абраме Петровиче Ганнибале и о его сыне, Осипе Абрамовиче, за которым была замужем.

Наблюдая шалости Александра, Мария Алексеевна недоумевала.

— Не знаю, — говорила она, — что выйдет из моего старшего внука: мальчик умён, охотник до книжек, а учится плохо, редко когда урок свой сдаст порядком; то его не расшевелишь, не прогонишь играть с детьми, то вдруг так развернётся и расходится, что его ничем не уймёшь; из одной крайности в другую бросается. Бог знает, чем всё это кончится, если он не переменится.

И часто журила за проделки:

— Помяни ты моё слово, не сносить тебе своей головы...

Рядом с бабушкой Марией Алексеевной перед нами оживает образ его чудесной няни, Арины Родионовны. Нет в мировой литературе другой няни, чьё имя так тесно сплелось бы с именем её питомца. Простая, неграмотная русская женщина, крепостная крестьянка стала спутницей великого русского поэта. Больше всех

Е. И. Гейтман.
Портрет А. С. Пушкина

воспитателей и воспитательниц на детскую душу будущего поэта воздействовала Арина Родионовна. Она, по словам сестры Пушкина Ольги, была «настоящею представительницею русских нянь, мастерски говорила сказки, знала народные поверья и сыпала пословицами, поговорками». И нет такого школьника, которому не было бы знакомо имя Арины Родионовны.

Бабушка Мария Алексеевна и няня Арина Родионовна слились в воображении Пушкина в единый нежно любимый образ. И он тепло вспоминал их в стихотворении «Сон» накануне выхода из Лицея:

...Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духóв молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шёпотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.
Под образом простой ночник из глины
Чуть освещал глубокие морщины,
Драгóй антик¹, прабабушкин чепец
И длинный рот, где зуба два стучало, —
Всё в душу страх невольный поселяло.
Я трепетал — и тихо наконец
Томленье сна на очи упало.
Тогда толпой с лазурной высоты
На ложе роз крылатые мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали.
Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полкáнов² и Добры́ней³,
И в вымыслах носился юный ум.

Рассказывая о няне Пушкина, нельзя не помянуть добрым словом и дядьку⁴ Пушкина, Никиту Тимофеевича Козлова.

Никита Козлов, создавший по мотивам народных былин и сказок своего рода поэму о Соловье-разбойнике, богатыре Еруслане Лазаревиче и царевне Милитрисе

---

¹ Драгóй антик — дорогая старинная, причудливая, диковинная вещь. В этом стихотворении Пушкина речь идёт о старинном домашнем головном уборе.

² Полкán — персонаж русского народного фольклора, существо с телом коня и головой человека.

³ Добры́ня — былинный герой.

⁴ Дядька — слуга-воспитатель при мальчике.

Кирибитьевне, также влиял на приобщение маленького Пушкина к миру подлинного русского фольклора. Он оставался верным и преданным слугою и другом Пушкина от колыбели поэта до последнего дня.

В ранние годы Александра дядька был свидетелем и участником его детских игр и шалостей, сопровождал во время прогулок по Москве, взбирался с ним на колокольню Ивана Великого в Кремле. Он разделил с юным поэтом южную ссылку, перевозил его книги. Был очевидцем выступления декабристов на Сенатской площади. Ездил с Пушкиным в Болдино, жил у него в Москве перед его женитьбою...

В детстве Александра интересовали встречи в доме отца с виднейшими поэтами и писателями и увлекали собственные ранние поэтические настроения. Любимым делом мальчика было пробираться в кабинет отца, когда собирались гости, и прислушиваться к разговорам старших.

«В самом младенчестве своём, — вспоминал отец, Сергей Львович, — он показал большое уважение к писателям. Не имея шести лет, он уже понимал, что Николай Михайлович Карамзин — не то, что другие. Одним вечером Николай Михайлович был у меня, сидел долго, — во всё время Александр, сидя против него, вслушивался в его разговоры и не спускал с него глаз. Ему шёл шестой год».

Брат Пушкина, Лев Сергеевич, рассказывал, что «страсть к поэзии появилась в нём с первыми понятиями: на восьмом году возраста, умея читать и писать, он сочинял на французском языке маленькие комедии и эпиграммы¹ на своих учителей... Ребёнок проводил нередко бессонные ночи, пробирался тайком в кабинет отца и там пожирал книги одну за другой. Пушкин был одарён памятью неимоверною и на одиннадцатом году уже знал наизусть всю французскую литературу».

О годах своего младенчества, о первых своих трепетных поэтических волнениях Пушкин писал впоследствии в стихотворении «Муза»:

В младенчестве моём она меня любила
И семиствольную цевницу² мне вручила...

Сестра Ольга была верным другом детства Александра. Ей он поверял свои детские тайны, с нею делился первыми поэтическими мечтаниями.

Ночью мальчик долго не засыпал, и когда Ольга спрашивала брата, почему он не спит, тот отвечал вполне серьёзно:

— Стихи сочиняю...

Познакомившись в ранние годы с французской литературой, прекрасно владея языком, маленький Пушкин и первые свои детские творения создавал на французском языке.

И вот, начитавшись в библиотеке отца французских книг, наслушавшись, как отец читает вслух Мольера³, девятилетний Александр сам начинает сочинять небольшие комедии на французском языке. Одну из них, «Похититель», маленький драматург решил поставить на домашней сцене.

¹ Эпиграмма — короткое сатирическое стихотворение.

² Цевница — здесь: духовой музыкальный инструмент, разновидность флейты с несколькими трубками-стволами. Такая флейта — символ поэзии.

³ Мольер — французский писатель XVII века, автор многих знаменитых комедий.

Ольге, единственной зрительнице этого спектакля, пьеса не понравилась, и она освистала автора:

— Ты сам и есть похититель, ты похитил комедию у Мольера!.. — говорит одиннадцатилетняя Ольга.

Александр сам на себя написал после этого эпиграмму, по-французски:

За что, скажи мне, «Похититель»
Был встречен шиканьем партера?
Увы! За то, что сочинитель
Его похитил у Мольера!

Уже в детские годы, тем более в отроческие, Александр слыл в кругу взрослых поэтом. О нём спорили. Одни восхищались его ребяческим поэтическим даром, другие покачивали головами.

Бывая с родителями у Бутурлиных, Пушкин забирался в их огромную библиотеку. Часто встречался там с дядей и поэтами — К. Н. Батюшковым, И. И. Дмитриевым, В. А. Жуковским, баснописцем И. А. Крыловым.

В его присутствии начался однажды спор о достоинствах басен двух известных баснописцев той поры — И. А. Крылова и И. И. Дмитриева. Василий Львович горячился и, отдавая предпочтение Дмитриеву, нападал на басни Крылова:

— В них нету изящества, вкуса. Площадный язык¹, площадные картины...

Горячность дяди забавляла Александра, но басни Крылова нравились ему куда больше...

В споры взрослых Александр никогда не вступал. Он сидел обычно в уголке или примостившись к стулу какого-нибудь читавшего свои произведения литератора. Если же произведение казалось ему слишком забавным, он не стеснялся это выразить.

На Александра обратил внимание гувернёр детей Бутурлина, доктор словесных наук, француз-эмигрант Жиле, и как-то предсказал:

— Чудное дитя! Как он рано всё начал понимать! Дай Бог, чтобы этот ребёнок жил и жил; вы увидите, что из него будет...

Так проходили детские годы Пушкина.

По книге А. И. Гессена «Жизнь Пушкина»

1. Кто бывал в доме Пушкиных? О ком из этих замечательных людей вы уже знаете?
2. Какой язык господствовал в доме поэта?
3. Кто сыграл важную роль в воспитании Александра Пушкина? В чём проявлялась их любовь к маленькому поэту?
4. Какие отношения у Пушкина были с братом и сестрой?
5. Какой портрет Пушкина-ребёнка рисует в своей книге А. И. Гессен? Дополните этот портрет той информацией, которую вы найдёте самостоятельно, используя домашнюю библиотеку или другие источники.

¹ Площадный язык — грубая, некультурная речь.

Александр Сергеевич Пушкин

Песнь о вещем Олеге

Как ныне собирается вѣщий¹ Олег
Отмстить неразумным хозарам²,
Их сѣла и нивы³ за буйный набег
Обрѣк⁴ он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из тѣмного леса, навстречу ему,
Идѣт вдохновенный кудѣсник⁵,
Покорный Перуну⁶ старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях проведенный весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землёю?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмѣшь ты коня».

«Волхвы⁷ не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий⁸ на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово моё:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твоё;
Твой щит на вратах Цареграда;
И волны, и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

---

¹ Вѣщий — предвидящий будущее, пророческий.

² Хозары — то же, что хазары: тюркоязычный кочевой народ, некогда обитавший в нынешней Южной России.

³ Нива — поле, возделанное для посева, пашня.

⁴ Обрѣчь — предназначить к какой-нибудь неизбежной участи (обычно тяжёлой).

⁵ Кудѣсник — волшебник, чародей, колдун.

⁶ Перун — в славянской мифологии бог грома и воинской доблести.

⁷ Волхвы — древнерусские языческие жрецы, осуществлявшие богослужение, умевшие заклинать стихии и видеть будущее.

⁸ Жребий — *здесь*: судьба.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной бронёй ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю.
И холод, и сеча ему ничего...
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся — однако челó¹
И взор омрачилися думой.
В молчаньи, рукой опершись на седло,
С коня он слезает, угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит, и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! Уж не ступит нога
В твоё позлащённое стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отроки-друзи, возьмите коня,

Покройте попоной, мохнатым ковром;
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте; кормите отборным зерном;
Водой ключевую поите».
И отроки тотчас с конём отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне весёлом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

«А где мой товарищ? — промолвил Олег, —
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? Всё так же ль лёгок его бег?
Всё тот же ль он бурный, игривый?»

---

¹ Челó — лоб.

И внемлет¹ ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть² бы твоё предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят — на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокой!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалёкой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мёртвой главы гробовая змея,
Шипя, между тем выползала;
Как чёрная лента, вокруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне³ плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

1. Какие моменты из «Песни о вещем Олеге» изобразил художник Виктор Михайлович Васнецов на иллюстрациях? Найдите в тексте цитаты.
2. Сравните балладу А. С. Пушкина с летописью «Предание о смерти князя Олега». В чём вы видите разницу и что в них общего?
3. Какие изобразительно-выразительные средства делают балладу рассказом о старине — живым и эмоциональным, торжественным и проникновенным?

¹ Внимать — слушать, слушаться, применять наставления к делу.

² Презреть — пренебречь чем-нибудь как недостойным внимания.

³ Тризна — у древних славян: пиршество в память умершего.

История и поэзия

Вспомним, что питает творчество писателей? Что вдохновляет их на создание книг? Собственные размышления и чувства, фольклор, литература. А кроме этого? Конечно — важные события истории своей страны, своего народа.

В старину поэзия чаще всего говорила о высоких чувствах, о больших делах, о подвигах и исключительных событиях: о грандиозных сражениях и воинских поединках, о завоевании новых земель и противостоянии захватчикам. И славные, и трагические страницы истории воспринимались как уроки, которые нельзя забывать.

Рассказы о важных делах правителей, о подвигах прославленных воинов и обычных, ничем не знаменитых людей сохранялись в устном народном творчестве как пример для рассуждения и подражания. Изложенные в красивой поэтической форме, они были захватывающе интересными, выразительными, ритмичными, музыкальными. Они красиво исполнялись и легко запоминались. Именно поэтому их передавали из поколения в поколение как величайшую драгоценность.

В древности историческим событиям посвящали народные героические песни, баллады, былины и эпические сказания. Мы уже знаем, что в средневековой древнерусской литературе был жанр «похвалы». Произведения, написанные в этом жанре, посвящались поучительным делам правителей. Придворные поэты Востока до небес превозносили мощь и добрые дела императоров, царственных шейхов и султанов, составляя в их честь величественные поэмы.

Поэзия Нового времени постепенно отказалась от пышных похвал, но и в ней нашли своё отражение подвиги правителей, великих полководцев — как предков, так и современников.

А в XIX веке поэты всё чаще стали обращаться к подвигам простых людей. Они описывали достоверные исторические события, размышляли о судьбе своего народа, о его высоком предназначении. Язык произведений становился проще, ближе к обычной речи, но всё равно оставался очень ярким и эмоциональным. Ведь главной в исторических поэмах, балладах и стихотворениях всегда оставалась тема героизма, верности своему долгу, любви к Родине, а эта тема всегда вызывает сильные чувства.

1. В каких жанрах фольклора отражались исторические события?
2. Можно ли назвать эпос «Манас» народной исторической поэмой? Каким событиям он посвящён?
3. Выпишите в тетрадь все перечисленные в этой статье жанры. К незнакомым жанрам найдите определения в словаре, а к известным напишите примеры произведений, изученных в 5–6 классах.
4. Назовите современные стихотворения или песни, в которых прославляются герои.
5. Составьте план этой учебной статьи. Приготовьтесь её пересказывать, используя примеры из вопроса 3.

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841)

Михаил Юрьевич Лермонтов родился в Москве в 1814 году, когда Отечественная война 1812 года уже закончилась. Но память о великой победе и подвиге героев жила в народе и волновала многих.

Бородинское сражение — крупнейшее сражение в Отечественной войне 1812 года между русской армией под командованием генерала М. И. Кутузова и французской армией под началом императора Наполеона Бонапарта. Состоялось оно 26 августа 1812 года у села Бородино, в 125 километрах на запад от Москвы.

К изображению Бородинской битвы Лермонтов обращался несколько раз. Самое известное его стихотворение на эту тему — «Бородино» — было написано в 1837 году. Оно сразу полюбилось читателям. Это — шедевр исторической поэзии.

Бородино

— Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые?
Да, говорят, ещё какие!
Недаром помнит вся Россия
    Про день Бородина!

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля...
Не будь на то Господня воля,
    Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? На зимние квартиры?»

Не смеют что ли командиры
Чужие изорвать мундиры
    О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут¹.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
    Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдём ломить стеною,
Уж постоим мы головою
    За Родину свою!

¹ Редут — полевое укрепление.

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добратся до картечи¹!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилёг вздремнуть я у лафёта²,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак³ открытый:
Кто кивер⁴ чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рождён был хвátом⁵:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражён булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умрёмте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.

Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий
Французы двинулись как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы⁶ с пёстрыми значками,

Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой!..

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили басурманы⁷.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля.
Когда б на то не Божья воля,
Не отдали б Москвы!

¹ Картечь — артиллерийский снаряд, начинённый круглыми пулями для поражения противника на близком расстоянии.

² Лафёт — опора, на которой укрепляется ствол артиллерийского орудия.

³ Бивак — военный лагерь.

⁴ Кивер — военный головной убор. Высокий и жёсткий, он уберегал голову воина от удара саблей.

⁵ Хват — смелый, ловкий человек.

⁶ Уланы и драгуны — конные воины, кавалеристы.

⁷ Басурманы — *здесь*: противники, враги.

1. Что вы чувствовали во время чтения этого стихотворения Михаила Лермонтова? Опишите свои чувства.
2. Понравилось ли вам само стихотворение? Почему? Аргументируйте свой ответ.
3. О каком событии рассказывает М. Ю. Лермонтов в стихотворении «Бородино»? Что вы знаете об Отечественной войне 1812 года? Кто был противником русских войск? Кто возглавлял войска неприятеля? Кто был предводителем русских войск?
4. Кто рассказывает нам о Бородинском сражении? Почему автор решил вести повествование от лица этого человека?
5. Сказано ли в стихотворении о главных военачальниках сражения? Почему?
6. Какие строки в стихотворении «Бородино» повторяются несколько раз? Какую роль они играют?
7. Рассмотрите картины с изображением Бородинской битвы. Какая из них могла бы стать иллюстрацией к стихотворению Лермонтова? Объясните свой выбор.
8. **Рисуем словами.** Если бы вы были художниками, какой эпизод стихотворения «Бородино» вы бы проиллюстрировали? Почему именно этот? Расскажите, что бы вы нарисовали?
9. Выучите понравившийся отрывок из стихотворения «Бородино» наизусть и подготовьтесь к выразительному чтению.
10. Рассмотрите картины Н. С. Самокиша «Атака Шевардинского редута» и С. Зелихмана «Рейд казаков Платова в тыл наполеоновской армии». Опишите, что изображено на них, какие цвета используют художники, как краски помогают им передать настроение картины. Обратите внимание на детали, что общего в этих картинах, какие есть различия? Обсудите в группах план к сочинению по одной из картин. Какую лексику, какие цитаты из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино» вы используете при написании сочинения?

Н. С. Самокиш. Атака Шевардинского редута. 1910 г.

С. Зелихман. Рейд казаков Платова в тыл наполеоновской армии. 1959 г.

Что такое идея литературного произведения (На примере стихотворения Лермонтова «Бородино»)

Идея литературного произведения — это главная мысль автора, обобщение, то самое важное, что он хотел сказать в своём сочинении. Главная идея не обязательно выражена одной фразой, как это бывает в баснях. Чаще всего идея — это обобщение всего содержания, вывод, к которому должен прийти читатель, прочитав всё произведение.

В статье «Стихотворения Лермонтова» современник поэта, критик Виссарион Григорьевич Белинский проанализировал стихотворение Лермонтова «Бородино» и выявил его главную идею: «<...> Первая пьеса Лермонтова напечатана была в «Современнике» 1837 года, уже после смерти Пушкина. Она называется «Бородино». Поэт представляет молодого солдата, который спрашивает старого служаку:

— Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые?
Да, говорят, ещё какие!
Недаром помнит вся Россия
    Про день Бородина.

Вся основная идея стихотворения выражена во втором куплете, которым начинается ответ старого солдата, состоящий из тринадцати куплетов:

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали б Москвы!

Эта мысль — жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел. Дальше мы увидим, что эта тоска по жизни внушила нашему поэту не одно стихотворение, полное энергии и благородного негодования. Что же до «Бородина», — это стихотворение отличается простотою, безыскусственностью: в каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо простодушным, в то же время благороден, силён и полон поэзии».

1. Какой из синонимов к слову «идея» вам кажется наиболее точным: «мысль», «смысл», «обобщение», «замысел», «план», «проблема»? Объясните свой выбор.
2. Как вы думаете, критику Белинскому понравилось произведение Лермонтова? Из каких слов его статьи это видно?
3. Что такое пьеса? Почему Белинский в своей критической статье называет стихотворение Лермонтова пьесой?
4. Какими художественными приёмами Лермонтов передаёт особенности речи простого солдата? Какими эпитетами Белинский характеризует язык солдата?
5. Что пишет Белинский о главной идее стихотворения Лермонтова?
6. Расскажите об идее стихотворения «Бородино» своими словами. Запишите это объяснение в тетрадь.
7. Согласны ли вы с тем, что в наше время не встретишь таких героев, какие были в прошлом? Почему вы так думаете?

Роберт Льюис Стивенсон (1850—1894)

Роберт Льюис Стивенсон — знаменитый шотландский писатель, одним из первых стал писать специально для детей. Автор многих приключенческих романов, самые известные из которых — «Чёрная стрела» и «Остров сокровищ».

Стивенсон писал также стихи для взрослых и детей. В балладе «Вересковый мёд» он изображает трагический эпизод из истории завоевания Шотландии и гибели её коренных жителей, свободолюбивых пиктов. С этой балладой, написанной на английском языке, мы познакомимся в переводе замечательного поэта Самуила Яковлевича Маршака.

Вересковый мёд

Из вереска¹ напиток
Забыт давным-давно.

А был он слаще мёда,
Пьянее, чем вино.

В котлах его варили
И пили всей семьёй
Малютки-медовары
В пещерах под землёй.

Пришёл король шотландский,
Безжалостный к врагам,
Погнал он бедных пиктов
К скалистым берегам.
На вересковом поле,
На поле боевом
Лежал живой на мёртвом
И мёртвый — на живом.

Лето в стране настало,
Вереск опять цветёт,
Но некому готовить
Вересковый мёд.
В своих могилках тесных,
В горах родной земли
Малютки-медовары
Приют себе нашли.

Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки
С дорогой наравне.
Король глядит угрюмо:
«Опять в краю моём
Цветет медвяный вереск,
А мёда мы не пьём!»

Но вот его вассалы
Приметили двоих
Последних медоваров,
Оставшихся в живых.

Вышли они из-под камня,
Щурясь на белый свет, —
Старый горбатый карлик
И мальчик пятнадцати лет.

К берегу моря крутому
Их привели на допрос,
Но ни один из пленных
Слова не произнёс.
Сидел король шотландский,
Не шевелясь, в седле.
А маленькие люди
Стояли на земле.

Гневно король промолвил:
— Пытка обоих ждёт,
Если не скажете, черти,
Как вы готовили мёд!
Сын и отец молчали,
Стоя у края скалы.
Вереск звенел над ними,
В море — катились валы.

И вдруг голосок раздался:
— Слушай, шотландский король,
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволь!
Старость боится смерти.
Жизнь я изменой куплю,
Выдам заветную тайну! —
Карлик сказал королю.

Голос его воробьиный
Резко и чётко звучал:
— Тайну давно бы я выдал,
Если бы сын не мешал!
Мальчику жизни не жалко,
Гибель ему нипочём.
Мне продавать свою совесть
Совестно будет при нём.

---

¹ Вереск — вечнозелёный кустарник с сиреневыми цветами.

Пускай его крепко свяжут
И бросят в пучину вод,
А я научу шотландцев
Готовить старинный мёд!

Сильный шотландский воин
Мальчика крепко связал
И бросил в открытое море
С прибрежных отвесных скал.
Волны над ним сомкнулись.
Замер последний крик...

И эхом ему ответил
С обрыва отец-старик.

– Правду сказал я, шотландцы,
От сына я ждал беды.
Не верил я в стойкость юных,
Не бредущих бороды.
А мне костёр не страшен.
Пускай со мной умрёт
Моя святая тайна —
Мой вересковый мёд!

1. Затронула ли ваше сердце эта баллада? О каких событиях рассказывается в балладе «Вересковый мёд»?
2. Как вы себе представляете эпизод встречи шотландского короля и маленьких пиктов? Какие чувства владели королём? Какими словами автор выразил своё отношение к героям?
3. В каких строчках выражена главная идея этого произведения? Расскажите об этой идее своими словами.
4. В 1963 году художник В. Бордзиловский нарисовал иллюстрации к диафильму «Вересковый мёд». Подберите слова из текста к предложенным ниже иллюстрациям. Посмотрите этот диафильм по ссылке: <http://diamult.com/film/17205/> и проверьте себя, угадали ли вы.

Художественный перевод

Перевод — это передача текста, созданного на одном языке, средствами другого языка. Текст-первоисточник, с которого делается перевод на другой язык, называется оригиналом.

Делая художественный перевод стихотворения или прозы, переводчик не просто подбирает подходящие слова из другого языка, он создаёт новые художественные образы, очень похожие на образы героев оригинала. Он становится как бы соавтором, сочинителем.

Труд переводчиков очень важен для нас — надо запоминать их имена, ценить их творчество. Только благодаря переводчикам мы можем читать произведения мировой литературы, написанные на разных незнакомых нам языках.

Один из самых известных русских поэтов-переводчиков — Самуил Яковлевич Маршак (1887—1964). Чтобы лучше узнать английский язык и литературу, он учился в Лондонском университете, во время каникул много путешествовал пешком по Англии, слушал английские народные песни. Его замечательные переводы английской поэзии оказали большое влияние на русскую детскую литературу.

1. Что такое художественный перевод произведений литературы? Зачем он нужен?
2. С переводами каких произведений вы познакомились в этом разделе?
3. вспомните произведения Самуила Маршака, которые вы читали раньше. Какие из них были переводами на русский язык с других языков? Подготовьте сообщение о переводах детских стихотворений, сделанных Маршаком.
4. Знаете ли вы имена других поэтов-переводчиков? вспомните, кто переводил эпос «Манас» на русский язык.
5. Попробуйте сделать поэтический перевод какого-нибудь стихотворения с кыргызского, английского или другого языка, который вы знаете или изучаете в школе.

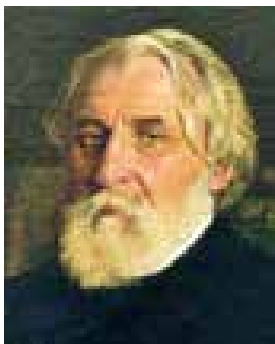
Герои Тургенева и Некрасова. Обычные люди в обычной жизни

В XIX веке героями книг всё чаще становятся люди небогатые, незнатные, не отличившиеся подвигами и какими-то исключительными достижениями. Истории из их жизни оказываются порой интереснее свершений великих правителей и приключений знаменитых путешественников. Писателям важно показать индивидуальность, характерные черты, достоинство и величие души, которые бывают не только у знаменитых, но и у обычных людей.

Главным героем рассказа «Муму» Иван Сергеевич Тургенев (1818—1883) сделал немого крепостного крестьянина. Героями стихотворений Николая Алексеевича Некрасова (1821—1878) тоже нередко становились крестьяне. Действующие лица в стихотворении «Крестьянские дети» — несколько крестьянских мальчишек.

Выходцы из дворянских семей, писатели не сторонились простых людей, они искренне интересовались их характерами, разговорами, судьбами. Писатели очень переживали, если видели крестьян в бедственном состоянии.

Вы читаете прозу Тургенева и стихи Некрасова и увидите, что они не только показывали красоту характера простых людей, но и старались привлечь внимание общества к их тяжёлому положению, мечтали о том, чтобы жизнь народа изменилась к лучшему.

Иван Сергеевич Тургенев

Муму¹

В одной из отдалённых улиц Москвы, в сером доме с белыми колоннами, антресолю и покривившимся балконом, жила некогда барыня, вдова, окружённая многочисленною дворней. Сыновья её служили в Петербурге, дочери вышли замуж; она выезжала редко и уединённо доживала последние годы своей скупой и скучающей старости. День её, нерадостный и ненастный, давно прошёл; но и вечер её был чернее ночи.

Из числа всей её челяди² самым замечательным лицом был дворник Герасим, мужчина двенадцати вершков роста, сложенный богатырём и глухонемой от рождения. Барыня взяла его из деревни, где он жил один, в небольшой избушке, отдельно от братьев, и считался едва ли не самым исправным тягловым мужиком. Одарённый необычайной силой, он работал за четверых — дело спорилось в его руках, и весело было смотреть на него, когда он либо пахал и, налегая огромными ладонями на соху, казалось, один, без помощи лошадёнки, взрезывал упругую грудь земли, либо о Петров день так сокрушительно действовал косой, что хоть бы молодой берёзовый лесок смахивать с корней долой, либо проворно и безостановочно молотил трёхаршинным цепом, и как рычаг опускались и поднимались продолговатые и твёрдые мышцы его плечей. Постоянное безмолвие придавало торжественную важность его неистомной работе. Славный он был мужик, и не будь его несчастье, всякая девка охотно пошла бы за него замуж... Но вот Герасима привезли в Москву, купили ему сапоги, сшили кафтан на лето, на зиму тулуп, дали ему в руки метлу и лопату и определили его дворником.

---

¹ Печатается в сокращении.

² Челядь — слуги, дворня.

Крепко не полюбилось ему сначала его новое житьё. С детства привык он к полевым работам, к деревенскому быту. Отчуждённый несчастьем своим от сообщества людей, он вырос немой и могучий, как дерево растёт на плодородной земле... Переселённый в город, он не понимал, что с ним такое делается, — скучал и недоумевал, как недоумевает молодой, здоровый бык, которого только что взяли с нивы, где сочная трава росла ему по брюхо, взяли, поставили на вагон железной дороги — и вот, обдавая его тучное тело то дымом с искрами, то волнистым паром, мчат его теперь, мчат со стуком и визгом, а куда мчат — бог весть! Занятия Герасима по новой его должности казались ему шуткой после

тяжких крестьянских работ; в полчаса всё у него было готово, и он опять то останавливался посреди двора и глядел, разинув рот, на всех проходящих, как бы желая добиться от них решения загадочного своего положения, то вдруг уходил куда-нибудь в уголок и, далеко швырнув метлу и лопату, бросался на землю лицом и целые часы лежал на груди неподвижно, как пойманный зверь. Но ко всему привыкает человек, и Герасим привык наконец к городскому житью. Дела у него было немного; вся обязанность его состояла в том, чтобы двор содержать в чистоте, два раза в день привезти бочку с водой, натаскать и наколоть дров для кухни и дома да чужих не пускать и по ночам караулить. И надо сказать, усердно исполнял он свою обязанность: на дворе у него никогда ни щепок не валялось, ни сору; застрянет ли в грязную пору где-нибудь с бочкой отданная под его начальство разбитая кляча-водовозка, он только двинет плечом — и не только телегу, самое лошадь спихнёт с места; дрова ли примется он колоть, топор так и звенит у него, как стекло, и летят во все стороны осколки и поленья; а что насчёт чужих, так после того, как он однажды ночью, поймав двух воров, стукнул их друг о дружку лбами, да так стукнул, что хоть в полицию их потом не води, все в околотке очень стали уважать его; даже днём проходившие, вовсе уже не мошенники, а просто незнакомые люди, при виде грозного дворника отмахивались и кричали на него, как будто он мог слышать их крики. Со всей остальной челядью Герасим находился в отношениях не то чтобы приятельских, — они его побаивались, — а коротких: он считал их за своих. Они с ним объяснялись знаками, и он их понимал, в точности исполнял все приказания, но права свои тоже знал, и уже никто не смел садиться на его место в застолье. Вообще Герасим был нрава строгого и серьёзного, любил во всём порядок; даже петухи при нём не смели драться, а то беда! Увидит, тотчас схватит за ноги, повертит раз десять на воздухе колесом и бросит врозь. На дворе у барыни водились тоже гуси; но гусь, известно, птица важная и рассудительная; Герасим чувствовал к ним уважение, ходил за ними и кормил их; он сам смахивал на степенного гусака. Ему отвели над кухней каморку; он устроил её себе сам, по своему вкусу: соорудил в ней кровать из дубовых досок на четырёх чурбанах, истинно богатырскую кровать; сто пудов можно было положить на неё — не погнулась бы; под кроватью находился дюжий сундук; в уголку стоял столик такого же крепкого

свойства, а возле столика — стул на трёх ножках, да такой прочный и приземистый, что сам Герасим, бывало, поднимет его, уронит и ухмыльнётся. Каморка запиралась на замок, напоминавший своим видом калач, только чёрный; ключ от этого замка Герасим всегда носил с собой на пояске. Он не любил, чтобы к нему ходили.

Так прошёл год, по окончании которого с Герасимом случилось небольшое происшествие.

Старая барыня, у которой он жил в дворниках, во всём следовала древним обычаям и прислугу держала многочисленную: в доме у неё находились не только прачки, швеи, столяры, портные и портнихи, — был даже один шорник, он же считался ветеринарным врачом и лекарем для людей, был домашний лекарь для госпожи, был, наконец, один башмачник, по имени Капитон Климов, пьяница горький. Климов почитал себя существом обиженным и не оценённым по достоинству, человеком образованным и столичным, которому не в Москве бы жить, без дела, в каком-то захолустье, и если пил, как он сам выражался с расстановкой и стуча себя в грудь, то пил уже именно с горя. Вот зашла однажды о нём речь у барыни с её главным дворецким, Гаврилой, человеком, которому, судя по одним его жёлтым глазкам и утиному носу, сама судьба, казалось, определила быть начальствующим лицом. Барыня сожалела об испорченной нравственности Капитона, которого накануне только что отыскали где-то на улице.

— А что, Гаврила, — заговорила вдруг она, — не женить ли нам его, как ты думаешь? Может, он остепенится.

— Отчего же не женить-с! Можно-с, — ответил Гаврила, — и очень даже будет хорошо-с.

— Да; только кто за него пойдёт?

— Конечно-с. А впрочем, как вам будет угодно-с. Все же он, так сказать, на что-нибудь может быть потребен; из десятка его не выкинешь.

— Кажется, ему Татьяна нравится?

Гаврила хотел было что-то возразить, да сжал губы.

— Да!.. пусть посватает Татьяну, — решила барыня, с удовольствием понюхивая табачок, — слышишь?

— Слушаю-с, — произнёс Гаврила и удалился. Возвратясь в свою комнату (она находилась во флигеле и была почти вся загромождена коваными сундуками), Гаврила сперва выслал вон свою жену, а потом подсел к окну и задумался. Неожиданное распоряжение барыни его, видимо, озадачило. Наконец он встал и велел кликнуть Капитона. Капитон явился... Но прежде чем мы передадим читателям их разговор, считаем нелишним рассказать в немногих словах, кто была эта Татьяна, на которой приходилось Капитону жениться, и почему повеление барыни смутило дворецкого.

Татьяна, состоявшая, как мы сказали выше, в должности прачки (впрочем, ей, как искусной и учёной прачке, поручалось одно тонкое бельё), была женщина лет двадцати осьми, маленькая, худая, белокурая, с родинками на левой щеке. Родинки на левой щеке почитаются на Руси худой приметой — предвещанием несчастной жизни... Татьяна не могла похвалиться своей участью. С ранней молодости её держали в черном теле; работала она за двоих, а ласки никакой никогда не видала; одевали её плохо, жалованье она получала самое маленькое; родни у неё всё равно что не было: один какой-то старый ключник, оставленный за негодностью в деревне,

доводился ей дядей да другие дядья у ней в мужиках состояли — вот и всё. Когда-то она слыла красавицей, но красота с неё очень скоро соскочила. Нрава она была весьма смиренного, или, лучше сказать, запуганного, к самой себе она чувствовала полное равнодушие, других боялась смертельно; думала только о том, как бы работу к сроку кончить, никогда ни с кем не говорила и трепетала при одном имени барыни, хотя та её почти в глаза не знала. Когда Герасима привезли из деревни, она чуть не обмерла от ужаса при виде его громадной фигуры, всячески старалась не встречаться с ним, даже жмурилась, бывало, когда ей случалось пробежать мимо него, спеша из дома в прачечную — Герасим сперва не обращал на неё особенного внимания, потом стал посмеиваться, когда она ему попадалась, потом и заглядываться на неё начал, наконец и вовсе глаз с неё не спускал. Полюбилась она ему; кротким ли выражением лица, робостью ли движений — Бог его знает! Вот однажды пробиралась она по двору, осторожно поднимая на растопыренных пальцах накрахмаленную барынину кофту... кто-то вдруг сильно схватил её за локоть; она обернулась и так и вскрикнула: за ней стоял Герасим. Глупо смеясь и ласково мыча, протягивал он ей пряничного петушка, с сусальным золотом на хвосте и крыльях. Она было хотела отказаться, но он насильно впихнул его ей прямо в руку, покачал головой, пошёл прочь и, обернувшись, ещё раз промычал ей что-то очень дружелюбное. С того дня он уж ей не давал покоя: куда, бывало, она ни пойдёт, он уж тут как тут, идёт ей навстречу, улыбается, мычит, махает руками, ленту вдруг вытащит из-за пазухи и всучит ей, метлой перед ней пыль расчистит. Бедная девка просто не знала, как её быть и что делать. Скоро весь дом узнал о проделках немого дворника; насмешки, прибауточки, колкие словечки посыпались на Татьяну. Над Герасимом, однако, глумиться не все решались: он шуток не любил; да и её при нём оставляли в покое. Рада не рада, а попала девка под его покровительство. Как все глухонемые, он очень был догадлив и очень хорошо понимал, когда над ним или над ней смеялись. Однажды за обедом кастелянша, начальница Татьяны, принялась её, как говорится, шпынять и до того её довела, что та, бедная, не знала куда глаза деть и чуть не плакала с досады. Герасим вдруг приподнялся, протянул свою огромную ручищу, наложил её на голову кастелянши и с такой угрюмой свирепостью посмотрел ей в лицо, что та так и пригнулась к столу. Все умолкли. Герасим снова взялся за ложку и продолжал хлебать щи. «Вишь, глухой чёрт, леший!» — пробормотали все вполголоса, а кастелянша встала да ушла в девичью. А то в другой раз, заметив, что Капитон, тот самый Капитон, о котором сейчас шла речь, как-то слишком любезно раскалякался с Татьяной, Герасим подозвал его к себе пальцем, отвёл в каретный сарай, да, ухватив за конец стоявшее в углу дышло¹, слегка, но многозначительно погрозил ему им. С тех пор уж никто не заговаривал с Татьяной. И всё это ему сходило с рук. Правда, кастелянша, как только прибежала в девичью, тотчас упала в обморок и вообще так искусно действовала, что в тот же день довела до сведения барыни грубый поступок Герасима; но причудливая старуха только рассмеялась, несколько раз, к крайнему оскорблению кастелянши, заставила её повторить, как, дескать, он принагнул тебя своей тяжёлой ручкой, и на другой день выслала Герасиму целковый. Она его жаловала как верного и сильного сторожа. Герасим порядком её

---

¹ Дышло — часть упряжи, толстая длинная палка, прикрепляемая к передней оси повозки при парной запряжке.

побаивался, но всё-таки надеялся на её милость и собирался уже отправиться к ней с просьбой, не позволит ли она ему жениться на Татьяне. Он только ждал нового кафтана, обещанного ему дворецким, чтоб в приличном виде явиться перед барыней, как вдруг этой самой барыне пришла в голову мысль выдать Татьяну за Капитона...

Барыню так заняла мысль о Капитоновой свадьбе, что она даже ночью только об этом разговаривала с одной из своих компаньенок, которая держалась у ней в доме единственно на случай бессонницы и, как ночной извозчик, спала днём. Когда Гаврила вошёл к ней после чаю с докладом, первым её вопросом было: а что наша свадьба, идёт? Он, разумеется, отвечал, что идёт как нельзя лучше и что Капитон сегодня же к ней явится с поклоном. Барыне что-то нездоровилось; она недолго занималась делами. Дворецкий возвратился к себе в комнату и созвал совет. Дело точно требовало особенного обсуждения. Татьяна не преклословила, конечно; но Капитон объявлял во всеуслышание, что у него одна голова, а не две и не три... Герасим сурово и быстро на всех поглядывал, не отходил от девичьего крыльца и, казалось, догадывался, что затевается что-то для него недоброе. Собравшиеся (в числе их присутствовал старый буфетчик, по прозвищу дядя Хвост, к которому все с почтеньем обращались за советом, хотя только и слышали от него, что: вот оно как, да: да, да, да) начали с того, что, на всякий случай для безопасности, заперли Капитона в чуланчик с водоочистительной машиной и принялись думать крепкую думу. Конечно, легко было прибегнуть к силе; но боже сохрани! Выйдет шум, барыня обеспокоится — беда! Как быть? Думали, думали и выдумали наконец. Неоднократно было замечено, что Герасим терпеть не мог пьяниц... Сидя за воротами, он всякий раз, бывало, с негодованием отворачивался, когда мимо его неверными шагами и с козырьком фуражки на ухе проходил какой-нибудь нагруженный человек. Решили научить Татьяну, чтобы она притворилась хмельной и прошла бы, пошатываясь и покачиваясь, мимо Герасима. Бедная девка долго не соглашалась, но её уговорили; притом она сама видела, что иначе она не отделается от своего обожателя. Она пошла. Капитона выпустили из чуланчика: дело всё-таки до него касалось. Герасим сидел на тумбочке у ворот и тыкал лопатой в землю... Из-за всех углов, из-под штор за окнами глядели на него...

Хитрость удалась как нельзя лучше. Увидев Татьяну, он сперва, по обыкновению, с ласковым мычаньем закивал головой; потом взгляделся, уронил лопату, вскочил, подошёл к ней, придвинул своё лицо к самому её лицу... Она от страха ещё более зашаталась и закрыла глаза... Он схватил её за руку, помчал через весь двор и, войдя с нею в комнату, где заседал совет,

толкнул её прямо к Капитону. Татьяна так и обмерла... Герасим постоял, поглядел на неё, махнул рукой, усмехнулся и пошёл, тяжело ступая, в свою каморку... Целые сутки не выходил он оттуда. Форейтор Антипка сказывал потом, что он сквозь щёлку видел, как Герасим, сидя на кровати, приложив к щеке руку, тихо, мерно и только изредка мыча, пел, то есть покачивался, закрывал глаза и встряхивал головой, как ямщики или бурлаки, когда они затягивают свои заунывные песни. Антипке стало жутко, и он отошёл от щели. Когда же на другой день Герасим вышел из каморки, в нём особенной перемены нельзя было заметить. Он только стал как будто поугрюмее, а на Татьяну и на Капитона не обращал ни малейшего внимания. В тот же вечер они оба с гусями под мышкой отправились к барыне и через неделю женились. В самый день свадьбы Герасим не изменил своего поведения ни в чём; только с реки он приехал без воды: он как-то на дороге разбил бочку; а на ночь, в конюшне он так усердно чистил и тёр свою лошадь, что та шаталась как былинка на ветру и переваливалась с ноги на ногу под его железными кулаками.

Все это происходило весною. Прошёл ещё год, в течение которого Капитон окончательно спился с кругу и, как человек решительно никуда не годный, был отправлен с обозом в дальнюю деревню, вместе с своею женой. В день отъезда он сперва очень храбрился и уверял, что, куда его ни пошли, хоть туда, где бабы рубахи моют да вальки на небо кладут, он всё не пропадёт; но потом упал духом, стал жаловаться, что его везут к необразованным людям, и так ослабел наконец, что даже собственную шапку на себя надеть не мог; какая-то сострадательная душа надвинула её ему на лоб, поправила козырёк и сверху её прихлопнула. Когда же всё было готово и мужики уже держали вожжи в руках и ждали только слова: «С Богом!», Герасим вышел из своей каморки, приблизился к Татьяне и подарил ей на память красный бумажный платок, купленный им для неё же с год тому назад. Татьяна, с великим равнодушием переносившая до того мгновения все превратности своей жизни, тут, однако, не вытерпела, прослезилась и, садясь в телегу, по-христиански три раза поцеловалась с Герасимом. Он хотел проводить её до заставы и пошёл сперва рядом с её телегой, но вдруг остановился на Крымском Броду, махнул рукой и отправился вдоль реки.

Дело было к вечеру. Он шёл тихо и глядел на воду. Вдруг ему показалось, что что-то барахтается в тине у самого берега. Он нагнулся и увидел небольшого щенка, белого с чёрными пятнами, который, несмотря на все свои старания, никак не мог вылезть из воды, бился, скользил и дрожал всем своим мокреньким и худеньким телом. Герасим поглядел на несчастную собачонку, подхватил её одной рукой, сунул её к себе в пазуху и пустился большими шагами домой. Он вошёл в свою каморку, уложил спасённого щенка на кровати, прикрыл его своим тяжёлым армяком, сбегал сперва в конюшню за соломой, потом в кухню за чашечкой молока. Осторожно откинув армяк и разостлав солому, поставил он молоко на кровать. Бедной собачонке было всего недели три, глаза у неё прорезались недавно; один глаз даже казался немножко больше другого; она ещё не умела пить из чашки и только дрожала и шурилась. Герасим взял её легонько двумя пальцами за голову и принагнул её мордочку к молоку. Собачка вдруг начала пить с жадностью, фыркая, трясясь и захлёбываясь. Герасим глядел, глядел да как засмеётся вдруг... Всю ночь он возился с ней, укладывал её, обтирал и заснул наконец сам возле неё каким-то радостным и тихим сном.

Ни одна мать так не ухаживает за своим ребёнком, как ухаживал Герасим за своей питомицей. (Собака оказалась сучкой.) Первое время она была очень слаба, тщедушна и собою некрасива, но понемногу справилась и выравнялась, а месяцев через восемь, благодаря неусыпным попечениям своего спасителя, превратилась в очень ладную собачку испанской породы, с длинными ушами, пушистым хвостом в виде трубы и большими выразительными глазами.

Она страстно привязалась к Герасиму и не отставала от него ни на шаг, всё ходила за ним, повиливая хвостиком. Он и кличку ей дал — немые знают, что мычанье их обращает на себя внимание других, — он назвал её Муму. Все люди в доме её полюбили и тоже кликали Мумуней. Она была чрезвычайно умна, ко всем ласкалась, но любила одного Герасима. Герасим сам её любил без памяти... и ему было неприятно, когда другие её гладили: боялся он, что ли, за неё, ревновал ли он к ней — бог весть! Она его будила по утрам, дергая его за полу, приводила к нему за повод старую водовозку, с которой жила в большой дружбе, с важностью на лице отправлялась вместе с ним на реку, караулила его мётлы и лопаты, никого не подпускала к его каморке. Он нарочно для неё прорезал отверстие в своей двери, и она как будто чувствовала, что только в Герасимовой каморке она была полная хозяйка, и потому, войдя в неё, тотчас с довольным видом вскакивала на кровать. Ночью она не спала вовсе, но не лаяла без разбору, как иная глупая дворняжка, которая, сидя на задних лапах и подняв морду и зажмурив глаза, лает просто от скуки, так, на звёзды, и обыкновенно три раза сряду — нет! Тонкий голосок Муму никогда не раздавался даром: либо чужой близко подходил к забору, либо где-нибудь поднимался подозрительный шум или шорох... Словом, она сторожила отлично. Правда, был ещё, кроме её, на дворе старый пёс жёлтого цвета, с бурными крапинами, по имени Волчок, но того никогда, даже ночью, не спускали с цепи, да и он сам, по дряхлости своей, вовсе не требовал свободы — лежал себе, свернувшись, в своей конуре и лишь изредка издавал сиплый, почти беззвучный лай, который тотчас же прекращал, как бы сам чувствуя всю его бесполезность. В господский дом Муму не ходила и, когда Герасим носил в комнаты дрова, всегда оставалась назади и нетерпеливо его выжидала у крыльца, наострив уши и поворачивая голову то направо, то вдруг налево, при малейшем стуке за дверями...

Так прошёл ещё год. Герасим продолжал свои дворнические занятия и очень был доволен своей судьбой, как вдруг произошло одно неожиданное обстоятельство, а именно: в один прекрасный летний день барыня с своими приживалками расхаживала по гостиной. Она была в духе, смеялась и шутила; приживалки смеялись и шутили тоже, но особенной радости они не чувствовали: в доме не очень-то любили, когда на барыню находил весёлый час, потому что, во-первых, она тогда требовала

от всех немедленного и полного сочувствия и сердилась, если у кого-нибудь лицо не сияло удовольствием, а во-вторых, эти вспышки у ней продолжались недолго и обыкновенно заменялись мрачным и кислым расположением духа. В тот день она как-то счастливо встала; на картах ей вышло четыре валета: исполнение желаний (она всегда гадала по утрам), — и чай ей показался особенно вкусным, за что горничная получила на словах похвалу и деньгами гривенник. С сладкой улыбкой на сморщенных губах гуляла барыня по гостиной и подошла к окну. Перед окном был разбит палисадник, и на самой средней клумбе, под розовым кусточком, лежала Муму и тщательно грызла кость. Барыня увидела её.

— Боже мой! — воскликнула она вдруг, — что это за собака?

Приживалка, к которой обратилась барыня, заметалась, бедненькая, с тем тоскливым беспокойством, которое обыкновенно овладевает подвластным человеком, когда он ещё не знает хорошенько, как ему понять восклицание начальника.

— Н...н...е знаю-с, — пробормотала она, — кажется, немного.

— Боже мой! — прервала барыня, — да она премиленькая собачка! Велите её привести. Давно она у него? Как же я это её не видала до сих пор?.. Велите её привести.

Приживалка тотчас порхнула в переднюю.

— Человек, человек! — закричала она. — Приведите поскорей Муму! Она в палисаднике.

— А её Муму зовут, — промолвила барыня, — очень хорошее имя.

— Ах, очень-с! — возразила приживалка. — Скорей, Степан!

Степан, дюжий парень, состоявший в должности лакея, бросился сломя голову в палисадник и хотел было схватить Муму, но та ловко вывернулась из-под его пальцев и, подняв хвост, пустилась во все лопатки к Герасиму, который в то время у кухни выколачивал и вытряхивал бочку, перевертывая её в руках, как детский барабан. Степан побежал за ней вслед, начал ловить её у самых ног её хозяина;

но проворная собачка не давалась чужому в руки, прыгала и увёртывалась. Герасим смотрел с усмешкой на всю эту возню; наконец Степан с досадой приподнялся и поспешно растолковал ему знаками, что барыня, мол, требует твою собаку к себе. Герасим немного изумился, однако позвал Муму, поднял её с земли и передал Степану. Степан принес её в гостиную и поставил на паркет. Барыня начала её ласковым голосом подзывать к себе. Муму, отроду ещё не бывавшая в таких великолепных покаях, очень испугалась и бросилась было к двери, но, оттолкнутая услужливым Степаном, задрожала и прижалась к стене.

— Муму, Муму, подойди же ко мне, подойди к барыне, — говорила госпожа, — подойди, глупенькая... не бойся...

— Подойди, подойди, Муму, к барыне, — твердили приживалки, — подойди.

Но Муму тоскливо оглядывалась кругом и не трогалась с места.

— Принесите ей что-нибудь поесть, — сказала барыня. — Какая она глупая! К барыне не идёт. Чего боится?

— Они не привыкли ещё, — произнесла робким и умильным голосом одна из приживалок.

Степан принёс блюдечко с молоком, поставил перед Муму, но Муму даже и не понюхала молока и всё дрожала и озиралась по-прежнему.

— Ах, какая же ты! — промолвила барыня, подходя к ней, нагнулась и хотела погладить её, но Муму судорожно повернула голову и оскалила зубы. Барыня проворно отдёрнула руку...

Произошло мгновенное молчание. Муму слабо визгнула, как бы жалуясь и извиняясь... Барыня отошла и нахмурилась. Внезапное движение собаки её испугало.

— Ах! — закричали разом все приживалки. — Не укусила ли она вас, сохрани Бог! (Муму в жизнь свою никого никогда не укусила.) Ах, ах!

— Отнести её вон, — проговорила изменившимся голосом старуха. — Скверная собачонка! Какая она злая!

И, медленно повернувшись, направилась она в свой кабинет. Приживалки робко переглянулись и пошли было за ней, но она остановилась, холодно посмотрела на них, промолвила: «Зачем это? Ведь я вас не зову», — и ушла. Приживалки отчаянно замахали руками на Степана; тот подхватил Муму и выбросил её поскорей за дверь, прямо к ногам Герасима, — а через полчаса в доме уже царствовала глубокая тишина и старая барыня сидела на своём диване мрачнее грозовой тучи.

Какие безделицы, подумаешь, могут иногда расстроить человека!

До самого вечера барыня была не в духе, ни с кем не разговаривала, не играла в карты и ночь дурно провела. Вздумала, что одеколон ей подали не тот, который обыкновенно подавали, что подушка у неё пахнет мылом, и заставила кастеляншу всё белье перенюхать — словом, волновалась и «горячилась» очень. На другое утро она велела позвать Гаврилу часом ранее обыкновенного.

— Скажи, пожалуйста, — начала она, как только тот, не без некоторого внутреннего лепетания, переступил порог её кабинета, — что это за собака у нас на дворе всю ночь лаяла? Мне спать не дала!

— Собака-с... какая-с... может быть, немного собака-с, — произнёс он не совсем твёрдым голосом.

— Не знаю, немного ли, другого ли кого, только спать мне не дала. Да я и удивляюсь, на что такая пропасть собак! Желая знать. Ведь есть у нас дворная собака?

— Как же-с, есть-с. Волчок-с.

— Ну, чего ещё, на что нам ещё собака? Только одни беспорядки заводить. Старшего нет в доме — вот что. И на что немому собака? Кто ему позволил собак у меня на дворе держать? Вчера я подошла к окну, а она в палисаднике лежит, какую-то мерзость притащила, грызёт — а у меня там розы посажены...

Барыня помолчала.

— Чтоб её сегодня же здесь не было... слышишь?

— Слушаю-с.

— Сегодня же. А теперь ступай. К докладу я тебя потом позову.
Гаврила вышел.

Проходя через гостиную, дворецкий для порядка переставил колокольчик с одного стола на другой, втихомолочку высморкал в зале свой утиный нос и вышел в переднюю. В передней на конике спал Степан, в положении убитого воина на батальной картине¹, судорожно вытянув обнажённые ноги из-под сюртука, служившего ему вместо одеяла. Дворецкий растолкал его и вполголоса сообщил ему какое-то приказание, на которое Степан отвечал полужезвком, полухохотом. Дворецкий удалился, а Степан вскочил, натянул на себя кафтан и сапоги, вышел и остановился у крыльца. Не прошло пяти минут, как появился Герасим с огромной вязанкой дров за спиной, в сопровождении неразлучной Муму. (Барыня свою спальню и кабинет приказывала протапливать даже летом.) Герасим стал боком перед дверью, толкнул её плечом и ввалился в дом с своей ношей. Муму, по обыкновению, осталась его дожидаться. Тогда Степан, улучив удобное мгновение, внезапно бросился на неё, как коршун на цыплёнка, придавил её грудь к земле, сгрёб в охапку и, не надев даже картуза, выбежал с нею на двор, сел на первого попавшегося извозчика и поскакал в Охотный ряд. Там он скоро отыскал покупщика, которому уступил её за полтинник, с тем только, чтобы он по крайней мере неделю продержал её на привязи, и тотчас вернулся; но, не доезжая до дому, слез с извозчика и, обойдя двор кругом, с заднего переулка, через забор перескочил на двор; в калитку-то он побоялся идти, как бы не встретить Герасима.

Впрочем, его беспокойство было напрасно: Герасима уже не было на дворе. Выйдя из дому, он тотчас хватился Муму; он ещё не помнил, чтоб она когда-нибудь не дождалась его возвращения, стал повсюду бегать, искать её, кликать по-своему... бросился в свою каморку, на сеновал, выскочил на улицу-туда-сюда... Пропала! Он

¹ Батальная картина — картина, изображающая военную битву.

обратился к людям, с самыми отчаянными знаками спрашивал о ней, показывая на пол-аршина от земли, рисовал её руками... Иные точно не знали, куда девалась Муму, и только головами качали, другие знали и посмеивались ему в ответ, а дворецкий принял чрезвычайно важный вид и начал кричать на кучеров. Тогда Герасим побежал со двора долой.

Уже смеркалось, как он вернулся. По его истомлённому виду, по неверной походке, по запылённой одежде его можно было предполагать, что он успел обежать пол-Москвы. Он остановился против барских окон, окинул взором крыльцо, на котором столпилось человек семь дворовых, отвернулся и промычал ещё раз: «Муму!» — Муму не отозвалась. Он пошёл прочь. Все посмотрели ему вслед, но никто не улыбнулся, не сказал слова... а любопытный фореитор Антипка рассказывал на другое утро в кухне, что немой-де всю ночь охал.

Далее говорится о том, что однажды ночью Муму вернулась с обрывком верёвки на шею. Герасим обо всём догадался и решил скрыть возвращение собаки. Он прятал её в каморке, выводя на улицу глубокой ночью. Но Муму выдала себя, залаяв на пьяницу. Когда барыня услышала знакомый лай, она изобразила обморок. Герасим заперся с Муму в каморке, но дворовые стали стучаться к нему. Когда дворник наконец открыл, Гаврила знаками попытался объяснить, что барыня, мол, непременно требует твоей собаки: подавай, мол, её сейчас, а то беда тебе будет.

Герасим посмотрел на него, указал на собаку, сделал знак рукою у своей шеи, как бы затягивая петлю, и с вопросительным лицом взглянул на дворецкого.

— Да, да, — возразил тот, кивая головой, — да, непременно. Герасим опустил глаза, потом вдруг встряхнулся, опять указал на Муму, которая всё время стояла возле него, невинно помахивая хвостом и с любопытством поводя ушами, повторил знак удушения над своей шеей и значительно ударил себя в грудь, как бы объявляя, что он сам берёт на себя уничтожить Муму.

Спустя час после всей этой тревоги дверь каморки растворилась, и показался Герасим. На нём был праздничный кафтан; он вёл Муму на верёвочке. Ерошка посторонился и дал ему пройти. Герасим направился к воротам. Мальчишки и все бывшие на дворе проводили его глазами, молча. Он даже не обернулся: шапку надел только на улице. Гаврила послал вслед за ним того же Ерошку в качестве наблюдателя. Ерошка увидал издали, что он вошёл в трактир вместе с собакой, и стал дожидаться его выхода.

В трактире знали Герасима и понимали его знаки. Он спросил себе щей с мясом и сел, опёршись руками на стол. Муму стояла подле его стула, спокойно поглядывая на него своими умными глазками. Шерсть на ней так и лоснилась: видно было, что её недавно вычесали. Принесли Герасиму щей. Он накрошил туда хлеба, мелко изрубил мясо и поставил тарелку на пол. Муму принялась есть с обычной своей вежливостью, едва прикасаясь мордочкой до кушанья. Герасим долго глядел на неё; две тяжёлые слезы выкатились вдруг из его глаз: одна упала на крутой лобик собачки, другая — во щи. Он заслонил лицо своё рукой. Муму съела полтарелки и отошла, обливаясь. Герасим встал, заплатил за щи и вышел вон, сопровождаемый несколько

недоумевающим взглядом полового. Ерошка, увидав Герасима, заскочил за угол и, пропустив его мимо, опять отправился вслед за ним.

Герасим шёл не торопясь и не спускал Муму с верёвочки. Дойдя до угла улицы, он остановился, как бы в раздумье, и вдруг быстрыми шагами отправился прямо к Крымскому Броду. На дороге он зашёл на двор дома, к которому пристроивался флигель, и вынес оттуда два кирпича под мышкой. От Крымского Брода он повернул по берегу, дошёл до одного места, где стояли две лодочки с вёслами, привязанными к кольшкам (он уже заметил их прежде), и вскочил в одну из них вместе с Муму. Хромой старичишка вышел из-за шалаша, поставленного в углу огорода, и закричал на него. Но Герасим только закивал головою и так сильно принялся грести, хотя и против течения реки, что в одно мгновение умчался саженой на сто. Старик постоял, постоял, почесал себе спину сперва левой, потом правой рукой и вернулся, хромая, в шалаш.

А Герасим все грёб да грёб. Вот уже Москва осталась позади. Вот уже потянулись по берегам луга, огороды, поля, рощи, показались избы. Повяло деревней. Он бросил вёсла, приник головою к Муму, которая сидела перед ним на сухой перекладинке — дно было залито водой, — и остался неподвижным, скрестив могучие руки у ней на спине, между тем как лодку волной помаленьку относило назад к городу. Наконец Герасим выпрямился, поспешно, с каким-то болезненным озлоблением на лице, окутал веревкой взятые им кирпичи, приделал петлю, надел её на шею Муму, поднял её над рекой, в последний раз посмотрел на неё... Она доверчиво и без страха поглядывала на него и слегка махала хвостиком. Он отвернулся, зажмурился и разжал руки... Герасим ничего не слышал, ни быстрого визга падающей Муму, ни тяжкого всплеска воды; для него самый шумный день был безмолвен и беззвучен, как ни одна самая тихая ночь не беззвучна для нас, и когда он снова раскрыл глаза, по-прежнему спешили по реке, как бы гоняясь друг за дружкой, маленькие волны, по-прежнему поплескивали они о бока лодки, и только далеко позади к берегу разбегались какие-то широкие круги.

Ерошка, как только Герасим скрылся у него из виду, вернулся домой и донёс всё, что видел.

— Ну, да, — заметил Степан, — он её утопит. Уж можно быть спокойным. Коли он что обещал...

В течение дня никто не видал Герасима. Он дома не обедал. Настал вечер; собрались к ужину все, кроме его.

— Экой чудной этот Герасим! — пропищала толстая прачка. — Можно ли эдак из-за собаки проклажаться!.. Право!

— Да Герасим был здесь, — воскликнул вдруг Степан, загребая себе ложкой каши.

— Как? Когда?

— Да вот часа два тому назад. Как же. Я с ним в воротах повстречался; он уж опять отсюда шёл, со двора выходил. Я было хотел спросить его насчёт собаки-то, да он, видно, не в духе был. Ну, и толкнул меня; должно быть, он так только отсторонить меня хотел: дескать, не приставай, — да такого необыкновенного леща мне в стантовую жилу поднёс¹, важно так, что ой-ой-ой! — И Степан с невольной усмешкой пожался и потёр себе затылок. — Да, — прибавил он, — рука у него, благодатная рука, нечего сказать.

---

¹ Поднести лещá — (фразеологизм) — ударить.

Все посмеялись над Степаном и после ужина разошлись спать.

А между тем в ту самую пору по Т...у шоссе усердно и безостановочно шагала какой-то великан, с мешком за плечами и с длинной палкой в руках. Это был Герасим. Он спешил без оглядки, спешил домой, к себе в деревню, на родину. Утопив бедную Муму, он прибежал в свою каморку, проворно уложил кой-какие пожитки в старую попону, связал её узлом, взвалил на плечо, да и был таков. Дорогу он хорошо заметил ещё тогда, когда его везли в Москву; деревня, из которой, барыня его взяла, лежала всего в двадцати пяти верстах от шоссе. Он шёл по нему с какой-то несокрушимой отвагой, с отчаянной и вместе радостной решимостью. Он шёл; широко распахнулась его грудь; глаза жадно и прямо устремились вперёд. Он торопился, как будто мать-старушка ждала его на родине, как будто она звала его к себе после долгого странствования на чужой стороне, в чужих людях... Только что наступившая летняя ночь была тиха и тепла; с одной стороны, там, где солнце закатилось, край неба ещё белел и слабо румянился последним отблеском исчезающего дня, — с другой стороны уже вздымался синий, седой сумрак. Ночь шла оттуда. Перепела сотнями гремели кругом, взапуски перекликивались коростели... Герасим не мог их слышать, не мог он слышать также чуткого ночного шушуканья деревьев, мимо которых его пронесли сильные его ноги, но он чувствовал знакомый запах поспевающей ржи, которым так и веяло с темных полей, чувствовал, как ветер, летевший к нему навстречу — ветер с родины, — ласково ударял в его лицо, играл в его волосах и бороде; видел перед собой белеющую дорогу — дорогу домой, прямую как стрела; видел в небе несчётные звезды, светившие его путь, и как лев выступал сильно и бодро, так что когда восходящее солнце озарило своими влажно-красными лучами только что расходившегося молодца, между Москвой и им легло уже тридцать пять вёрст...

Через два дня он уже был дома, в своей избёнке, к великому изумлению солдатки¹, которую туда поселили. Помолясь перед образами, тотчас же отправился он к старосте. Староста сначала было удивился; но сенокос только что начинался: Герасиму, как отличному работнику, тут же дали косу в руки — и пошёл косить он по-старинному, косить так, что мужиков только пробиравало, глядя на его размахи да загрёбы...

А в Москве, на другой день после побега Герасима, хватились его. Пошли в его каморку, обшарили её, сказали Гавриле. Тот пришёл, посмотрел, пожал плечами и решил, что немой либо бежал, либо утоп вместе с своей глупой собакой. Дали знать полиции, доложили барыне. Барыня разгневалась, расплакалась, велела отыскать его во что бы то ни стало, уверяла, что она никогда не приказывала уничтожать собаку, и, наконец, такой дала нагоняй Гавриле, что тот целый день только потряхивал головой да приговаривал: «Ну!» — пока дядя Хвост его не урезонил, сказав ему: «Ну-у!» Наконец пришло известие из деревни о прибытии туда Герасима. Барыня несколько успокоилась; сперва было отдала приказание немедленно вытребовать его назад в Москву, потом, однако, объявила, что такой неблагодарный человек ей вовсе не нужен. Впрочем, она скоро сама после того умерла; а наследникам её было не до Герасима: они и остальных-то матушкиных людей распустили по оброку.

---

¹ Солдатка — жена солдата.

И живёт до сих пор Герасим бобылём¹ в своей одинокой избе; здоров и могуч по-прежнему, и работает за четырёх по-прежнему, и по-прежнему важен и степенен. Но соседи заметили, что со времени своего возвращения из Москвы он совсем перестал водиться с женщинами, даже не глядит на них, и ни одной собаки у себя не держит. «Впрочем, — толкуют мужики, — его же счастье, что ему ненадобеть бабья; а собака — на что ему собака? К нему на двор вора оселом не затащишь!» Такова ходит молва о богатырской силе негомого.

1. Какие чувства вызвал у вас этот рассказ?
2. Опишите жизненный уклад старой барыни. Что значит фраза «День её, нерадостный и ненастный, давно прошёл; но и вечер её был чернее ночи». Какое изобразительно-выразительное средство здесь использует автор?
3. Найдите в тексте цитаты, характеризующие барыню. Как она относится к слугам, животным?
4. В развязке произведения барыня обвиняет Герасима в неблагодарности. А за что, по мнению барыни, Герасим должен был её поблагодарить?
5. Как попал Герасим к барыне? Дайте его портретную характеристику. Что в его силе вас особенно поразило? Почему автор так подробно описывает каморку Герасима?
6. Расскажите историю замужества Татьяны и историю с Муму. Как вёл себя Герасим в первом и во втором случаях?
7. Как автор относится к барыне, Герасиму, Капитону и Татьяне? Подтвердите ваш ответ текстом.
8. Какова главная идея произведения?
9. Где, по-вашему, кульминация этого произведения? Докажите выдержками из текста.
10. Почему Герасим утопил Муму, а не забрал её с собой в деревню?
11. Какова роль пейзажа в этом произведении? Почему автор обращает наше внимание на природу после того, как Герасим покидает дом барыни?
12. Подберите слова из текста к иллюстрациям 1978 года Игоря Ивановича Пчелко, объясните свой выбор.
13. Изображение какой барыни, по-вашему мнению, подходит к тому описанию, которое дал своей героине И. С. Тургенев в рассказе «Муму»? Почему вы так думаете, аргументируйте свой ответ.

Художник Ольга Громова

Художник Игорь Пчелко

¹ Бобыль — неженатый, холостой.

Благодетельница. С акварели К. Трутовского

Стихотворение в прозе — прозаическое произведение, характеризующееся наличием лирического героя, малым объёмом, служебной ролью сюжета или же полным его отсутствием, подчинённостью всего произведения выражению какой-то одной мысли, одного переживания, одного образа. В русской литературе стихотворения в прозе впервые стал писать И. С. Тургенев.

Собака

Нас двое в комнате: собака моя и я. На дворе воеет страшная, неистовая буря.

Собака сидит передо мною — и смотрит мне прямо в глаза.

И я тоже гляжу ей в глаза.

Она словно хочет сказать мне что-то. Она немая, она без слов, она сама себя не понимает — но я её понимаю.

Я понимаю, что в это мгновение и в ней, и во мне живёт одно и то же чувство, что между нами нет никакой разницы. Мы тождественны; в каждом из нас горит и светится тот же трепетный огонёк.

Смерть налетит, махнёт на него своим холодным широким крылом...

И конец!

Кто потом разберёт, какой именно в каждом из нас горел огонёк?

Нет! Это не животное и не человек меняются взглядами...

И в каждой из этих пар, в животном и в человеке — одна и та же жизнь жмётся пугливо к другой.

Два богача

Когда при мне превозносят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых — я хвалю и умиляюсь.

Но, и хваля, и умиляясь, не могу я не вспомнить об одном убогом крестьянском семействе, принявшем сироту-племянницу в свой разорённый домишко.

— Возьмём мы Катьку, — говорила баба, — последние наши гроши на неё пойдут, — нё на что будет соли добыть, похлёбку посолить.

— А мы её... и не солёную, — ответил мужик, её муж.

Далеко Ротшильд до этого мужика!

Русский язык

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

1. О чём эти стихотворения в прозе? Какие чувства переживает лирический герой?
2. О каких нравственных ценностях размышляет автор?
3. К чему призывает современников и потомков И. С. Тургенев в стихотворении в прозе «Русский язык»? Выучите его наизусть и расскажите вашим одноклассникам.

Николай Алексеевич Некрасов

Крестьянские дети¹

Пять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вёрши² — живётся легко.
Вчера, утомлённый ходьбой по болоту,
Забрёл я в сарай и заснул глубоко.

Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся весёлого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи;

¹ Публикуется в сокращении.

² Вёрши — стихи.

Летит и другая какая-то птица —
По тени узнал я ворону как раз;
Чу! Шёпот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Все серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выражение,
Его я узнаю всегда.
Я замер: коснулось души умиление...
Чу! Шёпот опять!

Первый голос
Борода!

Второй
А барин, сказали!..

Третий
Потише вы, черти!

Второй
У бар борода не бывает — усы.

Первый
А ноги-то длинные, словно как жерди.

Четвёртый
А вона на шапке, гляди-тко, — часы!

Пятый
Ай, важная штука!

Шестой
И цепь золотая...

Седьмой
Чай, дорого стоит?

Восьмой
Как солнце горит!

Девятый
А вона собака — большая, большая!
Вода с языка-то бежит.

Пятый
Ружьё! Погляди-тко: стволина двойная,
Замочки резные...

Третий
(с испугом)
Глядит!

Четвёртый
Молчи, ничего! Постоим ещё, Гриша!

Третий
Прибьёт...

Испугались шпионы мои
И кинулись прочь: человека заслыша,
Так стайей с мякыны¹ летят воробыи.
Затих я, прищурился — снова явились,
Глазёнки мелькают в щели.
Что было со мною — всему подивились
И мой приговор изрекли:
— Такому-то гусю уж что за охота!
Лежал бы себе на печи!
И видно не барин: как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой... — «Услышит,
молчи!»

1. Как произошла встреча поэта с крестьянскими детьми?
2. Почему при виде детских глаз поэта «коснулось души умиление»? Как вы понимаете эту фразу?
3. Чему «подивились» дети и какой «приговор изрекли»? Почему они решили, что незнакомец «не барин»?
4. Охарактеризуйте речь мальчиков.
5. Инсценируйте этот отрывок.

¹ Мякына — шелуха, оставшаяся после обмолота зерна.

И. М. Прянишников. В засаде

6. Опишите картину Иллариона Михайловича Прянишникова «В засаде». Что вы видите на переднем, среднем и заднем планах картины? Какие цвета использует художник? Опишите героев картины (как они одеты, что они держат в руках). Почему они сидят в засаде, какая история могла произойти с этими мальчиками? Что общего у них с героями Н. Некрасова?

...Однажды, в студёную зимнюю пору,
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведёт под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
— Здорово, парнище! — «Ступай себе мимо!»
— Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки? — «Из лесу, вестимо!»
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу». (В лесу раздавался топор дровосека.)
— А что, у отца-то большая семья?
«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»

¹ Вестимо — известно.

— Так вон оно что! А как звать тебя? — «Власом».
 — А кой тебе годик? — «Шестой миновал...
 Ну, мёртвая!» — крикнул малюточка басом,
 Рванул под уздцы и быстрей зашагал.
 На эту картину так солнце светило,
 Ребёнок был так уморительно мал,
 Как будто всё это картонное было,
 Как будто бы в детский театр я попал!
 Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
 И дровни, и хворост, и пёгонький¹ конь,
 И снег, до окошек деревни лежащий,
 И зимнего солнца холодный огонь...

1. Какие чувства вызвал у вас этот отрывок?
2. Как относится автор к Власу? Из каких слов это видно?
3. Выучите отрывок наизусть. Рассказывая, постарайтесь передать отношение автора к мальчику.
4. Какие изобразительно-выразительные средства использует автор при описании крестьянских детей?
5. «Как будто бы в детский театр я попал». Почему так говорит Н. Некрасов? За счёт чего его герои — Влас и другие мальчики — кажутся такими живыми?
6. **Пишем сочинение.** Рассмотрите внимательно картину В. Д. Поленова «Московский дворик». Что изображено на картине? Какое настроение она вызывает? Из дополнительной литературы или из интернета² узнайте историю её создания. Напишите сочинение по картине В. Д. Поленова «Московский дворик».

В. Д. Поленов.
 Московский дворик. 1878 г.

¹ Пёгонький — пегий, пятнистый.

² Картины В. Д. Поленова: http://www.museum-online.ru/peredvizhniki/Vasilyy_Dmitrievich_Polenov.

Однажды Н. А. Некрасов встретил на пустынной проезжей дороге голодного, оборванного школьника и вспомнил при этом Михаила Васильевича Ломоносова, великого «архангельского мужика», который, желая учиться, пришёл пешком в Москву из далёкой северной деревни. Долго жил впроголодь, бедствовал и всё же учился. Прочитал множество книг, изучил физику, химию, металлургию и другие науки, стал знаменитым русским учёным, сделавшим много научных открытий.

Школьник

— Ну, пошёл же, ради бога!
Небо, ельник и песок —
Невесёлая дорога...
Эй! Садись ко мне, дружок!

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! Что за дело?
Это многих славных путь.

Вижу я в котомке книжку.
Так, учиться ты идёшь...
Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош.

Знаю: старая дьячиха
Отдала четвертачок,
Что проезжая купчиха
Подарила на чаёк.

Или, может, ты дворовый
Из отпущенных?.. Ну, что ж!
Случай тоже уж не новый —
Не робей, не пропадёшь!

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезёт в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!

Там уж поприще широко:
Знай работай да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погиб ещё тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай, —

Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой,
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

1. Откуда рассказчик знает, что мальчик идёт учиться? Кто снарядил его в путь?
2. Как выглядел мальчик? Что вы можете сказать о его социальном положении?
3. К чему призывает автор своего попутчика?
4. Какими эпитетами наделяет автор талантливых людей?
5. Какова основная мысль стихотворения и в каких строфах она выражена? За что Некрасов любит свою Родину?

Несжатая полоса

(Отрывок из стихотворения)

Ноздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зёрна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролётной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьёт...
Где же наш пахарь? Чего ещё ждёт?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?

Нет! Мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял
Чтобы нас ветер осенний развеял?..»

1. Некрасов рисует картину поздней осени. Какой литературный приём делает её такой трогательно живой?
2. Выпишите из текста цитаты, доказывающие вашу точку зрения.

Смех в жизни и в искусстве

Вы, наверное, нередко смеётесь. Замечали? Смех и улыбки бывают очень разными. Они различаются по силе — от еле заметных движений губ до громкого хохота. Различаются они и по эмоциональной насыщенности. Мы с ласковой улыбкой смотрим на маленького ребёнка, можем едко ухмыльнуться, заметив чьё-то неподобающее поведение. Можем хохотать добродушно, а можем — злорадно. Проявления смешного в художественном творчестве тоже разные.

Любой смех — и добродушный, и обличительный — вызывается неожиданно проявившимся несоответствием, противоречием, нелепостью. Чаще всего — несоответствием внешнего и внутреннего в человеке, в обществе или в какой-то ситуации.

Самые распространённые приёмы отражения смешного в искусстве — это **юмор и сатира**.

Юмористические произведения вызывают смех мягкий, безобидный, добродушный.

В сатирических произведениях авторы резко, беспощадно смеются над недостатками людей, высмеивают пороки, которым не должно быть места в человеческом обществе.

Всё, что вызывает смех, в искусстве называют **комическим**: юмористические рассказы и рисунки, анекдоты, шутки, пародии, эпиграммы, сатирические плакаты, фельетоны, комедийные фильмы и спектакли.

Улыбку вызывает уморительный «мужичок» из стихотворения Некрасова «Крестьянские дети». Он маленький, очень маленький, а ведёт себя сурово и важно: сам себя мужиком называет, говорит басом, строго разговаривает с чужим баринном и со своей лошадкой. Возраст и рост его не соответствуют такому поведению. Смешно? Конечно. И автору, и герою стихотворения, и нам. Опасно такое поведение? Обижает кого-то? Унижает? Нет. Вот и улыбка у нас — добродушная, мягкая. Это — юмор.

А вспомните нелепое поведение напыщенных сановников, чиновников и учёных из романа Дж. Свифта «Путешествия Гулливера». С глубокомысленным и важным видом рассуждали они о том, что неизмеримо больше них. Из-за пустяков они

спорили и делились на партии, отчего страдало всё государство. Автор высмеивает их тщеславие, обличает их невежество и высокомерие как общественные пороки. Такой смех не назовёшь безобидным. Это — сатира.

Есть и другие проявления комического — ирония, например.

Ирония — это насмешка. Разные оттенки иронии, юмора и сатиры демонстрируют произведения этого раздела.

1. Что лежит в основе любого смеха?
2. Назовите жанры, в которых можно встретить комическое. С какими из них вы знакомы? Приведите примеры.
3. Значение непонятных вам терминов найдите в словаре.
4. Чем юмор отличается от сатиры?
5. Что такое ирония?
6. Посмотрите на картинки и скажите, какой смех они у вас вызывают? В какой из них художник использовал сатиру, иронию, юмор? Какие художественные приёмы художник использовал при создании этих картинок: гиперболу, пародию, антитезу, сравнение?

Иван Андреевич Крылов (1769–1844)

С творчеством Ивана Андреевича Крылова вы стали знакомиться ещё в начальной школе. Вспоминая персонажей его басен: Стрекозу, Муравья, Ворону, Лисицу, проказницу Мартышку, Осла, Козла и косолапую Мишку, — вспомните и об особенностях басни как жанра литературы.

Басня — древнейший жанр словесного творчества. Отличительные признаки басни — краткость и нравоучительность. Основной литературный приём басни — аллегория, то есть, иносказание; основное средство выразительности — олицетворение.

Действующие лица здесь — животные, рыбы, растения, природные явления, предметы, реже — люди. Они олицетворяют черты характера людей и недостатки общества. Басня является аллегорическим произведением, но в ней чаще всего есть несколько строчек, в которых автор прямо высказывает свою точку зрения. Это — мораль басни, её главная идея.

Волк и ягнёнок

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в истории мы тьму примеров слышим
Но мы истории не пишем,
А вот о том как в баснях говорят.
Ягнёнок в жаркий день зашёл к ручью напиться:
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягнёнка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питьё
Моё
С песком и с илом?
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву». —
«Когда светлейший¹ Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;

¹ Светлейший, Ваша Светлость — обращения к князю.

И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу». —
    «Поэтому я лгу!
Негодный! Слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты ещё в запрошлом лете
    Мне здесь же как-то нагрубил;
    Я этого, приятель, не забыл!» —
«Помилуй, мне ещё и от роду нет году». —
Ягнёнок говорит. — «Так это был твой брат». —
«Нет братьев у меня». — «Так это кум иль сват¹.
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
    Вы все мне зла хотите,
И если можете, то мне всегда вредите;
Но я с тобой за их разведаюсь грехи». —
«Ах, я чем виноват?» — «Молчи! Устал я слушать.
Досуг² мне разбирать вины³ твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».
Сказал и в тёмный лес Ягнёнка поволок.

Слон и Моська

По улицам Слона водили,
Как видно, напоказ —
Известно, что Слоны в диковинку у нас —
    Так за Слоном толпы зевак ходили.
Отколе ни возьмись, навстречу Моська им.
Увидевши Слона, ну на него метаться,
    И лаять, и визжать, и рваться;
    Ну так и лезет в драку с ним.
    «Соседка, перестань срамиться, —
Ей Шавка говорит, — тебе ль с Слоном возиться?
Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идёт
    Вперёд
И лаю твоего совсем не примечает». —
    «Эх, эх! — ей Моська отвечает, —
Вот то-то мне и духу придаёт,
Что я, совсем без драки,
Могу попасть в большие забияки.
Пускай же говорят собаки:
    «Ай, Моська! знать, она сильна,
    Что лает на Слона!»»

---

¹ Кум иль сват — дальние родственники.

² Досуг — *здесь*: некогда, нет времени

³ Вины — провинности, преступления.

1. Какие человеческие пороки изобразил в своих баснях И. А. Крылов?
2. Вспомните основные черты басни как жанра литературы, покажите их на примере басен Крылова.
3. Согласны ли вы с утверждением, что басня — эпическое произведение? Обоснуйте свой ответ. Чем басня отличается от притчи?
4. Н. В. Гоголь назвал басни Крылова «книгой мудрости самого народа». Согласны ли вы с этим высказыванием? Почему?
5. Почему басни Крылова помещены в этот раздел? Можно ли считать их комическими произведениями? Чего в них больше: сатиры или юмора?

Антон Павлович Чехов (1860–1904)

Антон Павлович Чехов — признанный мастер короткого рассказа. Как правило, его рассказы — это бытовые зарисовки, сценки из обычной жизни разных сословий, которые в его время в России можно было наблюдать каждый день. В этих несложных сюжетах Чехов умел подметить и показать не только забавное, но и нечто важное.

Рассказ — это небольшое прозаическое произведение в основном повествовательного характера, композиционно сгруппированное вокруг отдельного эпизода, характера.

В комических рассказах Чехова почти нет событий. Как правило, несколько персонажей ведут смешной диалог, в котором вдруг раскрывается драматизм, а иногда и трагичность ситуации. За внешним смехом здесь часто скрывается грусть. Автор улыбается и одновременно сожалеет, размышляя о несовершенстве людей и общественных отношений. Про такой юмор говорят: «смех сквозь слёзы».

Читая рассказы Чехова, вспоминаешь, что рассказ как жанр возник из притчи. Хотя автор и показывает нелепые мелкие происшествия, в которые попадают люди, его рассказы нельзя назвать забавными историями или анекдотами. В них есть подтекст — за смешной историей скрыта серьёзная мысль о высоком предназначении человека.

Толстый и тонкий

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подёрнутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флёр-д'оранжем. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен

чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком — его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом — его сын.

— Порфирий! — воскликнул толстый, увидев тонкого. — Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

— Батюшки! — изумился тонкий. — Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Приятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слёз. Оба были приятно ошеломлены.

— Милый мой! — начал тонкий после лобызания. — Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щёголь! Ах ты, господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урождённая Ванценбах... лютеранка... А это сын мой, Нафанаил, ученик III класса. Это, Нафаня, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

— В гимназии вместе учились! — продолжал тонкий. — Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом за то, что ты казённую книжку папироской прожёг, а меня Эфиальтом за то, что я ябедничать любил. Хо-хо... Детьми были! Не бойся, Нафаня! Подойди к нему поближе... А это моя жена, урожденная Ванценбах... лютеранка.

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

— Ну, как живёшь, друг? — спросил толстый, восторженно глядя на друга. — Служишь где? Дослужился?

Скульптор Азамат Асанбаев. Фарфоровая статуэтка «Толстый и тонкий», расписанная под гжель

— Служу, милый мой! Коллежским ассессором уже второй год и Станислава имею. Жалованье плохое... ну, да Бог сним! Жена уроки музыки даёт, я портсигары приватно из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Если кто берёт десять штук и более, тому, понимаешь, уступка. Пробавляемся кое-как. Служил, знаешь, в департаменте, а теперь сюда переведён столоначальником по тому же ведомству... Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось, уже статский? А?

— Нет, милый мой, поднимай повыше, — сказал толстый. — Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съёжился, сгорбился, сузился...

Его чемоданы, узлы и картонки съёжились, поморщились... Длинный подбородок жены стал ещё длиннее; Нафанаил вытянулся во фронт и застегнул все пуговицы своего мундира...

— Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.

— Ну, полно! — поморщился толстый. — Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства — и к чему тут это чинопочитание!

— Помилуйте... Что вы-с... — захихикал тонкий, ещё более съёживаясь. — Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги... Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «Хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

1. Что произошло с тонким, его семьёй и вещами, когда он увидел толстого?
2. Кто такие Эфиальт и Герострат? Почему именно так называли героев в детстве?
3. Какой стилистический приём использует автор, изображая толстого и тонкого?
4. Над кем и над чем смеётся в этом рассказе А. Чехов?
5. Рассмотрите фарфоровую статуэтку Азамата Асанбаева к рассказу «Толстый и тонкий». Какой момент рассказа запечатлел скульптор? Охарактеризуйте героев. Найдите в тексте те чеховские детали, которые удалось передать скульптору в фигурках.

Лошадина фамилия

Уоставного генерал-майора Булдеева разболелись зубы. Он полоскал рот водкой, коньяком, прикладывал к больному зубу табачную копоть, опий, скипидар, керосин, мазал щёку йодом, в ушах у него была вата, смоченная в спирту, но всё это или не помогало, или вызывало тошноту.

Приезжал доктор. Он поковырял в зубе, прописал хину, но и это не помогло. На предложение вырвать больной зуб генерал ответил отказом. Все домашние — жена, дети, прислуга, даже поварёнок Петька предлагали каждый своё средство. Между прочим и приказчик Булдеева Иван Евсеич пришёл к нему и посоветовал полечиться заговором.

— Тут, в нашем уезде, ваше превосходительство, — сказал он, — лет десять назад служил акцизный Яков Васильич. Заговаривал зубы — первый сорт. Бывало, отвернётся к окошку, пошепчет, поплюёт — и как рукой! Сила ему такая дадена...

— Где же он теперь?

— А после того, как его из акцизных уволили, в Саратове у тещи живёт. Теперь только зубами и кормится. Ежели у которого человека заболит зуб, то и идут к нему, помогает... Тамошних, саратовских на дому у себя пользует, а ежели которые

из других городов, то по телеграфу. Пошлите ему, ваше превосходительство, депешу, что так, мол, вот и так... у раба божьего Алексия зубы болят, прошу использовать. А деньги за лечение почтой пошлёте.

— Ерунда! Шарлатанство!

— А вы попытайте, ваше превосходительство. До водки очень охотник, живёт не с женой, а с немкой, ругатель, но, можно сказать, чудодейственный господин!

— Пошли, Алёша! — взмолилась генеральша. — Ты вот не веришь в заговоры, а я на себе испытала. Хотя ты и не веришь, но отчего не послать? Руки ведь не отвалятся от этого.

— Ну, ладно, — согласился Булдеев. — Тут не только что к акцизному, но и к чёрту депешу пошлешь... Ох! Мочи нет! Ну, где твой акцизный живёт? Как к нему писать?

Генерал сел за стол и взял перо в руки.

— Его в Саратове каждая собака знает, — сказал приказчик. — Извольте писать, ваше превосходительство, в город Саратов, стало быть... Его благородию господину Якову Васильичу... Васильичу...

— Ну?

— Васильичу... Якову Васильичу... а по фамилии... А фамилию вот и забыл!.. Васильичу... Чёрт... Как же его фамилия? Давеча, как сюда шёл, помнил... Позвольте-с...

Иван Евсеич поднял глаза к потолку и зашевелил губами. Булдеев и генеральша ожидали нетерпеливо.

— Ну, что же? Скорей думай!

— Сейчас... Васильичу... Якову Васильичу... Забыл! Такая ещё простая фамилия... словно как бы лошадиная... Кобылин? Нет, не Кобылин. Пойдите... Жеребцов нешто? Нет, и не Жеребцов. Помню, фамилия лошадиная, а какая — из головы вышибло...

— Жеребятников?

— Никак нет. Пойдите... Кобылицын... Кобылятников... Кобелёв...

— Это уж собачья, а не лошадиная. Жеребчиков?

— Нет, и не Жеребчиков... Лошадинин... Лошаков... Жеребкин... Всё не то!

— Ну, так как же я буду ему писать? Ты подумай!

— Сейчас. Лошадкин... Кобылкин... Коренной...

— Коренников? — спросила генеральша.

— Никак нет. Пристяжкин... Нет, не то! Забыл!

— Так зачем же, чёрт тебя возьми, с советами лезешь, ежели забыл? — рассердился генерал. — Ступай отсюда вон!

Иван Евсеич медленно вышел, а генерал схватил себя за щёку и заходил по комнатам.

— Ой, батюшки! — вопил он. — Ой, матушки! Ох, света белого не вижу!

Приказчик вышел в сад и, подняв к небу глаза, стал припоминать фамилию акцизного:

— Жеребчиков... Жеребковский... Жеребенко... Нет, не то! Лошадинский... Лошадевич... Жеребкович... Кобылянский...

Немного погодя его позвали к господам.

— Вспомнил? — спросил генерал.

— Никак нет, ваше превосходительство.

— Может быть, Конявский? Лошадников? Нет?

И в доме, все наперерыв, стали изобретать фамилии. Перебрали все возрасты, полы и породы лошадей, вспомнили гриву, копыта, сбрую... В доме, в саду, в людской и кухне люди ходили из угла в угол и, почёсывая лбы, искали фамилию...

Приказчика то и дело требовали в дом.

— Табунов? — спрашивали у него. — Копытин? Жеребовский?

— Никак нет, — отвечал Иван Евсеич и, подняв вверх глаза, продолжал думать вслух. — Коненко... Конченко... Жеребеев... Кобылеев...

— Папа! — кричали из детской. — Тройкин! Уздечкин!

Вздуродражилась вся усадьба. Нетерпеливый, замученный генерал пообещал дать пять рублей тому, кто вспомнит настоящую фамилию, и за Иваном Евсеичем стали ходить целыми толпами...

— Гнедов! — говорили ему. — Рысистый! Лошадицкий!

Но наступил вечер, а фамилия всё ещё не была найдена. Так и спать легли, не послав телеграммы.

Генерал не спал всю ночь, ходил из угла в угол и стонал... В третьем часу утра он вышел из дому и постучался в окно к приказчику.

— Не Меринов ли? — спросил он плачущим голосом.

— Нет, не Меринов, ваше превосходительство, — ответил Иван Евсеич и виновато вздохнул.

— Да может быть, фамилия не лошадиная, а какая-нибудь другая!

— Истинно слово, ваше превосходительство, лошадиная... Это очень даже отлично помню.

— Экий ты какой, братец, беспамятный... Для меня теперь эта фамилия дороже, кажется, всего на свете. Замучился!

Утром генерал опять послал за доктором.

— Пускай рвёт! — решил он. — Нет больше сил терпеть...

Приехал доктор и вырвал больной зуб. Боль утихла тотчас же, и генерал успокоился. Сделав своё дело и получив, что следует, за труд, доктор сел в свою бричку и поехал домой. За воротами в поле он встретил Ивана Евсеича... Приказчик стоял на краю дороги и, глядя сосредоточенно себе под ноги, о чём-то думал. Судя по морщинам, бороздившим его лоб, и по выражению глаз, думы его были напряжённые, мучительные...

— Буланов... Чересседельников... — бормотал он. — Засупонин... Лошадский...
— Иван Евсеич! — обратился к нему доктор. — Не могу ли я, голубчик, купить у вас четвертей пять овса? Мне продают наши мужички овёс, да уж больно плохой...

Иван Евсеич тупо поглядел на доктора, как-то дико улыбнулся и, не сказав в ответ ни одного слова, всплеснув руками, побежал к усадьбе с такой быстротой, точно за ним гналась бешеная собака.

— Надумал, ваше превосходительство! — закричал он радостно, не своим голосом, влетая в кабинет к генералу. — Надумал, дай бог здоровья доктору! Овсов! Овсов фамилия акцизного! Овсов, ваше превосходительство! Посылайте депешу Овсову!

— На-кося! — сказал генерал с презрением и поднёс к лицу его два кукиша. — Не нужно мне теперь твоей лошадиной фамилии! На-кося!

1. Вы прочитали рассказы А. П. Чехова. Какой рассказ вам показался самым смешным? Что особенно рассмешило?
2. Определите несоответствия, которые лежат в основе сюжетов этих рассказов, и ответьте на вопрос: что делает эти рассказы смешными?
3. Это сатирические или юмористические рассказы? Обоснуйте свой ответ.
4. Есть ли в рассказах Чехова серьёзные идеи или это просто анекдоты, шуточные истории? Если рассказы Чехова подтолкнули вас к размышлениям, то к каким?
5. **Работа в группах.** Подготовьте выразительное чтение одного из рассказов по ролям. Сделайте из пластилина фигурки героев к тем рассказам, которые вы знаете. Постарайтесь передать чеховские детали, устройте выставку и защиту своих работ.

Михаил Михайлович Зощенко (1894–1958)

Сначала Михаил Зощенко зарабатывал на жизнь разными профессиями: он был сапожником, столяром, плотником, актёром, инструктором по кролиководству и куроводству в Смоленской губернии, служил в милиции, был секретарём суда и следователем в Уголовном надзоре. Переменил десять или двенадцать профессий, прежде чем стал писателем-сатириком.

Если в своих рассказах А. П. Чехов высмеивал мелочную повседневность — «пошлость», то Михаил Зощенко жил уже в другом государстве, и остриё его сатирических произведений было направлено против волокитчиков, бюрократов, невежества, мещанского себялюбия, жестокости, приспособленчества и других человеческих пороков. Его герой был простым человеком и говорил с читателями на понятном им языке, на котором они говорили в обыденной для себя обстановке: в семье, на работе и даже в трамвае.

Галоша

Конечно, потерять галошу в трамвае нетрудно. Особенно, если сбоку поднажмут да сзади какой-нибудь архаровец на задник наступит, — вот вам и нет галоши.

Галошу потерять прямо пустяки. С меня галошу сняли в два счёта. Можно сказать, ахнуть не успел. В трамвай вошёл — обе галоши стояли на месте. А вышел из трамвая — гляжу, одна галоша здесь, на ноге, а другой нету. Сапог — здесь. И носок, гляжу, здесь. И подштанники на месте. А галоши нету. А за трамваем, конечно, не побежишь.

Снял остальную галошу, завернул в газету и пошёл так. После работы, думаю, пущусь в розыски. Не пропадать же товару! Где-нибудь да раскопаю.

После работы пошёл искать. Первое дело — посоветовался с одним знакомым вагоновожатым. Тот прямо вот как меня обнадежил.

— Скажи, — говорит, — спасибо, что в трамвае потерял. В другом общественном месте не ручаюсь, а в трамвае потерять — святое дело. Такая у нас существует камея для потерянных вещей. Приходи и бери. Святое дело.

— Ну, — говорю, — спасибо. Прямо гора с плеч. Главное, галоша почти что новенькая. Всего третий сезон ношу.

На другой день иду в камеру.

— Нельзя ли, — говорю, — братцы, галошу заполучить обратно? В трамвае сняли.

— Можно, — говорят. — Какая галоша? — Галоша, — говорю, — обыкновенная. Размер — двенадцатый номер.

— У нас, — говорят, — двенадцатого номера, может, двенадцать тысяч. Расскажи приметы.

— Приметы, — говорю, — обыкновенно какие: задник, конечно, обтрёпан, внутри байки нету, сносилась байка. — У нас, — говорят, — таких галош, может, больше тыщи. Нет ли специальных признаков?

— Специальные, — говорю, — признаки имеются. Носок вроде бы начисто оторван, еле держится. И каблука, — говорю, — почти что нету. Сносился каблук. А бока, — говорю, — ещё ничего, пока что удержались.

— Посиди, — говорят, — тут. Сейчас посмотрим.

Вдруг выносят мою галошу.

То есть ужасно обрадовался. Прямо умилился.

Вот, думаю, славно аппарат работает. И какие, думаю, идейные люди, сколько хлопот на себя приняли из-за одной галоши.

Я им говорю:

— Спасибо, — говорю, — друзья, по гроб жизни. Давайте поскорей её сюда. Сейчас я надену. Благодарю вас.

— Нету, — говорят, — уважаемый товарищ, не можем дать. Мы, — говорят, — не знаем, может, это не вы потеряли.

— Да я же, — говорю, — потерял. Могу дать честное слово. Они говорят:

— Верим и вполне сочувствуем, и очень вероятно, что это вы потеряли именно эту галошу. Но отдать не можем. Принеси удостоверение, что ты действительно

потерял галошу. Пущай домоуправление заверит этот факт, и тогда без излишней волокиты мы тебе выдадим то, что законно потерял.

Я говорю:

— Братцы, — говорю, — святые товарищи, да в доме не знают про этот факт. Может, они не дадут такой бумаги.

Они отвечают:

— Дадут, — говорят, — это ихнее дело дать. На что они у вас существуют?

Поглядел я ещё раз на галошу и вышел. На другой день пошёл к председателю нашего дома, говорю ему:

— Давай бумагу. Галоша гибнет.

— А верно, — говорит, — потерял? Или закручиваешь? Может, хочешь схватить лишний предмет ширпотреба?

— Ей-богу, — говорю, — потерял.

Он говорит:

— Конечно, на слова я не могу положиться. Вот если б ты мне удостоверение достал с трамвайного парка, что галошу потерял, — тогда бы я тебе выдал бумагу. А так не могу.

Я говорю:

— Так они же меня к вам посылают.

Он говорит:

— Ну тогда пиши мне заявление.

Я говорю:

— А что там написать?

Он говорит:

— Пиши: сего числа пропала галоша. И так далее. Даю, дескать, расписку о невыезде впредь до выяснения.

Написал заявление. На другой день форменное удостоверение получил. Пошёл с этим удостоверением в камеру. И там мне, представьте себе, без хлопот и без волокиты выдают мою галошу. Только когда надел галошу на ногу, почувствовал полное умиление. Вот, думаю, люди работают! Да в каком-нибудь другом месте разве стали

В 20-е годы XX века ходить в галошах было модно.

бы возиться с моей галошей столько времени? Да выкинули бы ее — только и делов. А тут неделю не хлопотал, выдают обратно.

Одно досадно, за эту неделю во время хлопот первую галошу потерял. Всё время носил её под мышкой в пакете и не помню, в каком месте её оставил. Главное, что не в трамвае. Это гиблое дело, что не в трамвае. Ну, где её искать? Но зато другая галоша у меня. Я её на комод поставил. Другой раз станет скучно, взглянешь на галошу, и как-то легко и безобидно на душе становится. Вот, думаю, славно канцелярия работает! Сохраню эту галошу на память. Пущай потомки любят.

Встреча

На днях у меня произошла одна, можно сказать, незабываемая встреча. У моих знакомых на вечере я случайно встретил человека, которого двадцать лет не видел. Это был в своё время удивительно богатый субъект. Он имел три дома. Имел шикарные экипажи. Целый штат горничных, швейцаров, рабочих и так далее. И надо было видеть, как он тогда пренебрежительно и нахально ко всем относился: не только, например, ни с кем не здоровался, когда ему низко кланялись, но при встрече с людьми отворачивал свою лощёную физиономию в сторону и чуть что — кричал, топал ногами, выгонял без жалованья.

У него по ремонту дома работали сезонники — так он по двадцать раз заставлял их к себе ходить, прежде чем он соизволит им заплатить за их работу. И то он с их грошей наживал, жулил, высчитывал. И я, даю слово, ни капли не преувеличиваю: доводил людей прямо до слёз. От него рабочие уходили, дрожа всем телом. Я не знаю, чем это объяснить, но он имел какую-то особенность оскорблять людей своим поведением.

К нему ходила его одна одинокая родственница, его тётка. Она по субботам приходила к нему за пособием. Его папаша завещал поддерживать её жизнь. Так надо было видеть, как он с тёткой вёл себя. Он швырял в неё скомканной кредиткой. И кричал на неё:

— Ага, опять явилась, ядовитая кочерыжка. Ну, когда подохнешь, это будет для меня исключительный праздник.

Он, представьте себе, однажды торопился в театр. И вышел на лестницу с одной шикарной дамой, чтоб с ней проследовать к экипажу. И вдруг видит: по лестнице идёт его тётя. Он толкнул её, чтоб она не путалась под ногами. Тут его тётя упала в обморок. Все подумали, что она, как говорится, отправилась путешествовать на небо. Но он, не поглядев на неё, проследовал дальше. И хотя я был тогда небольшой мальчишка, но мне удивительно врезалась в память противная жизнь этого человека.

И вот, представьте себе, прошло двадцать лет. Двадцать лет я, так сказать, не имел счастья видеть этого субъекта. И вот я сижу у знакомых за праздничным ужином. И вдруг вижу: за столом, напротив меня, сидит эта знакомая фигура. Без сомнения, он очень постарел. Как-то такое высох. Поседел. Запаршивел. И его не так-то было легко узнать. Но я узнал его по нахальному блеску глаз. По его манере отворачивать физиономию в сторону, когда к нему обращались с вопросом.

Он меня не узнал. Но я ему сказал:

— Помните, говорю, «господин» Лосев, я жил в вашем доме?

Он немножко задрожал и, фальшиво улыбаясь, сказал:

— Моё прошлое я не скрываю. Оно есть у меня во всех анкетах. Да, я имел дом. Но сейчас я преподаю французский язык. И что вы от меня хотите, я вас не понимаю. Если желаете намекнуть о моём прошлом, то я и сам скажу. Был молод, жил дерзко, и моё богатство давало мне смелость жить, как я хочу. Но с тех пор много воды утекло. Нынче я другой телом и душой, и вы мне не портите настроения воспоминанием о прошлом.

Тут все присутствующие заинтересовались нашей беседой. И он, видя на себе все взгляды, сказал:

— Без сомнения, вы запомнили меня с невыгодной стороны. Но я вам повторяю, всё это безвозвратно ушло. Нынче я другой человек. И вы нарочно, будьте любезны, спросите присутствующих о моей характеристике. Я имею удовольствие жить в этой коммунальной квартире, где вы сейчас в гостях. Спросите нарочно о моей настоящей жизни. И некоторые жильцы, присутствующие тут в качестве гостей, сказали:

— Да, он сейчас славный и милый человек. Очень симпатичный и простой. И даже не далее как вчера он ночью бегал в аптеку заказывать пирамидон одной захворавшей жиличке. Нет, мы ничего не имеем против него. Он любезный и добрый человек.

Тут Лосев сказал:

— Вот видите, как было бы опрометчиво решать по прошлым воспоминаниям. Теперь я совсем иной. И если есть тёмное пятно в моей жизни, то это моя тётя, которой даром что восемьдесят лет, но она, знаете, до сего времени шляется ко мне за пособием. И я действительно иной раз ну не могу с ней любезно беседовать. Всё-таки сорок лет подряд она меня третирует — это немножко много.

Тут некоторые из квартирантов сказали:

— Что касается тётки, то у них, это верно, всякий раз бывают скандалы с воплями и криками. Но во всём остальном — он выше всяких похвал.

Лосев сказал:

— Во всём остальном моя теперешняя жизнь может служить примером. Надвигающаяся старость изменила моё мировоззрение. Дерзость, нахальство и надменность покинули меня уже давно.

Сын хозяина вечеринки, молодой человек, знакомый с диалектикой жизни, сказал:

— Но, может быть, не старость вас изменила. Может быть, скорей всего, отнятое богатство притупило вам зубы.

Тогда один из гостей добавил:

— А в самом деле. Ну-те, вам дай снова ваши дома, экипажи и деньги — ого! Небось, снова ходили бы колесом и давили бы всех, кто попадётся.

Нахальный блеск засверкал в глазах престарелого Лосева. Но он, потупив свои очи, сказал:

— Не знаю, не думаю.

Молодой человек, знакомый с диалектикой жизни, воскликнул:

— Вы не знаете. А я знаю. Вы бы ещё того более расцвели и ещё того более зверски относились бы к своим людям.

Тогда Лосев, дрожа от гнева, сказал, обращаясь к хозяину:

— Если ваши гости меня тут будут оскорблять, то я непременно от вас уйду.

Хозяин сказал:

— Если вы действительно до глубины души изменились за эти двадцать лет, то, я прошу вас, не уходите от меня. Мне было бы в высшей степени тяжело, если бы вы ушли. Но если с вами то, что говорят другие, то я вас не могу задерживать.

Престарелый гость Лосев минут двадцать ёрзал за столом, ни с кем не разговаривая. Покушав и выпив бокал шампанского, он по-английски вышел из комнаты, ни с кем не попрощавшись.

И тогда хозяин сказал:

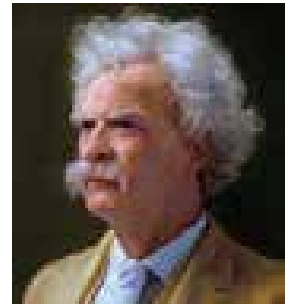
— Вот, друзья, что такое социалистическая революция. И вот каким людям она обломала их ядовитые зубы.

1. Почему герой так хлопотал о потерявшейся галоше? Какие препятствия он готов был преодолеть? Какое из них было самым серьёзным? Разумно ли поступает герой? Обоснуйте своё мнение. Как автор относится к поступкам своего героя, как — к нему самому? Найдите подтверждение в тексте.
2. Скажите, какие из перечисленных отрицательных качеств М. Зощенко высмеивает в рассказе «Встреча»: мнимое человеколюбие, мелочность, скупость, недоверие, животный страх, раболепство, бюрократизм, волокиту, зависть, трусость. Подтвердите примерами из текста, запишите примеры в тетрадь.
3. Обратите внимание на то, как говорят герои. Найдите в речи героев рассказа «Встреча» примеры неуместного смешения слов разных стилей, что производит комический эффект. Какие особенности речи вы видите в рассказе «Галоша»?
4. Чему научили вас эти два рассказа?
5. Произведения М. Зощенко сатирические или юмористические? Докажите свою точку зрения.

Марк Твен (1835—1910)

Марк Твен — это псевдоним американского писателя, журналиста и общественного деятеля Сэмюэля Лэнгхорна Клеменса. Уильям Фолкнер писал, что Марк Твен был «первым по-настоящему американским писателем, и все мы с тех пор — его наследники», а Эрнест Хемингуэй считал, что вся современная американская литература вышла из одной книги Марка Твена, которая называется «Приключения Гекльберри Финна».

Действие романа «Приключения Гекльберри Финна» происходит в 1880-е годы. Произведение исполнено едкой сатиры на укоренившиеся предрассудки того времени, в частности на рабство и расизм, но вместе с тем в нём много юмористических моментов.

Приключения Гекльберри Финна¹

Гек Финн — тринадцатилетний подросток, растёт беспризорником и оборванцем, неожиданное богатство вдруг переворачивает жизнь Гека. Его берёт на воспитание вдова Дуглас. Устав от воспитательных мер

¹ Отрывок из романа.

мачехи, Гек сбегает. Начинается его знаменитое путешествие на плоту по Миссисипи в компании беглого негра Джима. И вот однажды друзья встречаются двух мужчин...

Глава 19

Как-то утром, перед зарёй, я нашёл пустой челнок, перебрался через перекат на берег — он был от острова всего в двухстах ярдах — и поднялся вверх по речке среди кипарисового леса на милю или около того — посмотреть, не наберу ли я там ягод. Как раз в том месте, где через речку шёл коровий брод, смотрю — по тропе к броду бегут опрометью какие-то двое мужчин. Я так и думал, что мне крышка; бывало, если за кем-нибудь гонятся, мне всегда кажется, что это или за мной, или за Джимом. Я хотел было удрать от них поскорей, да они со мной поравнялись, окликнули меня и стали просить, чтобы я их спас, — говорят, они ничего такого не делали, потому за ними и гонятся с собаками. Они собрались уже прыгнуть ко мне в челнок, только я им сказал:

— Погодите, не прыгайте. Я ещё не слышу ни лошадей, ни собак; у вас есть время пробраться сквозь кусты и пройти немножко дальше вверх по речке — вот тогда лезьте в воду и ступайте вброд ко мне, это собьёт собак со следа.

Они так и сделали; и как только они влезли ко мне в челнок, я сейчас же пустился обратно к нашему островку, а минут через пять или десять мы услышали издали крики и собачий лай. Мы слышали, как погоня прискакала к речке, но не видели её: верховые, должно быть, потоптались на берегу, искали, а потом стало плохо слышно — мы отъезжали все дальше и дальше; а когда лес остался позади и мы выбрались на большую реку, все было уже тихо; тогда мы подгребли к островку, спрятались в тополёвых зарослях, и опасность миновала.

Одному из бродяг было на вид лет семьдесят, а может, и больше; он был лысый и с седыми баками. На нём была старая, рваная шляпа, синяя грязная шерстяная рубаха, рваные холщовые штаны, заправленные в высокие сапоги, и подтяжки домашней вязки — нет, подтяжка у него была всего-навсего одна. На руке старик нёс ещё долгополую старую хламиду из синей холстины, с медными пуговицами, а кроме того, оба они волокли тяжёлые, битком набитые ковровые саквояжи.

Другому бродяге было лет тридцать, и одет он был тоже неважно. После завтрака мы все легли отдохнуть, и из разговора первым делом выяснилось, что оба эти молодчика друг друга совсем не знают.

— Из-за чего у вас вышли неприятности? — спросил лысый у того, что помоложе.

— Да вот, продавал я одно снадобье, для того чтобы счищать винный камень с зубов, — счищать-то оно, положим, счищает, но только и эмаль вместе с ним сходит, — и задержался на один вечер дольше, чем следует; и только-только собрался улизнуть, как повстречал вас на окраине города, и вы мне сказали, что за вами погоня, и попросили вам помочь. А я ответил, что у меня тоже неприятности, и предложил удирать вместе. Вот и вся моя история... А у вас что было?

— Я тут около недели проповедовал трезвость, и все женщины мною нахвалиться не могли — и старухи, и молоденькие, — потому что пьяницам я таки задал жару, могу вам сказать; я набирал каждый вечер долларов пять, а то и шесть — по десять центов с носа, дети и негры бесплатно, — и дело у меня шло всё лучше да лучше,

как вдруг вчера вечером кто-то пустил слух, что я и сам потихоньку прикладываюсь к бутылочке. Один негр разбудил меня нынче утром и сказал, что здешний народ собирается потихоньку и скоро они сюда явятся с собаками и лошадьми, дадут мне полчаса, чтобы я отошёл подальше, а там пустятся за мной в погоню; и если поймают, то вымажут в дегте, обваляют в пуху и перьях и прокатят на шесте. Я не стал дожидаться завтрака — что-то аппетит пропал.

— Старина, — сказал молодой человек, — мы с вами, пожалуй, могли бы объединиться и орудовать вместе... Как по-вашему?

— Я не прочь. А вы чем промышляете главным образом?

— По ремеслу я наборщик; случается, торгую патентованными лекарствами, выступаю на сцене, — я, знаете ли, трагик; при случае занимаюсь внушением мыслей, угадываю характер по руке, для разнообразия даю уроки пения и географии; бывает, и лекцию прочту — да мало ли что ещё! Берусь за всё, что ни подвернётся, лишь бы не работать. А вы по какой части?

— В своё время я много занимался врачеванием. Исцелял возложением рук паралич, раковые опухоли и прочее — это мне всего лучше удавалось; могу недурно гадать, если разузнаю от кого-нибудь всю подноготную. Проповедую тоже, обращаю в христианство; ну, и молитвенные собрания по моей части.

Довольно долго они оба молчали, потом молодой человек вздохнул и сказал:

— Увы!

— Это вы насчёт чего? — спросил лысый.

— Подумать только, что я довёл себя до такой жизни и унизился до такого общества! — И он принялся тереть уголок глаза тряпкой.

— Скажите, пожалуйста, чем же это общество для вас плохо? — спрашивает лысый этак свысока и надувшись.

— Да, для меня оно достаточно хорошо, ничего другого я не заслужил, кто виноват в том, что я пал так низко, когда стоял так высоко! Никто, кроме меня самого. Я вас не виню, господа, вовсе нет; я никого не виню. Я всё это заслужил. Пусть равнодушный свет доконает меня; я знаю одно — где-нибудь я найду себе могилу. Пускай свет довершит своё дело, пускай отнимет у меня всё — моих близких, моё достояние, всё, всё решительно, но этого он отнять не сможет! Когда-нибудь я лягу в могилу, забуду обо всём, и моё бедное, разбитое сердце наконец успокоится.

А сам всё трет глаза тряпкой.

— А, подите вы с вашим разбитым сердцем! — говорит ему лысый. — Чего вы нам тычете под нос ваше разбитое сердце? Мы-то тут при чём?

— Да, я знаю, что вы тут ни при чём. Я не виню вас, господа, я сам так низко пал — да, сам довёл себя до этого. Мне и следует страдать — по справедливости следует, я вовсе не жалуясь.

— Откуда же это вы так низко пали? Значит, было откуда падать?

— Вы мне не поверите... люди никогда мне не верят... но довольно об этом... не стоит! Тайна моего рождения...

— Тайна вашего рождения? Это вы про что?

— Господа, — очень торжественно начал молодой, — я вам открою мою тайну, я чувствую к вам доверие! По происхождению я — герцог!

Джим вытаращил глаза, услышав это; да и я, должно быть, тоже. А лысый сказал:

— Да что вы! Быть не может!

— Да, да! Мой прадед, старший сын герцога Бриджуотерского, в конце прошлого века бежал в Америку, чтобы дышать чистым воздухом свободы. Он женился тут и умер, оставив единственного сына; и почти в то же время умер его отец. Второй сын покойного герцога захватил титул и поместье, а малолетний наследник остался в забвении. Я прямой потомок малолетнего герцога, я законный герцог Бриджуотерский, но вот я здесь — одинокий, лишённый сана, гонимый людьми, презираемый холодным светом, в рубище, измученный, с разбитым сердцем, принуждён якшаться с какими-то жуликами на плоту!

Джиму стало очень его жалко и мне тоже. Мы попробовали его утешить, но он сказал, что это бесполезно, — утешить его невозможно; но, если мы согласны признать его за герцога, это будет для него всего дороже и отраднее. Мы сказали, что согласны, пусть только он нас научит, как это сделать. Он сказал, что мы всегда должны обращаться к нему с поклоном и называть его «ваша светлость», «милорд» или «ваша милость», но, если даже назовём его просто «Бриджуотер», он не обидится, потому что это титул, а не фамилия; и кто-нибудь из нас должен подавать ему кушанье за обедом и вообще оказывать разные услуги, какие потребуются.

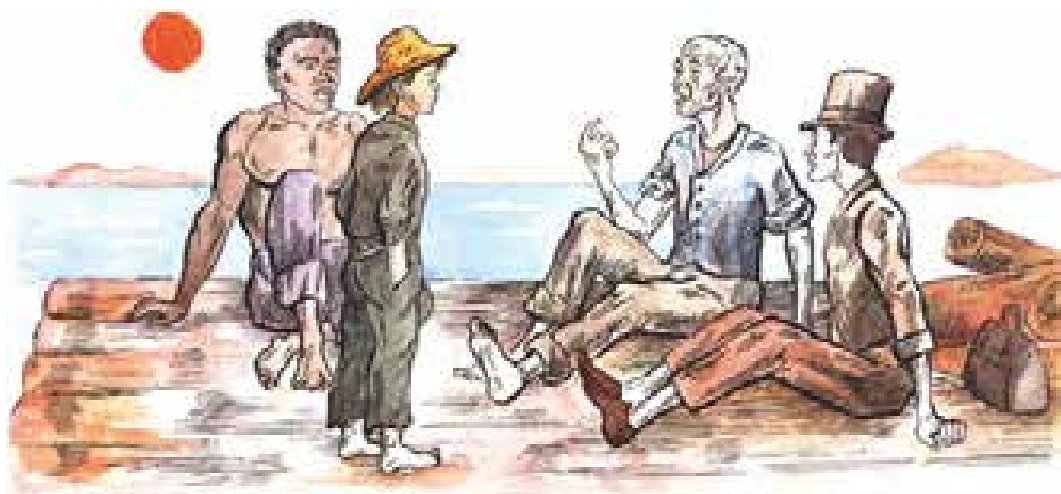
Ну, всё это было нетрудно, и мы согласились. За обедом Джим прислуживал герцогу стоя и всё время спрашивал: «Не хочет ли ваша светлость того или другого?» — и всякий мог сразу заметить, что герцогу это очень нравится.

Зато старик надулся — совсем перестал разговаривать, и заметно было, что вся эта возня с герцогом ему очень не по вкусу. Видно было, что он чем-то расстроен. Вот немного погодя, после обеда, он и говорит:

— Послушайте-ка, герцог, мне, конечно, вас очень жалко, но только не вы один претерпели такие несчастья.

— Да?

— Да, не вы один. Не вас одного судьба жестоко низвергла с высоты.

— Увы!

— Да, не у вас одного имеется тайна рождения.

И старик тоже начинает рыдать, честное слово.

— Пойдите! Что это вы?

— Герцог, можете вы сохранить мою тайну? — говорит старик, а сам всё рыдает.

— До самой смерти! — Герцог взял старика за руку, пожал её и говорит: — Расскажите же мне тайну вашей жизни!

— Ваша светлость, я покойный дофин!

Ну, уж тут мы оба с Джимом вытаращили глаза. А герцог говорит:

— Вы... кто вы такой?

— Да, мой друг, это истинная правда — вы видите перед собой несчастного, без вести пропавшего дофина Людовика Семнадцатого, сына Людовика Шестнадцатого и Марии-Антуанетты.

— Вы! В ваши-то годы! Да нет! Вы, верно, покойный Карл Великий, вам самое меньшее лет шестьсот — семьсот.

— Всё это от несчастий, герцог, всё от несчастий! Несчастья породили эти седые волосы и эту преждевременную плешь. Да, джентльмены, вы видите перед собой законного короля Франции, в синей холстине и в нищете, изгнанника, страждущего и презираемого всеми!

И тут он разрыдался, да так, что мы с Джимом прямо не знали, что делать, — до того нам было его жалко. Принялись было утешать его, как раньше утешали герцога, но он сказал, что это ни к чему, одна только смерть положит всему конец и успокоит его, хотя иногда ему всё-таки делается как-то легче, если с ним обращаются соответственно его сану: становятся перед ним на одно колено, называют «ваше величество», за столом подают ему первому и не садятся в его присутствии, пока он не позволит.

Ну вот мы с Джимом и начали звать его «величеством», подавали ему то одно, то другое и не садились, пока он сам не велит. Это ему очень помогло — он скоро совсем развеселился и утешился.

Зато герцог обиделся и, как видно, был не очень-то доволен таким оборотом дела; но всё-таки король обращался с ним по-дружески и даже рассказал, что его папаша-король был очень хорошего мнения о прадедушке герцога и вообще обо всех герцогах Бриджуотерских и часто приглашал их во дворец; однако герцог долго ещё дулся, пока наконец король не сказал ему:

— Похоже, что нам с вами долго придётся просидеть на этом плоту, герцог, так что какой вам смысл обижаться? Только хуже будет. Я ведь не виноват, что не родился герцогом, и вы не виноваты, что не родились королём, — зачем же расстраиваться? Надо всегда пользоваться случаем и устраиваться получше — вот я про что говорю, такое у меня правило. Неплохо, что мы с вами сюда попали, — еды тут много, жизнь привольная. Будет вам, герцог, давайте вашу руку и помиримся!

Герцог пожал ему руку, и мы с Джимом очень этому обрадовались. Вся неловкость сразу пропала, и нам стало гораздо легче, потому что нет ничего хуже, как ссориться на плоту; самое главное, когда плывёшь на плоту, — это чтобы все были довольны, не ссорились и не злились друг на друга.

Я довольно скоро сообразил, что эти бродяги никакие не герцог и не король, а просто-напросто обманщики и мошенники самого последнего разбора. Но только я ничего им не сказал, даже и виду не подал, а помалкивал, и всё. Это всего лучше — так и врагов не наживёшь, и в беду не попадёшь. Хотят, чтобы мы их звали королями и герцогами, ну и пускай себе, лишь бы между собой не ссорились; даже и Джиму говорить про это не стоило, так что я ему ничего и не сказал.

Если я не научился от отца ничему хорошему, зато научился ладить с такими, как он: самое разумное — это не мешать им, пускай делают что хотят.

Сначала Геку нравилась ловкость, с которой мошенники обманывают простодушных обитателей небольших населённых пунктов, встречающихся на их пути. Однако когда Король и Герцог предпринимают попытку обмануть трёх сирот, Гекльберри решил вмешаться, ведь обманывать сирот — несправедливо. После того как благодаря действиям Финна афера сорвалась, мошенники выдают Джима властям. Сделали они это и для того, чтобы отомстить Геку, и для того, чтобы получить награду, полагающуюся обычно в таких случаях.

Что теперь будет делать Гек? Об этом вы узнаете, прочитав роман Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна».

1. Кто рассказчик в повести? Как вы это можете объяснить?
2. Как произошла встреча с незнакомцами? Сразу ли Гек и Джим сообразили, кто перед ними?
3. Расскажите, как лысый мошенник стал королём, а его спутник — герцогом?
4. Перечитайте концовку 19 главы. Как Гек относится к мошенникам? Какой у него характер? Предположите, что ему пришлось пережить? А как бы вы поступили в этой ситуации?
5. Какие человеческие недостатки высмеивает Марк Твен?
6. Подготовьте инсценировку небольшого отрывка. Постарайтесь передать черты характеров Гека, Джима и двух незнакомцев-мошенников.

Проект «Литературная викторина «Угадай-ка!»

Задание	Результат
<p>Класс делится на несколько команд. Каждая команда придумывает своё название и составляет вопросы к пяти конкурсам по темам, авторам и произведениям, изученным в 5 разделе.</p>	<p>Проводятся конкурсы.</p> <p style="text-align: center;">Темы</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Угадай слово по первой букве 2. Угадай автора по факту из его биографии 3. Угадай, из какого произведения этот отрывок 4. Угадай героя по его портрету 5. Угадай литературоведческий термин <p>Побеждает команда, составившая интересные вопросы и набравшая большее количество баллов.</p>

Задания для повторения и обобщения изученного в разделе «Из классики XIX века. Начало XX века»

1. Что объединяет произведения, включённые в этот раздел?
2. Произведения каких родов литературы и каких жанров включены в этот раздел? Что нового вы узнали о родах литературы?
3. Произведения каких авторов раздела вы читали раньше, о каких писателях услышали впервые? Что нового вы узнали о писателях?
4. Какие произведения вам понравились больше всего? Почему?
5. Кто из героев представленных в разделе произведений понравился вам больше всего? Опишите его внешность, характер, расскажите о его поступках и образе жизни.
6. Почти все произведения этого раздела экранизированы, посмотрите (на выбор) одно-два из них и сопоставьте экранизацию с текстом. Такими ли вы представляли себе героев? Что в фильме вам особенно понравилось? Какие моменты сюжета не отражены в фильме? Что приобретает, а что теряет художественный текст при его экранизации?
7. Что общего в творчестве и жизни И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова и В. Д. Поленова?
8. Рассмотрите заставку к этому разделу, представьте, что вы оказались в одной комнате со всеми этими писателями и у вас есть возможность взять у них интервью. О чём бы вы спросили их? Запишите эти вопросы в тетрадь.
9. **Почини таблицу.** Перечертите таблицу в тетрадь и заполните пробелы. В случае затруднения обращайтесь к словарю.

Автор, произведение	Виды комического; жанры и приёмы комического искусства	Объяснение
	Юмор	
Марк Твен. «Приключения Гекльберри Финна»		Комическое скрывается под маской серьёзного, вызывает насмешку.
	Эпиграмма	
Басня И. А. Крылова		Высмеивается и осуждается недостойное поведение, общественный порок.
	Пародия	

Темы для сочинений

1. «Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкина — «предание веков»
2. Любимые герои из басен И. А. Крылова
3. Бородинское сражение глазами солдата (М. Ю. Лермонтов. «Бородино»)

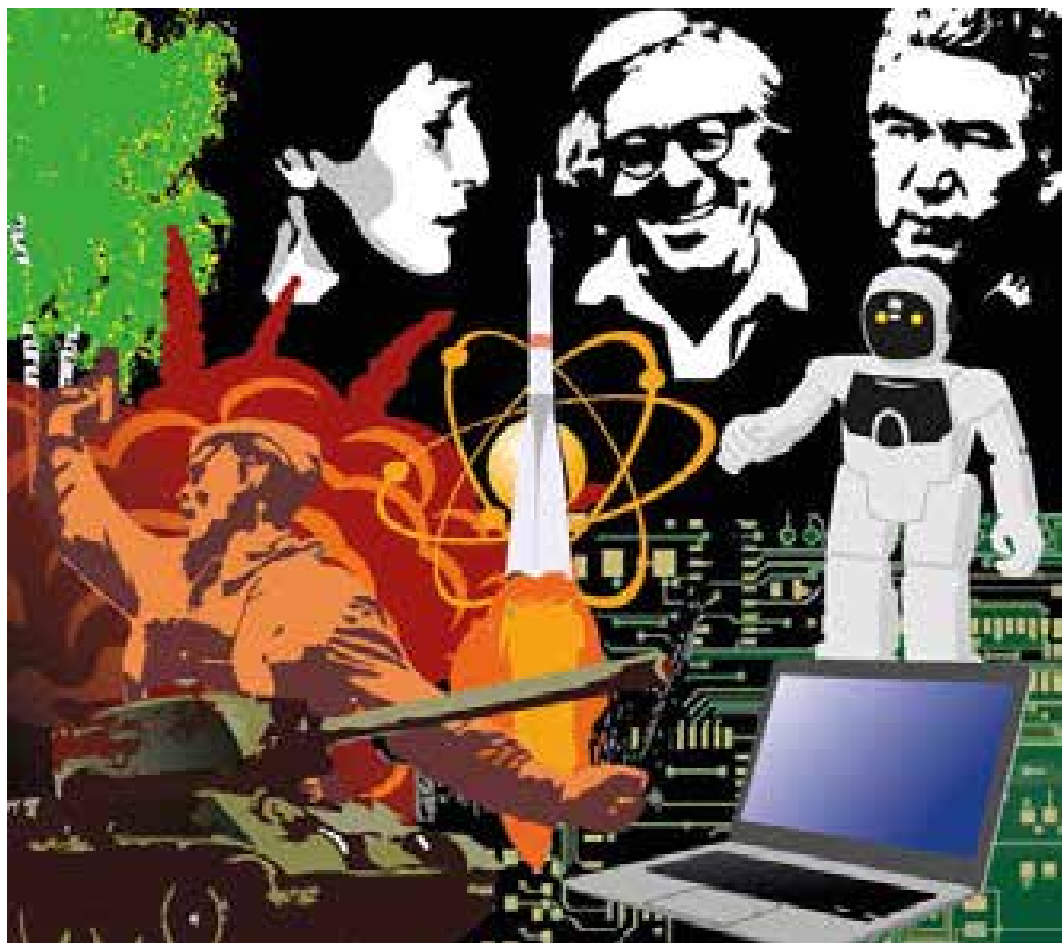
4. Любовь к детям в стихотворениях Н. А. Некрасова
5. Над чем смеётся в своих произведениях М. Зощенко (Марк Твен)?
6. Комическое в рассказах А. П. Чехова

Мои достижения

Изучив материал 5 раздела, вы можете узнать о своих достижениях. Перечертите таблицу в тетрадь, оцените по одному баллу ваши знания и умения. Впишите в последний столбик то, что надо ещё подучить. Сколько баллов вы получили? Поставьте себе отметку.

Знаю		Оценка	Надо повторить
1	кто из писателей был сатириком		
2	отличия и сходства «Предания о смерти Олега» и «Песни о вещем Олеге» А. С. Пушкина		
3	авторов и произведения из этого раздела		
4	что такое юмор		
Могу			
5	определить, чем отличается юмористическое произведение от сатирического		
6	составить из фраз героя его речевую характеристику		
7	описать картину и сравнить её с художественным произведением		
8	определить главную идею произведения		
9	прочитать произведение полностью		

Моя оценка

РАЗДЕЛ VI. ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

О чём ты, век двадцатый?

«Мир изменился». Это — слова из романа-фэнтези «Властелин колец» Р. Толкиена. Они сказаны вроде бы о мире эльфов, хоббитов и магов. Но на самом деле Толкиен думал в этот момент не о выдуманном им самим фантастическом мире. Знаменитый английский писатель думал о своём времени — о двадцатом веке. Он сочинял роман «Властелин колец» во время страшной второй мировой войны и думал о том, что же может остановить беспощадную агрессию, ненасытную жадность, неудержимое стремление добиться власти любой ценой. Он помогал своим читателям

найти ответы на очень трудные вопросы — как в самых трудных условиях остаться верным своему долгу, как сохранить дружбу, семью, свою родную землю в эпоху великих преобразований?

О многом заставил задуматься двадцатый век. Ведь его великие изобретения и научные открытия принесли не только комфорт и скорость, но и многочисленные серьёзные проблемы. Мы знакомимся с творчеством писателей и художников из разных стран и понимаем, что все они верили — есть ответы на самые трудные вопросы. Сохранить человечность в быстро меняющемся мире новых технологий поможет память о родной земле, об отчем доме, о людях, интересных местах, школе, книгах, обо всём, что запомнилось и полюбилось с детства. Вот почему тема Родины и детства так часто встречаются в стихотворениях поэтов XX века. Для них Родина — источник вдохновения, который поддерживает и укрепляет их дух для преодоления всех трудностей.

Иван Алексеевич Бунин
(1870—1953)

Помню — долгий зимний вечер...

Помню — долгий зимний вечер,
Полумрак и тишина;
Тускло льётся свет лампы,
Буря плачет у окна.
«Дорогой мой, — шепчет мама, —
Если хочешь задремать,
Чтобы бодрым и весёлым
Завтра утром быть опять, —
Позабудь, что воет выюга,
Позабудь, что ты со мной,
Вспомни тихий шёпот леса
И полдневный летний зной;

Вспомни, как шумят берёзы,
А за лесом, у межи,
Ходят медленно и плавно
Золотые волны ржи!»
И знакомому совету
Я доверчиво внимал
И, обвеянный мечтами,
Забываться начинал.
Вместе с тихим сном сливалось
Убаюкиванье грёз —
Шёпот зреющих колосьев
И невнятный шум берёз...

Анна Андреевна Ахматова
(1889–1966)

Тот город, мной любимый с детства

Тот город, мной любимый с детства,
В его декабрьской тишине
Моим промотанным наследством
Сегодня показался мне.

Всё унеслось прозрачным дымом,
Истлело в глубине зеркал...
И вот уж о невозвратимом
Скрипач безносый заиграл.

Всё, что само давалось в руки,
Что было так легко отдать:
Душевный жар, молений звуки
И первой песни благодать —

Но с любопытством иностранки,
Пленённой каждой новизной,
Глядела я, как мчатся санки,
И слушала язык родной.

И дикой свежестью и силой
Мне счастье веяло в лицо,
Как будто друг, от века милый,
Всходил со мною на крыльцо.

Перед весной бывают дни такие...

Перед весной бывают дни такие:
Под плотным снегом отдыхает луг,
Шумят деревья весело-сухие,
И тёплый ветер нежен и упруг.

И лёгкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаёшь,
И песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поёшь.

Марина Ивановна Цветаева
(1892–1941)

Наши царства

Владенья наши царственно-богаты,
Их красоты не рассказать стиху:
В них ручейки, деревья, поле, скаты
И вишни прошлогодние во мху.

Мы обе — феи, добрые соседки,
Владенья наши делит тёмный лес.
Лежим в траве и смотрим, как сквозь ветки
Белеет облачко в выси небес.

Мы обе — феи, но большие (странно!)
Двух диких девочек лишь видят в нас.
Что ясно нам — для них совсем туманно:
Как и на всё — на фею нужен глаз!

Нам хорошо. Пока ещё в постели
Все старшие, и воздух летний свеж,
Бежим к себе. Деревья нам качели.
Беги, танцуй, сражайся, палки режь!..

Но день прошёл, и снова феи — дети,
Которых ждут и шаг которых тих...
Ах, этот мир и счастье быть на свете
Ещё невзрослый передаст ли стих?

Сергей Александрович Есенин
(1895–1925)

Где ты, где ты, отчий дом

Где ты, где ты, отчий дом,
Гревший спину под бугром?
Синий, синий мой цветок,
Неприхоженный песок.
Где ты, где ты, отчий дом?

За рекой поёт петух.
Там стада стерёг пастух,
И светились из воды
Три далёкие звезды.
За рекой поёт петух.

Время — мельница с крылом
Опускает за селом
Месяц маятником в рожь
Лить часов незримый дождь.
Время — мельница с крылом.

Этот дождик с сонмом стрел
В тучах дом мой завертел,
Синий подкосил цветок,
Золотой примял песок.
Этот дождик с сонмом стрел.

Николай Алексеевич Заболоцкий
(1903–1958)

Журавли

Вылетев из Африки в апреле
К берегам отеческой земли,
Длинным треугольником летели,
Утопая в небе, журавли.

Вытянув серебряные крылья
Через весь широкий небосвод,
Вёл вожак в долину изобилья
Свой немногочисленный народ.

Но когда под крыльями блеснуло
Озеро, прозрачное насквозь,
Чёрное зияющее дуло
Из кустов навстречу поднялось.

Луч огня ударил в сердце птичье,
Быстрый пламень вспыхнул и погас,
И частица дивного величья
С высоты обрушилась на нас.

Два крыла, как два огромных горя,
Обняли холодную волну,
И, рыданию горестному вторя,
Журавли рванулись в вышину.

Только там, где движутся светила,
В искупленье собственного зла
Им природа снова возвратила
То, что смерть с собою унесла:

Гордый дух, высокое стремленье,
Волю непреклонную к борьбе —
Всё, что от бывшего поколения
Переходит, молодость, к тебе.

А вожак в рубашке из металла
Погружался медленно на дно,
И заря над ним образовала
Золотого зарева пятно.

Одинокий дуб

Дурная почва: слишком узловат
И этот дуб, и нет великолепя
В его ветвях. Какие-то отрепья
Торчат на нём и глухо шелестят.

Но скрученные намертво суставы
Он так развил, что, кажется, ударь —
И запоет он колоколом славы,
И из ствола закапает янтарь.

Вглядишься в него: он важен и спокоен
Среди своих безжизненных равнин.
Кто говорит, что в поле он не воин?
Он воин в поле, даже и один.

Не позволяй душе лениться

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Гони её от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,
По пустырю, по бурелому,
Через сугроб, через ухаб!

Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в чёрном теле
И не снимай с неё узды!

Коль дать ей вздумаешь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвёт.

А ты хватай её за плечи,
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.

Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Александр Яковлевич Яшин
(1913–1968)

Орёл

Из-за утёса,
Как из-за угла,
Почти в упор ударили в орла.
А он спокойно свой покинул камень,
Не оглянувшись даже на стрелка,
И, как всегда, широкими кругами,
Не торопясь, ушёл за облака.
Быть может, дробь совсем мелка была
Для перепёлок, а не для орла?

Иль задрожала у стрелка рука
И покачнулся ствол дробовика?
Нет, ни дробинок не скользнуло мимо,
А сердце и орлиное ранимо...
Орёл упал,
Но среди далёких скал,
Чтоб враг не видел,
Не торжествовал.

Спешите делать добрые дела

Не с отчимом невесело жилось,
Все ж он меня растил —
И оттого
Порой жалею, что не довелось
Хоть чем-нибудь порадовать его.
Когда он слёг и тихо умирал, —
Рассказывает мать, —
День ото дня
Всё чаще вспоминал меня и ждал:
«Вот Шурку бы... Уж он бы спас меня!»
Бездомной бабушке в селе родном
Я говорил: мол, так её люблю,
Что подрасту и сам срублю ей дом,

Дров наготовлю,
Хлеба воз куплю.
Мечтал о многом,
Много обещал...
В блокаде ленинградской старика
От смерти б спас,
Да на день опоздал,
И дня того не возвратят века.
Теперь прошёл я тысячи дорог —
Купить воз хлеба, дом срубить бы мог.
Нет отчима,
И бабка умерла...
Спешите делать добрые дела!

Николай Михайлович Рубцов
(1936–1971)

В горнице моей светло

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды...

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень.
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!

Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниёт совсем.

Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...

Звезда полей

Звезда полей, во мгле заледенелой
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

1. Какие картины рисуют поэты в каждом из этих стихотворений? Воспоминания о ком и о чём вызывают у них тёплые чувства?
2. Какое из этих стихотворений особенно близко вашим воспоминаниям о детстве, вашему представлению о Родине?
3. В природе и в человеке как её части есть что-то общее. Как об этом говорят поэты?
4. Как называется такая лирика?

5. Как вы понимаете стихотворение Н. Заболоцкого «Не позволяй душе лениться»? Попробуйте пересказать его своими словами.
6. Почему душа человеческая всегда «обязана трудиться»? К каким выводам вы пришли?
7. Найдите изобразительно-выразительные средства в этих стихотворениях. Как они помогают передать настроение поэтов?
8. Определите стихотворный размер в полюбившемся вам стихотворении.

Лирика

Слово «лирика» произошло от греческого слова «лира». Лира — это музыкальный инструмент, в сопровождении которого нараспев исполнялись стихи.

Лирика — род литературы, чаще всего — поэтические произведения. Словами здесь изображаются картины, события и, главное, передаётся то впечатление, которое они произвели на автора, те чувства и мысли, которые они вызвали.

В лирической поэзии особенно часто используются разнообразные тропы: эпитеты, метафоры, сравнения и другие.

Герой лирического произведения называется лирическим героем.

Взрослеем с героями литературных произведений

Когда герои книг — ваши ровесники, читать рассказы и повести становится особенно интересно — невольно примеряешь к себе их истории, сравниваешь их семьи, друзей, их школы со своими. Конечно же, понять и объяснить чувства и мысли подростков вам легче, чем рассуждать о переживаниях и проблемах взрослых. Писатели, пишущие о детях и для детей, прекрасно это понимают. Они подмечают в жизни школьников и изображают в своих книгах такие чёточки, такие детали, которые всем знакомы, которые могут встретиться в каждом классе, в каждой семье, в компании любых детей. Это сближает юных литературных героев с вами, читателями, делает их как бы вашими хорошими знакомыми, с которыми всегда интересно.

А что интересует писателей в мире подростков, над чем они предлагают задуматься читателю, куда ведут его? Они делятся с нами грустными и весёлыми воспоминаниями о своём детстве, но замысел их глубже. Они хотят показать моменты взросления, становления характера своих юных героев, провести нас, читателей, через мир их переживаний.

- 1. Какую роль в создании художественного произведения играет деталь? Приведите примеры художественной детали.
2. Над чем предлагают задуматься писатели, когда героями своих произведений делают не взрослых людей, а подростков?
3. Перед тем как познакомиться с произведениями этого раздела, напишите, какие проблемы в вашей семье, в классе, в отношениях с вашими друзьями вас особенно беспокоят в данный момент. Читая произведения, вы узнаете, что волнует литературных героев. Может быть, именно они и помогут вам найти выход из, казалось бы, сложнейших ситуаций.

Михаил Михайлович Пришвин
(1873–1954)

Сказка-быль «Кладовая солнца» — одно из интереснейших произведений Михаила Михайловича Пришвина. В ней он рассказывает о самостоятельной жизни детей-сирот, Насти и Митраши. Картины описания быта детей сменяются интересными приключениями, выпавшими на их долю по пути на Слепую елань. Дети есть дети, они часто спорят, не соглашаются друг с другом, отстаивают свою правоту. Вместе с героями мы путешествуем по лесу, пугаемся, переживаем и радуемся. Такие рассказы помогают понять и полюбить природу, научиться читать её загадочные страницы.

Кладовая солнца¹
(Сказка-быль)

I

В одном селе, возле Блудова болота, в районе города Переславля-Залесского, осиротели двое детей. Их мать умерла от болезни, отец погиб на Отечественной войне.

Мы жили в этом селе всего только через один дом от детей. И конечно, мы тоже вместе с другими соседями старались помочь им, чем только могли. Они были очень милые. Настя была как Золотая Курочка на высоких ножках. Волосы у неё, ни тёмные, ни светлые, отливали золотом, веснушки по всему лицу были крупные, как золотые монетки, и частые, и тесно им было, и лезли они во все стороны. Только носик один был чистенький и глядел вверх.

Митраша был моложе сестры на два года. Ему было всего только десять лет с хвостиком. Он был коротенький, но очень плотный, лобастый, затылок широкий. Это был мальчик упрямый и сильный.

«Мужичок в мешочке», — улыбаясь, называли его между собой учителя в школе.

«Мужичок в мешочке», как и Настя, был весь в золотых веснушках, а носик его, чистенький тоже, как у сестры, глядел вверх.

После родителей всё их крестьянское хозяйство досталось детям: изба пятистенная, корова Зорька, телушка Дочка, коза Дереза, безыменные овцы, куры, золотой петух Петя и поросёнок Хрен.

Вместе с этим богатством досталась, однако, детишкам бедным и большая работа о всех живых существах. Но с такой ли бедой справлялись наши дети в тяжкие годы Отечественной войны! Вначале, как мы уже говорили, к детям приходили

---

¹ Печатается в сокращении.

помогать их дальние родственники и все мы, соседи. Но очень что-то скоро умненькие и дружные ребята сами всему научились и стали жить хорошо.

И какие это были умные детишки! Если только возможно было, они присоединялись к общественной работе. Их носики можно было видеть на колхозных полях, на лугах, на скотном дворе, на собраниях, в противотанковых рвах: носики такие задорные.

В этом селе мы, хотя и приезжие люди, знали хорошо жизнь каждого дома. И теперь можем сказать: не было ни одного дома, где бы жили и работали так дружно, как жили наши любимцы.

Точно так же, как и покойная мать, Настя вставала далеко до солнца, в предсветный час, по трубе пастуха. С хворостиной в руке выгоняла она своё любимое стадо и катилась обратно в избу. Не ложась уже больше спать, она растопляла печь, чистила картошку, заправляла обед и так хлопотала по хозяйству до ночи...

Митраша выучился у отца делать деревянную посуду: бочонки, шайки, лохани. У него есть фуганок, ладило длиной больше чем в два его роста. И этим ладилом он подгоняет дощечки одну к одной, складывает и обдерживает железными или деревянными обручами...

1. Опишите главных героев произведения.
2. Напоминают ли они вам ваших сверстников?

II

Кислая и очень полезная для здоровья ягода клюква растёт в болотах летом, а собирают её поздней осенью. Но не все знают, что самая-самая хорошая клюква, сладкая, как у нас говорят, бывает, когда она перележит зиму под снегом...

— Ты это помнишь, — сказал Митраша сестре, — как отец нам говорил о клюкве, что есть палестинка¹ в лесу.

— Помню, — ответила Настя, — о клюкве говорил, что знает местечко и клюква там осыпучая, но что он о какой-то палестинке говорил, я не знаю. Ещё помню, говорил про страшное место Слепую елань.

— Вот там, возле еланы², и есть палестинка, — сказал Митраша. — Отец говорил: идите на Высокую гриву и после того держите на север и, когда перевалите через Звонкую борину, держите всё прямо на север и увидите — там придёт вам палестинка, вся красная, как кровь, от одной только клюквы. На этой палестинке ещё никто не бывал!

Митраша говорил это уже в дверях. Настя во время рассказа вспомнила: у неё от вчерашнего дня остался целый, нетронутый чугунок варёной картошки. Забыв о палестинке, она тихонечко шмыгнула к загнетке и опрокинула в корзину весь чугунок.

«Может быть, ещё и заблудимся, — подумала она. — Хлеба у нас взято довольно, есть бутылка молока, и картошка, может быть, тоже пригодится».

А брат в это время, думая, что сестра всё стоит за его спиной, рассказывал ей о чудесной палестинке и что, правда, на пути к ней Слепая елань, где много погибло и людей, и коров, и коней.

¹ Палестинка — *здесь*: полянка.

² Елань — поляна среди леса, обычно покрытая травами и мелкими кустарниками.

— Ну, так что это за палестинка? — спросила Настя.

— Так ты ничего не слыхала?! — схватился он.

И терпеливо повторил ей уже на ходу всё, что слышал от отца о не известной никому палестинке, где растёт сладкая клюква.

1. Куда собрались ребята?

2. Какие качества в их характерах вам особенно нравятся (или нет)?

III

Блудово болото, где и мы сами не раз тоже блуждали, начиналось, как почти всегда начинается большое болото, непроходимую зарослью ивы, ольхи и других кустарников. Первый человек прошёл эту приболотицу с топором в руке и вырубил проход для других людей. Под ногами человеческими после осели кочки, и тропа стала канавкой, по которой струилась вода. Дети без особого труда перешли эту приболотицу в предрассветной темноте. И когда кустарники перестали заслонять вид впереди, при первом утреннем свете им открылось болото, как море. А впрочем, оно же и было, это Блудово болото, дном древнего моря...

Ещё не доходя до Звонкой борины, почти возле самой тропы, стали показываться отдельные кроваво-красные ягоды. Охотники за клюквой поначалу клали эти ягоды в рот. Кто не пробовал в жизни своей осеннюю клюкву и сразу бы хватил весенней, у него бы дух захватило от кислоты. Но деревенские сироты знали хорошо, что такое осенняя клюква, и оттого, когда теперь ели весеннюю, то повторяли:

— Какая сладкая!..

— Что это, Митраша, — спросила Настенька, ёжась, — так страшно воет вдали?

— Отец говорил, — ответил Митраша, — это воют на Сухой речке волки, и, наверно, сейчас это воет волк Серый помещик. Отец говорил, что все волки на Сухой речке убиты, но Серого убить невозможно.

— Так отчего же он страшно воет теперь?

— Отец говорил: волки воют весной оттого, что им есть теперь нечего. А Серый ещё остался один, вот и воет.

Болотная сырость, казалось, проникала сквозь тело к костям и студила их. И так не хотелось ещё ниже спускаться в сырое, топкое болото.

— Мы куда же пойдём? — спросила Настя.

Митраша вынул компас, установил север и, указывая на более слабую тропу, идущую на север, сказал:

— Мы пойдём на север по этой тропе.

— Нет, — ответила Настя, — мы пойдём вот по этой большой тропе, куда все люди идут. Отец нам рассказывал, помнишь, какое это страшное место — Слепая елань, сколько погибло в нём людей и скота. Нет, нет, Митрашенька, не пойдём туда. Все идут в эту сторону, — значит, там и клюква растёт.

— Много ты понимаешь! — оборвал её охотник. — Мы пойдём на север, как отец говорил, там есть палестинка, где ещё никто не бывал.

Настя, заметив, что брат начинает сердиться, вдруг улыбнулась и погладила его по затылку. Митраша сразу успокоился, и друзья пошли по тропе, указанной стрелкой, теперь уже не рядом, как раньше, а друг за другом, гуськом.

Найдите в тексте: как относятся дети друг к другу? Дружны ли они?

IV

Лет двести тому назад ветер-сеятель принёс два семечка в Блудово болото: семя сосны и семя ели. Оба семечка легли в одну ямку возле большого плоского камня... С тех пор уже лет, может быть, двести эти ель и сосна вместе растут. Их корни с малолетства сплелись, их стволы тянулись вверх рядом к свету, стараясь обогнать друг друга... Деревья разных пород боролись между собой корнями за питание, сучьями — за воздух и свет. Поднимаясь всё выше, толстая стволами, они впивались сухими сучьями в живые стволы и местами насквозь прокололи друг друга. Злой ветер, устроив деревьям такую несчастную жизнь, прилетал сюда иногда покачать их. И тогда деревья так стонали и выли на всё Блудово болото, как живые существа, что лисичка, свернувшаяся на моховой кочке в клубочек, поднимала вверх свою острую мордочку. До того близок был живым существам этот стон и вой сосны и ели, что одичавшая собака в Блудовом болоте, услышав его, выла от тоски по человеку, а волк выл от неизбывной злобы к нему.

...отдохнув на камне и согревшись в лучах солнца, Настя с Митрашей встали, чтобы продолжать дальше свой путь. Но у самого камня довольно широкая болотная тропа расходилась вилкой: одна, хорошая, плотная тропа шла направо, другая, слабая — прямо.

Проверив по компасу направление троп, Митраша, указывая слабую тропу, сказал:

— Нам надо по этой на север.

— Это не тропа! — ответила Настя.

— Вот ещё! — рассердился Митраша. — Люди шли, — значит тропа. Нам надо на север. Идём, и не разговаривай больше.

Насте было обидно подчиниться младшему Митраше.

— Кра! — крикнула в это время ворона в гнезде.

И её самец мелкими шажками перебежал ближе к косачу на полмостика.

Вторая круто-синяя стрелка пересекла солнце, и сверху стала надвигаться серая хмарь.

Золотая Курочка собралась с силами и попробовала уговорить своего друга.

— Смотри, — сказала она, — какая плотная моя тропа, тут все люди ходят. Неужели мы умней всех?

— Пусть ходят все люди, — решительно ответил упрямый «Мужичок в мешочке». — Мы должны идти по стрелке, как отец нас учил, на север, к палестинке.

— Отец нам сказки рассказывал, он шутил с нами, — сказала Настя. — И наверно, на севере вовсе нет никакой палестинки. Очень даже будет глупо нам по стрелке идти: как раз не на палестинку, а в самую Слепую елань угодим.

— Ну ладно, — резко повернул Митраша. — Я с тобой больше спорить не буду: ты иди по своей тропе, куда все бабы ходят за клюквой, я же пойду сам по себе, по своей тропке, на север.

И в самом деле пошёл туда, не подумав ни о корзине для клюквы, ни о пище.

Насте бы надо было об этом напомнить ему, но она так сама рассердилась, что, вся красная как кумач, плюнула вслед ему и пошла за клюквой по общей тропе.

— Кра! — закричала ворона.

И самец быстро перебежал по мостику остальной путь до косача и со всей силой долбанул его. Как ошпаренный метнулся косач к улетающим тетеревам, но разгневанный самец догнал его, вырвал, пустил по воздуху пучок белых и радужных пёрышек и погнал и погнал далеко.

Тогда серая хмарь плотно надвинулась и закрыла всё солнце с его живительными лучами. Злой ветер очень резко рванул. Сплетённые корнями деревья, прокалывая друг друга сучьями, на всё Блудово болото зарычали, завывали, застонали.

1. Из-за чего поссорились ребята?

2. Как вдруг всё изменилось вокруг?

3. Каким образом автор показывает нам, что ссора приближает беду?

V

Деревья так жалобно стонали, что из полуобвалившейся картофельной ямы возле сторожки Антипыча вылезла его гончая собака Травка и точно так же, в тон деревьям, жалобно завывала.

Зачем же надо было вылезать собаке так рано из тёплого, налёжанного подвала и жалобно выть, отвечая деревьям?

Среди звуков стога, рычания, ворчания, воя в это утро у деревьев иногда выходило так, будто где-то горько плакал в лесу потерянный или покинутый ребёнок.

Вот этот плач и не могла выносить Травка и, услышав его, вылезала из ямы в ночь и в полночь. Этот плач сплетённых навеки деревьев не могла выносить собака: деревья животному напоминали о его собственном горе.

Уже целых два года прошло, как случилось ужасное несчастье в жизни Травки: умер обожаемый ею лесник, старый охотник Антипыч.

Мы с давних лет ездили к этому Антипычу на охоту, и старик, думается, сам позабыл, сколько ему было лет, всё жил, жил в своей лесной сторожке, и казалось — он никогда не умрёт.

— Сколько тебе лет, Антипыч? — спрашивали мы. — Восемьдесят?

— Мало, — отвечал он.

— Сто?

— Много.

Думая, что он это шутит с нами, а сам хорошо знает, мы спрашивали:

— Антипыч, ну брось свои шутки, скажи нам по правде: сколько же тебе лет?

— По правде, — отвечал старик, — я вам скажу, если вы вперёд скажете мне, что есть правда, какая она, где живёт и как её найти.

Трудно было ответить нам.

— Ты, Антипыч, старше нас, — говорили мы, — и ты, наверно, сам лучше нас знаешь, где правда.

— Знаю, — усмехался Антипыч.

— Ну, скажи.

— Нет, пока жив я, сказать не могу, вы сами ищите. Ну, а как умирать буду, приезжайте, я вам тогда на ушко перешепну всю правду. Приезжайте!

— Хорошо, приедем. А вдруг не угадаем, когда надо, и ты без нас помрёшь?

Дедушка прищурился по-своему, как он всегда щурился, когда хотел посмеяться и пошутить.

— Деточки, вы, — сказал он, — не маленькие, пора бы самим знать, а вы всё спрашиваете. Ну, ладно уж, когда помирать соберусь и вас тут не будет, я Травке своей перешепну. Травка! — позвал он.

В хату вошла большая рыжая собака с чёрным ремешком по всей спине. У неё под глазами были чёрные полоски с загибом вроде очков. И от этого глаза казались очень большими, и ими она спрашивала: «Зачем позвал меня, хозяин?»

Антипыч как-то особенно поглядел на неё, и собака сразу поняла человека: он звал её по приятельству, по дружбе, ни для чего, а просто так, пошутить, поиграть. Травка замахала хвостом, стала снижаться на ногах всё ниже, ниже и, когда подползла так к коленям старика, легла на спину и повернула вверх светлый живот с шестью парами чёрных сосков. Антипыч только руку протянул было, чтобы погладить её, она как вдруг вскочит и лапами на плечи — и чмок и чмок его: и в нос, и в щёки, и в самые губы.

— Ну, будет, будет, — сказал он, успокаивая собаку и вытирая лицо рукавом.

Погладил её по голове и сказал:

— Ну будет, теперь ступай к себе.

Травка повернулась и вышла на двор.

— То-то, ребята, — сказал Антипыч. — Вот Травка, собака гончая, с одного слова всё понимает, а вы, глупенькие, спрашиваете, где правда живёт. Ладно же, приезжайте. А упустите меня, Травке я всё перешепну.

И вот умер Антипыч. Вскоре после этого началась Великая Отечественная война. Другого сторожа на место Антипыча не назначили, и сторожку его бросили. Очень ветхий был домик, старше много самого Антипыча, и держался уже на подпорках. Как-то раз без хозяина ветер поиграл с домиком, и он сразу же весь развалился, как разваливается карточный домик от одного дыхания младенца. В один год высокая трава иван-чай проросла через брёвнышки, и от всей избушки остался на лесной поляне холмик, покрытый красными цветами. А Травка переселилась в картофельную яму и стала жить в лесу, как и всякий зверь.

Только очень трудно было Травке привыкать к дикой жизни. Она гоняла зверей для Антипыча, своего великого и милостивого хозяина, но не для себя. Много раз случалось ей на гону поймать зайца. Подмяв его под себя, она ложилась и ждала, когда Антипыч придёт, и, часто вовсе голодная, не позволяла себе есть зайца. Даже если Антипыч почему-нибудь не приходил, она брала зайца в зубы, высоко задирала голову, чтобы он не болтался, и тащила домой. Так она и работала на Антипыча, но не на себя: хозяин любил её, кормил и берёг от волков. А теперь,

когда умер Антипыч, ей нужно было, как и всякому дикому зверю, жить для себя. Случалось, не один раз на жарком гону она забывала, что гонит зайца только для того, чтобы поймать его и съесть. До того забывалась Травка на такой охоте, что, поймав зайца, тащила его к Антипычу и тут иногда, услышав стон деревьев, взбиралась на холм, бывший когда-то избушкой, и выла и выла...

К этому вою давно уже прислушивается волк Серый помещик...

VI

...Определив место, где жили волки, мы обошли его на лыжах и по лыжнице, по кругу в три километра, развесили по кустикам на верёвочке флаги, красные и пахучие. Красный цвет пугает волков, и запах кумача страшит, и особенно боязливо им бывает, если ветерок, пробегая сквозь лес, там и тут шевелит этими флагами.

Сколько у нас было стрелков, столько мы сделали ворот и в непрерывном кругу этих флагов. Против каждого ворот становился где-нибудь за густой ёлочкой стрелок...

Так погибли все волки, но Серый не раз бывал в таких переделках и, услышав первые выстрелы, махнул через флаги. На прыжке в него было пущено два заряда: один оторвал ему левое ухо, другой — половину хвоста...

Волки погибли, но Серый за одно лето порезал коров и овец не меньше, чем резала их раньше целая стая.

В то утро, когда дети между собой поссорились и пошли по разным тропам, Серый лежал, голодный и злой. Когда ветер замутил утро и завывли деревья возле Лежачего камня, он не выдержал и вылез из своего логова. Он стал над завалом, поднял голову, подобрал и так тощий живот, поставил единственное ухо на ветер, выпрямил половину хвоста и завыл.

1. Какие новые персонажи появляются в повести?
2. Опишите отношения Антипыча и Травки.

VII

Сухая речка большим полукругом огибает Блудово болото. На одной стороне полукруга воеет собака, на другой — воеет волк. А ветер нажимает на деревья и разносит их вой и стон, вовсе не зная, кому он служит. Ему всё равно, кто воеет, дерево, собака — друг человека, или волк — злейший враг его, — лишь бы он выл. Ветер предательски доносит волку жалобный вой покинутой человеком собаки. И Серый, разобрав живой стон собаки от стонов деревьев, тихонечко выбрался из завалов и с настороженным единственным ухом и прямой половинкой хвоста поднялся на взлобок. Тут, определив место воя возле Антиповой сторожки, с холма прямо на широких махах пустился в том направлении.

1. Как автор описывает природу? Она дружелюбна или враждебна?

VIII

Слепая елань, куда повела Митрашу стрелка компаса, было место погибельное, и тут на веках немало затянуло в болото людей, и ещё больше скота. И уж, конечно, всем, кто идёт в Блудово болото, надо хорошо знать, что такое Слепая елань.

Мы это так понимаем, что всё Блудово болото, со всеми огромными запасами горючего, торфа, есть кладовая солнца. Да, вот именно так и есть, что горячее солнце было матерью каждой травинки, каждого цветочка, каждого болотного кустика и ягодки. Всем им солнце отдавало своё тепло, и они, умирая, разлагаясь, в удобрении передавали его, как наследство, другим растениям, кустикам, ягодкам, цветам и травинкам. Но в болотах вода не даёт родителям-растениям передать всё своё добро детям. Тысячи лет это добро под водой сохраняется, болото становится кладовой солнца, и потом вся эта кладовая солнца, как торф, достаётся человеку в наследство.

...Мало-помалу, по мере того как Митраша продвигался вперёд по указанию стрелки и тропы, кочки под его ногами становились не просто мягкими, как раньше, а полужидкими. Ступит ногой как будто на твёрдое, а нога уходит и становится страшно: не совсем ли в пропасть уходит нога? Попадаются какие-то вертлявые кочки, приходится выбирать место, куда ногу поставить. А потом и так пошло, что ступишь, а у тебя под ногой от этого вдруг, как в животе, заурчит и побежит куда-то под болотом...

...Антипыч, предлагая ходить нам голенькими и разутыми, только не договаривал: «Не зная броду, не лезьте в воду».

Так вот и Митраша. И благоразумная Настя предупреждала его. И трава белос показывала направление обхода елани. Нет! Не зная броду, оставил выбитую тропу человеческую и прямо полез в Слепую елань. А между тем тут-то вот именно, на этой полянке, вовсе прекращалось сплетение растений, тут была елань, то же самое, что зимой в пруду прорубь. В обыкновенной елани всегда бывает видна хоть чуть-чуть водица, прикрытая белыми прекрасными купавами, водяными лилиями. Вот за то эта елань называлась Слепою, что по виду её было невозможно узнать.

Митраша по елани шёл вначале лучше, чем даже раньше по болоту. Постепенно, однако, нога его стала утопать всё глубже и глубже, и становилось всё труднее и труднее вытаскивать её обратно. Тут лосю хорошо, у него страшная сила в длинной ноге, и, главное, он не задумывается и мчится одинаково и в лесу, и болоте. Но Митраша, почуяв опасность, остановился и призадумался над своим положением. В один миг остановки он погрузился по колено, в другой миг ему стало выше колена. Он ещё мог бы, сделав усилие, вырваться из елани обратно. И надумал было он повернуться, положить ружьё на болото и, опираясь на него, выскочить. Но тут же, совсем недалеко от себя, впереди, увидел высокую белую траву на следу человеческом.

— Перескочу, — сказал он.

И рванулся.

Но было уже поздно. Сгоряча, как раненый, — пропадать, так уж пропадать, — на авось, рванулся ещё, и ещё, и ещё. И почувствовал себя плотно охваченным со всех сторон по самую грудь. Теперь даже и сильно дыхнуть ему нельзя было: при малейшем движении его тянуло вниз, он мог сделать только одно: положить плашмя ружьё на болото и, опираясь на него двумя руками, не шевелиться и успокоить

поскорее дыхание. Так он и сделал: снял с себя ружьё, положил его перед собой, опёрся на него той и другой рукой.

Внезапный порыв ветра принёс ему пронзительный Настин крик:

— Митраша!

Он ей ответил.

Но ветер был с той стороны, где Настя. И уносил его крик в другую сторону Блудова болота, на запад, где без конца были только ёлочки.

1. Опишите чувства и действия Митраши.

2. Как, на ваш взгляд, поступали бы вы в подобной ситуации?

IX

...Вначале Настя срывала с плети каждую ягодку отдельно, за каждой красненькой ягодкой наклонялась к земле. Но скоро из-за одной ягодки наклоняться перестала; ей больше хотелось.

Она стала уже теперь догадываться, где не одну-две ягодки можно взять, а целую горсточку, и стала наклоняться только за горсточкой. Так она ссыпает горсточку за горсточкой, все чаще и чаще, а хочется всё больше и больше.

Бывало, раньше дома часу не поработает Настенька, чтобы не вспомнился брат, чтобы не захотелось с ним перекликнуться. А вот теперь он ушёл один неизвестно куда, а она и не помнит, что ведь хлеб-то у неё, что любимый брат там где-то, в тёмном болоте, голодный идёт. Да она и о себе самой забыла и помнит только о клюкве, и ей хочется всё больше и больше...

Было только один раз вроде пробуждения: она вдруг поняла, что где-то сошла с тропы. Повернула туда, где, показалось, проходила тропа, но там тропы не было. Она бросилась было в другую сторону, где маячили два дерева сухие с голыми сучьями — там тоже тропы не было. Тут-то бы, к случаю, и вспомнить ей про компас, как о нём говорил Митраша, и своего-то брата, своего любимого вспомнить, что он голодный идёт, и, вспомнив, перекликнуться с ним...

...А девочка... ползла по болоту, не поднимая вверх высоко головы. И так она приползла к горелому пню и дёрнула за самую плеть, где лежала змея. Гадина подняла голову и зашипела. И Настя тоже подняла голову.

Тогда-то наконец Настя очнулась...

Она опять поглядела на пень, где лежала змея, и вдруг пронзительно закричала:

— Братец, Митраша!

И, рыдая, упала возле корзины, наполненной клюквой.

Вот этот пронзительный крик и долетел тогда до елани, и Митраша это слышал и ответил, но порыв ветра тогда унёс крик в другую сторону.

1. Настя долго была увлечена только сбором клюквы. Что заставило её очнуться?

2. Какой была её первая мысль?

X

...День кончился не порывом ветра, а последним лёгким дыханием. Тогда наступила полная тишина, и везде стало всё слышно, даже как пересвистывались рябчики в зарослях Сухой речки.

В это время, почуяв беду человеческую, Травка подошла к рыдающей Насте и лизнула её в солёную от слёз щёку. Настя подняла было голову, поглядела на собаку и так, ничего не сказав ей, опустила голову обратно и положила её прямо на ягоду. Сквозь клюкву Травка явственно чуяла хлеб, и ей ужасно хотелось есть, но позволить себе покопаться лапами в клюкве она никак не могла. Вместо этого, чуя беду человеческую, она подняла высоко голову и завывала.

Мы как-то раз, помнится, давным-давно тоже так под вечер ехали, как в старину было, лесной дорогой на тройке, с колокольчиком. И вдруг ямщик осадил тройку, колокольчик замолчал, и, вслушиваясь, ямщик нам сказал:

— Беда!

Мы сами что-то услышали.

— Что это?

— Беда какая-то: собака воеет в лесу...

...А Серый, наконец-то услышав долгожданный лай собаки, понёсся на махах в направлении Слепой елани.

Травка погналась за зайцем и случайно оказалась рядом с тонущим в болоте Митрашей.

XI

...Ни гром, ни молния, ни солнечный восход со всеми победными звуками, ни закат с журавлиным обещанием нового прекрасного дня — ничто, никакое чудо природы не могло быть больше того, что случилось сейчас для Травки в болоте: она услышала слово человеческое — и какое слово!

Антипыч, как большой, настоящий охотник, назвал свою собаку вначале, конечно, по-охотничьи — от слова травить, и наша Травка вначале у него называлась Затравка; но после охотничья кличка на языке оболталась, и вышло прекрасное имя Травка. В последний раз, когда приходил к нам Антипыч, собака его называлась ещё Затравка. И когда загорелся огонёк в глазах маленького человека, это значило, что Митраша вспомнил имя собаки. Потом омертвелые, синеющие губы маленького человека стали наливаться кровью, краснеть, зашевелились. Вот это движение губ Травка заметила и второй раз чуть-чуть вильнула хвостом. И тогда произошло настоящее чудо в понимании Травки. Точно так же, как старый Антипыч в самое старое время, новый молодой и маленький Антипыч сказал:

— Затравка!

Узнав Антипыча, Травка мгновенно легла.

— Ну, ну! — сказал Антипыч. — Иди ко мне, умница!

И Травка в ответ на слова человека тихонечко поползла.

Но маленький человек звал её и манил сейчас не совсем от чистого сердца, как думала, наверно, сама Травка. У маленького человека в словах не только дружба и радость была, как думала Травка, а тоже тайлся и хитрый план своего спасения. Если бы он мог пересказать ей понятно свой план, с какой радостью бросилась бы она его спасать. Но он не мог сделать себя для неё понятным и должен был обманывать её ласковым словом. Ему даже надо было, чтобы она его боялась, а то если бы она его не боялась, не чувствовала хорошего страха перед могуществом великого Антипыча и по-собачьи со

всех ног бросилась бы ему на шею, то неминуемо болото бы затащило в свои недра человека и его друга — собаку. Маленький человек просто не мог быть сейчас великим человеком, какой мерещился Травке. Маленький человек принуждён был хитрить.

— Затравушка, милая Затравушка! — ласкал он её сладким голосом.

А сам думал: «Ну, ползи, только ползи!»

И собака, своей чистой душой подозревая что-то не совсем чистое в ясных словах Антипыча, ползла с остановками.

— Ну, голубушка, ещё, ещё!

А сам думал: «Ползи только, ползи».

И вот понемногу она подползла. Он мог бы уже и теперь, опираясь на распластанное на болоте ружьё, наклониться немного вперёд, протянуть руку, погладить по голове. Но маленький хитрый человек знал, что от одного его малейшего прикосновения собака с визгом радости бросится на него и утопит.

И маленький человек остановил в себе большое сердце. Он замер в точном расчёте движения, как боец в определяющем исход борьбы ударе: жить ему или умереть.

Вот ещё бы маленький ползок по земле, и Травка бы бросилась на шею человека, но в расчёте своём маленький человек не ошибся: мгновенно он выбросил свою правую руку вперёд и схватил большую, сильную собаку за левую заднюю ногу.

Так неужели же враг человека так мог обмануть?

Травка с безумной силой рванулась, и она бы вырвалась из руки маленького человека, если бы тот, уже достаточно выволоченный, не схватил другой рукой её за её другую ногу. Мгновенно вслед за тем он лёг животом на ружьё, выпустил собаку и на четвереньках, сам как собака, переставляя опору-ружьё всё вперёд и вперёд, подполз к тропе, где постоянно ходил человек и где от ног его по краям росла высокая трава белоус. Тут, на тропе, он поднялся, тут он отёр последние слёзы с лица, отрянул грязь с лохмотьев своих и, как настоящий большой человек, властно приказал:

— Иди же теперь ко мне, моя Затравка!

Услышав такой голос, такие слова, Травка бросила все свои колебания: перед ней стоял прежний, прекрасный Антипыч. С визгом радости, узнав хозяина, кинулась она ему на шею, и человек целовал своего друга и в нос, и в глаза, и в уши.

Не пора ли сказать теперь уж, как мы сами думаем, о загадочных словах нашего старого лесника Антипыча, когда он обещал перешепнуть свою правду собаке, если мы сами его не застанем живым? Мы думаем, Антипыч не совсем в шутку об этом сказал. Очень может быть, тот Антипыч, как Травка его понимает, или, по-нашему, весь человек в древнем прошлом его, перешепнул своему другу — собаке какую-то свою большую человеческую правду, и мы думаем, эта правда есть правда вековой суровой борьбы людей за любовь.

1. Как подружились Митраша и Травка?

2. «И маленький человек остановил в себе большое сердце». О чём пишет автор?

XII

Нам теперь остаётся уже не много досказать о всех событиях этого большого дня в Блудовом болоте. День, как ни долог был, ещё не совсем кончился, когда Митраша выбрался из елани с помощью Травки. После бурной радости от встречи с Антипы-

чем деловая Травка сейчас же вспомнила свой первый гон по зайцу. И понятно: Травка — гончая собака, и дело её — гонять для себя, но для хозяина Антипыча поймать зайца — это всё её счастье. Узнав теперь в Митраше Антипыча, она продолжала свой прерванный круг и вскоре попала на выходной след русака и по этому свежему следу сразу пошла с голосом.

Голодный Митраша, еле живой, сразу понял, что всё спасение его будет в этом зайце, что если он убьёт зайца, то огонь добудет выстрелом, и, как не раз бывало при отце, испечёт зайца в горячей золе. Осмотрев ружьё, переменяв подмокшие патроны, он вышел на круг и притаился в кусте можжевельника.

Ещё хорошо можно было видеть на ружьё мушку, когда Травка завернула зайца от Лежачего камня на большую Настину тропу, выгнала на палестинку, направила его отсюда на куст можжевельника, где таился охотник. Но тут случилось, что Серый, услышав возобновлённый гон собаки, выбрал себе как раз тот самый куст можжевельника, где таился охотник, и два охотника, человек и злейший враг его, встретились. Увидев серую морду от себя в пяти каких-то шагах, Митраша забыл о зайце и выстрелил почти в упор.

Серый помещик окончил жизнь свою без всяких мучений.

...Они рассказали нам во всех подробностях обо всём, что с ними случилось в Блудовом болоте. И всему у нас поверили: неслыханный сбор клюквы был налицо. Но не все могли поверить, что мальчик на одиннадцатом году жизни мог убить старого хитрого волка. Однако несколько человек из них, кто поверил, с верёвкой и большими санками отправились на указанное место и вскоре привезли мёртвого Серого помещика. Тогда все в селе на время бросили свои дела и собрались, и даже не только из своего села, а даже из соседних деревень. Сколько тут было разговоров! И трудно сказать, на кого больше глядели, — на волка или на охотника в картузе с двойным козырьком. Когда переводили глаза с волка, говорили:

— А вот смеялись, дразнили: «Мужичок в мешочке»!

И тогда незаметно для всех прежний «Мужичок в мешочке», правда, стал переменяться и за следующие два года войны вытянулся, и какой из него парень вышел — высокий, стройный. И стать бы ему непременно героем Отечественной войны, да вот только война-то кончилась.

А Золотая Курочка тоже всех удивила в селе. Никто её в жадности, как мы, не упрекал, напротив, все одобряли, и что она благоразумно звала брата на торную тропу, и что так много набрала клюквы. Но когда из детдома эвакуированных ленинградских детей обратились в село за посильной помощью больным детям, Настя отдала им всю свою целебную ягоду. Тут-то вот мы, войдя в доверие девочки, узнали от неё, как мучилась она про себя за свою жадность.

Нам остаётся теперь сказать ещё несколько слов о себе: кто мы такие и зачем попали в Блудово болото. Мы — разведчики болотных богатств. Ещё с первых дней Отечественной войны работали над подготовкой болота для добывания в нём горячего — торфа. И мы дознались, что торфа в этом болоте хватит для работы большой фабрики лет на сто. Вот какие богатства скрыты в наших болотах! А многие до сих пор только и знают об этих великих кладовых солнца, что в них будто бы черти живут: всё это вздор, и никаких нет в болоте чертей.

Художник П. В. Калинин

Художник А. М. Китайский

1. Вот счастливый финал истории. Какие уроки вынесли ребята из случившегося?
2. Почему автор назвал повесть «Кладовая солнца»?
3. Кто из художников, П. В. Калинин или А. М. Китайский, по вашему мнению, более точно воссоздал портреты Насти и Митраши? Почему вы так решили?

Юрий Яковлевич Яковлев

(1922–1995)

Юрий Яковлевич Яковлев — писатель и сценарист, автор нескольких поэтических книг, многих рассказов и повестей о детях. Он писал о любви к природе и любви к матери, любви к жизни и к четвероногим друзьям. Его рассказы проникают в сердце, затрагивают душу и заставляют переосмыслить свои поступки и поведение. Без нотаций и поучений. Каждый его рассказ открывает какую-то важную истину.

Багульник

Школьные коридоры

Он вызывающе зевал на уроках: зажмуривал глаза, отвратительно морщил нос и открывал пасть — другого слова тут не подберёшь! При этом он подвывал, что вообще не лезло ни в какие ворота. Потом энергично тряс головой — разгонял сон — и уставлялся на доску. А через несколько минут снова зевал.

— Почему ты зеваешь?! — раздражённо спрашивала Женечка.

Она была уверена, что он зевает от скуки. Расспрашивать его было бесполезно: он был молчалником. Зевал же потому, что всегда хотел спать.

Он принёс в класс пучок тонких прутиков и поставил их в банку с водой. И все посмеивались над прутиками, и кто-то даже пытался подмести ими пол, как веником. Он отнял и снова поставил в воду.

Он каждый день менял воду.

И Женечка посмеивалась.

Но однажды веник зацвёл. Прутики покрылись маленькими светло-лиловыми цветами, похожими на фиалки. Из набухших почек-узелков прорезались листья, светло-зелёные, ложечкой. А за окном ещё поблёскивали кристаллики уходящего последнего снега.

Все толпились у окна. Разглядывали. Старались уловить тонкий сладковатый аромат. И шумно дышали. И спрашивали, что за растение, почему оно цветёт.

— Багульник! — буркнул он и пошёл прочь.

Люди недоверчиво относятся к молчаливкам. Никто не знает, что у них, молчаливков, на уме: плохое или хорошее. На всякий случай думают, что плохое. Учителя тоже не любят молчаливков, потому что хотя они и тихо сидят на уроке, зато у доски каждое слово приходится вытягивать из них клещами.

Когда багульник зацвёл, все забыли, что Коста молчаливик. Подумали, что он волшебник.

И Женечка стала присматриваться к нему с нескрываемым любопытством.

Женечкой за глаза звали Евгению Ивановну. Маленькая, худая, слегка косящая, волосы — конским хвостиком, воротник — хомутиком, каблучки с подковками. На улице её никто не принял бы за учительницу. Вот побежала через дорогу. Застучали подковки. Хвостик развеивается на ветру. Остановись, лошадка! Не слышит, бежит... И долго ещё не затихает стук подковок...

Женечка обратила внимание, что каждый раз, когда раздавался звонок с последнего урока, Коста вскакивал с места и сломя голову выбегал из класса. С грохотом скатывался с лестницы, хватал пальто и, на ходу попадая в рукава, скрывался за дверь. Куда он мчался?

Его видели на улице с собакой, огненно-рыжей. Очёсы длинной шелковистой шерсти колыхались языками пламени. Но через некоторое время его встречали с другой собакой — под короткой шерстью тигрового окраса перекачивались мускулы бойца. А позднее он вёл на поводке чёрную головешку на маленьких кривых ногах. Головешка не вся обуглилась — над глазами и на груди теплились коричневые подпалины.

Чего только не говорили про Косту ребята!

— У него ирландский сеттер, — утверждали они. — Он охотится на уток.

— Ерунда! У него самый настоящий боксёр. С такими ходят на диких быков. Мёртвая хватка! — говорили другие.

Третьи смеялись:

— Не можете отличить таксы от боксёра!

Были ещё такие, которые спорили со всеми:

— Он держит трёх собак!

На самом деле у него не было ни одной собаки.

А сеттер? А боксёр? А такса?

Ирландский сеттер горел костром. Боксёр, как перед боем, играл мышцами. Так-са чернела обгоревшей головешкой.

Что это были за собаки и какое отношение они имели к Косте, не знали даже его родители. В доме собак не было и не предвиделось.

Когда родители возвращались с работы, они заставляли сына за столом: он поскрипывал пёрышком или бормотал под нос глаголы. Так он сидел запоздно. При чём здесь сеттеры, боксёры, таксы?

Коста же появлялся дома за пятнадцать минут до прихода родителей и едва успевал отчистить штаны от собачьей шерсти.

Впрочем, кроме трёх собак, была ещё и четвёртая. Огромная, головастая, из тех, что спасают людей, застигнутых в горах снежными лавинами. Из-под длинной свалывшейся шерсти проступали худые, острые лопатки, большие впалые глаза смотрели печально, тяжёлые львиные лапы — ударом такой лапы можно сбить любую собаку — ступали медленно, устало.

С этой собакой Косту никто не видел.

Звонок с последнего урока — сигнальная ракета. Она звала Косту в его загадочную жизнь, о которой никто не имел представления.

И как зорко ни следила за ним Женечка, стоило ей на мгновение отвести глаза, как Коста исчезал, выскальзывал из рук, улетучивался.

Однажды Женечка не выдержала и бросилась вдогонку. Она вылетела из класса, застучала подковками по лестничным ступеням и увидела его в тот момент, когда он нёсся к выходу. Она выскользнула в дверь и устремилась за ним на улицу. Прячась за спины прохожих, она бежала, стараясь не стучать подковками, а конский хвост развевался на ветру.

Она превратилась в следопыта.

Коста добежал до своего дома — он жил в зелёном облупившемся доме, исчез в подъезде и минут через пять появился снова. За это время он успел бросить портфель, не раздеваясь проглотить холодный обед, набить карманы хлебом и остатками обеда.

Женечка поджидала его за выступом зелёного дома. Он пронёсся мимо неё. Она поспешила за ним. И прохожим не приходило в голову, что бегущая, слегка косящая девушка не Женечка, а Евгения Ивановна.

Коста нырнул в кривой переулочек и скрылся в парадном. Он позвонил в дверь. И сразу послышалось какое-то странное подвывание и царапанье сильной когтистой лапы. Потом завывание перешло в нетерпеливый лай, а царапанье в барабанную дробь.

— Тише, Артюша, подожди! — крикнул Коста.

Дверь отворилась, и огненно-рыжий пёс бросился на Косту, положил передние лапы на плечи мальчику и стал лизать длинным розовым языком нос, глаза, подбородок.

— Артюша, перестань!

Куда там! На лестнице послышался лай и грохот, и оба — мальчик и собака — с невероятной скоростью устремились вниз. Они чуть не сбили с ног Женечку, которая едва успела прижаться к перилам. Ни тот, ни другой не обратили на неё внимания. Артюша кружился по двору. Припадал на передние лапы, а задние подбрасывал, как козлёнок, словно хотел сбить пламя. При этом лаял, подскакивал и всё норовил

лизнуть Косту в щёку или в нос. Так они бегали, догоняя друг друга. А потом нехотя шли домой.

Их встречал худой человек с костылём. Собака тёрлась о его единственную ногу. Длинные мягкие уши сеттера напоминали уши зимней шапки, только не было завязочек.

— Вот, погуляли. До завтра, — сказал Коста.

— Спасибо. До завтра.

Артюша скрылся, и на лестнице стало темнее, словно погасили костёр.

Теперь пришлось бежать три квартала. До двухэтажного дома с балконом, который находился в глубине двора. На балконе стоял пёс боксёр. Скуластый, с коротким, обрубленным хвостом, он стоял на задних лапах, а передние положил на перила.

Боксёр не сводил глаз с ворот. И когда появился Коста, глаза собаки загорелись тёмной радостью.

— Атилла! — крикнул Коста, вбегая во двор.

Боксёр тихо взвизгнул. От счастья.

Коста подбежал к сараю, взял лестницу и потащил её к балкону.

Лестница была тяжелой. Мальчику стоило больших трудов поднять её. И Женечка еле сдержалась, чтобы не кинуться ему на помощь.

Когда Коста наконец приставил лестницу к перилам балкона, боксер спустился по ней на землю. Он стал тереться о штаны мальчика. При этом поджимал лапу. У него болела лапа.

Коста достал припасы, завёрнутые в газету. Боксёр был голоден.

Он ел жадно, но при этом посматривал на Косту, и в его глазах накопилось столько невысказанных чувств, что казалось, он сейчас заговорит.

Когда собачий обед кончился, Коста похлопал пса по спине, прицепил к ошейнику поводок, и они отправились на прогулку.

Отвисшие углы большого черногубого рта собаки вздрагивали от пружинистых шагов. Иногда боксёр поджимал больную лапу.

Женечка слышала, как дворничиха им вслед сказала:

— Выставили собаку на балкон и уехали. А она хоть помирай с голоду! Люди ведь!..

Когда Коста уходил, боксёр провожал его глазами, полными преданности. Его морда была в тёмных морщинах, лоб пересекала глубокая складка. Он молча шевелил обрубком хвоста.

Женечке вдруг захотелось остаться с этой собакой. Но Коста спешил дальше.

В соседнем доме на первом этаже болел парнишка — был прикован к постели. Это у него была такса — чёрная головешка на четырёх ножках. Женечка стояла под окнами и слышала разговор Косты и большого мальчика.

— Она тебя ждёт, — говорил больной.

- Ты болей, не волнуйся, — слышался голос Косты.
- Я болею... не волнуюсь, — отвечал больной. — Может быть, я отдам тебе велосипед, если не смогу кататься.
- Мне не надо велосипеда.
- Мать хочет продать Лаптя. Ей утром некогда с ним гулять.
- Приду утром, — после некоторого раздумья отвечал Коста. — Только очень рано, до школы.
- Тебе не попадёт дома?
- Ничего... тяну... на тройки... Только спать хочется, поздно уроки делаю.
- Если я выкарабкаюсь, мы вместе погуляем.
- Выкарабкивайся.
- Ты куришь? — спрашивал больной.
- Некурящий, — отвечал Коста.
- И я некурящий.
- Ну, мы пошли... Ты болей... не волнуйся. Пошли, Лапоть!

Таксу звали Лаптем. Коста вышел, держа собаку под мышкой.

И вскоре они уже шагали по тротуару. Рядом с сапогами, ботинками, туфлями на кривых ножках семенял чёрный Лапоть.

Женечка шла за таксой. И ей казалось, что это пламенно-рыжая собака обгорела и превратилась в такую головешку. Ей захотелось заговорить с Костой. Расспросить его о собаках, которых он кормил, выгуливал, поддерживал в них веру в человека. Но она молча шла по следам своего ученика, который отвратительно зевал на уроках и слыл молчальником. Теперь он менялся в её глазах, как веточка багульника.

Но вот Лапоть отгулял и вернулся домой. Коста двинулся дальше, и его невидимая спутница — Женечка — снова пряталась за спины прохожих. Дома уменьшились ростом. А спин стало совсем мало.

Город кончался. Начались дюны. Женечке трудно было идти на каблуках по вязкому песку и корявым корням сосен. В конце концов она сломала каблук.

И тут показалось море.

Оно было мелким и плоским. Волны не обрушивались на низкий берег, а тихо и неторопливо наползали на песок и так же медленно и беззвучно откатывались, оставляя на песке белую каёмку пены.

Море выглядело сонным и вялым, не способным к бурям и штормам.

Но бури на нём бывали. Далеко от дюн, за линией горизонта.

Коста шёл по берегу, наклоняясь вперёд — против ветра. Женечка сняла туфли, босиком было идти легче, но холодный влажный песок обжигал ступни. На берегу сохли развешанные на кольях сети с круглыми поплавками из бутылочного стекла, лежали лодки, перевёрнутые вверх килем.

Неожиданно вдалеке, на самой кромке берега, возникла собака.

Она стояла неподвижно, в странном оцепенении. Большеголовая, с острыми лопатками, с опущенным хвостом. Ее взгляд был устремлён в море. Она ждала кого-то с моря.

Коста подошёл к собаке, но она даже не повернула головы, словно не слышала его шагов. Он протёр рукой по свалывшейся шерсти.

Собака едва заметно шевельнула хвостом. Мальчик присел на корточки и разложил перед собакой хлеб и остатки своего обеда, завёрнутого в газету. Собака не оживилась, не выказала никакого интереса к пище. Коста стал её поглаживать и уговаривать:

— Ну поешь... Ну поешь немного...

Собака посмотрела на него большими впалыми глазами и снова обратила взгляд к морю.

Женечка притаилась за развешанными сетями, словно попалась, запуталась в них и не могла вырваться, чтобы тоже гладить собаку и говорить: «Ну поешь... Ну поешь хоть немного!»

Коста взял кусок хлеба и поднёс ко рту собаки. Та вздохнула глубоко и громко, как человек, и принялась медленно жевать хлеб.

Она ела без всякого интереса, как будто была сыта или привыкла к лучшей пище, чем хлеб, холодная каша и кусок жилистого мяса из супа... Она ела для того, чтобы не умереть. Ей нужно было жить. Она ждала кого-то с моря.

Когда всё было съедено, Коста сказал:

— Идём. Погуляем.

Собака снова посмотрела на мальчика и послушно зашагала рядом. У неё были тяжёлые лапы и неторопливая, полная достоинства львиная походка. Следы заполнились водой.

В море переливались нефтяные разводы. Будто где-то за горизонтом произошла катастрофа, рухнула радуга и её обломки прибило к берегу.

Мальчик и собака шли не спеша, а Женечка — следопыт Женечка — слышала, как Коста говорил собаке:

— Ты хороший... Ты верный... Пойдём со мной. Он никогда не вернётся. Он погиб. Честное пионерское.

Собака молчала. Она и не должна была говорить. Она не отрывала глаз от моря. И в который раз не верила Косте. Ждала.

— Что же мне с тобой делать? — спросил мальчик. — Нельзя же жить одной на берегу моря. Когда-нибудь надо уйти.

Рыбачья сеть кончилась. И Женечка как бы выпуталась из сетей.

Коста оглянулся и увидел учительницу. Она стояла на песке босая, а туфли держала под мышкой. И сквозняк, тянувший с моря, развевал её волосы, собранные в конский хвост.

— Что же с ней делать? — растерянно спросила она Косту.

— Она не пойдёт. Я знаю, — сказал мальчик. Он почему-то не удивился появлению учительницы. — Она никогда не поверит, что хозяин погиб...

Женечка подошла к собаке. Собака глухо зарычала, но не залаяла, не бросилась на неё.

— Я ей сделал дом из старой лодки. Подкармливаю. Она очень тощая... Сперва укусила меня.

— Укусила?

— Руку. Теперь всё зажило. Я йодом смазывал.

Пройдя ещё несколько шагов, он сказал:

— Собаки всегда ждут. Даже погибших... Им надо помогать.

Море потускнело и стало как бы меньше размером. Погасшее небо плотнее прижалось к сонным волнам. Коста и Женечка проводили собаку до её бессменного поста, где неподалёку от воды лежала перевёрнутая лодка, подпёртая чурбаком, чтобы под неё можно было забраться. Собака подошла к воде. Села на песок. И снова застыла в своём вечном ожидании...

Обратно учительница и ученик шли быстро, но, когда берег кончился, за дюнами Женечка остановилась и сказала:

— Я не могу так быстро. У меня каблук сломался.

— Мне надо бы поспеть до их прихода, — отозвался Коста.

— Тогда иди.

Коста внимательно посмотрел на Женечку и спросил:

— А как же вы?

— Я дойду не спеша.

— Может быть, вбить гвоздь? У вас есть гвоздь?

— Не знаю. — Женечка протянула ему туфлю.

Он покрутил каблук, как зуб, который шатается. И постучал камнем.

— Вот.

— Теперь лучше, — сказала Женечка, надевая туфлю.

Но шла она прихрамывая, наступая на носок, чтобы каблук держался.

На другой день в конце последнего урока Коста уснул. Он зевал, зевал, но потом уронил голову на согнутый локоть и уснул. Сперва никто не замечал, что он спит. Потом кто-то захихикал.

И Женечка увидела, что он спит.

— Тихо, — сказала она. — Совсем тихо!

Когда она хотела, всё было как полагается. Тихо так тихо.

— Вы знаете, почему он уснул? — шёпотом произнесла Евгения Ивановна. Я вам расскажу... Он гуляет с чужими собаками. Кормит их. Собаки всегда ждут. Даже погибших... Им надо помогать.

Зазвенел звонок с последнего урока. Он звенел громко и протяжно.

Но Коста не слышал звонка. Он спал.

Евгения Ивановна — Женечка — склонилась над спящим мальчиком, положила руку ему на плечо и легонько потрясла. Он вздрогнул и открыл глаза.

— Звонок с последнего урока, — сказала Женечка, — тебе пора.

Коста вскочил. Схватил портфель. И в следующее мгновение скрылся за дверью.

1. Герой рассказа «вызывающе зевал на уроках: зажмуривал глаза, отвратительно морщил нос». И однажды он «принёс в класс пучок тонких прутиков и поставил их в банку с водой». Как бы вы его охарактеризовали, продолжив начатую нами цитатную характеристику?

2. В рассказе есть ещё один главный персонаж. Составьте цитатную характеристику Женечки.

3. Чтобы проделать эту работу, вы можете разделиться на 2 команды. Обсудите результаты в классе.

Виктор Петрович Астафьев (1924–2001)

Виктор Петрович Астафьев — известный писатель, прозаик, эссеист. В его биографии было много трагических моментов. Лишившись матери, совсем маленьким он оказался на попечении бабушки и деда. Об этом времени у писателя осталось много светлых воспоминаний, которыми позже так или иначе писатель делится с нами в книжках.

Конь с розовой гривой¹

Бабушка возвратилась от соседей и сказала мне, что левонтьевские ребяташки собираются на увал по землянику, и велела сходить с ними.

— Наберёшь туесок². Я повезу свои ягоды в город, твои тоже продам и куплю тебе пряник.

— Конём, баба?

— Конём, конём.

Пряник конём! Это ж мечта всех деревенских малышей. Он белый-белый, этот конь. А грива у него розовая, хвост розовый, глаза розовые, копыта тоже розовые. Бабушка никогда не позволяла таскаться с кусками хлеба. Ешь за столом, иначе будет худо. Но пряник — совсем другое дело. Пряник можно сунуть под рубаху, бегать и слышать, как конь лягает копытами в голый живот. Холодея от ужаса — потерял, — хвататься за рубаху и со счастьем убеждаться — тут он, тут конь-огонь!

С таким конём сразу почёту сколько, внимания! Ребята левонтьевские к тебе так и этак ласться, и в чижá³ первому бить дают, и из рогатки стрельнуть, чтоб только им позволили потом откусить от коня либо лизнуть его. Когда даёшь левонтьевскому Саньке или Таньке откусывать, надо держать пальцами то место, по которое откусить положено, и держать крепко, иначе Танька или Санька так цапнут, что останет-ся от коня хвост да грива.

Левонтий, сосед наш, работал на бадогáх⁴ вместе с Мишкой Коршуковым. Левонтий заготавливал лес на бадогы, пилил его, колол и сдавал на известковый завод, что был супротив села, по другую сторону Енисея.

...Вот с орлами-то дяди Левонтия и отправился я по землянику, чтобы трудом своим заработать пряник. Ребяташки несли бокалы с отбитыми краями, старые,

¹ Печатается в сокращении.

² Туесок — корзинка из бересты, берёзовой коры.

³ Чиж — *здесь*: детская игра.

⁴ Работать на бадогáх — заготавливать лес, древесину.

наполовину изодранные на растопку, берестяные тuesки, кринки¹, обвязанные по горлу бечёвками, у кого ковшики без ручек были. Парнишки вольничали, боролись, бросали друг в друга посудой, ставили подножки, раза два принимались драться, плакали, дразнились. По пути они заскочили в чей-то огород, и, поскольку там ещё ничего не поспело, напластали беремья луку-батуну, наелись до зелёной слюны, остатки побросали. Оставили несколько пёрышек на свистульки. В обкусанные перья они пищали, приплясывали, под музыку шагалось нам весело, и мы скоро пришли на каменистый увал. Тут все перестали баловаться, рассыпались по лесу и начали брать землянику, только-только ещё поспевающую, белобокую, редкую и потому особенно радостную и дорогую.

Я брал старательно и скоро покрыл дно аккуратненького тuesка стакана на два-три.

Бабушка говорила: главное в ягодах — закрыть дно посудыны. Вздохнул я с облегчением и стал собирать землянику скорее, да и подалось её выше по увалу больше и больше.

Левонтьевские ребята сначала ходили тихо. Лишь позвякивала крышка, привязанная к медному чайнику. Чайник этот был у старшего парнишки, и побрякивал он, чтобы мы слышали, что старшой тут, поблизости, и бояться нам нечего и незачем.

Вдруг крышка чайника забренчала нервно, послышалась возня.

— Ешь, да? Ешь, да? А домой чё? А домой чё? — спрашивал старшой и давал кому-то тумака после каждого вопроса.

— А-га-га-гааа! — запела Танька. — Шанька шажрал, дак ничо-о-о...

Попало и Саньке. Он рассердился, бросил посудину и свалился в траву. Старшой брал, брал ягоды да и задумался: он для дома старается, а те вон, дармоеды,

жрут ягоды либо вовсе на траве валяются. Подскочил старшой и пнул Саньку ещё раз. Санька взвыл, кинулся на старшого. Зазвенел чайник, брызнули из него ягоды. Бьются братья богатырские, катаются по земле, всю землянику раздавили.

¹ Кринка — кувшин.

После драки и у старшего опустились руки. Принялся он собирать просыпанные, давленные ягоды — и в рот их, в рот.

— Значит, вам можно, а мне, значит, нельзя! Вам можно, а мне, значит, нельзя? — зловеще спрашивал он, пока не съел всё, что удалось собрать.

Вскоре братья как-то незаметно помирились, перестали обзываться и решили спуститься к Фокинской речке, побрызгаться.

Мне тоже хотелось к речке, тоже бы побрызгаться, но я не решался уйти с увала, потому что ещё не набрал полную посудину.

— Бабушки Петровны испугался! Эх ты! — закривлялся Санька и назвал меня поганым словом. Он много знал таких слов. Я тоже знал, научился говорить их у левонтьевских ребят, но боялся, может, стеснялся употреблять поганство и несмело заявил:

— Зато мне бабушка пряник конём купит!

— Может, кобылой? — усмехнулся Санька, плюнул себе под ноги и тут же что-то смекнул: — Скажи уж лучше — боишься её и ещё жадный!

— Я?

— Ты!

— Жадный?

— Жадный!

— А хочешь, все ягоды съем? — сказал я это и сразу покаялся, понял, что попался на уду. Исцарапанный, с шишками на голове от драк и разных других причин, с цыпками на руках и ногах, с красными окровавленными глазами, Санька был вреднее и злее всех левонтьевских ребят.

— Слабо! — сказал он.

— Мне слабо! — хорохорился я, искоса глядя в туесок. Там было ягод уже выше середины. — Мне слабо?! — повторял я гаснущим голосом и, чтобы не спасовать, не струсить, не опозориться, решительно вытряхнул ягоды на траву: — Вот! Ешьте вместе со мной!

Навалилась левонтьевская орда, ягоды вмиг исчезли. Мне досталось всего несколько малюсеньких, гнутых ягодок с прозеленью. Жалко ягод. Грустно. Тоска на сердце — предчувствует оно встречу с бабушкой, отчёт и расчёт. Но я напустил на себя отчаянность, махнул на всё рукой — теперь уже всё равно. Я мчался вместе с левонтьевскими ребятами под гору, к речке, и хвастался:

— Я ещё у бабушки калач украду!

Парни поощряли меня, действуй, мол, и не один калач носи, шанег ещё прихвати либо пирог — ничего лишнее не будет.

— Ладно!..

Мы занялись захватывающим, жутким делом: забегали в устье холодной пещеры, где жила (это в селе доподлинно знали) нечистая сила. Дальше всех в пещеру забежал Санька — его и нечистая сила не брала!

— Это еще чё! — хвалился Санька, воротившись из пещеры. — Я бы дальше по бёг, в глыбь побёг ба, да босый я, там змеев гибель.

— Жмеев?! — Танька отступила от устья пещеры и на всякий случай подтянула спадающие штанишки.

— Домовнику с домовым видел, — продолжал рассказывать Санька.

— Хлопуша! Домовые на чердаке живут да под печкой! — срезал Саньку старшой. Санька смешался было, однако тут же оспорил старшого:

— Дак тама какой домовый-то? Домашний. А тут пещерной. В мохе весь, серый, дрожмя дрожит — студёно ему. А домовниха худа-худа, глядит жалобливо и стонет. Да меня не подманишь, подойди только — схватит и слопаёт. Я ей камнем в глаз за-лимонил!..

Может, Санька и врал про домовых, но всё равно страшно было слушать, чудилось — вот совсем близко в пещере кто-то всё стонет, стонет. Первой дернула от худого места Танька, следом за нею и остальные ребята с горы посыпались. Санька свистнул, заорал дурноматом, поддавая нам жару.

Так интересно и весело мы провели весь день, и я совсем уже забыл про ягоды, но наступила пора возвращаться домой. Мы разобрали посуду, спрятанную под деревом.

— Задаст тебе Катерина Петровна! Задаст! — заржал Санька. Ягоды-то мы съели! Ха-ха! Нарошно съели! Ха-ха! Нам-то ништяк! Ха-ха! А тебе-то хо-хо!..

Я и сам знал, что им-то, левонтьевским, «ха-ха!», а мне «хо-хо!». Бабушка моя, Катерина Петровна, не тётка Васеня, от неё враньём, слезами и разными отговорками не отделаешься.

Тихо плёлся я за левонтьевскими ребятами из лесу. Они бежали впереди меня гурьбой, гнали по дороге ковшик без ручки. Ковшик звякал, подпрыгивал на камнях, от него отскакивали остатки эмалировки.

— Знаешь чё? — проговорив с братанами, вернулся ко мне Санька. — Ты в туес травы натолкай, сверху ягод — и готово дело! Ой, дитяtko моё! — принялся с точностью передразнивать мою бабушку Санька. — Пособил тебе воспо-одь, сиротинке, пособил. — И подмигнул мне бес Санька, и помчался дальше, вниз с увала, домой.

А я остался.

Утихли голоса ребятни под увалом, за огородами, жутко сделалось. Правда, село здесь слышно, а всё же тайга, пещера недалеко, в ней домовниха с домовым, змеи кишмя кишат. Повздыхал я, повздыхал, чуть было не всплакнул, но надо было слушать лес, траву, домовые из пещеры не подбираются ли. Тут хныкать некогда. Тут ухо остро держи. Я рвал горстью траву, а сам озирался по сторонам. Набил травую туесок, на бычке, чтоб к свету ближе и дома видать, собрал несколько горсток ягодок, заложил ими траву — получилось земляники даже с копной.

— Дитяtko ты моё! — запричитала бабушка, когда я, замирая от страха, передал ей посудину. — Восподь тебе пособил, воспо-дь! Уж куплю я тебе пряник, самый большущий. И пересыпать ягодки твои не стану к своим, прямо в этом туеске увезу...

Отлегло маленько.

Я думал, сейчас бабушка обнаружит моё мошенничество, даст мне что полагается, и уже приготовился к каре за содеянное злодейство. Но обошлось. Всё обошлось. Бабушка унесла туесок в подвал, ещё раз похвалила меня, дала есть, и я подумал, что бояться мне пока нечего и жизнь не так уж худа.

Я поел, отправился на улицу играть, и там дёрнуло меня сообщить обо всём Саньке.

— А я расскажу Петровне! А я расскажу!..

— Не надо, Санька!

— Принеси калач, тогда не расскажу.

Я пробрался тайком в кладовку, вынул из ларя калач и принёс его Саньке, под рубахой. Потом ещё принёс, потом ещё, пока Санька не нажрался.

«Бабушку надул. Калачи украл! Что только будет?» — терзался я ночью, ворочаясь на полатах. Сон не брал меня, покой «андельский» не снисходил на мою жиганью¹, на мою варначью душу, хотя бабушка, перекрестив на ночь, желала мне не какого-нибудь, а самого что ни на есть «андельского», тихого сна.

— Ты чего там елозишь? — хрипло спросила из темноты бабушка. — В речке небось опять бродил? Ноги опять болят?

— Не-е, — откликнулся я. — Сон приснился...

— Спи с Богом! Спи, не бойся. Жизнь страшнее снов, батюшко...

«А что, если слезть с полатей, забраться к бабушке под одеяло и всё-всё рассказать?»

Я прислушался. Снизу доносилось трудное дыхание старого человека. Жалко будить, устала бабушка. Ей рано вставать. Нет уж, лучше я не буду спать до утра, скараулю бабушку, расскажу обо всём: и про туесок, и про домовнику с домовым, и про калачи, и про всё, про всё...

От этого решения мне стало легче, и я не заметил, как закрылись глаза. Возникла Санькина невытая рожа, потом замелькал лес, трава, земляника, завалила она и Саньку, и всё, что виделось мне днём.

На полатах запахло сосняком, холодной таинственной пещерой, речка прожурчала у самых ног и смолкла...

Дедушка был на заимке, километрах в пяти от села, в устье реки Маны. Там у нас посеяна полоска ржи, полоска овса и гречи да большой загон посажен картошек. О колхозах тогда ещё только начинались разговоры, и селяне наши жили пока одиночно. У дедушки на заимке я любил бывать. Спокойно у него там, обстоятельно, никакого утеснения и надзора, бегай хоть до самой ночи. Дедушка никогда и ни на кого не шумел, работал неторопливо, но очень уёмисто и податливо.

Ах, если бы заимка была ближе! Я бы ушёл, скрылся. Но пять километров для меня были тогда непреодолимым расстоянием. И Алёшки нет, чтобы с ним вместе умотать. Недавно приезжала тетка Августа и забрала Алёшку с собой на лесоучасток, куда она поступила работать.

Слонялся я, слонялся по пустой избе и ничего другого не мог придумать, как податься к левонтьевским.

— Уплыла Петровна! — ухмыльнулся Санька и цыркнул слюной в дырку меж передних зубов. У него в этой дырке мог поместиться ещё один зуб, и мы были без ума от этой Санькиной дырки. Как он в неё цыркал слюной!

Санька собирался на рыбалку, распутывал леску. Малые его братья и сёстры толкались подле, бродили вокруг скамеек, ползали, ковыляли на кривых ногах.

Санька раздавал затрещины направо и налево — малые лезли под руку, путали леску.

— Крючка нету, — сердито буркнул он, — проглотил, должно, который-то.

¹ Жиганья, варначьа — прилагательные от слов «жиган» — мошенник, вор — и «варнак» — уголовник, негодяй.

— Помрёт?

— Ништя-ак! — успокоил меня Санька. — Переварят. У тебя много крючков, дай. Я тебя с собой возьму.

— Идёт.

Я помчался домой, схватил удочки, хлеба в карман сунул, и мы подались к каменным бычкам, за поскотину, спускавшуюся прямо в Енисей по-за логом.

Старшего дома не было. Его взял с собой «на бадоги» отец, и Санька командовал напропалу. Поскольку был он сегодня старшим и чувствовал большую ответственность, то уж не задирался зря и, мало того, умирал «народ», если тот начинал свалку.

...День был ясный, летний. Сверху пекло. Возле поскотины клонились к земле рябенькие кукушкины башмачки. На длинных хрустких стеблях болтались из стороны в сторону синие колокольчики, и, наверное, только пчёлы слышали, как они звенели. Возле муравейника на обогретой земле лежали полосатые цветки-граммофончики, и в голубые их рупоры совали головы шмели. Они надолго замирали, выставив мохнатые зады, должно быть, заслушивались музыкой. Берёзовые листья блестели, осинник сомлел от жары, сосняк по увалам был весь в синем куреве. Над Енисеем солнечно мерцало. Сквозь это мерцание едва проглядывали красные жерла известковых печей, полыхающих по ту сторону реки. Тени скал лежали недвижно на воде, и светом их размыкало, рвало в клочья, будто старое тряпье. Железнодорожный мост в городе, видимый из нашего села в ясную погоду, колыхался тонким кружевцем, и, если долго смотреть на него, — кружевце истоньшалось и рвалось.

Оттуда, из-за моста, должна приплыть бабушка. Что только будет! И зачем я так сделал? Зачем послушался левонтьевских? Вон как хорошо было жить. Ходи, бегай, играй и ни о чём не думай. А теперь что? Надеяться теперь не на что. Разве что на нечаянное какое избавление. Может, лодка опрокинется и бабушка утонет? Нет уж, лучше пусть не опрокидывается. Мама утонула. Чего хорошего? Я нынче сирота. Несчастный человек. И пожалеть меня некому. Левонтий только пьяный жалеет да ещё дедушка — и всё, бабушка только кричит, ещё нет-нет да поддаст — у неё не задержится. Главное, дедушки нет. На заимке дедушка. Он бы не дал меня в обиду. Бабушка и на него кричит: «Потáтчик! Своим всю жизнь потачил, теперь этого!..» «Дедушка ты дедушка, хоть бы ты в баню мыться приехал, хоть бы просто так приехал и взял бы меня с собою!»

— Ты чего нюнишь? — наклонился ко мне Санька с озабоченным видом.

— Ничего-о-о! — голосом я давал понять, что это он, Санька, довёл меня до такой жизни...

— Ну и лешак с тобой! Об тебе же стараются. Во! Ключуло! У тебя ключуло!

Я свалился с яра, переполошив береговушек в дырках, и рванул удочку. Попался окунь. Потом ёрш. Подошла рыба, начался клёв. Мы наживляли червяков, закидывали.

— Не перешагивай через удилице! — суеверно орал Санька на совсем ошалевших от восторга малышей и таскал, таскал рыбёшек. Парнишонки надевали их на ивовый прут, опускали в воду и кричали друг на дружку: «Кому говорено — не пересекай удочку?!»

---

¹ Потáтчик — человек, который потакает, соглашается, не идёт на скандал.

Вдруг за ближним каменным бычком защёлкали по дну кованые шесты, из-за мыса показалась лодка. Трое мужиков разом выбрасывали из воды шесты. Сверкнув отшлифованными наконечниками, шесты разом падали в воду, и лодка, зарывшись по обводу в реку, рвалась вперёд, откидывая на стороны волны. Взмах шестов, перекидка рук, толчок — лодка вспрыгнула носом, ходко подалась вперёд. Она ближе, ближе. Вот уж кормовой двинул шестом, и лодка кивнула в сторону от наших удочек. И тут я увидел сидящего на беседке ещё одного человека. Полушалок на голове, концы его пропущены под мышки и крест-накрест завязаны на спине. Под полушалком крашенная в бордовый цвет кофта. Вынималась эта кофта из сундука по большим праздникам и по случаю поездки в город.

Я рванул от удочек к яру, подпрыгнул, ухватился за траву, засунув большой палец ноги в норку. Подлетела береговушка, тюкнула меня по голове, я с перепугу упал на комья глины, подскочил — и бежать по берегу, прочь от лодки.

— Ты куда! Стой! Стой, говорю! — кричала бабушка.

Я мчался во весь дух.

— Я-а-авишша, я-авишша домой, мошенник!

Мужики поддали жару.

— Держи его! — крикнули из лодки, и я не заметил, как оказался на верхнем конце села, куда и одышка, всегда меня мучающая, девалась! Я долго отдыхивался и скоро обнаружил — подступает вечер — волей-неволей надо возвращаться домой. Но я не хотел домой и на всякий случай подался к двоюродному братишке Кеше, дяди Ваниному сыну, жившему здесь, на верхнем краю села.

Мне повезло. Возле дяди Ванино дома играли в лапту. Я ввязался в игру и пробежал до темноты. Появилась тётя Феня, Кешкина мать, и спросила меня:

— Ты почему домой не идёшь? Бабушка потеряет тебя.

— Не-е, — ответил я как можно беспечнее. — Она в город уплыла. Может, ночует там.

Тётя Феня предложила мне поесть, и я с радостью смолотил всё, что она мне дала, тонкошей Кеша попил варёного молока, и мать ему сказала с укором:

— Всё на молочке да на молочке. Гляди вон, как ест парнишка, оттого и крепок, как гриб боровик. — Мне поглянулась тёти Фенина похвала, и я уже тихо надеяться стал, что она меня и ночевать оставит.

Но тётя Феня порасспрашивала, порасспрашивала меня обо всём, после чего взяла за руку и отвела домой.

В нашей избе уже не было свету. Тётя Феня постучала к окну. «Не заперто!» — крикнула бабушка. Мы вошли в тёмный и тихий дом, где только и слышалось многокрылое постукивание бабочек да жужжание бьющихся о стекло мух.

Тётя Феня оттеснила меня в сени, втокнула в пристроенную к сениям кладовку. Там была налажена постель из половиков и старого седла в головах — на случай, если днём кого-то сморит жара и ему захочется отдохнуть в холодке.

Я зарылся в половики, притих, слушаю.

Тётя Феня и бабушка о чём-то разговаривали в избе, но о чём не разобрать. В кладовке пахло отрубями, пылью и сухой травой, натканной во все щели и под потолком. Трава эта всё чего-то пощёлкивала да потрескивала. Тоскливо было в кладовке.

Темень была густа, шероховата, заполненная запахами и тайной жизнью. Под полом одиноко и робко скреблась мышь, голодающая из-за кота. И всё потрескивали сухие травы да цветы под потолком, открывали коробочки, сорили во тьму семечки, два или три запутались в моих волосах, но я их не вытаскивал, страшась шевельнуться.

На селе утверждалась тишина, прохлада и ночная жизнь. Убитые дневною жарою собаки приходили в себя, вылазили из-под сеней, крылец, из конур и пробовали голоса. У моста, что положен через Фокинскую речку, пиликала гармошка. На мосту у нас собирается молодёжь, пляшет там, поёт, пугает припозднившихся ребятишек и стеснительных девчонок.

У дяди Левонтия спешно рубили дрова. Должно быть, хозяин принёс чего-то на вареву. У кого-то левонтьевские «сбодали»¹ жердь? Скорей всего, у нас. Есть им время промышлять в такую пору дрова далеко...

Ушла тётя Феня, плотно прикрыла дверь в сенках. Воровато прошмыгнул ко крыльцу кот. Под полом стихла мышь. Стало совсем темно и одиноко. В избе не скрипели половицы, не ходила бабушка. Устала. Не ближний путь в город-то! Восемнадцать вёрст, да с котомкой. Мне казалось, что, если я буду жалеть бабушку, думать про неё хорошо, она об этом догадается и всё мне простит. Придёт и простит. Ну разок и щёлкнет, так что за беда! За такое дело и не разок можно...

Однако бабушка не приходила. Мне сделалось холодно. Я свернулся калачиком и дышал себе на грудь, думая про бабушку и про всё жалостное.

...Проснулся я от солнечного луча, просочившегося в мутное окошко кладовки и ткнувшего мне в глаза. В луче мошкой мельтешила пыль. Откуда-то наносило займой, пашнею. Я огляделся, и сердце мое радостно подпрыгнуло: на меня был накинута дедушкин старенький полушубок. Дедушка приехал ночью. Красота! На кухне бабушка кому-то обстоятельно рассказывала:

— ...Культурная дамочка, в шляпке. «Я эти вот ягодки все куплю». Пожалуйста, милости прошу. Ягодки-то, говорю, сиротинка горемышный собирал...

Тут я провалился сквозь землю вместе с бабушкой и уже не мог и не желал разбирать, что говорила она дальше, потому что закрылся полушубком, забился в него, чтобы скорее помереть. Но сделалось жарко, глухо, стало нечем дышать, и я открылся.

— Своих вечно потачил! — гремела бабушка. — Теперь этого! А он уж мошенничат! Чё потом из него будет? Жиган будет! Вечный арестант! Я вот ещё левонтьевских, пятнай их, в оборот возьму! Это ихняя грамота!..

Убрался дед во двор, от греха подальше, чего-то тюкает под навесом. Бабушка долго одна не может, ей надо кому-то рассказывать о происшествии либо разносить вдребезги мошенника, стало быть, меня, и она тихонько прошла по сеням, приоткрыла дверь в кладовку. Я едва успел крепко-накрепко сомкнуть глаза.

— Не спишь ведь, не спишь! Всё-о вижу!

Но я не сдавался. Забежала в дом тётка Авдотья, спросила, как «тета» сплавала в город. Бабушка сказала, что «сплавала, слава Тебе, Господи, ягодёнки продала сходно», и тут же принялась повествовать:

---

¹ Сбодали — здесь: украли.

— Мой-то! Малой-то! Чего утворил!.. Послушай-ко, послушай-ко, девка!

В это утро к нам приходило много людей, и всех бабушка задерживала, чтоб поведать: «А мой-то! Малой-то!» И это ей нисколько не мешало исполнять домашние дела — она носилась взад-вперёд, доила корову, выгоняла её к пастуху, вытряхивала половики, делала разные свои дела и всякий раз, пробегая мимо дверей кладовки, не забывала напомнить:

— Не спишь ведь, не спишь! Я всё-о вижу!

Но я твёрдо верил: управится по дому и уйдёт. Не вытерпит, чтобы не поделиться новостями, почерпнутыми в городе, и узнать те новости, которые свершились без неё на селе. И каждому встречному и поперечному бабушка с большой охотой будет твердить: «А мой-то! Малой-то!»

В кладовку завернул дедушка, вытянул из-под меня кожаные вожжи и подмигнул: «Ничего, дескать, терпи и не робей!», да ещё и по голове меня погладил. Я заширкал носом и так долго копившиеся слёзы ягодой, крупной земляникой, пятнай её, сыпанули из моих глаз, и не было им никакого удержу.

— Ну, што ты, што ты? — успокаивал меня дед, обирая большой рукой слёзы с моего лица. — Чего голодной-то лежишь? Попроси прощенья... Ступай, ступай, — легонько подтолкнул меня дед в спину.

Придерживая одной рукой штаны, прижав другую локтем к глазам, я ступил в избу и завёл:

— Я больше... Я больше... Я больше... — и ничего не мог дальше сказать.

— Ладно уж, умывайся да садись трескать! — всё ещё непримиримо, но уже без грозы, без громов оборвала меня бабушка.

Я покорно умылся, долго возил по лицу сырым рукотёрником¹ и вспомнил, что ленивые люди, по заверению бабушки, всегда сырым утираются, потому что всех позднее встают. Надо было двигаться к столу, садиться, глядеть на людей. Ах ты Господи! Да чтобы я ещё хоть раз сплutowал! Да я...

Содрогаясь от всё ещё не прошедших всхлипов, я прилепился к столу. Дед возился на кухне, сматывал на руку старую, совсем, понимал я, ненужную ему верёвку, чего-то доставал с полатей, вынул из-под курятника топор, попробовал пальцем

¹ Рукотёрник — полотенце.

остриё. Он ищет и находит заделье, чтоб только не оставлять горемычного внука один на один с «генералом» — так он в сердцах или в насмешку называет бабушку. Чувствуя незримую, но надёжную поддержку деда, я взял со стола краюху и стал есть её всухомятку. Бабушка одним махом плеснула молоко, со стуком поставила посудину передо мной и подбоченилась:

— Брюхо болит, на краюху глядит! Эшь ведь какой смирененькай! Эшь ведь какой тихонькай! И молочка не попросит!..

Дед мне подморгнул — терпи. Я и без него знал: Боже упаси сейчас перечесть бабушке, сделать чего не по её усмотрению. Она должна разрядиться и должна высказать всё, что у неё на сердце накопилось, душу отвести и успокоить должна. И срамила же меня бабушка! И обличала же! Только теперь, поняв до конца, в какую бездонную пропасть ввергло меня плутовство и на какую «кривую дорожку» оно меня ещё уведёт, коли я так рано взялся шаромыжничать, коли за лихим людом потянулся на разбой, я уж заревел, не просто раскаиваясь, а испугавшись, что пропал, что ни прощенья, ни возврата нету...

Даже дед не выдержал бабушкиных речей и моего полного раскаянья. Ушёл. Ушёл, скрылся, задымив сигаркой, дескать, мне тут ни помочь, ни совладать, Бог пособляй тебе, внучек...

Бабушка устала, выдохлась, а может, и почуяла, что уж того она, лишковато всё ж меня громила.

Было покойно в избе, однако всё ещё тяжело. Не зная, что делать, как дальше жить, я разглаживал заплатку на штанах, вытягивал из неё нитки. А когда поднял голову, увидел перед собой...

Я зажмурился и снова открыл глаза. Ещё раз зажмурился, ещё раз открыл. По скоблёному кухонному столу, будто по огромной земле, с пашнями, лугами и дорогами, на розовых копытцах скакал белый конь с розовой гривой.

— Бери, бери, чё смотришь? Глядишь, зато ещё когда оммáнешь¹ баушку...

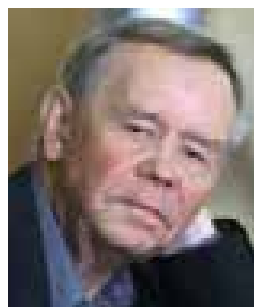
Сколько лет с тех пор прошло! Сколько событий минуло. Нет в живых дедушки, нет и бабушки, да и моя жизнь клонится к закату, а я всё не могу забыть бабушкиного пряника — того дивного коня с розовой гривой.

1. В рассказе «Конь с розовой гривой» описывается несколько событий. Перечислите их. Какая история самая главная, основная?
2. В рассказе есть такие слова: «Вон как хорошо было жить! А теперь? Сон не брал меня, как окончательно запутавшегося преступника». В чём же состоит «преступление» героя рассказа?
3. Кто подтолкнул героя рассказа к обману? Как автор характеризует этих ребят? Как они относятся к герою рассказа? Как мальчик относится к ним? Можно ли считать их настоящими друзьями?
4. Подходит ли к этому рассказу поговорка «Пришла беда — отворяй ворота»? Подберите поговорки, которые хорошо выражают главную идею этого произведения.
5. Какое самое главное наказание последовало за «преступление» мальчика?
6. Опишите бабушку Катерину Петровну. Объясните её поступки и слова. Почему она так сильно ругала мальчика и почему она его потом всё-таки простила?

¹ Оммáнешь — обманешь.

Валентин Григорьевич Распутин (1937–2015)

Валентин Распутин — один из тех писателей, которые в кратком эпизоде способны дать точную характеристику любого персонажа. Несколько верно подмеченных черт характера, какой-то поступок — и вот герой рассказа раскрывается перед нами полностью. Очень чётко можно проследить за этой манерой писателя по его рассказу «Уроки французского», действие которого происходит в 40-е годы XX века, в трудное послевоенное время.

Уроки французского

Анастасии Прокопьевне Копыловой

Странно: почему мы так же, как и перед родителями, всякий раз чувствуем свою вину перед учителями? И не за то вовсе, что было в школе, — нет, а за то, что случилось с нами после.

Я пошёл в пятый класс в сорок восьмом году. Правильней сказать, поехал: у нас в деревне была только начальная школа, поэтому, чтобы учиться дальше, мне пришлось снаряжаться из дому за пятьдесят километров в райцентр. За неделю раньше туда съездила мать, уговорилась со своей знакомой, что я буду квартировать у неё, а в последний день августа дядя Ваня, шофёр единственной в колхозе полуторки, выгрузил меня на улице Подкаменной, где мне предстояло жить, помог занести в дом узел с постелью, ободряюще похлопал на прощанье по плечу и укатил. Так, в одиннадцать лет, началась моя самостоятельная жизнь.

Голод в тот год ещё не отпустил, а нас у матери было трое, я самый старший. Весной, когда пришлось особенно туго, я глотал сам и заставлял глотать сестрёнку глазки проросшей картошки и зёрна овса и ржи, чтобы развести посадки в животе, — тогда не придётся всё время думать о еде. Всё лето мы старательно поливали свои семена чистой ангарской водичкой, но урожая почему-то не дождались или он был настолько мал, что мы его не почувствовали. Впрочем, я думаю, что затея эта не совсем бесполезная и человеку когда-нибудь ещё пригодится, а мы по неопытности что-то там делали неверно.

Трудно сказать, как решилась мать отпустить меня в район (райцентр у нас называли районом). Жили мы без отца, жили совсем плохо, и она, видно, рассудила, что хуже уже не будет — некуда. Учился я хорошо, в школу ходил с удовольствием и в деревне признавался за грамотея: писал за старух и читал письма, перебрал все книжки, которые оказались в нашей неказистой библиотеке, и по вечерам рассказывал из них ребятам всякие истории, больше того добавляя от себя. Но особенно

в меня верили, когда дело касалось облигаций. Их за войну у людей скопилось много, таблицы выигрышей приходили часто, и тогда облигации несли ко мне. Считалось, что у меня счастливый глаз. Выигрыши и правда случались, чаще всего мелкие, но колхозник в те годы рад был любой копейке, а тут из моих рук сваливалась и совсем нечаянная удача. Радость от неё невольно перепадала и мне. Меня выделяли из деревенской ребятни, даже подкармливали; однажды дядя Илья, в общем-то скупой, прижимистый старик, выиграв четыреста рублей, сгоряча нагрёб мне ведро картошки — под весну это было немалое богатство.

И всё потому же, что я разбирался в номерах облигаций, матери говорили:

— Башковитый у тебя парень растёт. Ты это... давай учи его. Грамота зря не пропадёт.

И мать, наперекор всем несчастьям, собрала меня, хотя до того никто из нашей деревни в районе не учился. Я был первый. Да я и не понимал, как следует, что мне предстоит, какие испытания ждут меня, голубчика, на новом месте.

Учился я и тут хорошо. Что мне оставалось? — затем я сюда и приехал, другого дела у меня здесь не было, а относиться спустя рукава к тому, что на меня возлагалось, я тогда ещё не умел. Едва ли осмелился бы я пойти в школу, останься у меня невыученным хоть один урок, поэтому по всем предметам, кроме французского, у меня держались пятёрки.

С французским у меня не ладилось из-за произношения. Я легко запоминал слова и обороты, быстро переводил, прекрасно справлялся с трудностями правописания, но произношение с головой выдавало всё мое ангарское происхождение вплоть до последнего колена, где никто сроду не выговаривал иностранных слов, если вообще подозревал об их существовании. Я шпарил по-французски на манер наших деревенских скороговорок, половину звуков за ненадобностью проглатывая, а вторую половину выпаливая короткими лающими очередями. Лидия Михайловна, учительница французского, слушая меня, бессильно морщилась и закрывала глаза. Ничего подобного она, конечно, не слыхивала. Снова и снова она показывала, как произносятся носовые, сочетания гласных, просила повторить — я терялся, язык у меня во рту деревенел и не двигался. Всё было впустую. Но самое страшное начиналось, когда я приходил из школы. Там я невольно отвлекался, всё время вынужден был что-то делать, там меня тормозили ребята, вместе с ними — хочешь не хочешь — приходилось двигаться, играть, а на уроках — работать. Но едва я оставался один, сразу наваливалась тоска — тоска по дому, по деревне. Никогда раньше даже на день

я не отлучался из семьи и, конечно, не был готов к тому, чтобы жить среди чужих людей. Так мне было плохо, так горько и постыло! — хуже всякой болезни. Хотелось только одного, мечталось об одном — домой и домой. Я сильно похудел; мать, приехавшая в конце сентября, испугалась за меня. При ней я крепился, не жаловался и не плакал, но, когда она стала уезжать, не выдержал и с рёвом погнался за машиной. Мать махала мне рукой из кузова, чтобы я отстал, не позорил себя и её, я ничего не понимал. Тогда она решилась и остановила машину.

— Собирайся, — потребовала она, когда я подошёл. Хватит, отучился, поедем домой.

Я опомнился и убежал.

Но похудел я не только из-за тоски по дому. К тому же ещё я постоянно недоёдал. Осенью, пока дядя Ваня возил на своей полуторке хлеб в Заготзерно, стоявшее неподалеку от райцентра, еду мне присылали довольно часто, примерно раз в неделю. Но вся беда в том, что мне её не хватало. Ничего там не было, кроме хлеба и картошки, изредка мать набивала в баночку творогу, который у кого-то под что-то брала: корову она не держала. Привезут — кажется много,хватишься через два дня — пусто. Я очень скоро стал замечать, что добрая половина моего хлеба куда-то самым таинственным образом исчезает. Проверил — так и есть: был — нету. То же самое творилось с картошкой. Кто потаскивал — тётя Надя ли, крикливая, замотанная женщина, которая одна мыкалась с тремя ребятишками, кто-то из её старших девчонок или младший, Фёдка, — я не знал, я боялся даже думать об этом, не то что следить. Обидно было только, что мать ради меня отрывает последнее от своих, от сестрёнки с братишкой, а оно всё равно идёт мимо. Но я заставил себя смириться и с этим. Легче матери не станет, если она услышит правду.

Голод здесь совсем не походил на голод в деревне. Там всегда, и особенно осенью, можно было что-то перехватить, сорвать, выкопать, поднять, в Ангаре ходила рыба, в лесу летала птица. Тут для меня всё вокруг было пусто: чужие люди, чужие огороды, чужая земля. Небольшую речушку на десять рядов процеживали бреднями. Я как-то в воскресенье просидел с удочкой весь день и поймал трёх маленьких, с чайную ложку, пескариков — от такой рыбалки тоже не раздобреешь. Больше не ходил — что зря время переводить! По вечерам околачивался у чайной, на базаре, запоминая, что почём продают, давился слюной и шёл ни с чем обратно. На плите у тёти Нади стоял горячий чайник; пошвырвав гольного кипяточку и согрев желудок, ложился спать. Утром опять в школу. Так и дотягивал до того счастливого часа, когда к воротам подъезжала полуторка и в дверь стучал дядя Ваня. Наголодавшись и зная, что харч мой всё равно долго не продержится, как бы я его ни экономил, я наедался до отвала, до рези в животе, а затем, через день или два, снова подсаживал зубы на полку.

Однажды, ещё в сентябре, Фёдка спросил у меня:

— Ты в «чиху» играть не боишься?

— В какую «чиху»? — не понял я.

— Игра такая. На деньги. Если деньги есть, пойдём сыграем.

— Нету.

— И у меня нету. Пойдём так, хоть посмотрим. Увидишь, как здорово.

Федька повёл меня за огороды. Мы прошли по краю продолговатого, грядой, холма, сплошь заросшего крапивой, уже чёрной, спутанной, с отвисшими ядовитыми гроздьями семян, перебрались, прыгая по кучам, через старую свалку и в низинке, на чистой и ровной небольшой поляне, увидели ребят. Мы подошли. Ребята насторожились. Все они были примерно тех же лет, что и я, кроме одного — рослого и крепкого, заметного своей силой и властью, парня с длинной рыжей чёлкой. Я вспомнил: он ходил в седьмой класс.

- Этого ещё зачем привёл? — недовольно сказал он Федьке.
- Он свой, Вадик, свой, — стал оправдываться Федька. — Он у нас живёт.
- Играть будешь? — спросил меня Вадик.
- Денег нету.
- Гляди не вякни кому, что мы здесь.
- Вот ещё! — обиделся я.

Больше на меня не обращали внимания, я отошёл в сторонку и стал наблюдать. Играли не все — то шестеро, то семеро, остальные только глазели, болея в основном за Вадика. Хозяйничал здесь он, это я понял сразу.

Разобраться в игре ничего не стоило. Каждый выкладывал на кон по десять копеек, стопку монет решками вверх опускали на площадку, ограниченную жирной чертой метрах в двух от кассы, а с другой стороны, от валуна, вросшего в землю и служившего упором для передней ноги, бросали круглую каменную шайбу. Бросать её надо было с тем расчётом, чтобы она как можно ближе подкатилась к черте, но не вышла за неё, — тогда ты получал право первым разбивать кассу. Били всё той же шайбой, стараясь перевернуть монеты на орла. Перевернул — твоя, бей дальше, нет — отдай это право следующему. Но важней всего считалось ещё при броске накрыть шайбой монеты, и если хоть одна из них оказывалась на орле, вся касса без разговоров переходила в твой карман, и игра начиналась снова.

Вадик хитрил. Он шёл к валуну после всех, когда полная картина очерёдности была у него перед глазами и он видел, куда бросать, чтобы выйти вперёд. Деньги доставались первым, до последних они доходили редко. Наверное, все понимали, что Вадик хитрит, но сказать ему об этом никто не смел. Правда, и играл он хорошо. Подходя к камню, чуть приседал, прищурившись, наводил шайбу на цель и неторопливо, плавно выпрямлялся — шайба выскользнула из его руки и летела туда, куда он метил. Быстрым движением головы он забрасывал съехавшую чёлку наверх, небрежно сплёвывал в сторону, показывая, что дело сделано, и ленивым, нарочито замедленным шагом ступал к деньгам. Если они были в куче, бил резко,

со звоном, одиночные же монетки трогал шайбой осторожно, с накатиком, чтобы монетка не билась и не крутилась в воздухе, а, не поднимаясь высоко, всего лишь переваливалась на другую сторону. Никто больше так не умел. Ребята лупили наобум и доставали новые монеты, а кому нечего было доставать, переходили в зрители.

Мне казалось, что, будь у меня деньги, я бы смог играть. В деревне мы возились с бабками, но и там нужен точный глаз. А я, кроме того, любил придумывать для себя забавы на меткость: наберу горсть камней, отыщу цель потруднее и бросаю в неё до тех пор, пока не добьюсь полного результата — десять из десяти. Бросал и сверху, из-за плеча, и снизу, навешивая камень над целью. Так что кой-какая сноровка у меня была. Не было денег.

Мать потому и отправляла мне хлеб, что денег у нас не водилось, иначе я покупал бы его и здесь. Откуда им в колхозе взяться? Всё же раза два она подкладывала мне в письмо по пятёрке — на молоко. На теперешние это пятьдесят копеек, не разживёшься, но всё равно деньги, на них на базаре можно было купить пять поллитровых баночек молока, по рублю за баночку. Молоко мне наказано пить от малокровия, у меня часто ни с того ни с сего принималась вдруг кружиться голова.

Но, получив пятёрку в третий раз, я не пошёл за молоком, а разменял её на мелочь и отправился за свалку. Место здесь было выбрано с толком, ничего не скажешь: полянка, замкнутая холмами, ниоткуда не просматривалась. В селе, на виду у взрослых, за такие игры гоняли, грозили директором и милицией. Тут нам никто не мешал. И недалеко, за десять минут добежишь.

В первый раз я спустил девяносто копеек, во второй — шестьдесят. Денег было, конечно, жалко, но я чувствовал, что приравниваюсь к игре, рука постепенно привыкала к шайбе, училась отпускать для броска ровно столько силы, сколько требовалось, чтобы шайба пошла верно, глаза тоже учились заранее знать, куда она упадёт и сколько ещё прокатится по земле. По вечерам, когда все расходились, я снова возвращался сюда, доставал из-под камня спрятанную Вадиком шайбу, выгребал из кармана свою мелочь и бросал, пока не темнело. Я добился того, что из десяти бросков три или четыре угадывали точно на деньги.

И наконец наступил день, когда я остался в выигрыше.

Осень стояла тёплая и сухая. Ещё и в октябре пригревало так, что можно было ходить в рубашке, дожди выпадали редко и казались случайными, ненароком занесёнными откуда-то из непогоды слабым попутным ветерком. Небо синело совсем по-летнему, но стало словно бы уже, и солнце заходило рано. Над холмами в чистые часы курился воздух, разнося горьковатый, дурманящий запах сухой полыни, ясно звучали дальние голоса, кричали отлетающие птицы. Трава на нашей поляне, пожелтевшая и сморенная, всё же осталась живой и мягкой, на ней возились свободные от игры, а лучше сказать, проигравшиеся ребята.

Теперь каждый день после школы я прибежал сюда. Ребята менялись, появлялись новички, и только Вадик не пропускал ни одной игры. Она без него и не начиналась. За Вадиком, как тень, следовал большеголовый, стриженный под машинку, коренастый парень, по прозвищу Птаха. В школе я Птаху до этого не встречал, но, забегая вперёд, скажу, что в третьей четверти он вдруг, как снег на голову, свалился на наш класс. Оказывается, остался в пятом на второй год и под каким-то предлогом

устроил себе до января каникулы. Птаха тоже обычно выигрывал, хоть и не так, как Вадик, поменьше, но в убытке не оставался. Да потому, наверно, и не оставался, что был заодно с Вадиком и тот ему потихоньку помогал.

Из нашего класса на полянку иногда набегал Тишкин, суетливый, с моргающими глазёнками мальчишка, любивший на уроках поднимать руку. Знает, не знает — всё равно тянет. Вызовут — молчит.

— Что ж ты руку поднимал? — спрашивают Тишкина.

Он шлёпал своими глазёнками:

— Я помнил, а пока вставал, забыл.

Я с ним не дружил. От робости, молчаливости, излишней деревенской замкнутости, а главное — от дикой тоски по дому, не оставлявшей во мне никаких желаний, ни с кем из ребят я тогда ещё не сошёлся. Их ко мне тоже не тянуло, я оставался один, не понимая и не выделяя из горького своего положения одиночества: один — потому что здесь, а не дома, не в деревне, там у меня товарищей много.

Тишкин, казалось, и не замечал меня на полянке. Быстро проигравшись, он исчезал и появлялся снова не скоро.

А я выигрывал. Я стал выигрывать постоянно, каждый день. У меня был свой расчёт: не надо катать шайбу по площадке, добиваясь права на первый удар; когда много играющих, это не просто: чем ближе тянешься к черте, тем больше опасности перевалить за неё и остаться последним. Надо накрывать кассу при броске. Так я и делал. Конечно, я рисковал, но при моей сноровке это был оправданный риск. Я мог проиграть три, четыре раза подряд, зато на пятый, забрав кассу, возвращал свой проигрыш тройне. Снова проигрывал и снова возвращал. Мне редко приходилось стучать шайбой по монетам, но и тут я пользовался своим приёмом: если Вадик бил с накатом на себя, я, наоборот, тюкал от себя — так было непривычно, но так шайба придерживала монету, не давала ей вертеться и, отходя, переворачивала вслед за собой.

Теперь у меня появились деньги. Я не позволял себе чересчур увлекаться игрой и торчать на полянке до вечера, мне нужен был только рубль, каждый день по рублю. Получив его, я убежал, покупал на базаре баночку молока (тётки ворчали, глядя на мои погнутые, побитые, истерзанные монеты, но молоко наливали), обедал и садился за уроки. Досыта всё равно я не наедался, но уже одна мысль, что я пью молоко, прибавляла мне силы и смиряла голод. Мне стало казаться, что и голова теперь у меня кружится гораздо меньше.

Поначалу Вадик спокойно относился к моим выигрышам. Он и сам не оставался внакладе, а из его карманов вряд ли мне что-нибудь перепало. Иногда он даже похваливал меня: вот, мол, как надо бросать, учиться, мазилы. Однако вскоре Вадик заметил, что я слишком быстро выхожу из игры, и однажды остановил меня:

— Ты что это — загрёб кассу и драть? Ишь шустрый какой! Играй.

— Мне уроки надо, Вадик, делать, — стал отговариваться я.

— Кому надо делать уроки, тот сюда не ходит.

А Птаха подпел:

— Кто тебе сказал, что так играют на деньги? За это, хочешь знать, бьют маленько. Понял?

Больше Вадик не давал мне шайбу раньше себя и подпускал к камню только последним. Он хорошо бросал, и нередко я лез в карман за новой монетой, не прикоснувшись к шайбе. Но я бросал лучше, и, если уж мне доставалась возможность бросать, шайба, как намагниченная, летела точно на деньги. Я и сам удивлялся своей меткости, мне надо бы догадаться придержать её, играть незаметней, а я бесхитростно и безжалостно продолжал бомбить кассу. Откуда мне было знать, что никогда и никому ещё не прощалось, если в своём деле он вырывается вперёд? Не жди тогда пощады, не ищи заступничества, для других он выскочка, и больше всех ненавидит его тот, кто идёт за ним следом. Эту науку мне пришлось в ту осень постигнуть на собственной шкуре.

Я только что опять угодил в деньги и шёл собирать их, когда заметил, что Вадик наступил ногой на одну из рассыпавшихся по сторонам монет. Все остальные лежали вверх решками. В таких случаях при броске обычно кричат «в склад!», чтобы — если не окажется орла — собрать для удара деньги в одну кучу, но я, как всегда, понадеялся на удачу и не крикнул.

— Не в склад! — объявил Вадик.

Я подошёл к нему и попытался сдвинуть его ногу с монеты, но он оттолкнул меня, быстро схватил её с земли и показал мне решку. Я успел заметить, что монета была на орле, — иначе он не стал бы её закрывать.

— Ты перевернул её, — сказал я. — Она была на орле, я видел.

Он сунул мне под нос кулак.

— А этого ты не видел? Понюхай, чем пахнет.

Мне пришлось смириться. Настаивать на своём было бессмысленно; если начнётся драка, никто, ни одна душа за меня не заступится, даже Тишкин, который вертелся тут же.

Злые, прищуренные глаза Вадика смотрели на меня в упор. Я нагнулся, тихонько ударил по ближней монете, перевернул её и подвинул вторую. «Хлюзда на правду наведёт, — решил я. — Всё равно я их сейчас все заберу». Снова наставил шайбу для удара, но опустить уже не успел: кто-то вдруг сильно поддал мне сзади коленом, и я неловко, склонённой вниз головой, ткнулся в землю. Вокруг засмеялись.

За мной, ожидающе улыбаясь, стоял Птаха. Я опешил:

— Чего-о ты?!

— Кто тебе сказал, что это я? — отпёрся он. — Приснилось, что ли?

— Давай сюда! — Вадик протянул руку за шайбой, но я не отдал её. Обида перелестнула во мне страх, ничего на свете я больше не боялся. За что? За что они так со мной? Что я им сделал?

— Давай сюда! — потребовал Вадик.

— Ты перевернул ту монетку! — крикнул я ему. — Я видел, что перевернул. Видел.

— Ну-ка, повтори, — надвигаясь на меня, попросил он.

— Ты перевернул её, — уже тише сказал я, хорошо зная, что за этим последует.

Первым, опять сзади, меня ударил Птаха. Я полетел на Вадика, он быстро и ловко, не примериваясь, поддел меня головой в лицо, и я упал, из носу у меня брызнула кровь. Едва я вскочил, на меня снова набросился Птаха. Можно было ещё вырваться и убежать, но я почему-то не подумал об этом. Я вертелся меж Вадиком и Птахой,

почти не защищаясь, зажимая ладонью нос, из которого хлестала кровь, и в отчаянии, добавляя им ярости, упрямо выкрикивая одно и то же:

— Перевернул! Перевернул! Перевернул!

Они били меня по очереди, один и второй, один и второй. Кто-то третий, маленький и злобный, пинал меня по ногам, потом они почти сплошь покрылись синяками. Я старался только не упасть, ни за что больше не упасть, даже в те минуты мне казалось это позором. Но в конце концов они повалили меня на землю и остановились.

— Иди отсюда, пока живой! — скомандовал Вадик. — Быстро!

Я поднялся и, всхлипывая, швыряя омертвевшим носом, поплёлся в гору.

— Только вякни кому — убьём! — пообещал мне вслед Вадик.

Я не ответил. Все во мне как-то затвердело и сомкнулось в обиде, у меня не было сил достать из себя слово. И, только поднявшись на гору, я не утерпел и, словно сдурев, закричал что было мочи — так что слышал, наверное, весь посёлок:

— Переверну-у-ул!

За мной кинулся было Птаха, но сразу вернулся — видно, Вадик рассудил, что с меня хватит, и остановил его. Минут пять я стоял и, всхлипывая, смотрел на полянку, где снова началась игра, затем спустился по другой стороне холма к ложбинке, затянутой вокруг чёрной крапивой, упал на жёсткую сухую траву и, не сдерживаясь больше, горько, навзрыд заплакал.

Не было в тот день и не могло быть во всём белом свете человека несчастнее меня.

Утром я со страхом смотрел на себя в зеркало: нос вспух и раздулся, под левым глазом синяк, а ниже его, на щеке, изгибается жирная кровавая ссадина. Как идти в школу в таком виде, я не представлял, но как-то идти надо было, пропускать по какой бы то ни было причине уроки я не решался. Допустим, носы у людей и от природы случаются почище моего, и, если бы не привычное место, ни за что не догадаешься, что это нос, но ссадину и синяк ничем оправдать нельзя: сразу видно, что они красуются тут не по моей доброй воле.

Прикрывая глаз рукой, я юркнул в класс, сел за свою парту и опустил голову. Первым уроком, как назло, был французский. Лидия Михайловна, по праву классного руководителя, интересовалась нами больше других учителей, и скрыть от неё что-либо было трудно. Она входила, здоровалась, но до того, как посадить класс, имела привычку внимательным образом осматривать почти каждого из нас, делая будто бы и шуточные, но обязательные для исполнения замечания. И знаки на моём лице она, конечно, увидела сразу, хоть я, как мог, и прятал их; я понял это потому, что на меня стали оборачиваться ребята.

— Ну вот, — сказала Лидия Михайловна, открывая журнал. — Сегодня среди нас есть раненые.

Класс засмеялся, а Лидия Михайловна снова подняла на меня глаза. Они у неё косили и смотрели словно бы мимо, но мы к тому времени уже научились распознавать, куда они смотрят.

— И что случилось? — спросила она.

— Упал, — брякнул я, почему-то не догадавшись заранее придумать хоть маломальски приличное объяснение.

— Ой, как неудачно. Вчера упал или сегодня?

— Сегодня. Нет, вчера вечером, когда темно было.

— Хи, упал! — выкрикнул Тишкин, захлебываясь от радости. — Это ему Вадик из седьмого класса поднёс. Они на деньги играли, а он стал спорить и заработал. Я же видел. А говорит, упал.

Я остолбенел от такого предательства. Он что — совсем ничего не понимает или это он нарочно? За игру на деньги нас в два счёта могли выгнать из школы. Доигрался. В голове у меня от страха всё всполошилось и загудело: пропал, теперь пропал. Ну, Тишкин. Вот Тишкин так Тишкин. Обрадовал. Внёс ясность — нечего сказать.

— Тебя, Тишкин, я хотела спросить совсем другое, — не удивляясь и не меняя спокойного, чуть безразличного тона, остановила его Лидия Михайловна. — Иди к доске, раз уж ты разговорился, и приготовься отвечать. Она подождала, пока растерявшийся, ставший сразу несчастным Тишкин выйдет к доске, и коротко сказала мне: — После уроков останешься.

Больше всего я боялся, что Лидия Михайловна потащит меня к директору. Это значит, что, кроме сегодняшней беседы, завтра меня выведут перед школьной линейкой и заставят рассказывать, что меня побудило заниматься этим грязным делом. Директор, Василий Андреевич, так и спрашивал провинившегося, что бы он ни творил, — разбил окно, подрался или курил в уборной: «Что тебя побудило заниматься этим грязным делом?» Он расхаживал перед линейкой, закинув руки за спину, вынося вперёд в такт широким шагам плечи, так что казалось, будто наглухо застёгнутый, оттопыривающийся тёмный френч двигается самостоятельно чуть поперёд директора, и подгонял:

— Отвечай, отвечай. Мы ждём. Смотри, вся школа ждёт, что ты нам скажешь.

Ученик начинал в своё оправдание что-нибудь бормотать, но директор обрывал его:

— Ты мне на вопрос отвечай, на вопрос. Как был задан вопрос?

— Что меня побудило?

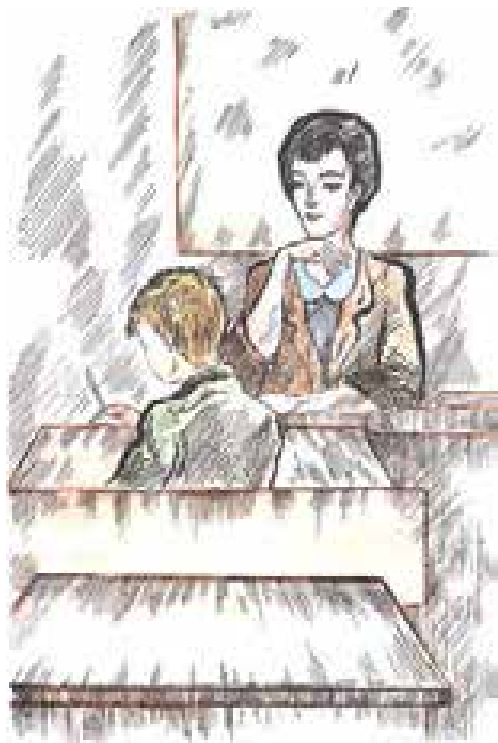
— Вот именно: что побудило? Слушаем тебя.

Дело обычно заканчивалось слезами, лишь после этого директор успокаивался, и мы расходились на занятия. Труднее было со старшеклассниками, которые не хотели плакать, но и не могли ответить на вопрос Василия Андреевича.

Однажды первый урок у нас начался с опозданием на десять минут, и всё это время директор допрашивал одного девятиклассника, но, так и не добившись от него ничего вразумительного, увёл к себе в кабинет.

А что, интересно, скажу я? Лучше бы сразу выгоняли. Я мельком, чуть коснувшись этой мысли, подумал, что тогда я смогу вернуться домой, и тут же, словно обжёгшись, испугался: нет, с таким позором и домой нельзя. Другое дело — если бы я сам бросил школу... Но и тогда про меня можно сказать, что я человек ненадёжный, раз не выдержал того, что хотел, а тут и вовсе меня станет чураться каждый. Нет, только не так. Я бы ещё потерпел здесь, я бы привык, но так домой ехать нельзя.

После уроков, замирая от страха, я ждал Лидию Михайловну в коридоре. Она вышла из учительской и, кивнув, завела меня в класс. Как всегда, она села за стол, я хотел устроиться за третьей партой, подальше от неё, но Лидия Михайловна показала мне на первую, прямо перед собой.

— Это правда, что ты играешь на день-ги? — сразу начала она. Она спросила слишком громко, мне казалось, что в школе об этом нужно говорить только шёпотом, и я испугался ещё больше. Но записаться никакого смысла не было, Тишкин успел продать меня с потрохами. Я промямлил:

— Правда.

— Ну и как — выигрываешь или проигрываешь? Я замялся, не зная, что лучше.

— Давай рассказывай, как есть. Проигрываешь, наверное?

— Вы... выигрываю.

— Хорошо, хоть так. Выигрываешь, значит. И что ты делаешь с деньгами?

В первое время в школе я долго не мог привыкнуть к голосу Лидии Михайловны, он сбивал меня с толку. У нас в деревне говорили, запахивая голос глубоко в нутро, и потому звучал он вволюшку, а у

Лидии Михайловны он был каким-то мелким и лёгким, так что в него приходилось вслушиваться, и не от бессилия вовсе — она иногда могла сказать и всласть, а словно бы от притаённости и ненужной экономии. Я готов был свалить всё на французский язык: конечно, пока училась, пока приноравливалась к чужой речи, голос без свободы сел, ослаб, как у птички в клетке, жди теперь, когда он опять разойдётся и окрепнет. Вот и сейчас Лидия Михайловна спрашивала так, будто была в это время занята чем-то другим, более важным, но от вопросов её всё равно было не уйти.

— Ну, так что ты делаешь с деньгами, которые выигрываешь? Покупаешь конфеты? Или книги? Или копишь на что-нибудь? Ведь у тебя их, наверное, теперь много?

— Нет, не много. Я только рубль выигрываю.

— И больше не играешь?

— Нет.

— А рубль? Почему рубль? Что ты с ним делаешь?

— Покупаю молоко.

— Молоко?

Она сидела передо мной аккуратная, вся умная и красивая, красивая и в одежде, и в своей женской молодой поре, которую я смутно чувствовал, до меня доходил запах духов от неё, который я принимал за самое дыхание; к тому же она была учительницей не арифметики какой-нибудь, не истории, а загадочного французского языка, от которого тоже исходило что-то особое, сказочное, неподвластное

любому-каждому, как, например, мне. Не смея поднять глаза на неё, я не посмел и обмануть её. Да и зачем, в конце концов, мне было обманывать?

Она помолчала, рассматривая меня, и я кожей почувствовал, как при взгляде её косящих внимательных глаз все мои беды и несуразности прямо-таки взбухают и наливаются своей дурной силой. Посмотреть, конечно, было на что: перед ней крочился на парте тощий диковатый мальчишка с разбитым лицом, неопрятный без матери и одинокий, в старом, застиранном пиджачишке на обвислых плечах, который в пору был на груди, но из которого далеко вылезали руки; в перешитых из отцовских галифе и заправленных в чирки марких светло-зелёных штанах со следами вчерашней драки. Я ещё раньше заметил, с каким любопытством поглядывает Лидия Михайловна на мою обувку. Из всего класса в чирках ходил только я. Лишь на следующую осень, когда я наотрез отказался ехать в них в школу, мать продала швейную машину, единственную нашу ценность, и купила мне кирзовые сапоги.

— И всё-таки на деньги играть не надо, — задумчиво сказала Лидия Михайловна. — Обошёлся бы ты как-нибудь без этого. Можно обойтись?

Не смея поверить в своё спасение, я легко пообещал:

— Можно.

Я говорил искренне, но что поделаешь, если искренность нашу нельзя привязать верёвками.

Справедливости ради надо сказать, что в те дни мне пришлось совсем плохо. Колхоз наш по сухой осени рано рассчитался с хлебосдачей, и дядя Ваня больше не приезжал. Я знал, что дома мать места себе не находит, переживая за меня, но мне от этого было не легче. Мешок картошки, привезённый в последний раз дядей Ваней, испарился так быстро, будто ею кормили, по крайней мере, скот. Хорошо ещё, что, спохватившись, я догадался немножко припрятать в стоящей во дворе заброшенной сараюшке, и вот теперь только этой притайкой и жил. После школы, крадучись, как вор, я шмыгал в сараюшку, совал несколько картофелин в карман и убегал за улицу, в холмы, чтобы где-нибудь в удобной и скрытой низинке развести огонь. Мне всё время хотелось есть, даже во сне я чувствовал, как по моему желудку прокатываются судорожные волны.

В надежде наткнуться на новую компанию игроков, я стал потихоньку обследовать соседние улицы, бродил по пустырям, следил за ребятами, которых заносило в холмы. Всё было напрасно, сезон кончился, подули холодные октябрьские ветры. И только по нашей полянке по-прежнему продолжали собираться ребята. Я кружил неподалёку, видел, как взблёскивает на солнце шайба, как, размахивая руками, командует Вадик и склоняются над кассой знакомые фигуры.

В конце концов я не выдержал и спустился к ним. Я знал, что иду на унижение, но не меньшим унижением было раз и навсегда смириться с тем, что меня избили и выгнали. Меня зудило посмотреть, как отнесутся к моему появлению Вадик и Птаха и как смогу держать себя я. Но больше всего подгонял голод. Мне нужен был рубль — уже не на молоко, а на хлеб. Других путей раздобыть его я не знал.

Я подошёл, и игра сама собой приостановилась, все уставились на меня. Птаха был в шапке с подвёрнутыми ушами, сидящей, как и всё на нём, беззаботно и смело, в клетчатой, навыпуск рубахе с короткими рукавами; Вадик форсил в красивой

толстой куртке с замком. Рядом, сваленные в одну кучу, лежали фуфайки и пальтишки, на них, сжавшись под ветром, сидел маленький, лет пяти-шести, мальчишка.

Первым встретил меня Птаха:

— Чего пришёл? Давно не били?

— Играть пришёл, — как можно спокойней ответил я, глядя на Вадика.

— Кто тебе сказал, что с тобой, — Птаха выругался, — будут тут играть?

— Никто.

— Что, Вадик, сразу будем бить или подождём немножко?

— Чего ты пристал к человеку, Птаха? — щурясь на меня, сказал Вадик. — Понял, человек играть пришёл. Может, он у нас с тобой по десять рублей хочет выиграть?

— У вас нет по десять рублей, — только чтобы не казаться себе трусом, сказал я.

— У нас есть больше, чем тебе снилось. Ставь, не разговаривай, пока Птаха не рассердился. А то он человек горячий.

— Дать ему, Вадик?

— Не надо, пусть играет. — Вадик подмигнул ребятам. — Он здорово играет, мы ему в подмётки не годимся.

Теперь я был учёный и понимал, что это такое — доброта Вадика. Ему, видно, надоела скучная, неинтересная игра, поэтому, чтобы пощекотать себе нервы и почувствовать вкус настоящей игры, он и решил допустить в неё меня. Но как только я затрону его самолюбие, мне опять не поздоровится. Он найдёт, к чему придраться, рядом с ним Птаха.

Я решил играть осторожно и не зариться на кассу. Как и все, чтобы не выделяться, я катал шайбу, боясь ненароком угодить в деньги, потом тихонько тюкал по монетам и оглядывался, не зашёл ли сзади Птаха. В первые дни я не позволял себе мечтать о рубле; копеек двадцать-тридцать, на кусок хлеба, и то хорошо, и то давай сюда.

Но то, что должно было рано или поздно случиться, разумеется, случилось. На четвёртый день, когда, выиграв рубль, я собрался уйти, меня снова избили. Правда, на этот раз обошлось легче, но один след остался: у меня сильно вздулась губа. В школе приходилось её постоянно прикусывать. Но, как ни прятал я её, как ни прикусывал, а Лидия Михайловна разглядела. Она нарочно вызвала меня к доске и заставила читать французский текст. Я его с десятью здоровыми губами не смог бы правильно произнести, а об одной и говорить нечего.

— Хватит, ой, хватит! — испугалась Лидия Михайловна и замахала на меня, как на нечистую силу, руками. — Да что же это такое?! Нет, придётся с тобой заниматься отдельно. Другого выхода нет.

Так начались для меня мучительные и неловкие дни. С самого утра я со страхом ждал того часа, когда мне придётся остаться наедине с Лидией Михайловной, и, ломая язык, повторять вслед за ней неудобные для произношения, придуманные только для наказания слова. Ну, зачем ещё, как не для издевательства, три гласные сливать в один толстый тягучий звук, то же «о», например, в слове «веаисоир» (много), которым можно подавиться? Зачем с каким-то пристомом пускать звуки через нос, когда испокон веков он служил человеку совсем для другой надобности? Зачем? Должны же существовать границы разумного. Я покрывался потом, краснел

и задыхался, а Лидия Михайловна без передышки и без жалости заставляла меня мозолить бедный мой язык. И почему меня одного? В школе сколько угодно было ребят, которые говорили по-французски ничуть не лучше, чем я, однако они гуляли на свободе, делали что хотели, а я, как проклятый, отдувался один за всех.

Оказалось, что и это ещё не самое страшное. Лидия Михайловна вдруг решила, что времени в школе у нас до второй смены остаётся в обрез, и сказала, чтобы я по вечерам приходил к ней на квартиру. Жила она рядом со школой, в учительских домах. На другой, большей половине дома Лидии Михайловны, жил сам директор. Я шёл туда как на пытку. И без того от природы робкий и стеснительный, теряющийся от любого пустяка, в этой чистенькой, аккуратной квартире учительницы я в первое время буквально каменел и боялся дышать. Мне надо было говорить, чтобы я раздевался, проходил в комнату, садился — меня приходилось передвигать, словно вещь, и чуть ли не силой добывать из меня слова. Моим успехам во французском это никак не способствовало. Но, странное дело, мы и занимались здесь меньше, чем в школе, где нам будто бы мешала вторая смена. Больше того, Лидия Михайловна, хлопоча что-нибудь по квартире, расспрашивала меня или рассказывала о себе. Подозреваю, это она нарочно для меня придумала, будто пошла на французский факультет потому лишь, что в школе этот язык ей тоже не давался и она решила доказать себе, что может овладеть им не хуже других.

Забившись в угол, я слушал, не чая дожидаться, когда меня отпустят домой. В комнате было много книг, на тумбочке у окна стоял большой красивый радиоприёмник; с проигрывателем — редкое по тем временам, а для меня и вовсе невиданное чудо. Лидия Михайловна ставила пластинки, и ловкий мужской голос опять-таки учил французскому языку. Так или иначе от него никуда было не деться. Лидия Михайловна в простом домашнем платье, в мягких войлочных туфлях ходила по комнате, заставляя меня вздрагивать и замирать, когда она приближалась ко мне. Я никак не мог поверить, что сижу у неё в доме, всё здесь было для меня слишком неожиданным и необыкновенным, даже воздух, пропитанный лёгкими и незнакомыми запахами иной, чем я знал, жизни. Невольно создавалось ощущение, словно я подглядываю эту жизнь со стороны, и от стыда и неловкости за себя я ещё глубже запахивался в свой кургузый пиджачишко.

Лидии Михайловне тогда было, наверное, лет двадцать пять или около того; я хорошо помню её правильное и потому не слишком живое лицо с прищуренными, чтобы скрыть в них косинку, глазами; тугую, редко раскрывающуюся до конца улыбку и совсем чёрные, коротко остриженные волосы. Но при всём этом не было видно в её лице жёсткости, которая, как я позже заметил, становится с годами чуть ли не профессиональным признаком учителей, даже самых добрых и мягких по натуре, а было какое-то осторожное, с хитринкой, недоумение, относящееся к ней самой и словно говорившее: интересно, как я здесь очутилась и что я здесь делаю? Теперь я думаю, что она к тому времени успела побывать замужем; по голосу, по походке — мягкой, но уверенной, свободной, по всему её поведению в ней чувствовались смелость и опытность. А кроме того, я всегда придерживался мнения, что девушки, изучающие французский или испанский язык, становятся женщинами раньше своих сверстниц, которые занимаются, скажем, русским или немецким.

Стыдно сейчас вспомнить, как я пугался и терялся, когда Лидия Михайловна, закончив наш урок, звала меня ужинать. Будь я тысячу раз голоден, из меня пулей тут же выскакивал всякий аппетит. Садиться за один стол с Лидией Михайловной! Нет, нет! Лучше я к завтрашнему дню наизусть выучу весь французский язык, чтобы никогда больше сюда не приходиться. Кусок хлеба, наверное, и вправду застрял бы у меня в горле. Кажется, до того я не подозревал, что и Лидия Михайловна тоже, как все мы, питается самой обыкновенной едой, а не какой-нибудь манной небесной, — настолько она представлялась мне человеком необыкновенным, непохожим на всех остальных.

Я вскакивал и, бормоча, что сыт, что не хочу, пятился вдоль стенки к выходу. Лидия Михайловна смотрела на меня с удивлением и обидой, но остановить меня никакими силами было невозможно. Я убежал. Так повторялось несколько раз, затем Лидия Михайловна, отчаявшись, перестала приглашать меня за стол. Я вздохнул свободней.

Однажды мне сказали, что внизу, в раздевалке, для меня лежит посылка, которую занёс в школу какой-то мужик. Дядя Ваня, конечно, наш шофёр, — какой ещё мужик! Наверное, дом у нас был закрыт, а ждать меня с уроков дядя Ваня не мог — вот и оставил в раздевалке.

Я с трудом дотерпел до конца занятий и кинулся вниз. Тётя Вера, школьная уборщица, показала мне на стоящий в углу белый фанерный ящичек, в каких снаряжают посылки по почте. Я удивился: почему в ящичке? — мать обычно отправляла еду в обыкновенном мешке. Может быть, это и не мне вовсе? Нет, на крышке были выведены мой класс и моя фамилия. Видно, надписал уже здесь дядя Ваня — чтобы не перепутали, для кого. Что это мать выдумала заколачивать продукты в ящик?! Глядите, какой интеллигентной стала!

Нести посылку домой, не узнав, что в ней, я не мог: не то терпение. Ясно, что там не картошка. Для хлеба тара тоже, пожалуй, маловата, да и неудобна. К тому же хлеб мне отправляли недавно, он у меня ещё был. Тогда что там? Тут же, в школе, я забрался под лестницу, где, помнил, лежит топор, и, отыскав его, оторвал крышку. Под лестницей было темно, я вылез обратно и, воровато озираясь, поставил ящик на ближний подоконник.

Заглянув в посылку, я обомлел: сверху, прикрытые аккуратно большим белым листом бумаги, лежали макароны. Вот это да! Длинные жёлтые трубочки, уложенные одна к другой ровными рядами, вспыхнули на свету таким богатством, дорожке которого для меня ничего не существовало. Теперь понятно, почему мать собрала ящик: чтобы макароны не поломались, не крошились, прибыли ко мне в целости и сохранности. Я осторожно вынул одну трубочку, глянул, дунул в неё, и, не в состоянии больше сдерживаться, стал жадно хрумкать. Потом таким же образом взялся за вторую, за третью, размышляя, куда бы мне спрятать ящик, чтобы макароны не достались чересчур прожорливым мышам в кладовке моей хозяйки. Не для того мать их покупала, тратила последние деньги. Нет, макаронами я так просто не попущусь. Это вам не какая-нибудь картошка.

И вдруг я поперхнулся. Макароны... Действительно, где мать взяла макароны? Сроду их у нас в деревне не бывало, ни за какие шиши их там купить нельзя. Это

что же тогда получается? Торопливо, в отчаянии и надежде, я разгрёб макароны и нашёл на дне ящичка несколько больших кусков сахара и две плитки гематогена. Гематоген подтвердил: посылку отправляла не мать. Кто же в таком случае, кто? Я ещё раз взглянул на крышку: мой класс, моя фамилия — мне. Интересно, очень интересно.

Я втиснул гвозди крышки на место и, оставив ящик на подоконнике, поднялся на второй этаж и постучал в учительскую. Лидия Михайловна уже ушла. Ничего, найдём, знаем, где живёт, бывали. Значит, вот как: не хочешь садиться за стол — получай продукты на дом. Значит, так. Не выйдет. Больше никому. Это не мать: она бы и записку не забыла вложить, рассказала бы, откуда, с каких приисков взялось такое богатство.

Когда я бочком влез с посылкой в дверь, Лидия Михайловна приняла вид, что ничего не понимает. Она смотрела на ящик, который я поставил перед ней на пол, и удивленно спрашивала:

- Что это? Что такое ты принёс? Зачем?
- Это вы сделали, — сказал я дрожащим, срывающимся голосом.
- Что я сделала? О чём ты?
- Вы отправили в школу эту посылку. Я знаю, вы.

Я заметил, что Лидия Михайловна покраснела и смутилась. Это был тот единственный, очевидно, случай, когда я не боялся смотреть ей прямо в глаза. Мне было наплевать, учительница она или моя троюродная тётка. Тут спрашивал я, а не она, и спрашивал не на французском, а на русском языке, без всяких артиклей. Пусть отвечает.

- Почему ты решил, что это я?
- Потому что у нас там не бывает никаких макарон. И гематогену не бывает.
- Как! Совсем не бывает?! — Она изумилась так искренне, что выдала себя с головой.

— Совсем не бывает. Знать надо было.

Лидия Михайловна вдруг засмеялась и попыталась меня обнять, но я отстранился от неё.

— Действительно, надо было знать. Как же это я так?! — Она на минутку задумалась. — Но тут и догадаться трудно было — честное слово! Я же городской человек. Совсем, говоришь, не бывает? Что же у вас тогда бывает?

— Горох бывает. Редька бывает.

— Горох... редька... А у нас на Кубани яблоки бывают. Ох, сколько сейчас там яблок. Я нынче хотела поехать на Кубань, а приехала почему-то сюда. — Лидия Михайловна вздохнула и покосилась на меня. — Не злись. Я же хотела как лучше. Кто знал, что можно попасться на макаронах? Ничего, теперь буду умнее. А макароны эти ты возьми...

— Не возьму, — перебил я её.

— Ну, зачем ты так? Я знаю, что ты голодаешь. А я живу одна, денег у меня много. Я могу купить что захочу, но ведь мне одной... Я и ем-то помаленьку, боюсь потолстеть.

— Я совсем не голодаю.

— Не спорь, пожалуйста, со мной, я знаю. Я говорила с твоей хозяйкой. Что плохого, если ты возьмёшь сейчас эти макароны и сварить себе сегодня хороший обед. Почему я не могу тебе помочь — единственный раз в жизни? Обещаю больше никаких посылок не подсовывать. Но эту, пожалуйста, возьми. Тебе надо обязательно есть досыта, чтобы учиться. Сколько у нас в школе сытых лоботрясов, которые ни в чём ничего не соображают и никогда, наверное, не будут соображать, а ты способный мальчишка, школу тебе бросать нельзя.

Ее голос начинал на меня действовать усыпляюще; я боялся, что она меня уговорит, и, сердясь на себя за то, что понимаю правоту Лидии Михайловны, и за то, что собираюсь её всё-таки не понять, я, мотая головой и бормоча что-то, выскочил за дверь.

Уроки наши на этом не прекратились, я продолжал ходить к Лидии Михайловне. Но теперь она взялась за меня по-настоящему. Она, видимо, решила: ну что ж, французский так французский. Правда, толк от этого выходил, постепенно я стал довольно сносно выговаривать французские слова, они уже не обрывались у моих ног тяжелыми булыжниками, а, позванивая, пытались куда-то лететь.

— Хорошо, — подбадривала меня Лидия Михайловна. — В этой четверти пятёрка ещё не получится, а в следующей — обязательно.

О посылке мы не вспоминали, но я на всякий случай держался настороже. Мало ли что Лидия Михайловна возьмётся ещё придумать? Я по себе знал: когда что-то не выходит, всё сделаешь для того, чтобы вышло, так просто не отступишься. Мне казалось, что Лидия Михайловна всё время ожидающе присматривается ко мне, а присматриваясь, посмеивается над моей диковатостью, — я злился, но злость эта, как ни странно, помогала мне держаться уверенней. Я уже был не тот безответный и беспомощный мальчишка, который боялся ступить здесь шаг, помаленьку я привыкал к Лидии Михайловне и к её квартире. Всё ещё, конечно, стеснялся, забивался в угол, пряча свои чирки под стул, но прежние скованность и угнетённость отступали, теперь я сам осмеливался задавать Лидии Михайловне вопросы и даже вступать с ней в споры.

Она сделала ещё попытку посадить меня за стол — напрасно. Тут я был непреклонен, упрямота во мне хватало на десятерых.

Наверное, уже можно было прекратить эти занятия на дому, самое главное я усвоил, язык мой отмяк и зашевелился, остальное со временем добавилось бы на школьных уроках. Впереди годы да годы. Что я потом стану делать, если от начала до конца выучу всё одним разом? Но я не решался сказать об этом Лидии Михайловне, а она, видимо, вовсе не считала нашу программу выполненной, и я продолжал тянуть свою французскую ляжку. Впрочем, ляжку ли? Как-то невольно и незаметно, сам того не ожидая, я почувствовал вкус к языку и в свободные минуты без всякого понукания лез в словарь, заглядывал в дальние в учебнике тексты. Наказание превращалось в удовольствие. Меня ещё подстёгивало самолюбие: не получалось —

получится, и получится — не хуже, чем у самых лучших. Из другого я теста, что ли? Если бы ещё не надо было ходить к Лидии Михайловне... Я бы сам, сам...

Однажды, недели через две после истории с посылкой, Лидия Михайловна, улыбаясь, спросила:

— Ну а на деньги ты больше не играешь? Или где-нибудь собираетесь в сторонке да поигрываете?

— Как же сейчас играть?! — удивился я, показывая взглядом за окно, где лежал снег.

— А что это была за игра? В чём она заключается?

— Зачем вам? — насторожился я.

— Интересно. Мы в детстве когда-то тоже играли. Вот и хочу знать, та это игра или нет. Расскажи, расскажи, не бойся.

Я рассказал, умолчав, конечно, про Вадика, про Птаху и о своих маленьких хитростях, которыми я пользовался в игре.

— Нет, — Лидия Михайловна покачала головой. — Мы играли в «пристенок». Знаешь, что это такое?

— Нет.

— Вот смотри. — Она легко выскочила из-за стола, за которым сидела, отыскала в сумочке монетки и отодвинула от стены стул. — Иди сюда, смотри. Я бью монетой о стену. — Лидия Михайловна легонько ударила, и монета, зазвенев, дугой отлетела на пол. — Теперь, — Лидия Михайловна сунула мне вторую монету в руку, — бьёшь ты. Но имей в виду: бить надо так, чтобы твоя монета оказалась как можно ближе к моей. Чтобы их можно было замерить, достать пальцами одной руки. По-другому игра называется: замеряшки. Достанешь, — значит, выиграл. Бей.

Я ударил — моя монета, попав на ребро, покатилась в угол.

— О-о, — махнула рукой Лидия Михайловна. — Далекое. Сейчас ты начинаешь. Учти: если моя монета заденет твою, хоть чуточку, краешком, — я выигрываю вдвойне. Понимаешь?

— Чего тут непонятного?

— Сыграем?

Я не поверил своим ушам:

— Как же я с вами буду играть?

— А что такое?

— Вы же учительница!

— Ну и что? Учительница — так другой человек, что ли? Иногда надоедает быть только учительницей, учить и учить без конца. Постоянно одёргивать себя: то нельзя, это нельзя, — Лидия Михайловна больше обычного прищурила глаза и задумчиво, отстранённо смотрела в окно. — Иной раз полезно забыть, что ты учительница, — не то такой сделаешься бякой и букой, что живым людям скучно с тобой станет. Для учителя, может быть, самое важное — не принимать себя всерьёз, понимать, что он может научить совсем немногому. — Она встряхнулась и сразу повеселела. — А я в детстве была отчаянной девчонкой, родители со мной натерпелись. Мне и теперь ещё часто хочется прыгать, скакать, куда-нибудь мчаться, что-нибудь делать не по программе, не по расписанию, а по желанию. Я тут, бывает, прыгаю, скачу. Человек стареет не тогда,

когда он доживает до старости, а когда перестаёт быть ребёнком. Я бы с удовольствием каждый день прыгала, да за стенкой живёт Василий Андреевич. Он очень серьёзный человек. Ни в коем случае нельзя, чтобы он узнал, что мы играем в «замеряшки».

— Но мы не играем ни в какие «замеряшки». Вы только мне показали.

— Мы можем сыграть так просто, как говорят, понарошке. Но ты всё равно не выдавай меня Василию Андреевичу.

Господи, что творится на белом свете! Давно ли я до смерти боялся, что Лидия Михайловна за игру на деньги потащит меня к директору, а теперь она просит, чтобы я не выдавал её. Светопреставление — не иначе. Я озирался, неизвестно чего пугаясь, и растерянно хлопал глазами.

— Ну что — попробуем? Не понравится — бросим.

— Давайте, — нерешительно согласился я.

— Начинай.

Мы взялись за монеты. Видно было, что Лидия Михайловна когда-то действительно играла, а я только-только примеривался к игре, я ещё не выяснил для себя, как бить монетой о стену — ребром ли, или плашмя, на какой высоте и с какой силой когда лучше бросать. Мои удары шли вслепую; если бы вели счёт, я бы на первых же минутах проиграл довольно много, хотя ничего хитрого в этих «замеряшках» не было. Больше всего меня, разумеется, стесняло и угнетало, не давало мне освоиться то, что я играю с Лидией Михайловной. Ни в одном сне не могло такое присниться, ни в одной дурной мысли подуматься. Я опомнился не сразу и не легко, а когда опомнился и стал понемножку присматриваться к игре, Лидия Михайловна взяла и остановила её.

— Нет, так неинтересно, — сказала она, выпрямляясь и убирая съехавшие на глаза волосы. — Играть — так по-настоящему, а то что мы с тобой как трёхлетние малыши.

— Но тогда это будет игра на деньги, — несмело напомнил я.

— Конечно. А что мы с тобой в руках держим? Игру на деньги ничем другим подменить нельзя. Этим она хороша и плоха одновременно. Мы можем договориться о совсем маленькой ставке, а всё равно появится интерес.

Я молчал, не зная, что делать и как быть.

— Неужели боишься? — подзадорила меня Лидия Михайловна.

— Вот ещё! Ничего я не боюсь.

У меня была с собой кой-какая мелочишка. Я отдал монету Лидии Михайловне и достал из кармана свою. Что ж, давайте играть по-настоящему, Лидия Михайловна, если хотите. Мне-то что — не я первый начал. Вадик попервости на меня тоже ноль внимания, а потом опомнился, полез с кулаками. Научился там, научусь и здесь. Это не французский язык, а я и французский скоро к зубам приберу.

Мне пришлось принять одно условие: поскольку рука у Лидии Михайловны больше и пальцы длиннее, она станет замерять большим и средним пальцами, а я, как и положено, большим и мизинцем. Это было справедливо, и я согласился.

Игра началась заново. Мы перебрались из комнаты в прихожую, где было свободнее, и били о ровную дощатую заборку. Били, опускались на колени, ползали по полу, задевая друг друга, растягивали пальцы, замеряя монеты, затем опять под-

нимаясь на ноги, и Лидия Михайловна объявляла счёт. Играла она шумно: вскрикивала, хлопала в ладоши, поддразнивала меня — одним словом, вела себя как обыкновенная девчонка, а не учительница, мне даже хотелось порой прикрикнуть. Но выигрывала тем не менее она, а я проигрывал. Я не успел опомниться, как на меня набежало восемьдесят копеек, с большим трудом мне удалось скостить этот долг до тридцати, но Лидия Михайловна издали попала своей монетой на мою, и счёт сразу подскочил до пятидесяти. Я начал волноваться. Мы договорились расплачиваться по окончании игры, но, если дело и дальше так пойдёт, моих денег уже очень скоро не хватит, их у меня чуть больше рубля. Значит, за рубль переваливать нельзя — не то позор, позор и стыд на всю жизнь.

И тут я неожиданно заметил, что Лидия Михайловна и не старается вовсе у меня выигрывать. При замерах её пальцы горбились, не выстилаясь во всю длину, — там, где она якобы не могла дотянуться до монеты, я дотягивался без всякой натуги. Это меня обидело, и я поднялся.

— Нет, — заявил я, — так я не играю. Зачем вы мне подыгрываете? Это нечестно.

— Но я действительно не могу их достать, — стала отказываться она. — У меня пальцы какие-то деревянные.

— Можете.

— Хорошо, хорошо, я буду стараться.

Не знаю, как в математике, а в жизни самое лучшее доказательство — от противного. Когда на следующий день я увидел, что Лидия Михайловна, чтобы коснуться монеты, исподтишка подталкивает её к пальцу, я обомлел. Взглядывая на меня и почему-то не замечая, что я прекрасно вижу её чистой воды мошенничество, она как ни в чём не бывало продолжала двигать монету.

— Что вы делаете? — возмутился я.

— Я? А что я делаю?

— Зачем вы её подвинули?

— Да нет же, она тут и лежала, — самым бессовестным образом, с какой-то даже радостью отперлась Лидия Михайловна ничуть не хуже Вадика или Птахи.

Вот это да! Учительница, называется! Я своими собственными глазами на расстоянии двадцати сантиметров видел, что она трогала монету, а она уверяет меня, что не трогала, да ещё и смеётся надо мной. За слепого, что ли, она меня принимает? За маленького? Французский язык преподаёт, называется. Я тут же напрочь забыл, что всего вчера Лидия Михайловна пыталась подыграть мне, и следил только за тем, чтобы она меня не обманула. Ну и ну! Лидия Михайловна, называется.

В этот день мы занимались французским минут пятнадцать-двадцать, а затем и того меньше. У нас появился другой интерес. Лидия Михайловна заставляла меня прочесть отрывок, делала замечания, по замечаниям выслушивала ещё раз, и мы не мешкая переходили к игре. После двух небольших проигрышей я стал выигрывать. Я быстро приловчился к «замеряшкам», разобрался во всех секретах, знал, как и куда бить, что делать в роли разыгрывающего, чтобы не подставить свою монету под замер.

И опять у меня появились деньги. Опять я бегал на базар и покупал молоко — теперь уже в мороженных кружках. Я осторожно срезал с кружка наплыв сливок, совал рассыпающиеся ледяные ломтики в рот и, ощущая во всем теле их сытую сладость, закрывал от удовольствия глаза. Затем переворачивал кружок вверх дном и долбил ножом сладковатый молочный отстой. Остаткам позволял растаять и выпивал их, заедая куском чёрного хлеба.

Ничего, жить можно было, а в скором будущем, как залечим раны войны, для всех обещали счастливое время.

Конечно, принимая деньги от Лидии Михайловны, я чувствовал себя неловко, но всякий раз успокаивался тем, что это честный выигрыш. Я никогда не напрашивался на игру, Лидия Михайловна предлагала её сама. Отказываться я не смел. Мне казалось, что игра доставляет ей удовольствие, она веселела, смеялась, тормошила меня.

Знать бы нам, чем это всё кончится...

...Стоя друг против друга на коленях, мы заспорили о счёте. Перед тем тоже, кажется, о чём-то спорили.

— Пойми ты, голова садовая, — напозывая на меня и размахивая руками, доказывала Лидия Михайловна, — зачем мне тебя обманывать? Я веду счёт, а не ты, я лучше знаю. Я трижды подряд проиграла, а перед тем была «чика».

— «Чика» не считово.

— Почему это не считово?

Мы кричали, перебивая друг друга, когда до нас донёсся удивлённый, если не сказать, поражённый, но твёрдый, звенящий голос:

— Лидия Михайловна!

Мы замерли. В дверях стоял Василий Андреевич.

— Лидия Михайловна, что с вами? Что здесь происходит?

Лидия Михайловна медленно, очень медленно поднялась с колен, покрасневшая и взлохмаченная, и, пригладив волосы, сказала:

— Я, Василий Андреевич, надеялась, что вы постучите, прежде чем входить сюда.

— Я стучал. Мне никто не ответил. Что здесь происходит? — объясните, пожалуйста. Я имею право знать как директор.

— Играем в «пристенок», — спокойно ответила Лидия Михайловна.

— Вы играете на деньги с этим?.. — Василий Андреевич ткнул в меня пальцем, и я со страху пополз за перегородку, чтобы укрыться в комнате. — Играете с учеником?! Я правильно вас понял?

— Правильно.

— Ну, знаете... — Директор задыхался, ему не хватало воздуха. — Я теряюсь сразу назвать ваш поступок. Это преступление. Раствление. Совращение. И ещё, ещё... Я двадцать лет работаю в школе, видывал всякое, но такое...

И он воздел над головой руки.

Через три дня Лидия Михайловна уехала. Накануне она встретила меня после школы и проводила до дому.

— Поеду к себе на Кубань, — сказала она, прощаясь. — А ты учись спокойно, никто тебя за этот дурацкий случай не тронет. Тут виновата я. Учись, — она потрепала меня по голове и ушла.

И больше я её никогда не видел.

Среди зимы, уже после январских каникул, мне пришла на школу по почте посылка. Когда я открыл её, достав опять топор из-под лестницы, — аккуратными, плотными рядами в ней лежали трубочки макарон. А внизу в толстой ватной обёртке я нашёл три красных яблока.

Раньше я видел яблоки только на картинках, но догадался, что это они.

1. Автор осуждает или оправдывает героя?
2. Выделите самый важный отрывок и объясните его значение. Составьте план рассказа и перескажите его.
3. Прочитайте разговор Лидии Михайловны с героем рассказа после уроков. Обратите внимание на их портреты. Почему эти описания автор поставил рядом? Как называется этот приём?
4. «И почему меня одного? В школе сколько угодно было ребят, которые говорили по-французски ничуть не лучше, чем я, однако они гуляли на свободе, делали что хотели, а я, как проклятый, отдувался один за всех». Как вы думаете, почему именно рассказчица выбрала Лидия Михайловна для отдельных занятий? Случайно ли это? Постарайтесь вспомнить, как сама учительница объясняет это своему ученику.
5. Попробуйте самостоятельно составить речевую характеристику героя. Выпишите в тетрадь цитаты, в которых, по-вашему мнению, раскрывается его характер.
6. Почему Лидия Михайловна решила на игру в «замеряшки» со своим учеником? Как вы расцениваете этот поступок? Что выдавало её во время игры?
7. Рассмотрите иллюстрации к рассказу «Уроки французского». Соотнесите отношение писателя к своему герою с отношением художника, укажите на сходства и различия, на связь и несоответствие.

Фазиль Искандер

(1929–2016)

Фазиль Искандер — классик современной русской литературы. Он писал очень смешные и очень мудрые рассказы. Проза Фазиля Искандера автобиографична, за образами его героев нередко скрывается сам автор. К теме взросления он возвращался всю жизнь. Для сюжетов своих рассказов брал комические ситуации из собственного детства, которые стали серьёзным испытанием на его пути в мир взрослых, уроком на всю жизнь. Здесь опять, как в рассказах Антона Павловича Чехова, мы видим всепобеждающую силу смеха.

Тринадцатый подвиг Геракла

Все математики, с которыми мне приходилось встречаться в школе и после школы, были людьми неряшливыми, слабохарактерными и довольно гениальными. Так что утверждение насчет того, что пифагоровы штаны якобы во все стороны равны, навряд ли абсолютно точно.

Возможно, у самого Пифагора так оно и было, но его последователи, наверно, об этом забыли и мало обращали внимания на свою внешность.

И всё-таки был один математик в нашей школе, который отличался от всех других. Его нельзя было назвать слабохарактерным, ни тем более неряшливым. Не знаю, был ли он гениален, — сейчас это трудно установить. Я думаю, скорее всего был.

Звали его Харламбий Диогенович. Как и Пифагор, он был по происхождению грек. Появился он в нашем классе с нового учебного года. До этого мы о нём не слышали и даже не знали, что такие математики могут быть.

Он сразу же установил в нашем классе образцовую тишину. Тишина стояла такая жуткая, что иногда директор испуганно распахивал дверь, потому что не мог понять, на месте мы или сбежали на стадион.

Стадион находился рядом со школьным двором и постоянно, особенно во время больших состязаний, мешал педагогическому процессу. Директор даже писал куда-то, чтобы его перенесли в другое место. Он говорил, что стадион нервнрует школьников. На самом деле нас нервировал не стадион, а комендант стадиона дядя Вася, который безошибочно нас узнавал, даже если мы были без книжек, и гнал нас оттуда со злостью, не угасающей с годами.

К счастью, нашего директора не послушались и стадион оставили на месте, только деревянный забор заменили каменным. Так что теперь приходилось перелезать и тем, которые раньше смотрели на стадион через щели в деревянной ограде.

Всё же директор наш напрасно боялся, что мы можем сбежать с урока математики. Это было немислимо. Это было всё равно что подойти к директору на

перемене и молча скинуть с него шляпу, хотя она всем порядочно надоела. Он всегда, и зимой и летом, ходил в одной шляпе, вечнозелёной, как магнолия. И всегда чего-нибудь боялся.

Со стороны могло показаться, что он больше всего боялся комиссии из гороно, на самом деле он больше всего боялся нашего завуча. Это была демоническая женщина. Когда-нибудь я напишу о ней поэму в байроновском духе, но сейчас я рассказываю о другом.

Конечно, мы никак не могли сбежать с урока математики. Если мы вообще когда-нибудь и сбежали с урока, то это был, как правило, урок пения.

Бывало, только входит наш Харламий Диогенович в класс, сразу все затихают, и так до самого конца урока. Правда, иногда он нас заставлял смеяться, но это был не стихийный смех, а веселье, организованное сверху самим же учителем. Оно не нарушало дисциплины, а служило ей, как в геометрии доказательство от обратного.

Происходило это примерно так. Скажем, иной ученик чуть припоздает на урок, ну примерно на полсекунды после звонка, а Харламий Диогенович уже входит в дверь. Бедный ученик готов провалиться сквозь пол. Может, и провалился бы, если б прямо под нашим классом не находилась учительская.

Иной учитель на такой пустяк не обратит внимания, другой сгоряча выругает, но только не Харламий Диогенович. В таких случаях он останавливался в дверях, перекладывал журнал из руки в руку и жестом, исполненным уважения к личности ученика, указывал на проход.

Ученик мнётся, его растерянная физиономия выражает желание как-нибудь незаметней проскользнуть в дверь после учителя. Зато лицо Харлампия Диогеновича выражает радостное гостеприимство, сдержанное приличием и пониманием необычности этой минуты. Он дает знать, что само появление такого ученика — редчайший праздник для нашего класса и лично для него, Харлампия Диогеновича, что его никто не ожидал, и раз уж он пришёл, никто не посмеет его упрекнуть в этом маленьком опоздании, тем более он, скромный учитель, который, конечно же, пройдет в класс после такого замечательного ученика и сам закроет за ним дверь в знак того, что дорогого гостя не скоро отпустят.

Всё это длится несколько секунд, и в конце концов ученик, неловко протиснувшись в дверь, спотыкающейся походкой идёт на своё место.

Харламий Диогенович смотрит ему вслед и говорит что-нибудь великолепное. Например:

— Принц Уэльский.

Класс хохочет. И хотя мы не знаем, кто такой принц Уэльский, мы понимаем, что в нашем классе он никак не может появиться. Ему просто здесь нечего делать, потому что принцы в основном занимаются охотой на оленей. И если уж ему надоест охотиться за своими оленями и он захочет посетить какую-нибудь школу, то его обязательно поведут в первую школу, что возле электростанции. Потому что она образцовая. В крайнем случае, если б ему вздумалось прийти именно к нам, нас бы давно предупредили и подготовили класс к его приходу.

Потому-то мы и смеялись, понимая, что наш ученик никак не может быть принцем, тем более каким-то Уэльским.

Но вот Харламий Диогенович садится на место. Класс мгновенно смолкает. Начинается урок.

Большоголовый, маленького роста, аккуратно одетый, тщательно выбритый, он властно и спокойно держал класс в руках. Кроме журнала, у него был блокнотик, куда он что-то вписывал после опроса. Я не помню, чтобы он на кого-нибудь кричал, или уговаривал заниматься, или грозил вызвать родителей в школу. Все эти штучки были ему ни к чему.

Во время контрольных работ он и не думал бегать между рядами, заглядывать в парты или там бдительно вскидывать голову при всяком шорохе, как это делали другие. Нет, он спокойно читал себе что-нибудь или перебирал чётки с бусами, жёлтыми, как кошачьи глаза.

Списывать у него было почти бесполезно, потому что он сразу узнавал списанную работу и начинал высмеивать её. Так что списывали мы только в самом крайнем случае, если уж никакого выхода не было.

Бывало, во время контрольной работы оторвётся от своих чёток или книги и говорит:

— Сахаров, пересядьте, пожалуйста, к Авдеенко.

Сахаров встаёт и смотрит на Харлампия Диогеновича вопросительно. Он не понимает, зачем ему, отличнику, пересаживаться к Авдеенко, который плохо учится.

— Пожалейте Авдеенко, он может сломать шею.

Авдеенко тупо смотрит на Харлампия Диогеновича, как бы не понимая, а может быть, и в самом деле не понимая, почему он может сломать шею.

— Авдеенко думает, что он лебедь, — поясняет Харламий Диогенович. — Чёрный лебедь, — добавляет он через мгновение, намекая на загорелое, угрюмое лицо Авдеенко. — Сахаров, можете продолжать, — говорит Харламий Диогенович.

Сахаров садится.

— И вы тоже, — обращается он к Авдеенко, но что-то в голосе его едва заметно сдвинулось. В него влилась точно дозированная порция насмешки. — ...Если, конечно, не сломаете шею... чёрный лебедь! — твёрдо заключает он, как бы выражая мужественную надежду, что Александр Авдеенко найдёт в себе силы работать самостоятельно.

Шурик Авдеенко сидит, яростно наклонившись над тетрадью, показывая мощные усилия ума и воли, брошенные на решение задачи.

Главное оружие Харлампия Диогеновича — это делать человека смешным. Ученик, отступающий от школьных правил, — не лентяй, не лоботряс, не хулиган, а просто смешной человек. Вернее, не просто смешной, на это, пожалуй, многие согласились бы, но какой-то обидно смешной. Смешной, не понимающий, что он смешной, или догадывающийся об этом последним.

И когда учитель выставляет тебя смешным, сразу же распадается круговая порука учеников, и весь класс над тобой смеётся. Все смеются против одного. Если над тобой смеётся один человек, ты можешь ещё как-нибудь с этим справиться. Но невозможно пересмеять весь класс. И если уж ты оказался смешным, хотелось во что бы то ни стало доказать, что ты хоть и смешной, но не такой уж окончательно смехотворный.

Надо сказать, что Харламий Диогенович не давал никому привилегии. Смешным мог оказаться каждый. Разумеется, я тоже не избежал общей участи. В тот день

я не решил задачу, заданную на дом. Там было что-то про артиллерийский снаряд, который куда-то летит с какой-то скоростью и за какое-то время. Надо было узнать, сколько километров пролетел бы он, если бы летел с другой скоростью и чуть ли не в другом направлении.

В общем, задача была какая-то запутанная и глупая. У меня решение никак не сходилась с ответом. А между прочим, в задачниках тех лет, наверное, из-за вредителей, ответы иногда бывали неверные. Правда, очень редко, потому что их к тому времени почти всех переловили. Но, видно, кое-кто ещё орудовал на воле.

Но некоторые сомнения у меня всё-таки оставались. Вредители вредителями, но, как говорится, и сам не плошай.

Поэтому на следующий день я пришёл в школу за час до занятий. Мы учились во вторую смену. Самые заядлые футболисты были уже на месте. Я спросил у одного из них насчёт задачи, оказалось, что и он её не решил. Совесть моя окончательно успокоилась. Мы разделились на две команды и играли до самого звонка.

И вот входим в класс. Еле отдышавшись, на всякий случай спрашиваю у отличника Сахарова:

— Ну, как задача?

— Ничего, — говорит он, — решил.

При этом он коротко и значительно кивнул головой в том смысле, что трудности были, но мы их одолели.

— Как решил, ведь ответ неправильный?

— Правильный, — кивает он мне головой с такой противной уверенностью на умном добросовестном лице, что я его в ту же минуту возненавидел за благополучие, хотя и заслуженное, но тем более неприятное. Я ещё хотел посомневаться, но он отвернулся, отняв у меня последнее утешение падающих: хвататься руками за воздух.

Оказывается, в это время в дверях появился Харламий Диогенович, но я его не заметил и продолжал жестикулировать, хотя он стоял почти рядом со мной. Наконец я догадался, в чём дело, испуганно захлопнул задачник и замер.

Харламий Диогенович прошёл на место.

Я испугался и ругал себя за то, что сначала согласился с футболистом, что задача неправильная, а потом не согласился с отличником, что она правильная. А теперь Харламий Диогенович, наверное, заметил моё волнение и первым меня вызовет.

Рядом со мной сидел тихий и скромный ученик. Звали его Адольф Комаров. Теперь он себя называл Аликом и даже на тетради писал Алик, потому что началась война и он не хотел, чтобы его дразнили Гитлером. Всё равно все помнили, как его звали раньше, и при случае напоминали ему об этом.

Я любил разговаривать, а он любил сидеть тихо. Нас посадили вместе, чтобы мы влияли друг на друга, но, по-моему, из этого ничего не получилось. Каждый остался таким, каким был.

Сейчас я заметил, что даже он решил задачу. Он сидел над своей раскрытой тетрадью, опрятный, худой и тихий, и оттого, что руки его лежали на промокашке, он казался ещё тише. У него была такая дурацкая привычка — держать руки на промокашке, от чего я его никак не мог отучить.

— Гитлер капут, — шепнул я в его сторону. Он, конечно, ничего не ответил, но хоть руки убрал с промокашки, и то стало легче.

Между тем Харламий Диогенович поздоровался с классом и уселся на стул. Он слегка вздёрнул рукава пиджака, медленно протёр нос и рот носовым платком, почему-то посмотрел после этого в платок и сунул его в карман. Потом он снял часы и начал листать журнал. Казалось, приготовления палача пошли быстрее.

Но вот он отметил отсутствующих и стал оглядывать класс, выбирая жертву. Я затаил дыхание.

— Кто дежурный? — неожиданно спросил он. Я вздохнул, благодарный ему за передышку.

Дежурного не оказалось, и Харламий Диогенович заставил самого старосту стирать с доски. Пока он стирал, Харламий Диогенович внушал ему, что должен делать староста, когда нет дежурного. Я надеялся, что он расскажет по этому поводу какую-нибудь притчу из школьной жизни, или басню Эзопа, или что-нибудь из греческой мифологии. Но он ничего не стал рассказывать, потому что скрип сухой тряпки о доску был неприятен, и он ждал, чтобы староста скорее кончил своё нудное протирание. Наконец староста сел.

Класс замер. Но в это мгновение раскрылась дверь и в дверях появились доктор с медсестрой.

— Извините, это пятый «А»? — спросила доктор.

— Нет, — сказал Харламий Диогенович с вежливой враждебностью, чувствуя, что какое-то санитарное мероприятие может сорвать ему урок. Хотя наш класс был почти пятый «А», потому что он был пятый «Б», он так решительно сказал «нет», как будто между нами ничего общего не было и не могло быть.

— Извините, — сказала доктор ещё раз и, почему-то нерешительно помешкав, закрыла дверь.

Я знал, что они собираются делать уколы против тифа. В некоторых классах уже делали. Об уколах заранее никогда не объявляли, чтобы никто не мог улизнуть или, притворившись больным, остаться дома.

Уколов я не боялся, потому что мне делали массу уколов от малярии, а это самые противные из всех существующих уколов.

И вот внезапная надежда, своим белоснежным халатом озарившая наш класс, исчезла. Я этого не мог так оставить.

— Можно, я им покажу, где пятый «А»? — сказал я, обнаглев от страха.

Два обстоятельства в какой-то мере оправдывали мою дерзость. Я сидел против двери, и меня часто посылали в учительскую за мелом или ещё за чем-нибудь. А потом пятый «А» был в одном из флигелей при школьном дворе, и докторша в самом деле могла запутаться, потому что она у нас бывала редко, постоянно она работала в первой школе.

— Покажите, — сказал Харламий Диогенович и слегка приподнял брови.

Стараясь сдерживаться и не выдавать своей радости, я выскочил из класса. Я догнал докторшу и медсестру ещё в коридоре нашего этажа и пошёл с ними.

— Я покажу вам, где пятый «А», — сказал я.

Докторша улыбнулась так, как будто она не уколы делала, а раздавала конфеты.

— А нам что, не будете делать? — спросил я.

— Вам на следующем уроке, — сказала докторша, всё так же улыбаясь.

— А мы уходим в музей на следующий урок, — сказал я несколько неожиданно даже для себя.

Вообще-то у нас шли разговоры о том, чтобы организованно пойти в краеведческий музей и осмотреть там следы стоянки первобытного человека. Но учительница истории всё время откладывала наш поход, потому что директор боялся, что мы не сумеем пойти туда организованно.

Дело в том, что в прошлом году один мальчик из нашей школы стащил отсюда кинжал абхазского феодала, чтобы сбежать с ним на фронт. По этому поводу был большой шум, и директор решил, что всё получилось так потому, что класс пошёл в музей не в шеренгу по два, а гурьбой.

На самом деле этот мальчик всё заранее рассчитал. Он не сразу взял кинжал, а сначала сунул его в солому, которой была покрыта Хижина Дореволюционного Бедняка. А потом, через несколько месяцев, когда всё успокоилось, он пришёл туда в пальто с прорезанной подкладкой и окончательно унёс кинжал.

— А мы вас не пустим, — сказала докторша шутливо.

— Что вы, — сказал я, начиная волноваться, — мы собираемся во дворе и организованно пойдём в музей.

— Значит, организованно?

— Да, организованно, — повторил я серьёзно, боясь, что она, как и директор, не поверит в нашу способность организованно сходить в музей.

— А что, Галочка, пойдём в пятый «Б», а то и в самом деле уйдут, — сказала она и остановилась.

Мне всегда нравились такие чистенькие докторши в беленьких чепчиках и в беленьких халатах.

— Но ведь нам сказали сначала в пятый «А», — заупрямилась эта Галочка и строго посмотрела на меня. Видно было, что она всеми силами корчит из себя взрослую.

Я даже не посмотрел в её сторону, показывая, что никто и не думает считать её взрослой.

— Какая разница, — сказала докторша и решительно повернулась. — Мальчику не терпится испытать мужество, да?

— Я малярик, — сказал я, отстраняя личную заинтересованность, — мне уколы делали тыщу раз.

— Ну, малярик, веди нас, — сказала докторша, и мы пошли.

Убедившись, что они не передумают, я побежал вперёд, чтобы устранить связь между собой и их приходом.

Когда я вошёл в класс, у доски стоял Шурик Авдеенко, и, хотя решение задачи в трёх действиях было написано на доске его красивым почерком, объяснить решение он не мог. Вот он и стоял у доски с яростным и угрюмым лицом, как будто раньше знал, а теперь никак не мог припомнить ход своей мысли.

«Не бойся, Шурик, — думал я, — ты ничего не знаешь, а я тебя уже спас». Хотелось быть ласковым и добрым.

— Молодец, Алик, — сказал я тихо Комарову, — такую трудную задачу решил.

Алик у нас считался способным троечником. Его редко ругали, зато ещё реже хвалили. Кончики ушей у него благодарно порозовели. Он опять наклонился над своей тетрадью и аккуратно положил руки на промокашку. Такая уж у него была привычка.

Но вот распахнулась дверь, и докторша вместе с этой Галочкой вошли в класс. Докторша сказала, что так, мол, и так, надо ребятам делать уколы.

— Если это необходимо именно сейчас, — сказал Харламбий Диогенович, мельком взглянув на меня, — я не могу возражать. Авдеенко, на место, — кивнул он Шурику.

Шурик положил мел и пошёл на место, продолжая делать вид, что вспоминает решение задачи.

Класс заволновался, но Харламбий Диогенович приподнял брови, и все притихли. Он положил в карман свой блокнотик, закрыл журнал и уступил место докторше. Сам он присел рядом за парту. Он казался грустным и немного обиженным.

Доктор и девчонка раскрыли свои чемоданчики и стали раскладывать на столе баночки, бутылочки и враждебно сверкающие инструменты.

— Ну, кто из вас самый смелый? — сказала докторша, хищно высосав лекарство иглой и теперь держа эту иглу острием кверху, чтобы лекарство не вылилось.

Она это сказала весело, но никто не улыбнулся, все смотрели на иглу.

— Будем вызывать по списку, — сказал Харламбий Диогенович, — потому что здесь сплошные герои.

Он раскрыл журнал.

— Авдеенко, — сказал Харламбий Диогенович и поднял голову.

Класс нервно засмеялся. Докторша тоже улыбнулась, хотя и не понимала, почему мы смеёмся.

Авдеенко подошёл к столу, длинный, нескладный, и по лицу его было видно, что он так и не решил, что лучше, получить двойку или идти первым на укол. Он заголил рубаху и теперь стоял спиной к докторше, всё такой же нескладный и не решивший, что же лучше. И потом, когда укол сделали, он не обрадовался, хотя теперь весь класс ему завидовал.

Алик Комаров всё больше и больше бледнел. Подходила его очередь. И хотя он продолжал держать свои руки на промокашке, видно, это ему не помогало. Я старался как-нибудь его расхрабрить, но ничего не получалось. С каждой минутой он делался всё строже и бледней. Он не отрываясь смотрел на докторскую иглу.

— Отвернись и не смотри, — говорил я ему.

— Я не могу отвернуться, — отвечал он затравленным шёпотом.

— Сначала будет не так больно. Главная боль, когда будут впускать лекарство, — подготавливал я его.

— Я худой, — шептал он мне в ответ, едва шевеля белыми губами, — мне будет очень больно.

— Ничего, — отвечал я, — лишь бы в кость не попала иголка.

— У меня одни кости, — отчаянно шептал он, — обязательно попадут.

— А ты расслабься, — говорил я ему, похлопывая его по спине, — тогда не попадут.

Спина его от напряжения была твёрдая, как доска.

— Я и так слабый, — отвечал он, ничего не понимая, — я малокровный.

— Худые не бывают малокровными, — строго возразил я ему. — Малокровными бывают малярики, потому что малярия сосёт кровь.

У меня была хроническая малярия, и, сколько доктора ни лечили, ничего не могли поделаться с ней. Я немного гордился своей неизлечимой малярией.

К тому времени, как Алика вызвали, он был совсем готов. Я думаю, он даже не соображал, куда идёт и зачем.

Теперь он стоял спиной к докторше, бледный, с остекленевшими глазами, и, когда ему сделали укол, он внезапно побелел как смерть, хотя, казалось, дальше бледнеть некуда. Он так побледнел, что на лице его выступили веснушки, как будто откуда-то выпрыгнули. Раньше никто и не думал, что он веснушчатый. На всякий случай я решил запомнить, что у него есть скрытые веснушки. Это могло пригодиться, хотя я и не знал пока, для чего.

После укола он чуть не свалился, но докторша его удержала и посадила на стул. Глаза у него закатились, мы все испугались, что он умирает.

— Скорую помощь! — закричал я. — Побегу позвоню!

Харлампий Диогенович гневно посмотрел на меня, а докторша ловко подсунула ему под нос флакончик. Конечно, не Харлампию Диогеновичу, а Алику. Он сначала не открывал глаза, а потом вдруг вскочил и деловито пошёл на свое место, как будто не он только что умирал.

— Даже не почувствовал, — сказал я, когда мне сделали укол, хотя прекрасно всё почувствовал.

— Молодец, малярик, — сказала докторша. Помощница её быстро и небрежно протёрла мне спину после укола. Видно было, что она все ещё злится на меня за то, что я их не пустил в пятый «А».

— Ещё потрите, — сказал я, — надо, чтобы лекарство разошлось. Она с ненавистью дотёрла мне спину. Холодное прикосновение проспиртованной ваты было приятно, а то, что она злится на меня и всё-таки вынуждена протирать мне спину, было ещё приятней.

Наконец всё кончилось. Докторша со своей Галочкой собрали чемоданчики и ушли. После них в классе остался приятный запах спирта и неприятный лекарства. Ученики сидели, поёживаясь, осторожно пробуя лопатками место укола и переговариваясь на правах пострадавших.

— Откройте окно, — сказал Харлампий Диогенович, занимая своё место. Он хотел, чтобы с запахом лекарства из класса вышел дух больничной свободы. Он вынул чётки и задумчиво перебирал жёлтые бусины. До конца урока оставалось немного времени. В такие промежутки он обычно рассказывал нам что-нибудь поучительное и древнегреческое.

— Как известно из древнегреческой мифологии, Геракл совершил двенадцать подвигов, — сказал он и остановился. Щёлк, щёлк — перебрал он две бусины справа налево. — Один молодой человек захотел исправить греческую мифологию, — добавил он и опять остановился. Щёлк, щёлк.

«Смотри, чего захотел», — подумал я про этого молодого человека, понимая, что греческую мифологию исправлять никому не разрешается. Какую-нибудь другую, заваливающую мифологию, может быть, и можно подправить, но только не греческую, потому что там уже давно всё исправлено и никаких ошибок быть не может.

— Он решил совершить тринадцатый подвиг Геракла, — продолжал Харламий Диогенович, — и это ему отчасти удалось.

Мы сразу по его голосу поняли, до чего это был фальшивый и никудышный подвиг, потому что, если бы Гераклу понадобилось совершить тринадцать подвигов, он бы сам их совершил, а раз он остановился на двенадцати, значит, так оно и надо было и нечего было лезть со своими поправками.

— Геракл совершал свои подвиги как храбрец. А этот молодой человек совершил свой подвиг из трусости... — Харламий Диогенович задумался и прибавил: — Мы сейчас узнаем, во имя чего он совершил свой подвиг...

Щёлк. На этот раз только одна бусина упала с правой стороны на левую. Он её резко подтолкнул пальцем. Она как-то нехорошо упала. Лучше бы упали две, как раньше, чем одна такая. Я почувствовал, что в воздухе запахло какой-то опасностью. Как будто не бусина щёлкнула, а захлопнулся маленький капканчик в руках Харламий Диогеновича.

— ...Мне кажется, я догадываюсь, — проговорил он и посмотрел на меня.

Я почувствовал, как от его взгляда сердце моё с размаху вlepилось в спину.

— Прошу вас, — сказал он и жестом пригласил меня к доске.

— Меня? — переспросил я, чувствуя, что голос мой подымается прямо из живота.

— Да, именно вас, бесстрашный малярик, — сказал он.

Я поплёлся к доске.

— Расскажите, как вы решили задачу, — спросил он спокойно, и — щёлк, щёлк — две бусины перекатились с правой стороны на левую. Я был в его руках.

Класс смотрел на меня и ждал. Он ждал, что я буду проваливаться, и хотел, чтобы я провалился как можно медленней и интересней. Я смотрел краем глаза на доску, пытаюсь по записанным действиям восстановить причину этих действий. Но мне это не удалось. Тогда я стал сердито стирать с доски, как будто написанное Шуриком путало меня и мешало сосредоточиться. Я ещё надеялся, что вот-вот прозвенит звонок и казнь придётся отменить. Но звонок не звенел, а бесконечно стирать с доски было невозможно. Я положил тряпку, чтобы раньше времени не делаться смешным.

— Мы вас слушаем, — сказал Харламий Диогенович, не глядя на меня.

— Артиллерийский снаряд, — сказал я бодро в ликующей тишине класса и замолк.

— Дальше, — проговорил Харламий Диогенович, вежливо выждав.

— Артиллерийский снаряд, — повторил я упрямо, надеясь по инерции этих слов пробиться к другим таким же правильным словам. Но что-то крепко держало меня на привязи, которая натягивалась, как только я произносил эти слова. Я сосредоточился изо всех сил, пытаюсь представить ход задачи, и ещё раз рванулся, чтобы оборвать эту невидимую привязь.

— Артиллерийский снаряд, — повторил я, содрогаясь от ужаса и отвращения.

В классе раздались сдержанные хихиканья. Я почувствовал, что наступил критический момент, и решил ни за что не делаться смешным, лучше просто получить двойку.

— Вы что, проглотили артиллерийский снаряд? — спросил Харламий Диогенович с доброжелательным любопытством. Он это спросил так просто, как будто справлялся, не проглотил ли я сливовую косточку.

— Да, — быстро сказал я, почувствовав ловушку и решив неожиданным ответом спутать его расчёты.

— Тогда попросите военрука, чтобы он вас разминировал, — сказал Харламий Диогенович, но класс уже и так смеялся. Смеялся Сахаров, стараясь во время смеха не переставать быть отличником. Смеялся даже Шурик Авдеенко, самый мрачный человек нашего класса, которого я же спас от неминуемой двойки. Смеялся Комаров, который, хоть и зовётся теперь Аликом, а как был, так и остался Адольфом. Глядя на него, я подумал, что, если бы у нас в классе не было настоящего рыжего, он сошёл бы за него, потому что волосы у него светлые, а веснушки, которые он скрывал так же, как своё настоящее имя, обнаружались во время укола. Но у нас был настоящий рыжий, и рыжеватость Комарова никто не замечал. И ещё я подумал, что, если бы мы на днях не содрали с наших дверей табличку с обозначением класса, может быть, докторша к нам не зашла и ничего бы не случилось. Я смутно начинал догадываться о связи, которая существует между вещами и событиями.

Звонок, как погребальный колокол, продрался сквозь хохот класса. Харламий Диогенович поставил мне отметку в журнал и ещё что-то записал в свой блокнотик.

С тех пор я стал серьёзней относиться к домашним заданиям и с нерешёнными задачами никогда не совался к футболистам. Каждому своё.

Позже я заметил, что почти все люди боятся показаться смешными. Особенно боятся показаться смешными женщины и поэты. Пожалуй, они слишком боятся и поэтому иногда выглядят смешными. Зато никто не может так ловко выставить человека смешным, как хороший поэт или хорошая женщина.

Конечно, слишком бояться выглядеть смешным не очень умно, но куда хуже совсем не бояться этого.

Мне кажется, что Древний Рим погиб оттого, что его императоры в своей бронзовой спеси перестали замечать, что они смешны. Обзаведись они вовремя шутами (надо хотя бы от дурака слышать правду), может быть, им удалось бы продержаться ещё некоторое время. А так они надеялись, что в случае чего гуси спасут Рим. Но нагрянули варвары и уничтожили Древний Рим вместе с его императорами и гусями.

Я, понятно, об этом несколько не жалею, но мне хочется благодарно возвысить метод Харлампия Диогеновича. Смехом он, безусловно, закалял наши лукавые детские души и приучал нас относиться к собственной персоне с достаточным чувством юмора. По-моему, это вполне здоровое чувство, и любую попытку ставить его под сомнение я отвергаю решительно и навсегда.

1. Каким вы представляете себе рассказчика? Расскажите о его одноклассниках. Чем каждый из них вам запомнился?
2. Знакомы ли вам ситуации, переживания, описанные в этом рассказе? Чем герои похожи на вас?
3. Как автор описывает Харлампия Диогеновича? Случайно ли он даёт ему такое отчество? Почему герой с благодарностью говорит о нём?
4. Вспомните, с какими подвигами Геракла вы познакомились в начале года? Какой смысл, по-вашему, автор вложил в название своего рассказа?
5. Подумайте, как писателю удаётся вызвать смех? Найдите юмористические эпизоды и обсудите их в классе.

Тема Великой Отечественной войны в поэзии и прозе

Великая Отечественная война — одно из самых памятных и трагических событий XX века — всегда привлекала внимание писателей. Кыргызский поэт Суюнбай Эралиев (1921–2016) писал, что война — это «малопозитичное занятие и к писанию стихов... не располагала». Но сам он именно на войне начал писать стихи, и лучшие из его стихотворений — о войне.

Отечественная, а значит всенародная война за Отечество, поднимает в людях бурю эмоций: ужас и горе при виде гибели людей, страх за жизнь своих близких и за родную землю, тоску по оставленному дому, желание защитить свой мир, вернуть счастье, отвратить опасность, остановить агрессию. Всё это оставляет неизгладимый след в душе человека и отражается в произведениях искусства.

Константин Симонов
(1915–1979)

Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины

Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,

Как слёзы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали: — Господь вас спаси! —
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем вёрстами,
Шёл тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки Родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти просёлки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и с песнею женскою
Впервые война на просёлках свела.

Ты помнишь, Алёша: изба под Борисовом,
По мёртвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

Ну что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьём,
Ты помнишь, старуха сказала: — Родимые,
Покуда идите, мы вас подождём. —

«Мы вас подождём!» — говорили нам пажити.
«Мы вас подождём!» — говорили леса.
Ты знаешь, Алёша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирали товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока ещё милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я всё-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился,

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

Вадим Сергеевич Шефнер
(1915–2002)

22 июня

Не танцуйте сегодня, не пойте.
В предвечерний задумчивый час
Молчаливо у окон постоите,
Вспомяните погибших за нас.

Там, в толпе, среди любимых, влюблённых,
Среди весёлых и крепких ребят,
Чьи-то тени в пилотках зелёных
На окраины молча спешат.

Им нельзя задержаться, остаться —
Их берёт этот день навсегда,
На путях сортировочных станций
Им разлуку трубят поезда.

Окликать их и звать их — напрасно,
Не промолвят ни слова в ответ,
Но с улыбкою грустной и ясной
Поглядите им пристально вслед.

Джоомарт Боконбаев
(1910–1944)

Прощай, Ала-Тоо, твой сын уходит на фронт

Земля в огне жестоком,
Пожаром мир охвачен,
И льётся кровь потоком
Бурлящим и горячим.

И разве не позорно
В дни бедствий и разгрома,
Чтоб сын остался дома?

В суровую годину

Мать говорила сыну:
«Будь храбрецом, родной,
Народ твой за тобой».
Слова я помню эти,
За них теперь в ответе,
В бою их оправдаю,
Врагам не дам пощады,
Хребет врагу сломаю.

На скалах трав цветенье,
Здесь диких коз владенье,
Журчит ручей глубокий,
Как струн комуза пенье.
А в небе вольный сокол
Парит как украшеньё.
Тебя, земля родная,
С оружием защищая,
Вступаю я в сраженьё.
И вспоминать я стану
Ручей в ущелье ярый.
И вспоминать я стану
Призывный свист улара.
И вспоминать я стану
Вид на скале архара.
И вспоминать я стану
Птиц на ветвях чинара.

Вода земли родимой
Мне будет мёдом в сердце
И, памятью хранимый,
Из детства образ — в сердце.
И мой народ любимый —
Моя опора в сердце.

Я сын твой, Ала-Тоо,
Ведь ты меня вскормила,
Ведь ты меня растила
И ты дала мне силы.
Моё сыновье слово
Скажу тебе любя —
Я жизнь не пожалею,
Чтоб защитить тебя.

Героем тот зовётся,
Кто в бедах познаётся,

Кто на защиту встанет,
Когда беда нагрянет.
Народ мой, ты поверь же,
Что сил у нас найдётся
И будет враг повержен.

Прощай,
я покидаю,
Мой край я покидаю.
Я здесь мечтал, бывало,
Цветы здесь рвал, бывало,
И память подсказала, —
Бывало, на качелях
Я с девушкой смеялся,
И жизнь казалась раем,
Я жизнью наслаждался.

Родная, за тебя я
На всё готов заранее
И, как звезда ночная,
Сверкну на поле брани.
Пускай погибну, только
Друзья чтоб жили долго.

Одной мы крови были,
Хлеб пополам делили,
С родными и друзьями
Теперь прощаюсь я,
Они судьба моя.
Пусть буду проклят вами,
Коль дрогну пред врагами.

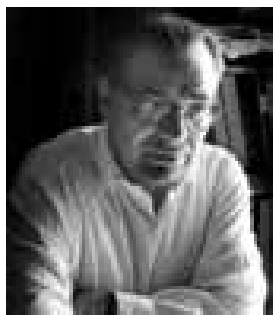
Нас родичи растили,
Нам шалости прощали.
Здоровья им желаю.
Нас старшие учили,
Для нас примером стали.
Здоровья им желаю.

Вам, матери героев,
Здоровья я желаю.
Вам, тётушки родные,
Здоровья я желаю.
Вам, властелины счастья,
Детишки озорные,
Здоровья я желаю.

Теперь я на защиту
Иду, народ любимый.
Здесь много пережито,
Я жизнью наслаждался,
Ел горный лук в ложбинах,
Как кобчик, в небо рвался.
Народу обещаю:
В бою не оплошаю.
Сменил перо родное
Я на копьё стальное.
В суровую годину,
Как подобает сыну,
Иду на бой кровавый,
На бой святой и правый.
Геройство, как известно, —
Свой долг исполнить честно.

Стать за народ в защиту —
Долг храброго джигита.
«Сбежал он с поля боя», —
Не приведи такое.
Красою восхищает
Наш Иссык-Куль чудесный,
И ветерок гуляет
На берегу отвесном.
Твоей волной высокой
Мне б в битве стать жестокой.
Ледник блестит, не тая,
Здесь жил я, подрастая,
Был рад всему беспечно,
На ветерке гуляя...
Долг чести не роняя,
Иду громить врага я.

(Перевод с кыргызского М. Рудова)

Николай Иванович Рыленков
(1909—1969)

Бой шёл всю ночь...

Бой шёл всю ночь, а на рассвете
Вступил в село наш батальон.
Спешили женщины и дети
Навстречу к нам со всех сторон.

Я на околице приметил
Одну девчонку, лет пяти.
Она в тени столетних вётел¹
Стояла прямо на пути.

Пока прошли за ротой рота,
Она не опустила глаз
И взглядом пристальным кого-то
Разыскивала среди нас.

Дрожал росой рассвет погожий
В её ресницах золотых:
Она на дочь мою похожей
Мне показалась в этот миг.

¹ Ветла́ — дерево семейства ивовых.

Казалось, все дороги мира
 Сошлись к седой ветлѣ, и я,
 Себя не помня, крикнул: «Ира,
 Мой птенчик, ласточка моя!»

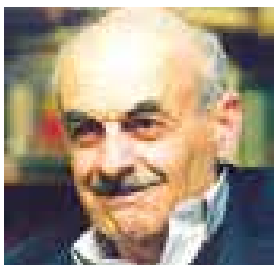
Девчонка вздрогнула и, глядя
 Колонне уходящей вслед:
 «Меня зовут Марусей, дядя», —
 Сказала тихо мне в ответ.

«Марусей? Ах, какая жалость!» —
 И поднял на руки её.

Она к груди моей прижалась,
 Дыханье слушала моё.

Я сбросил груз дорожных тягот
 (Ну что же, Ира, не ревнуй!),
 Всю нежность, что скопилась за год,
 Вложил в отцовский поцелуй.

И по дорогам пропылённым
 Вновь от села и до села
 Шагал я дальше с батальоном,
 Туда, где дочь меня ждала.

Булат Шалвович Окуджав
 (1924–1997)

До свидания, мальчики

Ах, война, что ж ты сделала, подлая:
 стали тихими наши дворы,
 наши мальчики головы подняли —
 повзрослели они до поры,
 на пороге едва помаячили
 и ушли, за солдатом — солдат...
 До свидания, мальчики!
 Мальчики, постарайтесь вернуться
 назад.

Вы не прячьтесь, вы будьте высокими,
 не жалейте ни пуль, ни гранат.
 И себя не щадите вы!
 И всё-таки постарайтесь вернуться
 назад.

Ах, война, что ж ты, подлая, сделала:
 вместо свадеб — разлуки и дым,
 наши девочки платица белые
 раздали сестренкам своим.
 Сапоги — ну куда от них денешься?
 Да зелёные крылья погон...
 Вы наплюйте на сплетников, девочки.
 Мы сведём с ними счеты потом.

Пусть болтают, что верить вам не во что,
 что идёте войной наугад...
 До свидания, девочки!
 Девочки, постарайтесь вернуться назад.

1. Что человек чести ставит превыше всего в жизни?
2. Перед вами стихотворения разных авторов о войне. Что в них общего?

Цветок хлеба

Сколько маленький Коля помнил себя в войну, он всегда был голодным. Он никак не мог привыкнуть, приладиться к голоду, и его ввалившиеся глаза сердито поблёскивали, постоянно искали добычу. Черноволосый, нестриженный, взъерошенный, с проступающими рёбрашками, он был похож на маленького исхудалого волчонка. Он тянул в рот всё, что было съедобным, — щавель, вяжущие ягоды черёмухи, какие-то корни, дикие лесные яблоки, пронзительно кислые и крепкие. Дома ему давали болтанку и хлеб. Мать добавляла в муку венники — вымолоченные метёлки проса, и хлеб был тяжёлый, вязкий; от него пахло сырой глиной. Но и этот хлеб голодный мальчонка съедал мгновенно, жадно посапывая раздутыми ноздрями.

Один раз за всю войну он наелся хлеба вдосталь. И хлеб был не из венников — настоящий. Его принесли с собой наши автоматчики.

Они вошли в хату ночью. Их тяжёлые шинели и сбитые сапоги были измазаны чем-то белым и фосфоресцировали в полутьме, словно к ним налипли хлопья снега. А на дворе шёл дождь. Бойцы пришли не из степи, а спустились с меловых гор, спуск был трудным, и они измазались в мелу. В тёплой хате от солдат шёл банный пар, и сразу запахло табачным дымом, мокрыми портянками, ременной кожей и ароматным свежим житником, который они выкладывали на стол.

От ночных гостей в хате стало тесно, как на вокзале, и маленький Коля почувствовал себя не дома. Он забился в угол и опасно наблюдал за пришельцами. И тут его заметил скуластый солдат, прихрамывающий на левую ногу. Он поманил к себе Колю:

— Эй, хозяин, пойди-ка сюда. Хлебушка хочешь?

Мальчику захотелось крикнуть: «Хочу! Хочу!» Но к горлу подкатил ком. Он не мог произнести ни слова и молча глотал слюну.

— Ты, наверно, плотно поужинал?

Коля растерянно заморгал, а скуластый солдат развязал мешок и сунул ему в руку большой кусок хлеба. У голодного мальчика закружилась голова. Он вскарабкался на печку, зажмурил глаза и припал к хлебу. Он дышал хлебом, ласкался к нему, согревал его руками и щекой. Он откусывал то мякиш, то с весёлым азартом грыз корку, и покойная сытость сладко разливалась по телу. Коля подобрел от хлеба, как взрослые добреют порой от вина. Ему казалось, что всё вокруг хлебное: и лежит он на хлебе, и под головой у него мягкий хлеб, и покрыт он тёплым хлебом. Он уснул, и всю ночь ему снился хлеб.

...Когда война подходила к концу, мать посеяла на огороде полоску пшеницы. Вскоре из земли проклюнулись робкие всходы. Они были похожи на траву. Мальчик пожевал травинку и не почувствовал хлебного вкуса: трава как трава. Может быть, никакого хлеба и не будет. Но трава начала сворачиваться в трубку.

— Скоро наш хлеб зацветёт, — говорила мать.

И все ждали, и Коля ждал, и ему на память приходил свежий солдатский житник и счастливая хлебная ночь, которая то ли была на самом деле, то ли приснилась. Коля ждал, что хлеб зацветёт голубыми цветами или алым маковым цветом. А может

быть, как вишня, покроеется белой метелицей. Он так и не заметил, как цветёт хлеб. Появились колосья — глазастые, голубоватые, чуть запотевшие.

Потом полоска стала соломенной.

Когда собрали первый урожай, бабушка на радостях испекла два коржа величиной с подсолнух. Коржи были пахучие, румяные. Бабушка смазала их масляным пёрышком и посыпала солью, крупной, как толчёное стекло. От коржей шёл жар, и они светились, как два маленьких посоленных солнца.

Мальчик сидел перед столом, и его ввалившиеся глаза приросли к коржам. Он ждал, когда ж его угостят, и вдыхал в себя тёплый дух испечённого хлеба. Он едва сдерживался, чтобы не протянуть руку и не взять без спроса завидное угощение. Наконец бабушка подошла к нему и сказала:

— Отведай, внучок, моего коржа.

Какая-то скрытая пружина сработала внутри — руки мгновенно устремились к коржу, пальцы крепко сжали его и потянули в рот.

Корочка обжигала губы, соль пощипывала язык, ноздри раздувались, боясь упустить толику вкусного запаха. Нет, корж был повкуснее солдатского житника, но он таял с неудержимой силой: и вскоре в руке мальчика остался тоненький полумесяц. И его скоро не стало...

Коля облизал губы, облизал пальцы и тяжело вздохнул. А второй корж, румяный, целёхонький и наверняка ещё более вкусный, лежал на столе и призывно улыбался всей своей рожицей.

— Отнеси этот корж деду, — сказала бабушка.

— Давай отнесу, — упавшим голосом сказал Коля.

Дед был очень старым и жил на пасеке. Домой он приходил в те редкие дни, когда на огороде топили прокопчённую, покосившуюся баньку. Всё лицо деда заросло щетиной, словно из подбородка и щёк торчало множество железных гвоздиков. Коля боялся приблизиться к деду, чтобы не уколоться.

Бабушка завернула горячий корж в лопух и протянула его Коле.

Сперва он нёс свою дорогую ношу в руках. Потом лопух пришлось выбросить, а корж спрятать за пазуху, чтобы его не отняли мальчишки. Корж был горячим, он жёг кожу, а крупная соль въедалась в обожжённое место. Коле казалось, что он несёт за пазухой сердитого зверька и зверёк кусает его живот. Но он терпел. Он прошёл мимо мальчишек, и они не заподозрили, какой вкусный гостинец спрятан у Коли за пазухой.

Дед не слышал прихода внука. Он сидел перед пчелиным водопоем — перед желобком, по которому текла вода. Пчёлы облепили желобок и пили, опуская хоботки в прохладную воду. Дед подставлял руку, и вода стекала ему в ладонь. Он подносил ладонь ко рту и пил пчелиную воду, она была сладковатой. Пчёлы ползали по плечам, по голове деда, забирались в ушную раковину. Они не кусали деда. Они его признавали за своего.

Дед обрадовался. Он вертел корж в руках и нюхал. А Коля стоял перед стариком, поглощённый надеждой, что дед разломит корж пополам.

— Хороший корж, — сказал дед.

— Хороший, — тут же согласился Коля.

— Без немцев и земля лучше родит! — Дед опустил руку с коржом. — Как там бабка-то? Ползает?

— Ползает, — вздохнул мальчик и, чтобы не думать больше о корже, спросил: — Дед, а тебе медаль дадут за немцев?

— Зачем медаль? — сказал он. — Мне бы здоровья.

Дед не стал есть гостинец, а отнёс его в шалаш. До чего же жадный дед! Совсем одичал со своими пчёлами. Он специально спрятал корж, чтобы не делиться и потом спокойно жевать его, макая в липкий гречишный мед.

Коля собрался уходить. В последнюю минуту, когда дед протянул котомку с грязным бельём — пусть бабка простирнет! — у Коли что-то дрогнуло, и он чуть не попросил у деда кусочек коржа. Но сумел побороть минутную слабость. И промолчал.

Он шёл не спеша, размахивая котомкой, и думал о том, что, когда кончится война, в доме будет много хлеба и он будет есть коржи утром, в обед и вечером. А сейчас корж ест дед — он, Коля, уже съел свой. Мальчик представил себе деда, который долго перемалывает беззубым ртом запечённую корочку. Старый, наверное, и вкуса-то не чувствует.

Дома он сунул бабушке котомку и буркнул:

— Дед велел простирнуть!

— Как он там, не болеет? — насторожилась бабушка.

— Чего ему болеть-то? — сказал Коля. — Пасёт себе пчёл.

Бабушка молча принялась выкладывать на лавку дедушкино бельишко, рассматривая, где надо заштопать, где залатать. На дне котомки оказалась чистая тряпица, завязанная узлом. Бабушка неторопливо развязала непослушными пальцами узел. В тряпице лежал корж. Она ничего не сказала. Положила неожиданный гостинец перед внуком.

Румяное, густо посыпанное солью солнышко ослепило мальчика.

Радостный огонёк вспыхнул в его глазах. Он проглотил слюну, предвкушая угощение, и протянул руку к коржу. Но какое-то незнакомое чувство удержало его руку. Это чувство оказалось сильнее голода, важнее хлеба. Значит, дед не жуёт корж и не макает его в гречишный мед, а пьёт свою подслащённую водичку, которая заглушает голод, и пчёлы ползают по его плечам... И он воевал с фашистами, а медали ему не надо.

Коля сполз со скамейки и пошёл прочь... Но через некоторое время он вернулся. Взял со стола остывший корж. Аккуратно завернул его в чистую тряпицу и положил в дедушкин сундук, где лежали старые сапоги, шапки, дратва, мешок с самосадом и штык, привезённый с прошлой войны.

1. Перескажите рассказ, предварительно разделив его на микротемы и озаглавив каждую. Это работа непростая. Поэтому можно работать в парах, в группах. Объединив названия микротем, вы получите подробный план, по которому сможете легко пересказать это произведение.
2. Составьте характеристику главного героя.
3. Определите тему рассказа. Или темы, их может быть несколько.
4. Напишите эссе на любую из тем.

Солдатёнок

Первый раз он увидел отца в кино. Тогда он был малышом лет пяти. Произошло это в той большой белой кошаре, где каждый год проводят стрижку овец. Кошара эта покрыта шифером и поныне стоит за совхозным посёлком, под горой, у дороги.

Сюда он прибегал с матерью. Его мать, Джеенгуль, телефонистка почтового отделения в совхозе, каждое лето с началом стригального сезона устраивалась подсобной работницей на стригальном пункте. Для этого она брала свой отпуск и отгул за сверхурочные дни и ночи, проведенные у коммутатора во время посевной и окотной кампаний, и работала здесь до последнего дня стрижки. Оплата на стрижке сдельная, тут можно было неплохо заработать. А для неё, солдатской вдовы, ой как нужна была каждая лишняя копейка! Хотя семья и невелика — сама да сын, но всё одно: семья есть семья — топливо надо запастись на зиму, муки надо купить, пока не вздорозжала, приодеться надо, обуться... Да и мало ли чего надо.

Сына оставлять дома было не с кем, и потому она брала его с собой на работу. Здесь он и бегал целыми днями, чумазый и счастливый, среди стригалей, чабанов и лохматых пастушьих собак.

Он первым увидел, как во двор кошары приехала кинопередвижка, и первым пустился оповещать всех об этом чрезвычайно радостном событии:

— Кино приехало! Кино!

Картину начали показывать после работы, когда стемнело. А до этого он просто истомился от ожидания. Но зато муки его были вознаграждены. Фильм был про войну. На белом полотнище, повешенном между двумя столбами в конце кошары, началось сражение, загрохотали выстрелы, со свистом взмывали ввысь ракеты, добела освещая истерзанную всполохами тьму и приникших к земле разведчиков. Ракеты гасли, и разведчики снова бросались вперёд. А пулемёты строчили среди ночи так, что у мальчика дух занимался. Вот это была война!

Они с матерью примостились на тюках шерсти, позади других. Отсюда было виднее. Ему, конечно, хотелось сидеть в самом первом ряду, там, где подле экрана устроились на полу прибежавшие из совхоза ребятишки. Он было кинулся к ним, но мать одернула:

— Хватит, носишься с утра до вечера, побудь со мной, — и усадила его к себе на колени.

Киноаппарат стрекотал, война шла. Люди напряжённо следили за ней. Мать вздыхала, порой испуганно вздрагивала и крепче прижимала его к себе, когда танк метил прямо в них. Какая-то женщина, сидевшая рядом на тюках, то и дело горестно цокала языком и бормотала:

— Боже мой, что творится, боже мой!..

А ему было не очень страшно, напротив, иногда даже очень весело, когда падали фашисты. А когда падали наши, ему казалось, что они потом встанут. Вообще-то забавно падают люди на войне. Точь-в-точь как они, когда играют в войну. Он тоже умеет так падать, с разбегу, будто дали тебе подножку. Больно,

правда, расшибаешься, но ничего, встанешь — и снова в наступление, и забудешь об ушибах. А эти не встают, остаются лежать на земле тёмными неподвижными бугорками. Он умел падать и по-другому, как те, кому пуля попадала в живот. Они падают не сразу, сперва схватятся за живот, потом согнутся и медленно вальются на траву, роняя из рук оружие. После этого он объявлял, что не убит, и снова воевал. А эти не поднимались.

Война шла. Киноаппарат стрекотал. Теперь на экране появились артиллеристы. Под шквальным огнём, среди взрывов и дыма, они выкатывали противотанковое орудие на прямую наводку. Они толкали орудие вверх, по склону оврага. Склон был долгий и широкий... И по этому долгому и широкому склону, вскипающему чёрными всплесками взрывов, двигалась кучка артиллеристов. В их движении, в их облике было нечто такое, отчего сердце гудело в груди, переполнялось гордостью, болью и ожиданием страшного и великого. Их было человек семь. Одежда на них тлела. Один из артиллеристов обличьем не походил на русского. Быть может, мальчик и не обратил бы на него внимания, если бы не мать. Она шепнула:

— Смотри, это твой отец...

И с этой минуты он стал его отцом. И весь фильм потом был про него, про его отца. Отец оказался совсем молодым, как молодые совхозные парни. Роста он был небольшого, круглолицый, с быстрыми глазами. Глаза его зло сверкали на чёрном от грязи и дыма лице, и весь он был цепкий и стремительный, как кошка. Вот он, подпирая плечом колесо пушки, обернулся и крикнул кому-то вниз: «Снаряды! Не задерживай!» И голос его перекрыло грохотом нового взрыва.

— Мама, это мой отец? — переспросил Авалбек у матери.

— Что? — не поняла она. — Сиди тише. Смотри.

— Ты же сказала, что он мой отец.

— Да, конечно, твой отец. Только ты не разговаривай, не мешай другим.

Почему она так сказала? Зачем? Возможно, просто так, случайно, не подумала в ту минуту, возможно, разволновалась, вспомнила мужа. А он, несмышлёныш, поверил. И очень обрадовался, растерялся от этой неожиданной и незнакомой ему радости и по-детски возгордился им, своим отцом, солдатом. Вот это настоящий отец! Это он и есть, его отец, а мальчишки дразнят, что у него нет отца. Пусть увидят они теперь его отца, и чабаны пусть увидят! Эти чабаны, скитальцы гор, никогда толком не знают ребят. Он им помогает загонять отары во двор стригального пункта, он разгоняет их собак, когда те дерутся, а они донимают его расспросами. Каждый чабан, сколько их есть на свете, обязательно спросит:

— Ну, джигит, как же тебя звать?

— Авалбек.

— Чей же ты будешь?

— Я сын Токтосуна!

Чабаны не сразу понимают, о ком речь.

— Токтосуна? — нагибаясь с седла, переспрашивают они. — Это какого же Токтосуна?

— Я сын Токтосуна, — твердит он.

Так велела отвечать мать, и слепая бабушка наказывала не забывать имя отца. Она уши надирала ему за это. Злая.

— А-а, постой, постой, так ты сын телефонистки, что на почте, так ведь, а?

— Нет, я сын Токтосуна! — продолжает он стоять на своём.

И тогда чабаны начинают догадываться, в чём дело.

— Верно, ты и есть сын Токтосуна! Молодец! Это мы просто испытать тебя решили. И не обижайся, джигит, мы круглый год в горах, а вы тут растёте, как трава, трудно узнавать детвору.

И потом они между собой долго припоминают его отца. Перешёптываются, говорят, что он совсем молодым ушёл на фронт и многие уже не помнят его. И хорошо, что остался сын, а сколько ребят ушли холостыми, и некому теперь носить их имя!

А теперь, с той минуты, как мать шепнула ему: «Смотри, это твой отец», солдат на экране стал его отцом. И мальчик уже думал о нём, как о своём отце. Он действительно чем-то очень походил на военную фотографию отца, молодого солдата в пилотке. На ту самую фотографию, которую они потом увеличили и повесили в рамке под стеклом.

А в тот час Авалбек смотрел на отца глазами сына, и в его детской душе поднималась горячая волна неизведанной сыновней любви и нежности. Отец на экране словно бы знал, что за ним следит сын, и словно бы хотел за свою мгновенную жизнь в кино показать себя таким, чтобы сын вечно помнил о нём и вечно гордился им — солдатом минувшей войны. И война с этой минуты уже не казалась мальчику забавной, и ничего смешного не было в том, как падали люди. Война стала серьёзной, тревожной, страшней. И он впервые испытал чувство страха за близкого человека, за того человека, которого ему всегда не хватало.

Киноаппарат стрекотал, война шла. Впереди показались наступающие танки. Они грозно надвигались, кромсая землю гусеницами, и, разворачивая башни, с ходу стреляли из пушек. А наши артиллеристы, выбиваясь из сил, тащили орудие наверх. «Скорей, скорей, папа! Танки идут, танки!» — торопил отца сын. Наконец пушку выволокли, вкатили в кусты орешника и начали палить по танкам. А танки палили в ответ. Их было много. Жутко становилось.

Сыну казалось, что и сам он там, рядом с отцом, в огне и грохоте войны. Он подпрыгивал на коленях матери, когда танки горели чёрным дымом, когда гусеницы их слетали с колёс, когда они слепо и злобно кружились на одном месте. Он притихал, собирался в комок, когда падали наши солдаты у орудия. Их становилось всё меньше и меньше... А мать плакала, лицо её было мокрым и горячим.

Киноаппарат стрекотал, война шла. Бой разгорался с новой силой. Танки подходили всё ближе и ближе. Пригнувшись у лафета, отец яростно и громко что-то кричал в трубку полевого телефона, но ничего нельзя было разобрать в грохоте. Вот упал ещё один солдат у орудия; он пытался встать, но не мог, ткнулся в землю.

И земля почернела от его крови. Вот они остались только вдвоём — отец и ещё один солдат. Они дали ещё один выстрел, затем два подряд. Но танки наседали. Вот ухнул ещё один снаряд — подле пушки. Взрыв. Огонь и тьма. С земли поднимается теперь только один, это его отец. Он снова кидается к орудию. Сам заряжает, сам наводит. Это последний выстрел. Снова взрыв окутывает экран. Пушку отца искорёжило и отбросило в сторону. Но сам он ещё жив. Он медленно встаёт с земли и идёт, обгоревший, в дымящихся клочьях одежды, навстречу танку. В руках у него граната. Он уже ничего не видит и не слышит. Он собирает в себе последние силы.

— Стой, не пройдёшь! — Он замахивается гранатой. И замирает на секунду в этой позе, с искажённым от ненависти и боли лицом.

Мать так сильно стиснула сыну руку, что он чуть не задохнулся. Он хотел вырваться и броситься к отцу, но из дула танка плеснула длинная пулемётная очередь, и отец упал, как срубленное дерево. Он покатился по земле, пытался встать и снова упал навзничь, широко раскинув руки...

Киноаппарат смолк, война оборвалась. Это был конец части. Киномеханик включил свет, чтобы перезарядить ленту.

Когда в кошаре вспыхнул свет, все зажмурились и заморгали глазами, возвращаясь из мира кино, из войны в свою реальную жизнь. И в этот момент мальчик скатился с тюков шерсти с ликующим криком:

— Ребята, это мой отец! Вы видели? Это моего отца убили...

Никто такого не ожидал, и никто не мог сообразить, что произошло. А мальчик бежал с торжествующим криком к экрану, где в первых рядах сидели друзья-мальчишки, мнение которых было для него самым важным. На короткое время в кошаре воцарилась странная, неловкая тишина. До людей пока не доходил нелепый смысл радости этого маленького человека, никогда прежде не видевшего своего отца. Никто ничего не понимал, все растерянно молчали и пожимали плечами. Киномеханик выронил из рук коробку от киноленты. Она звякнула и покати-лась, разделившись на две половинки. Но никто не обратил на это внимания, и сам киномеханик не бросился поднимать. А он, солдатёнок, сын погибшего солдата, продолжал доказывать своё:

— Вы же видели, это мой отец!.. Его убили! — говорил он, возбуждаясь тем больше, чем дольше молчали люди, и не понимал, почему они не радовались и не гордились его отцом так же, как он.

Кто-то из взрослых недовольно шикнул:

— Ч-ч, перестань, не говори так.

Но другой ему возразил:

— А что такого? Его отец погиб на фронте. Не правда, что ли?

И тогда соседский мальчишка, школьник, первым решился сказать ему правду:

— Да это не твой отец. Что ты кричишь? Вовсе не твой отец, а артист. Спроси вон у дяди-киномеханика.

Взрослые не хотели лишать мальчишку его горькой и прекрасной иллюзии, и потому они надеялись, что приезжий киномеханик запросто скажет всё, как есть. Все обернулись к нему. Но и тот промолчал. Уткнулся в аппарат, будто занятый очень.

- Нет, мой отец, мой! — не унимался солдатёнок.
- Какой твой отец? Который? — снова заспорил соседский парнишка.
- Он шёл с гранатой на танк. Ты разве не видел? Он упал вот так!

Мальчик бросился на землю и покатился, показывая, как упал его отец. И сделал это в точности, как было. Он лежал перед экраном навзничь, широко раскинув руки.

Зрители невольно рассмеялись. А он лежал как убитый и не смеялся. Снова наступила неловкая тишина.

– Да что же это, куда же ты смотришь, Джеенгуль? — с упрёком проговорила старая женщина-чабан, и все увидели, как мать шла к сыну, скорбная и строгая, со слезами на глазах.

Она подняла сына с земли.

– Пойдём, сынок, пойдём. Это был твой отец, — тихо сказала она ему и повела его за собой из кошары.

Луна стояла уже высоко. В тёмно-синей ночной дали белели горные вершины, а степь внизу лежала громадная и непроглядная, как омут...

И только теперь, впервые в жизни, он познал горечь утраты. Ему вдруг стало до невозможного обидно, больно, горестно за убитого в бою отца. Ему вдруг захотелось обнять мать и заплакать, и чтобы она плакала вместо с ним. Но она молчала. И он молчал, сжав кулаки, сглатывая слёзы.

Он не знал, что с этого часа в нём начал жить отец, давно погибший на войне.

1. Расскажите, о чём эта история?
2. Нарисуйте словами портрет главного героя, Авалбека, сына Токтосуна.
3. Авалбек смотрел фильм о войне. Изменилось ли восприятие ребёнка, как только он подумал, что в бою участвует его отец? Обоснуйте ваш ответ, основываясь на тексте. Цитаты из текста запишите.
4. Объясните, что означает финальная фраза: «Он не знал, что с этого часа в нём начал жить отец, давно погибший на войне».

А вы любите фантастическую литературу?

В двадцатом веке очень популярной стала фантастическая литература. Часто, отвечая на вопрос о любимых книгах, многие называют фантастические рассказы и романы. А для кинематографистов это просто золотое дно.

Одни предпочитают научную фантастику — фильмы и книги о будущем, о необыкновенных научных открытиях и изобретениях, о внеземных цивилизациях и контактах с нечеловеческим разумом, о космических полётах и путешествиях во времени. Жюль Верн, Герберт Уэллс, Александр Беляев, Айзек Азимов — это замечательные писатели, которых считают отцами-основателями научной фантастики.

Другие зачитываются произведениями и играют в игры в жанре фэнтези, герои которого живут в чудесном вымышленном мире. Здесь люди сталкиваются со сверхъестественными явлениями и могут обладать сверхъестественными способностями. Мир фэнтези — это мир богов, магов, драконов, эльфов, гномов и прочих мифологических и сказочных существ. Фэнтези появилось позже научной фантастики, но

развивалось так бурно, что даже потеснило научно-фантастические книги в рейтингах самой популярной литературы. Возникли игры в жанре фэнтези — настольные, компьютерные, ролевые. Всё — благодаря мастерству авторов, создавших лучшие книги в жанре фэнтези: Джону Рональду Толкиену, Клайву Люису, Джоан Роулинг.

Почему фантастика так полюбилась современным людям? Отвечая на этот вопрос, чаще всего говорят о желании читателей и зрителей убежать от реальности, отвлечься от страшных мировых войн и кризисов XX века, скрыться от тяжёлого настоящего в будущем или в вымышленном фантастическом мире.

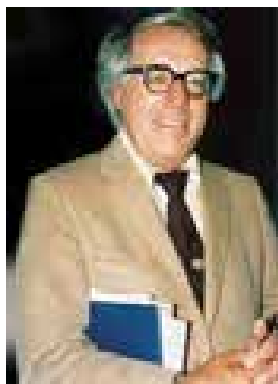
Вы согласны с таким объяснением? Ответов может быть много.

А вы любите фантастику? Почему?

1. Какие фантастические произведения вы читали? Назовите авторов этих книг.
2. Что общего у научной фантастики и фэнтези? Что их отличает? Приведите примеры.
3. Какие жанры фольклора близки к фэнтези? К научной фантастике?
4. Письменно ответьте на все вопросы, которые есть в этой учебной статье.
5. Пользуясь дополнительными источниками, подготовьте сообщение о жизни и творчестве одного из перечисленных в статье писателей-фантастов.

Рэй Брэдбери (1920—2012)

В одной из своих книг американский фантаст Р. Брэдбери написал: «В наше время радость существования заключается в том, чтобы помогать подросткам отыскивать пути к новым рубежам...» За свою жизнь он создал более восьмисот разных литературных произведений, в том числе несколько романов и повестей, сотни рассказов, десятки пьес, ряд статей, заметок и стихотворений. Его истории легли в основу нескольких экранизаций, театральных постановок и музыкальных сочинений. Брэдбери по праву считается классиком научной фантастики, хотя значительная часть его творчества тяготеет к жанру фэнтези, притчи или сказки.

Каникулы

День был свежий — свежестью травы, что тянулась вверх, облаков, что плыли в небесах, бабочек, что опускались на траву. День был соткан из тишины, но она вовсе не была немой, её создавали пчёлы и цветы, суша и океан, всё, что двигалось, порхало, трепетало, вздымалось и падало, подчиняясь своему течению времени, своему неповторимому ритму. Край был недвижим, и всё двигалось. Море было беспокойно, и море молчало. Парадокс, сплошной парадокс, безмолвие рассталось с безмолвием, звук со звуком. Цветы качались, и пчёлы маленькими

каскадами золотого дождя падали на клевер. Волны холмов и волны океана, два рода движения, были разделены железной дорогой, пустынной, сложенной из ржавчины и стальной сердцевины, дорогой, по которой, сразу видно, много лет не ходили поезда. На тридцать миль к северу она тянулась, петляя, потом терялась в мгlistых далах; на тридцать миль к югу пронизывала острова летучих теней, которые на глазах смещались и меняли свои очертания на склонах далёких гор.

Неожиданно рельсы задрожали.

Сидя на путях, одинокий дрозд ощутил, как рождается мерное слабое биение, словно где-то, за много миль, забилося чье-то сердце.

Чёрный дрозд взмыл над морем.

Рельсы продолжали тихо дрожать, и наконец из-за поворота показалась, вдоль по берегу пошла небольшая дрезина, в великом безмолвии зафыркал и зарокотал двухцилиндровый мотор.

На этой маленькой четырёхколёсной дрезине, на обращённой в две стороны двойной скамейке, защищённые от солнца небольшим тентом, сидели мужчина, его жена и семилетний сынишка. Дрезина проходила один пустынный участок за другим, ветер бил в глаза и развевал волосы, но все трое не оборачивались и смотрели только вперёд. Иногда, на выходе из поворота, глядели нетерпеливо, иногда печально, и всё время настороженно — что дальше?

На ровной прямой мотор вдруг закашлялся и смолк. В сокрушительной теперь тишине казалось — это покой, излучаемый морем, землёй и небом, затормозил и пресёк вращение колёс.

— Бензин кончился.

Мужчина, вздохнув, достал из узкого багажника запасную канистру и начал переливать горючее в бак.

Его жена и сын тихо глядели на море, слушали приглушённый гром, шёпот, слушали, как раздвигается могучий занавес из песка, гальки, зелёных водорослей, пены.

— Море красивое, правда? — сказала женщина.

— Мне нравится, — сказал мальчик.

— Может быть, заодно сделаем привал и поедим?

Мужчина навёл бинокль на зелёный полуостров вдаль.

— Давайте. Рельсы сильно изъело ржавчиной. Впереди путь разрушен. Придётся ждать, пока я исправлю.

— Сколько лопнуло рельсов, столько привалов! — сказал мальчик.

Женщина попыталась улыбнуться, потом перевела свои серьёзные, пытливые глаза на мужчину.

— Сколько мы проехали сегодня?

— Неполных девяносто миль. — Мужчина всё ещё напряжённо глядел в бинокль. — Больше, по-моему, и не стоит проходить в день. Когда гонишь, не успеваешь ничего увидеть. Послезавтра будем в Монтерее, на следующий день, если хочешь, в Пало Альто.

Женщина развязала ярко-жёлтые ленты широкополой соломенной шляпы, сняла её с золотистых волос и, покрытая лёгкой испариной, отошла от машины. Они столько ехали без остановки на трясучей дрезине, что всё тело пропиталось

её ровным ходом. Теперь, когда машина остановилась, было какое-то странное чувство, словно с них сейчас снимут оковы.

— Давайте есть!

Мальчик бегом отнёс корзинку с припасами на берег. Мать и сын уже сидели перед расстеленной скатертью, когда мужчина спустился к ним; на нём был строгий костюм с жилетом, галстук и шляпа, как будто он ожидал кого-то встретить в пути. Раздавая сэндвичи и извлекая маринованные овощи из прохладных зелёных баночек, он понемногу отпускал галстук и расстёгивал жилет, всё время озираясь, словно готовый в любую секунду опять застегнуться на все пуговицы.

— Мы одни, папа? — спросил мальчик, не переставая жевать.

— Да.

— И больше никого, нигде?

— Больше никого.

— А прежде на свете были люди?

— Зачем ты всё время спрашиваешь? Это было не так уж давно. Всего несколько месяцев. Ты и сам помнишь.

— Плохо помню. А когда нарочно стараюсь припомнить, и вовсе забываю. — Мальчик просеял между пальцами горсть песка. — Людей было столько, сколько песка тут на пляже? А что с ними случилось?

— Не знаю, — ответил мужчина, и это была правда.

В одно прекрасное утро они проснулись и мир был пуст. Висела бельевая верёвка соседей, и ветер трепал ослепительно белые рубашки, как всегда поутру блестя машины перед коттеджами, но не слышно ничьего «до свидания», не гудели уличным движением мощные артерии города, телефоны не вздрагивали от собственного звонка, не кричали дети в чаще подсолнечника.

Лишь накануне вечером он сидел с женой на террасе, когда принесли вечернюю газету, и даже не развёртывая её, не глядя на заголовки, сказал:

— Интересно, когда мы ему осточертеем и он всех нас выметет вон?

— Да, до чего дошло, — подхватила она. — И не остановишь. Как же мы глупы, правда?

— А замечательно было бы... — Он раскурил свою трубку. — Проснуться завтра, и во всём мире ни души, начинай всё сначала!

Он сидел и курил, в руке сложенная газета, голова откинута на спинку кресла.

— Если бы можно было сейчас нажать такую кнопку, ты бы нажал?

— Наверно, да, — ответил он. — Без насилия. Просто всё исчезнет с лица земли. Оставить землю и море, и всё, что растёт, — цветы, траву, плодовые деревья. И животные тоже пусть остаются. Всё оставить, кроме человека, который охотится, когда не голоден, ест, когда сыт, жесток, хотя его никто не задевает.

— Но мы-то должны остаться. — Она тихо улыбнулась.

— Хорошо было бы. — Он задумался. — Впереди — сколько угодно времени. Самые длинные каникулы в истории. И мы с корзиной припасов, и самый долгий пикник. Только ты, я и Джим. Никаких сезонных билетов.

Не нужно тянуться за Джонсами. Даже автомашины не надо. Придумать какой-нибудь другой способ путешествовать, старинный способ. Взять корзину

с сэндвичами, три бутылки шипучки, дальше, как понадобится, пополнять запасы в безлюдных магазинах в безлюдных городах, и впереди нескончаемое лето...

Долго они сидели молча на террасе, их разделяла свёрнутая газета.

Наконец она сказала:

— А нам не будет одиноко?

Вот каким было утро нового мира. Они проснулись и услышали мягкие звуки земли, которая теперь была просто-напросто лугом, города тонули в море травы-муравы, ноготков, маргариток, вьюнков. Сперва они приняли это удивительно спокойно, должно быть потому, что уже столько лет не любили город и позади было столько мнимых друзей, и была замкнутая жизнь в уединении, в механизированном улье.

Муж встал с кровати, выглянул в окно и спокойно, словно речь шла о погоде, заметил:

— Все исчезли.

Он понял это по звукам, которых город больше не издавал.

Они завтракали не торопясь, потому что мальчик ещё спал, потом муж выпрямился и сказал:

— Теперь мне надо придумать, что делать.

— Что делать? Как... разве ты не пойдёшь на работу?

— Ты всё ещё не веришь, да? — Он засмеялся. — Не веришь, что я не буду каждый день выскакивать из дому в десять минут девятого, что Джиму больше никогда не надо ходить в школу. Всё, занятия кончились, для всех нас кончились! Больше никаких карандашей, никаких книг и кислых взглядов босса! Нас отпустили, милая, и мы никогда не вернёмся к этой дурацкой, проклятой, нудной рутине. Пошли!

И он повёл её по пустым и безмолвным улицам города.

— Они не умерли, — сказал он. — Просто... ушли.

— А другие города?

Он зашёл в телефонную будку, набрал номер Чикаго, потом Нью-Йорка, потом Сан-Франциско. Молчание. Молчание. Молчание.

— Все, — сказал он, вешая трубку.

— Я чувствую себя виноватой, — сказала она. — Их нет, а мы остались. И... я радуюсь. Почему? Ведь я должна горевать.

— Должна? Никакой трагедии нет. Их не пытали, не жгли, не мучали. Они исчезли и не почувствовали этого, не узнали. И теперь мы ни перед кем не обязаны. У нас одна обязанность — быть счастливыми. Тридцать лет счастья впереди, разве плохо?

— Но... но тогда нам нужно заводить ещё детей?

— Чтобы снова населить мир? — Он медленно, спокойно покачал головой. — Нет. Пусть Джим будет последним. Когда он состарится и умрёт, пусть мир принадлежит лошадям и коровам, бурундукам и паукам. Они без нас не пропадут. А потом когда-нибудь другой род, умеющий сочетать естественное счастье с естественным любопытством, построит города, совсем не такие, как наши, и будет жить дальше. А сейчас уложим корзину, разбудим Джима и начнём наши тридцатилетние каникулы. Ну, кто первым добежит до дома?

Он взял с маленькой дрезины кувалду, и пока он полчаса один исправлял ржавые рельсы, женщина и мальчик побежали вдоль берега. Они вернулись с горстью влажных ракушек и чудесными розовыми камешками, сели, и мать стала учить сына, и он писал карандашом в блокноте домашнее задание, а в полдень к ним спустился с насыпи отец, без пиджака, без галстука, и они пили апельсиновую шипучку, глядя, как в бутылках, теснясь, рвутся вверх пузырьки. Стояла тишина. Они слушали, как солнце настраивает старые железные рельсы. Солёный ветер разносил запах горячего дегтя от шпал, и мужчина легонько постукивал пальцем по своему карманному атласу.

— Через месяц, в мае, доберёмся до Сакраменто, оттуда двинемся в Сиэтл. Пробудем там до первого июля, июль хороший месяц в Вашингтоне, потом, как станет холоднее, обратно, в Йеллоустон, несколько миль в день, здесь поохотимся, там порыбачим...

Мальчику стало скучно, он отошёл к самой воде и бросал палки в море, потом сам же бегал за ними, изображая учёную собаку.

Отец продолжал:

— Зимуем в Таксоне, в самом конце зимы едем во Флориду, весной — вдоль побережья, в июне попадём, скажем, в Нью-Йорк. Через два года лето проводим в Чикаго. Через три года — как ты насчёт того, чтобы провести зиму в Мехико-Сити? Куда рельсы приведут, куда угодно, и если нападём на совсем неизвестную старую ветку — превосходно, поедем по ней до конца, посмотрим, куда она ведёт. Когда-нибудь, честное слово, пойдём на лодке вниз по Миссисипи, я об этом давно мечтал. На всю жизнь хватит, не маршрут — находка...

Он смолк. Он хотел уже захлопнуть атлас неловкими руками, но что-то светлое мелькнуло в воздухе и упало на бумагу. Скатилось на песок, и получился мокрый комочек.

Жена глянула на влажное пятнышко и сразу перевела взгляд на его лицо. Серьёзные глаза его подозрительно блестели. И по одной щеке тянулась влажная дорожка.

Она ахнула. Взяла его руку и крепко сжала.

Он стиснул её руку и, закрыв глаза, через силу заговорил:

— Хорошо, правда, если бы мы вечером легли спать, а ночью всё каким-то образом вернулось на свои места. Все нелепости, шум и гам, ненависть, все ужасы, все кошмары, злые люди и бестолковые дети, вся эта катавасия, мелочность, суета, все надежды, чаяния и любовь. Правда, было бы хорошо?

Она подумала, потом кивнула.

И тут оба вздрогнули.

Потому что между ними (когда он пришёл?), держа в руке бутылку из-под шипучки, стоял их сын.

Лицо мальчика было бледно. Свободной рукой он коснулся щеки отца, там, где оставила след слезинка.

— Ты... — сказал он и вздохнул. — Ты... Папа, тебе тоже не с кем играть.

Жена хотела что-то сказать.

Муж хотел взять руку мальчика.

Мальчик отскочил назад.

— Дураки! Дураки! Глупые дураки! Болваны вы, болваны!

Сорвался с места, сбежал к морю и, стоя у воды, залился слезами.

Мать хотела пойти за ним, но отец её удержал.

— Не надо. Оставь его.

Тут же оба оцепенели. Потому что мальчик на берегу, не переставая плакать, что-то написал на клочке бумаги, сунул клочок в бутылку, закупорил её железным колпачком, взял покрепче, размахнулся — и бутылка, описав крутую блестящую дугу, упала в море.

Что, думала она, что он написал на бумажке? Что там, в бутылке?

Бутылка плыла по волнам.

Мальчик перестал плакать.

Потом он отошёл от воды и остановился около родителей, глядя на них, лицо ни просветлевшее, ни мрачное, ни живое, ни убитое, ни решительное, ни отрешённое, а какая-то причудливая смесь, словно он примирился со временем, стихиями и этими людьми. Они смотрели на него, смотрели дальше, на залив и затерявшуюся в волнах светлую искорку — бутылку, в которой лежал клочок бумаги с каракулями.

«Он написал наше желание? — думала женщина. — Написал то, о чём мы сейчас говорили, нашу мечту?»

Или написал что-то своё, пожелал для себя одного, чтобы проснуться завтра утром — и он один в безлюдном мире, больше никого, ни мужчины, ни женщины, ни отца, ни матери, никаких глупых взрослых с их глупыми желаниями, подошёл к рельсам и сам, в одиночку, повёл дрезину через одичавший материк, один отправился в нескончаемое путешествие, и где захотел — там и привал.

Это или не это? Наше или своё?..»

Она долго глядела в его лишённые выражения глаза, но не прочла ответа, а спросить не решилась.

Тени чаек парили в воздухе, осеняя их лица мимолетной прохладой.

— Пора ехать, — сказал кто-то.

Они поставили корзину на платформу. Женщина покрепче привязала шляпу к волосам жёлтой лентой, ракушки сложили кучкой на доски, муж надел галстук, жилет, пиджак и шляпу, и все трое сели на скамейку, глядя в море, там, далеко, у самого горизонта, поблёскивала бутылка с запиской.

— Если попросить — исполнится? — спросил мальчик. — Если загадать — сбудется?

— Иногда сбывается... даже чересчур.

— Смотря чего ты просишь.

Мальчик кивнул, мысли его были далеко.

Они посмотрели назад, откуда приехали, потом вперёд, куда предстояло ехать.

— До свиданья, берег, — сказал мальчик и помахал рукой.

Дрезина покатила по ржавым рельсам. Её гул затих и пропал. Вместе с ней вдали, среди холмов, пропали женщина, мужчина, мальчик.

Когда они скрылись, рельсы минуты две тихонько дребезжали, потом смолкли. Упала ржавая чешуйка. Кивнул цветок.

Море сильно шумело.

1. Брэдбери рисует картину мира, из которого несколько месяцев назад ушли люди. Что заставило их уйти? Что же происходит с оставшимися? Можно ли быть счастливыми без людей и без привычных дел?
2. О каком мире мечтают отец и мать из этой маленькой семьи? Как строят они свои жизненные планы? Почему заплакал муж и пожелал вернуть всё назад: и людей, и суету, и работу, и надежды, и любовь?
3. Как вы определите смысл рассказа, его название? Что волнует писателя и от чего предостерегают людей его произведения?
4. Как вы думаете, о чём написал мальчик в записке? Почему мать боялась, что в записке сына — не их мечта?

Аркадий Стругацкий

(1925–1991)

Борис Стругацкий

(1933–2012)

Братья Стругацкие — российские писатели, соавторы, сценаристы, классики современной научной и социальной фантастики.

Повесть о дружбе и недружбе

Ровно в девятнадцать ноль-ноль тридцать первого декабря прошлого года Андрей Т. лежал в постели и с покорной горечью размышлял о прошлом, настоящем и будущем. Как легко подсчитать, до Нового года оставалось всего пять часов, но никаких радостей это обстоятельство Андрею Т. не сулило, ибо он не просто лежал (смешно думать, что ему вдруг захотелось в последние часы Старого года поваляться под одеялом), а соблюдал постельный режим: горло его было завязано и болело.

Андрей Т. лежал в постели и с покорной горечью раздумывал о том, какой он всё-таки невезучий человек. Весь его огромный опыт, накопленный за четырнадцать лет жизни, свидетельствовал об этом с прямо-таки болезненной несомненностью.

Например, стоило человеку по какой-либо причине (пусть даже неуважительной, не в этом дело) не выучить географии, как его неумолимо вызывали отвечать — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Стоило человеку забраться в стол к старшему брату-студенту (совершенно случайно, ничего дурного не имея в виду), как там оказывалась наводящая изумление японская электронная машинка, которая тут же незамедлительно выскакивала из рук и с треском падала на пол. Опять же с вытекающими последствиями. Стоило человеку проесть с трудом обретенный рубль на мороженом (сливочный, шоколадный и фруктовый шарик

в соответствующем сиропе), как буквально в двух шагах от кафе обнаружился книгоноша, распродающий последние экземпляры «Зарубежного детектива».

Да, удачи не было. Удача кончилась три года назад, когда человеку подарили к дню рождения лотерейный билет и он выиграл на этот билет будильник.

Однако даже невезение должно иметь какие-то пределы. Заболеть ангиной за несколько часов до Нового года — это уже не просто невезение. Это уже судьба. Рок.

Закон бутерброда, сказал папа. Очень может быть. Папа нередко высказывает вполне здравые мысли. Насчёт закона бутерброда он впервые высказался ещё на заре времён, года три назад. Андрей Т. решил тогда, что бутерброд в данном случае является именем крупного немецкого учёного и пишется через два «т». Он даже вписал этого Буттерброда в кроссворд вместо Гейзенберга, чем повергнул старшего брата в неопишное и оскорбительное веселье. Много воды утекло с тех пор, и много бутербродов вывалилось из рук на пол, на тротуар и просто на сырую землю, прежде чем Великий Закон утвердился в сознании Андрея Т. во всей своей непреклонной определённости: бутерброд всегда падает маслом (ветчиной, сыром, вареньем) вниз, и нет от этого спасения.

Нет от этого спасения.

Если человек дал Милке Пономарёвой списать контрольную, человеку ставят «банан» за то, что он списал контрольную у Милки.

Если человек тихо и никому не мешая пристроился к телевизору насладиться одним из семнадцати мгновений весны, человека поднимают, напяливают на него смиренный парадный костюм и ведут на именины к бабушке Варе, которая не держит телевизора из принципа.

И уж если человек, изнемогший от географии и литературы, взлелеял в душе чистую мечту провести праздник Нового года и заслуженные каникулы в Грибановской караулке, — всё, пиши пропало: человека поражает фолликулярная ангина, и пусть он ещё спасибо скажет, что это не чума, не проказа и не стригущий лишай...

В девятнадцать ноль-пять с целью выяснить, не изменилось ли положение к лучшему, Андрей Т. произвёл экспериментальный глоток всухую. Положение не изменилось, горло болело. Зря, выходит, поедал он отвратительные горькие порошки, полоскал многострадальные голосовые связки мерзкими растворами, терпел на шее колючую шерстяную повязку. Может быть, маме следовало послушаться бабушку Варю и обложить шею очищенными селедками? В глубине души Андрей Т. знал, что и эта крайняя мера не привела бы ни к чему. Пропала новогодняя ночь, пропали каникулы, пропало всё то, ради чего он жил и работал последний месяц второй четверти. Сознать это было столь невыносимо, что Андрей Т. повернулся на спину и разрешил себе испустить негромкий стон. Это был стон мужественного человека, попавшего в западню. Стон обречённого звездолётчика, падающего в своем разбитом корабле в чёрные пучины пространства, откуда не возвращаются. Словом, это был душераздирающий стон.

А папа и мама находились уже, вероятно, на месте, в окрестностях Грибановской караулки, где так удивительно отсвечивают в отблесках костра пушистые сугробы, где отягощённые снегом лапы огромных елей и сосен отбрасывают таинственные тени, где можно рыть тоннели в снегу, носиться по лесу, издавая воинственные

кличи, а потом, забравшись на печку, слушать смех и споры взрослых и песни старшего брата-студента под гитару...

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что скоропостижная ангина у Андрея Т. едва не нарушила эту традиционную семейную вылазку. Сначала мама решительно высказалась в том смысле, что раз так, то она, мама, останется с Андрюшенькой и ни в какую Грибановскую караулку не поедет. Сейчас же, не желая уступать ей в великодушии, в том же смысле высказался и папа. И даже брат-студент, совершенно лишённый родственных чувств, особенно когда это касалось малокалиберной винтовки, двенадцатикратного бинокля и упоминавшейся уже японской вычислительной машинки, и тот вызвался провести новогоднюю ночь «у скорбного одра», как он выразился, имея в виду, вероятно, постель больного. Положение спас дедушка. Узнав в последнюю минуту о неприятности, он явился и выгнал всех из дому, после чего подмигнул Андрею Т. и устроился в соседней комнате шелестеть газетами и мурлыкать под нос «Ой на гори тай жнецы жнуть...». Авторитетный человек дедушка, подполковник в отставке и депутат, но многого не понимает.

В девятнадцать ноль-восемь Андрей Т. произвёл второй экспериментальный глоток всухую. Положение оставалось прежним. Тогда Андрей Т. спустил ноги с кровати, нашарил тапочки и потащился в ванную полоскать предательское горло раствором календулы в тёплой воде. Задрав голову и уставив в потолок бессмысленный взгляд, клокоча и булькая, он продолжал размышлять. Собственно, что такое мужество? Мужество — это когда человек не сдаётся. Бороться и искать, найти и не сдаваться. Когда у человека ангина, бороться и искать невозможно, остаётся одно: не сдаваться. Например, можно послушать приемник. Можно тщательно и со вкусом перелистать альбом с марками. Есть новенький сборник научной фантастики. Есть старенький томик «Трёх мушкетеров». На худой конец, есть кот Мурзила, которого давно пора потренировать на вратаря. Нет, мужественный человек, даже больной до беспомощности, всегда найдет себе применение. Кстати, дедушка до сих пор не обучен играть в «балду».

Мир немного посветлел. Андрей Т. поставил пустой стакан на полку и вышел в прихожую. А выйдя в прихожую, он увидел на столике под зеркалом телефон. А увидя телефон, он остановился как громом поражённый. Просто непостижимо, что такая простая вещь не пришла ему в голову раньше. Старый верный друг Генка — вот кто ему нужен! Конечно, он тоже ничем не поможет, но с ним можно говорить как равный с равным, сдержанно-мужественно посетовать на судьбу и услышать в ответ сдержанно-мужественные слова утешения и участия. Андрей Т. схватил трубку и набрал номер.

Подошёл сам Генка-Абрикос, шумно выразил радость и спросил, как там у них в Грибановской караулке. Андрей Т. ответил, что ни в какой он не в Грибановской караулке, а дома, и сдержанно-мужественным голосом поведал другу о своей фолликулярной ангине и о своём одиночестве. После этого Генка-Абрикос тридцать секунд молчал, соображая, и вдруг сказал:

— Не тушуйся, старик. Не пропадём. Ровно в девять буду у тебя. Погоняем в автодром и вообще.

У Андрея Т. на миг даже спёрло дыхание.

— Что? — спросил он растерянно.

— Жди меня ровно в девять, — сдержанно-мужественным тоном произнес друг Генка по прозвищу Абрикос. — Привет.

И в трубке запищали короткие гудки.

Мир не просто посветлел. Мир засиял. Андрей Т. представил себе, как Генка вваливается в эту вот дверь — огромный, толстощёкий, с автодромом под мышкой и пахнущий праздничными мандаринами и морозом, и как он бубнит, раздеваясь: «Не отпускали нипочём, а я им говорю: «А ну вас к лешему совсем, говорю, там Андрюха лежит бездыханный, а вы меня держите...» Да. Генка. Верный друг. Абрикос. Андрей Т. осторожно передохнул, положил трубку и помигал, потому что у него подозрительно щипало глаза. Друг. Да.

Он вернулся в постель и забрался под одеяло. Собственно, особенно удивляться или умиляться здесь нечего. Настоящая мужская дружба превыше всего. Сам Андрей Т. тоже не колебался бы ни минуты, а уж Генка и подавно. Он ведь человек действия, Генка-Абрикос, он идет на помощь другу не задумываясь. Как-то весенним вечером компания недорезанных басмачей из соседней школы окружила Андрея на тёмной окраине парка Победы и после краткого выяснения, кто есть кто, принялась не больно, но унизительно лупить его сумками со спортивным барахлом. И тут появился Генка-Абрикос. Он ворвался в круг, разя направо и налево своими чудовищными граблями, и противник пришел в замешательство. Правда, в конце концов обработали их обоих основательно, но отступили они хоть и в беспорядке, однако с честью. Такое не забывается...

И Андрей Т. весело крикнул:

— Дедушка! Иди сюда, мне одному скучно!..

Было девятнадцать часов двадцать одна минута.

В двадцать сорок семь, когда Андрей Т., рассеянно вертя в пальцах пленённую ладью, раздумывал над очередным ходом, дедушка в кресле расслабился, поник седой головой и негромко захрапел. Андрей Т. поглядел на него, откинулся на подушки и стал ждать. Несомненно, Генка-Абрикос должен был явиться с минуты на минуту.

В двадцать один тридцать четыре Андрей Т. поднялся и на цыпочках направился в ванную. Друга Генки всё ещё не было. Покончив с раствором календулы, Андрей Т. в задумчивости поглядел на телефон, но сдержался и снова вернулся в постель. «Мало ли что...» — туманно подумалось ему.

В двадцать один пятьдесят три Андрей Т. отшвырнул сборник научной фантастики и сел, обхватив колени руками. Дедушка спал в кресле напротив, закинув голову и явственно похрапывая. Кот Мурзила в позе Багиры, чёрной пантеры, предавался дреме на бездействующем телевизоре. На табуретке возле кровати безмолвствовал Андреев любимец и мученик, радиоприёмник второго класса «Спидола», он же Спиха, он же Спиридон, он же Спидлец этакий, в зависимости от состояния эфира и настроения. А Геннадий М. по прозвищу Абрикос так и не пришёл.

Андрей Т. мрачно нахмурился. Ему было неудобно, неприятно, тревожно. Саднило горло. Свет в комнате то притухал, то разгорался до ослепительного блеска. Чтобы рассеяться, Андрей взял Спиху и повернул верньер до щелчка. Зашуршала несущая частота, пробила какая-то неясная музыка. И вдруг послышался знакомый голос. Явственный, хотя и слегка приглушённый голос Генки-Абрикоса отчётливо произнёс:

— Андрюха... Андрюха... Ты меня слышишь?.. Андрюха... Пропадаю, старик... На помощь...

Андрей Т. распрямился, как стальная пружина. Он в смятении огляделся. Он за-тряс головой. Он сделал глоток всухую и не почувствовал боли. Шуршала несущая частота, и Спидлец монотонно раз за разом повторял голосом Генки-Абрикоса:

— Ты меня слышишь?.. Андрюха... Андрюха... На помощь, старик, пропадаю... Андрюха... Ты меня слышишь?..

Не надо скрывать: Андрей Т. растерялся. Да и кто бы не растерялся на его месте? Каким это таким образом Генку-Абрикоса вдруг занесло в мировой эфир? Что с ним случилось? Где он находится? Не сводя глаз со шкалы диапазонов, Андрей Т. робко осведомился:

— Генка, ты где?

Спиридон всё продолжал взывать к нему о помощи голосом Генки-Абрикоса, но тут что-то произошло со шкалой диапазонов. Она озарилась зеленоватым мерцающим сиянием и превратилась в дисплей, как на японской вычислительной машинке старшего брата, а по дисплею побежали справа налево светящиеся слова. Андрей читал, обмирая: ЕСЛИ ХОЧЕШЬ СПАСТИ НЕОБХОДИМО УСПЕТЬ ДО ПОЛУНОЧИ ХОД НА КУХНЕ У ХОЛОДИЛЬНИКА ЕСЛИ ХОЧЕШЬ СПАСТИ НЕОБХОДИМО УСПЕТЬ ДО ПОЛУНОЧИ ХОД НА КУХНЕ У ХОЛОДИЛЬНИКА ЕСЛИ ХОЧЕШЬ СПАСТИ...

Дзынь! Всё исчезло, погасли бегущие слова, шкала снова стала шкалой, и монотонный голос Генки-Абрикоса оборвался на полуслове.

— Так! — громко произнес Андрей Т. — вот оно, значит, что!

Собственно, он по-прежнему понимал мало. Ясно было только, что старый верный друг Генка попал в какую-то непостижимую беду, что поспеть к нему на помощь требуется до полуночи и... Что это там было насчёт какого-то хода у холодильника? Андрей Т. отлично знал, что никакого хода у холодильника нет, а есть там по сторонам холодильника два белых кухонных шкафчика. И если даже ход этот есть, то вести он должен в лучшем случае прямо в морозное вечернее пространство на высоте пятого этажа. Да, было о чём подумать и было что взвесить, и Андрей Т. принялся обдумывать и взвешивать, как вдруг Спиха тихонько, но необыкновенно явственно сыграл начальные такты старой славной песенки:

— К другу на помощь! Вызволить друга
Из кабалы и тюрьмы!..

И Андрея Т. мгновенно бросило в жар. Генка-Абрикос не обдумывал и не взвешивал тогда весной в тёмных аллеях парка Победы. Не обдумывал и не взвешивал, когда узнал о фолликулярной ангине и одиночестве два часа назад... Андрей Т. взглянул на светящийся циферблат над головой. Чёрные стрелки показывали двадцать два часа одиннадцать минут. Андрей Т. огляделся. Дедушка мирно похрапывал в своём кресле, покойно сложив на животе руки. Кот Мурзила на телевизоре, не поднимая головы, медленно распахнул свои глазищи, сверкнувшие зелёным. Андрей Т. решительно спустил ноги с кровати.

Стараясь двигаться по возможности бесшумно, он облачился в тренировочный костюм, весьма кстати висевший тут же на спинке стула, и пробрался в прихожую. Несомненно, предстояла экспедиция, и подготовиться следовало тщательно. Андрей Т. натянул шерстяные носки и обулся в зимние ботинки. Затем он надел лыжную куртку, застегнул «молнию» до повязки на горле и подхватил в качестве оружия складной металлический штатив для фотоаппарата, тяжёлый и прикладистый, как дубина былинного витязя. Прикидывая боевой штатив в правой руке, он не без удивления обнаружил в левой любимую «Спидолу». Это было довольно странно: откуда взялся приёмник в левой руке, которой он только что застёгивал «молнию»? И коли уж на то пошло, откуда здесь взялся этот штатив? Это же не наш штатив, у нас нет штатива, у нас никогда не было штатива... Но времени удивляться и размышлять не было, настала минута действия. Двадцать первая минута одиннадцатого.

Ход у холодильника Андрей Т. увидел прямо с порога кухни. Оказывается, кухонный шкафчик справа от холодильника примыкал к нему не вплотную, а отстоял от него сантиметров на сорок, и в стене между ними красовалась прямоугольная зияющая дыра в рост невысокого человека. И дыра эта являла вид настолько непривлекательный, что Андрей Т. в нерешительности остановился. Ему представились скользкие выщербленные ступени, ведущие в зловонное подземелье, ржавые крючья в стенах, норовящие угодить в глаз, и ещё какие-то серые, мохнатые, копошащиеся, с горящими красноватыми глазками...

Андрей Т. никогда не был трусом. Просто иногда он ратовал за разумную осторожность. Вот и сейчас он отчётливо понял, что минута действия временно прекратила течение своё и уступила место минуте здравого смысла. Перед нами как будто подземелье? Отлично. В таком случае не следует ли заняться сначала изготовлением смоляного факела? Не следует ли сменить зимние ботинки на болотные, скажем, сапоги? И вообще не пора ли вовлечь в события дедушку, боевого офицера, имеющего, кстати, опыт преследования врага в тоннелях берлинского метро? Или ещё лучше — позвонить замечательному человеку, классному руководителю Константину Павловичу, бывшему танкисту и кавалеру ордена Славы...

Известно, что есть лишь один способ делать дело и множество способов от дела уклоняться, так что трудно сказать, как бы всё обернулось в дальнейшем, но тут Спиха, Спидлец этаким, вновь тихонько проиграл начальные такты славной мушкетёрской песенки, и Андрея Т. вновь бросило в жар. С пронзительной откровенностью признался он самому себе, что и сапоги болотные резиновые, и факелы смоляные коптящие, и всякие иные причиндалы, могущие ещё прийти ему в голову, есть не что иное, как чушь несусветная и отговорки. Что стыдно ему, здоровенному (пусть даже слегка больному) парню, прятаться за спину ветерана великой войны. И что вообще топтаться без толку между холодильником и кухонным шкафчиком в то время, как друг Генка погибает и ждёт помощи, попросту постыдно. И он ринулся вперёд и нырнул в зияющую дыру.

Он был приятно разочарован. Не оказалось там ни осклизлых ступеней, ни ржавых крючьев, ни спящих крыс. Оказался там длинный коридор казённого вида, тускло освещённый пыльными лампами под жестяными абажурами с отбитой эмалью. Пахло канцелярией, на оштукатуренных стенах мотались под сквозняком приклепанные бумажки с выцветшими машинописными текстами. Бросался

в глаза странный призыв: «Тов. пенсионеры! Просьба не курить, не сорить и не шуметь!» Справа и слева вдоль коридора тянулись ряды обшарпанных дверей с тёмными пятнами возле ручек, и каждую дверь украшала надпись, как правило грозная и в повелительном наклонении: «Не стучать!», «Не зевать по сторонам!», «Не сметь!» И даже «Миновать быстро и не оглядываться!»

Андрей Т. шёл медленно, машинально читал надписи и думал, за какой дверью надо искать Генку, и вдруг ему пришло в голову, что ведь совершенно непонятно, куда ведёт этот коридор, — по всем расчётам, он должен был с самого начала пронизать стену дома, пройти над улицей и вонзиться в балконы кинотеатра «Космос». Озадаченный этой мыслью, он даже остановился и тут же обнаружил, что коридор кончился. Впереди был тупик, и в тупике были две двери — последние. Надпись на левой двери гласила с вызовом: «Для смелых». Надпись на правой двери снисходительно ухмылялась: «Для не очень».

Андрей Т. сдвинул брови и погрузился в самоанализ.

Скромность требовала признать, что со смелостью у нас обстоит не так чтобы очень. Правда, в первой четверти Андрей Т. взобрался по пожарной лестнице до пятого этажа. Но по возвращении на твёрдую почву у него так тряслись руки и ноги, что взыскательные наблюдатели это заметили, и пришлось соврать, будто на него напал приступ застарелой болезни Паркинсона (за многими делами он так и не удосужился выяснить, есть ли такая болезнь на самом деле, и если есть, то болеют ли ею люди). Словом, скромность утверждала, что избрать следует правую дверь, и Андрей Т. послушался. Он решительно отворил дверь с надписью «Для не очень».

Так. За дверью была знакомая комната. В знакомом кресле похрапывал знакомый дедушка, на знакомом телевизоре жмурился знакомый кот, со знакомой кровати свешивалось знакомое одеяло.

Андрей Т. решительно закрыл дверь. Скромность, конечно, скромностью, но не такой же ценой! Впрочем, не беда, ничего не потеряно. И в конце концов, избрав сначала правую дверь, он поступил по крайней мере честно, а как известно, «честность — это больше, чем смелость, это мужество!» (из запоздалой речи бабушки Вари по поводу сокрытия двойки по поведению за совершение некоего смелого поступка на уроке по рисованию). Что ж, придётся быть не только честным, но и смелым, вот и всё. Андрей Т. перешёл к левой двери, стиснул зубы покрепче и толчком отворил её.

Ничего особенного. Открылся тоннель с кирпичными стенами, низкий, сыроватый, но вполне опрятный и тихий. Цементный пол. На полу виднеются следы, оставшиеся, видимо, ещё с тех времен, когда цемент не схватился. Гм. Странные следы. Не Генкины. Гм. Похоже, здесь проходила лошадь. Копыта. Гм...

Андрей Т. продвигался по тоннелю с некоторой опаской, стараясь жаться к стенам, подальше от странных следов. Он был готов ко всему, но ничего пока не происходило. Мало-помалу он приободрился, он уже и вправду ощущал себя не только мужественным, но и смелым. Спиридон, кажется, тоже пришёл в хорошее настроение. Во всяком случае, он принялся напевать вполголоса: «Наши жёны — пушки заряжены, вот кто наши жёны...»

Внезапно стены тоннеля раздались, вспыхнул яркий свет множества ламп дневного света, засверкал и заискрился белый и чёрный кафель. Андрей Т. остановился и

зажмурил глаза от слепящего блеска. Когда же он разжмурился, то увидел, что стоит на самом краю плавательного бассейна.

Да, это был самый обыкновенный плавательный бассейн, точно такой же, в каком Андрей Т. некогда сдавал нормы ГТО, — выложенный кафелем, шириною метров в десять и метров пятьдесят в длину.

Ясно было, что дальнейший путь к бедствующему Генке-Абрикосу лежит через широкий дверной проём на противоположной стороне бассейна, темнеющий за лёгкой пеленой струйчатого пара. Ясно было также, что обойти бассейн невозможно, потому что кромка пола между его боковыми краями и стенами по-дурацки узкая и вдобавок наклонена градусов этак на сорок пять, с альпинистскими шипами не удержишься. «Придётся вплавь или вброд», — подумал с неудовольствием Андрей Т. и тут только обнаружил, что в бассейне нет ни капли воды.

Это было как нельзя более кстати. Пожалуй, даже слишком. Если судьба бросает под ноги заведомо смелому человеку сухие бассейны, то надлежит смотреть в оба. Андрей Т. посмотрел в оба, и то, что он увидел, очень ему не понравилось. По всему пространству бассейна на чистом сухом кафеле были разбросаны какие-то заскорузлые тряпки и иные предметы столь же неопрятной сущности. Андрей Т. разглядел продранный шерстяной носок, старую футболку с номером, обтрёпанные брюки, вывернутый наизнанку тулуп, ржавый велосипедный насос и череп. При виде черепа сердце Андрея Т. подскочило к горлу: «Генкин!» Но он тут же вздохнул с облегчением: череп был коровий, из их школьного зоологического кабинета.

Несколько секунд Андрей Т. колебался, хотя отлично понимал, что бассейна этого ему не миновать. Он поднял глаза. Чёрные стрелки на светящемся циферблате показывали двадцать два часа тридцать семь минут. Время поджимало. Андрей Т. поколебался ещё три секунды и решительно спрыгнул на кафельное дно.

Оказавшись в бассейне, он торопливо зашагал к противоположному краю, который вдруг словно бы отодвинулся куда-то в невероятную даль. Сначала он шагал просто торопливо, потом зашагал быстро, потом очень быстро и, наконец, пустился бегом во все лопатки.

Нет, не зря коварная судьба устроила этот бассейн на его пути! И подозрительные тряпки с черепами оказались в этом бассейне, надо думать, не случайно! Не успел Андрей Т. пробежать и половины расстояния до края, как в уши его ударил глухой клокочущий рёв. Со всех четырёх сторон сразу из каких-то невидимых труб хлынули в бассейн свирепые потоки мутной вспененной воды, исходящей паром как бы от сдерживаемого бешенства.

Отступать было бессмысленно, это Андрей Т. понял сразу. Оставалось наступать. И, вспомнив свои былые успехи на стометровке, он дёрнул вперед с таким рвением, как будто твёрдо поставил себе целью перекрыть все олимпийские рекорды Валерия Борзова. Возможно даже, что он и перекрыл бы эти рекорды, но он не успел. Мутные волны набросились на него, ударили по ногам и окатили с головой.

— Ай-яй-яй-яй-я-а-ай! — взывал в ужасе Спиха латиноамериканским голосом.

— Вр-р-решь! — прорычал Андрей Т.

Мутные пенистые валы тщились опрокинуть и утопить его, но он неудержимо рвался вперёд, похожий теперь уже не на Валерия Борзова, а на скоростной скутер, идущий на редане.

Потом дно ушло у него из-под ног, он бросил на произвол судьбы боевой штатив, поднял Спиридона повыше над головой и поплыл. Он отчаянно работал ногами и отчаянно загребал правой рукой, он ничего не видел сквозь бурлящую пену и клубящийся пар, в ушах стоял рёв волн, прорезаемый отчаянным свистом Спиридона, а он всё загребал правой и отрабатывал ногами, загребал и отрабатывал, загребал и отрабатывал целую вечность, пока не врезался в противоположную стенку бассейна с такой силой, что загудело во всем теле — от травмированной макушки до самых пяток.

Через минуту он стоял наверху, на сухом полу, выложенном чёрным и белым кафелем. Он стоял и пошатывался от пережитых волнений, с него текло, он всё ещё держал своего Спиридона высоко над головой и с тупым интересом смотрел, как вода в бассейне, по-прежнему пенясь и исходя паром, уходит в невидимые трубы. И вот уже обнажилось дно, и снова появилось на свет неопрятное тряпье вперемешку с ржавым хламом, только теперь среди всех этих старых штанов и костей сиротливо блестел под лампами дневного света боевой штатив для фотоаппарата.

— Всех не спасёшь, верно? — произнёс незнакомый голос.

Тут только Андрей Т. обнаружил рядом с собой некоего дядю. Был этот дядя в комбинезоне с лямками на голое загорелое тело, отличался изрядным ростом и чем-то очень напоминал соседа по лестничной площадке по прозвищу Конь Кобылыч. Голос у него был низкий и приятный, и смотрел он на Андрея Т. ласково и приветливо.

— Хорошо ещё, что сам жив остался, — продолжал он. — А ну раздевайся, давай обсушимся, да и подзаправиться не мешает...

Он в два счёта освободил Андрея от мокрой одежды, быстро и ловко развесил всё на горячих трубах парового отопления и набросил Андрею на голые плечи огромное тёплое мохнатое полотенце.

— Смелчак, смелчак... — приговаривал он при этом. — Если можно так выразиться, рыцарь без страха и упрёка... Молодец, ничего не скажешь...

Он усадил Андрея за уютный столик у стены, быстро и ловко выставил на скатерть большой кипящий чайник, пузатый заварочный чайник и цветастую чашку с блюдцем, затем присел к столику и сам.

— В здешних палестинах так нельзя, — говорил он с ласковой укоризною. — Здесь головой надобно работать, головой. А вы всё ногами норовите, ногами. Вот и хватили шилом патоки. Не-ет, не зная броду, не суйся в воду. А то ведь дурная голова покоя ногам не даст, нипочем не даст. Уж поверьте мне, кривой-то дорожкой ближе напрямик...

Андрей Т. слушал и давался диву, а между тем уже отхлёбывал из цветастой чашки крепкий чай с молоком и поедал нечто белое, пухлое, очень вкусное, в обычной жизни почти не бывающее, надо полагать — калач.

— Вы, мой огурчик, вступились в дело опасное и безнадёжное, — продолжал новоявленный Конь Кобылыч. — Вы и понятия не имеете, куда вас несёт. Вот миновали вы воду. Хорошо. Даже превосходно. А огонь? А медные трубы? Об этом вы подумали, луковка вы моя сахарная? Положим, что вам своей головы не жаль. Ну,

а о маме вы подумали? Подумали о мамочке своей? Не подумали. По глазам вижу, что не подумали, капуста вы моя белокочанная! А об отце?

Всё тот же огромный четырнадцатилетний опыт подсказывал Андрею, что подобные аргументы старших следует переносить молча и с наивозможно виноватым видом. Тем не менее Андрей Т. поставил чашку и произнёс с достоинством:

— Собственно, я ведь...

— Не подумали! — гаркнул Конь Кобылыч и подлил ему горячего из чайника и молочника. — Об отце вы тоже не подумали!

— Но ведь Генка...

Конь Кобылыч воздел руки над головой.

— Ну разумеется — Генка! — с горестной усмешкой воскликнул он. — Генка — прежде всего! Юбер аллес, если можно так выразиться. А мать пусть рвёт на себе волосы и валяется в беспамятстве! А отец пусть скрипит зубами от горя и слепнет от скупых мужских слез! Пусть! Главное, конечно, — это Генка!

Тут Спиридон, стоявший до того тихонько на краю стола, внезапно запел:

— Если друг оказался вдруг
И не друг, и не враг,
А так...

Конь Кобылыч протянул руку, щёлкнул верньером и поставил Спиридона под стол.

— Генка — только о нём мы и думаем днём и ночью, — горестно продолжал он. — Для него мы совершаем геройские подвиги вместо того, чтобы лишний раз взять в руки учебник по литературе. Дурака Генку спасти — вот это подвиг и ура, это не то что постараться на твёрдую четвёрку по литературе выползти... Как же — Генка!

Андрей Т. насупился. Конь Кобылыч при всём своём гостеприимстве и прочих приятных качествах был пустой болтун и больше ничего. Андрея так и подмывало повернуться к нему спиной и засвистеть маршик из «Моста через реку Квай». Всё, что он говорил о родителях и Генке, было глупо и несправедливо. Есть вещи, которые нельзя не делать несмотря ни на что. Например, люди идут сражаться за Родину. Или погибают, спасая женщин и детей. Или летят в космос. Да мало ли ещё? И нечего приплетать сюда родителей и, тем более, тройки по литературе. И нечего выключать Спиридона.

Андрей Т. решительно отодвинул чашку и встал.

— Спасибо, — сказал он. — Мне пора.

Конь Кобылыч приятно улыбнулся.

— Подкрепились? — осведомился он умильно.

— Подкрепился. Спасибо, — ответил Андрей Т.

— Пообсохли?

— Пообсох. Спасибо.

— Самочувствие нормальное?

— Нормальное.

— Ну, будем одеваться, когда так.

Андрей Т. принялся одеваться. Ему хотелось поскорее уйти, и ему была неприятна близость Коня Кобылыча, а тот вертелся вокруг и помогал натягивать, зашнуровывать,

застёгивать и одёргивать. Когда они застегнули последнюю «молнию» (на лыжной куртке, до повязки на горле), он отступил на шаг, полюбовался и сказал:

— Вот и ладненько. А теперь домой, к мамочке.

«Фиг тебе — к мамочке!» — злорадно подумал Андрей Т. Он достал из-под стола Спиридоном и взглянул на светящийся циферблат на стене. Двадцать три-ноль три.

— До свидания, — сказал он и направился к дверному проёму.

— Куда же вы? — вскричал Конь Кобылыч. — Вам не туда! Вам обратно!

— Туда, туда, — успокоительно сказал ему Андрей Т., не останавливаясь. — Туда, и не мимо!

— А как же мама? — вопил вслед Конь Кобылыч. — А медные трубы? Вы забыли про медные трубы!

Но Андрей Т. больше не откликался. Он на ходу повернул верньер до щелчка, и Спидлец немедленно взвыл: «Мы расстаёмся навсегда, пускай бегут года...»

Сразу за порогом широкого дверного проёма оказался тускло освещённый зал с зеркальным паркетом и с воздухом столь необыкновенно сложного состава, что уже на двадцати шагах ничего нельзя было различить за какой-то бесцветной дымкой. Однако сразу с порога же имела место уходящая по паркету дорожка чёрного дерева, и Андрей Т. понял, что опасность заблудиться ему не грозит. Он решительно зашагал по чёрным полированным квадратикам, стараясь отогнать расслабляющие воспоминания о своём подвиге в бассейне и о сладком чае с молоком и калачом. Он полагал, что главные испытания ещё впереди и к ним нужно быть морально готовым. Вскоре он достиг своего: слова Коня Кобылыча о медных трубах (а кстати, и об огне), вначале с пренебрежением забытые им, не шли больше у него из головы.

И вот в ту самую минуту, когда зловещие слова эти пустили особенно прочные корни в сознании Андрея, чёрная дорожка под его ногами вдруг раздвоилась. Две совершенно одинаковые чёрные дорожки поуже уходили в бесцветную дымку вправо и влево под углом в две трети «пи». Причём поперёк правой дорожки было большими белыми буквами написано: «Для умных», а поперёк левой — «Для не слишком».

Заложив руки со Спиридоном за спину, Андрей Т. стоял на распутье, и горькая мудрая усмешка стыла на его хорошо очерченных губах. Легко справившись с мальчишеским желанием выкрикнуть в пространство что-либо обидное и погрозить (в пространство же) кулаком, он произнёс короткий внутренний монолог:

— Не очень-то вы балуете нас разнообразием, господа! Выражаясь вульгарным жаргоном Пашки Дробатона, второй раз хохма — это уже не хохма. Нас опять ставят перед бесчестным выбором: либо забудь о своей скромности, либо отправляйся домой, к мамочке. Не выйдет, господа! Как говорит мой старший брат-студент: тривиально и лежит на поверхности. Легко видеть. Прости меня, моя скромность.

Криво усмехаясь (большое искусство, освоенное в своё время ценой двухчасового безобразного кривляния перед зеркалом в прихожей), Андрей Т. двинулся по дороге для умных. Впрочем, насилие, учинённое им над собственной скромностью, не очень угнетало его. Гораздо важнее было то, что никаких новых бассейнов со свирепыми водами и вообще никаких болезнетворных физических воздействий ожидать в ближайшем будущем, по-видимому, не приходилось. Ум есть ум, господа. Если мне и дадут, то, скорее всего, по мозгам, а уж это я как-нибудь переживу.

Дорога для умных оказалась на удивление короткой. Упиралась она, естественно, в обыкновенную дверь. Не тратя ни минуты времени и всё ещё храня на хорошо очерченных губах кривую усмешку, Андрей Т. взялся за ручку и потянул.

Андрей Т. остолбенел. За дверью была всё та же знакомая комната. В знакомом кресле храпел во все завёртки знакомый дедушка, на знакомом телевизоре валялся знакомый кот Мурзила, со знакомой кровати свешивалось знакомое одеяло. Андрей Т. тихонько закрыл дверь и тупо уставился на неё в упор. Вот, значит, что вы считаете умом. Умному, значит, дорога домой, в постельку. Ну, это мы тоже проходили. «Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт». А Генке, значит, там пропадать у вас? Нет уж, дудки! Андрей Т. произнёс в пространство несколько обидных слов, показал (в пространство же) сдвоенный кукиш и, повернувшись спиной к бесполезной двери, рысцой пустился обратно к развилке.

Дорога для не слишком умных оказалась значительно длиннее, и Андрей Т. уже начал беспокоиться, когда впереди в белёсой дымке замаячило какое-то мерцающее голубоватое пятно. Ещё минута хода на рысях, и он неожиданно для себя чуть ли не носом упёрся в прямоугольное матовое окно, вделанное в стену. Окно мерцало голубым неоновым огнём, а на матовом стекле было написано по вертикали большими красными буквами «Вход», причём рядом с надписью была изображена большая красная стрела, указывающая в небо.

Это был поистине странный указатель, но Андрей Т. так и не успел как следует удивиться, потому что сразу обнаружил рядом нечто вроде лестницы. Собственно, это и была лестница, только не из ступенек, а из вделанных в стену металлических скоб, покрытых зелёной масляной краской. Подобную лестницу Андрей Т. видел во время школьной экскурсии на шефский завод: там она (лестница, конечно, а не экскурсия) вела на самую верхотуру гигантской заводской трубы. Здесь лестница вела в белёсую дымку над головой и далее неведомо куда, потому что снизу были видны только первые шесть скоб.

Андрей Т. бросил взгляд на светящийся циферблат — ничего себе, уже четверть двенадцатого! — и стал искать, куда поставить Спиридона, ибо ясно было, что на этой, с позволения сказать, лестнице понадобятся все четыре конечности, а может быть, даже и зубы. Он уже решил было засунуть приемник в случившийся неподалёку чудовищный сервант без стёкол и без полок, но тут Спидлец вдруг затянул трясущимся тенором старинный душераздирающий романс:

— Не уходи! Побудь со мной ещё минутку!..

Андрей Т. в смущении остановился.

— Ты что это? — спросил он неискренне.

— Не уходи! Мне без тебя так будет жутко!.. — с рыданием в голосе объяснил Спиридон.

Сердце Андрея дрогнуло.

— Ну ладно, ладно тебе... — пробормотал он и принялся запихивать чувствительный аппарат за пазуху.

Спиридон уже вполголоса, но по-прежнему с рыданиями и истерическим надрывом сообщил: «И чтоб вернуть тебя, я буду плакать дни и ночи...» — после чего замолк, а Андрей Т. поплевал на ладони, крикнул для основательности и начал подъём.

Первые скобы он преодолел легко и даже не без лихости — пол был ещё виден, а в случае чего можно было бы просто спрыгнуть вниз. На десятой скобе пол исчез из виду, пришлось остановиться и перевести дух. К пятнадцатой скобе всё вокруг заволокло сплошной белёсой пеленой, и вдобавок возникло ощущение, будто стена начинает загибаться внутрь зала наподобие этакого свода. Девятнадцатая скоба шаталась, как молочный зуб, — именно здесь Андрей Т. смалодушничал и подумал, что следовало бы, пожалуй, вернуться вниз и всё досконально, тщательно обдумать и взвесить. Однако как раз в этот момент угревшийся за пазухой Спиридон хрипло провозгласил, что «лучше гор могут быть только горы, на которых ещё не бывал». Андрей Т. устыдился и сейчас же взял одним рывком ещё полдюжины скоб. Дальше он не считал. Ему стало не до счёта. У него зверски заныли плечи и начали трястись ноги. Несомненно, это был приступ болезни Паркинсона, явившийся из мира выдумок и пустых фантазий, чтобы наказать Андрея за самонадеянность. О мои руки! О мои ноги! Всё-таки подсунули мне болезнетворное воздействие, подлецы! Но тут ведь главное что? Бороться и искать, найти и не сдаваться. Не сдаваться? Ни в коем случае! Даже если ты болен, всё равно чем — фолликулярной ангиной или болезнью Паркинсона. Какие там могут быть болезни, если погибает мой лучший друг Генка по прозвищу Абрикос? Держись, Генка! — твердил про себя Андрей Т. и цеплялся за ледяные скобы. — Я иду, Генка! — рычал он и карабкался по влажным скобам. — Вр-р-решь, не возьмёшь! — хрипел он и повисал на липких скобах, обвинившись во-круг них подобно некоему тропическому удаву.

Но всё на свете имеет конец, и в одну поистине прекрасную минуту Андрей Т. обнаружил, что больше не цепляется, не карабкается и не висит, а блаженствует, сидя на твёрдом полу и прислонившись спиной к твёрдой стене. Плечи ещё ныли, но не очень сильно. Ноги ещё дрожали, но служить не отказывались. Андрей Т. обследовал ладони. Ладони, в общем, были целы и невредимы, хотя и горели, как будто он целый вечер тренировал подъём разгибом на перекладине. Следовало ожидать появления водяных пузырей, но от этого ещё никто не умирал.

Андрей Т. встал. Он был убеждён, что Генка-Абрикос находится где-то поблизости. Но Генки не было. Была большая комната, освещённая крайне скудно.

Собственно, комната вообще не была освещена. В ней, как говорится, царил тьма, но во тьме этой в великом множестве мигали, загорались и гасли крошечные круглые окна с лампочками, и в их слабом переменчивом свете можно было рассмотреть, что вся она заставлена сплошными рядами громоздких угловатых то ли шкафов, то ли ящиков. Тянуло теплом и даже жаром, пахло странно, а впрочем, скорее приятно. И было полно звуков. Какой-то длинный шелест. Низкое монотонное гудение. Резкий хлёсткий щелчок. Снова гудение. Снова шелест. Андрей Т. посмотрел, принялся, послушал и робко воззвал:

— Генка! Эй, Генка! Ты здесь?

Ещё не успело увязнуть в жарком пахучем воздухе его последнее слово, как комната разразилась целым шквалом новых огней и звуков. Вспыхнули и замигали новые мириады круглых окошечек, в кромешной тьме под потолком побежали справа налево беспорядочные толпы светящихся цифр, шелест покрылся непрерывным

звучным стрекотанием, а хлёсткие щелчки забили часто и напористо, как выстрелы в «Великолепной семерке».

Ошеломлённый Андрей Т. втянул голову в плечи и попятился, но тут комната успокоилась. Торжественный, превосходно поставленный голос объявил:

— Посторонний объект обнаружен, исследован и отождествлён как Желающий Пройти...

Одновременно на невидимом дисплее в темноте под потолком побежали справа налево светящиеся слова:

ПОСТОРОННИЙ ОБЪЕКТ ОБНАРУЖЕН ИССЛЕДОВАН ОТОЖДЕСТВЛЁН КАК ЖЕЛАЮЩИЙ ПРОЙТИ...

— Процедура представления начинается, — продолжал голос, и на дисплее побежали произносимые им фразы без знаков препинания. — Представляюсь, имею честь представиться: Всемогущий Электронный Думатель, Решатель и Отгадыватель, сокращённо ВЭДРО. С кем имею честь?

— Собственно... — нетвёрдо проговорил Андрей Т. — Видите ли... Я... Андрей. Меня зовут Андрей. Я школьник.

Снова шквал огней и звуков. Голос безмолвствовал, но на дисплее, стремительно катясь друг за другом, загорелись слова:

АНДРЕЙ ИМЯ ОСМЫСЛЕНО ШКОЛЬНИК УЧАЩИЙСЯ ШКОЛЫ СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОСМЫСЛЕНО КОНЕЦ ПРОЦЕДУРЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОНЕЦ ПРОЦЕДУРЫ КОНЕЦ...

Андрей Т. поклонился, шаркнул ногой и сказал:

— Собственно, мне к Генке нужно. Я очень тороплюсь. Как мне к Генке пройти?

Голос торжественно ответил:

— Желающий Пройти должен успешно выдержать два этапа испытания. Первый этап: я задаю вопросы. Второй этап: я даю ответы. Доложите готовность к испытанию.

Даже в лучшие времена предложение держать испытания никогда не вызывало у Андрея никаких положительных эмоций. Теперь же он так и взвился от злости.

— Какое ещё испытание? — заорал он. — Какое может быть испытание, когда Генка-Абрикос там пропадает? Да провалитесь вы с вашим испытанием, и без вас обойдусь!

С этими словами он очертя голову устремился в проход между рядами шкафчиков. Но ему пришлось тут же остановиться, потому что он увидел в конце прохода низкие дубовые ворота. На воротах висел массивный ржавый замок, у ворот дремал на табурете то ли сторож, то ли вахтёр в ватнике, с берданкой на коленях, у ног же вахтёра лежала устрашающего вида немецкая овчарка. Мощная голова её покоилась на лапах, но треугольные уши стояли торчком, а жёлтые глаза бесстрастно взирали прямо в лицо Андрею.

— Понятно, — уныло сказал Андрей Т., повернулся и пошёл из прохода.

— Доложите готовность к испытанию, — повторил голос как ни в чём не бывало.

— Готов, — буркнул Андрей Т.

Голос объявил:

— Процедура ввода информации в школьника Андрея начинается. Ввод информации. Первый этап. Я задаю три вопроса. Один вопрос из наук логических, один

вопрос из наук гуманитарных, один вопрос из наук физико-технических. Если школьник Андрей отвечает на все три вопроса правильно, конец первого этапа. Доложите осмысление информации о первом этапе.

— А если неправильно? — вырвалось у Андрея.

Никакого ответа не последовало, на дисплее пронёсся бесконечный ряд светящихся семёрок, и где-то со скрипом приоткрылась дверь. За дверью, разумеется, была знакомая комната со знакомым дедушкой, знакомым котом и знакомым одеялом.

— Мне всё понятно, — мрачно пробормотал Андрей Т.

Дверь со скрипом затворилась, а на дисплее побежали слова:

ВСЁ ПОНЯТНО ИНФОРМАЦИЯ ОБЪЕКТОМ ОСМЫСЛЕНА ОСМЫСЛЕНА ПЕРВЫЙ ЭТАП НАЧИНАЕТСЯ ПЕРВЫЙ ЭТАП ПЕРВЫЙ...

— Первый вопрос формулируется! — провозгласил ВЭДРО. — Дано: столб и улитка. Высота столба десять метров. За день улитка поднимается по столбу на шесть метров, за ночь опускается на пять метров. Сколько суток потребуется улитке, чтобы достигнуть вершины столба? На размышление сто двадцать секунд. Размышление начинается!

На дисплее вспыхнуло число 120 и сейчас же сменилось числом 119. Потом пошли 118, 117, 116... Андрей Т. быстро произвёл расчёт: за день плюс шесть, за ночь минус пять, всего за сутки плюс один. Высота столба десять метров. Значит, легко видеть... Он уже открыл было рот, но спохватился. Слишком уж легко было видеть. Не может быть, чтобы задача решалась так просто...

100, 99, 98, 97...

Это проклятое Ведро ловит на какой-то чепухе. Не выйдет! Мы до городской олимпиады доходили, нас голыми руками не возьмёшь!

81, 80, 79, 78...

Правда, на городской олимпиаде мы таки ни одной задачки не решили, но всё-таки... Тьфу ты, что за ерунда лезет в голову! Значит, за первые сутки один метр, за вторые два...

63, 62, 61, 60...

Меньше минуты осталось! Ай-яй-яй... Э... Э! Ведь в последний день она сразу залезет на шесть метров вверх до самой верхушки, и спускаться ей уже не придётся! Значит...

— Четверо с половиной суток! — радостно закричал Андрей Т.

На дисплее число 41 погасло, и побежали слова:

ОТВЕТ ЧЕТЫРЕ ПЯТЬ ДЕСЯТЫХ СУТОК ОСМЫСЛЕНА ВЕРНО ВЕРНО ВЕРНО ОСМЫСЛЕНА ВЕРНО...

Андрей Т. ликовал. Вот так-то! Нас на кривой не объедешь! Так будет со всяким, кто покусится!

— Второй вопрос формулируется! — объявил ВЭДРО. — Дано: произведение Юрия Михайловича Лермонтова «Герой нашего времени». Требуется имя Печорина. Как звали Печорина. Имя. На размышление двести секунд. Размышление начинается.

200, 199, 198, 197...

От ликования Андрея не осталось и следа. Волна слепого ужаса, чёрной паники окатила его. Это хуже, лихорадочно думал он. Это гораздо хуже! Как же его звали-то? Печорин... Грушницкий... Они ведь там все только по фамилиям...

Княжна Мэри... Или только по именам, без фамилий... Еще там был какой-то капитан... Штабс-капитан... Иван... Иван...

146, 145, 144, 143...

С этими фамилиями мне всегда не везло... Тогда ещё историк взял да и спросил меня: «Какая фамилия у Петра Первого?» А я и ляпнул сдуру: «Великий!»... Беда! Что делать-то? Ведь выставят сейчас, как пить дать выставят...

119, 118, 117, 116...

Постой-ка... А, всё равно терять нечего. Андрей Т. спросил противным сварливым голосом:

— А что это у вас Лермонтов Юрием Михайловичем заделался, когда он всегда был Михаил Юрьевич?

На дисплее число 103 вдруг застыло в неподвижности. Комната бешено застрекотала и загудела, и разразилось такое хлёсткое щёлканье, словно принялся работать кнутами целый полк пастухов. На дисплее побежали длинные очереди бессмысленных семёрок, погасли и сменились словами:

ЛЕРМОНТОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ НЕ НЕ НЕ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ НЕ НЕ НЕ ВТОРОЙ ВОПРОС НЕ КОРРЕКТЕН НЕ НЕ НЕ ВТОРОЙ ВОПРОС ОТМЕНЯЕТСЯ БЕЗ ЗАМЕНЫ БЕЗ БЕЗ БЕЗ СВОЙ МАГНИТНОЙ ЛЕНТЫ СВОЙ МАГНИТНОЙ ЛЕНТЫ...

Ага! Андрей Т. снова воспрянул духом. Заело! И без замены! Попалось Ведро. «Сбой магнитной ленты» — это было Андрею знакомо. Не зря же папа занимается в своём СКБ конструированием электронно-вычислительных машин, а мама в своём НИИ на этих машинах работает. Опять эти сбои замучили, жалуется, бывало, мама, а папа неодобрительно ворчит и советует переходить на машину ЕС-1020, где можно легко обходиться без всяких магнитных лент...

Звуковой кавардак в комнате внезапно стих, и ВЭДРО по-прежнему торжественно и важно произнес:

— Третий вопрос формулируется! Дано: гиперболоид инженера Гарина. Требуется изложить принцип его действия. На размышление двести сорок секунд. Размышление начинается.

На дисплее вспыхнуло число 240, а Андрей Т. озадаченно закусил ноготь.

Книгу он знал хорошо, а некоторые места из неё знал даже наизусть. Но вот как раз то место, где Гарин объясняет Зое устройство аппарата, он как-то не любил. Вернее, не очень любил. Читал, конечно, и не один раз, и схему разглядывал, аккуратный такой чертёжник... Теперь бы вспомнить только. Тепловой луч. Инфракрасный луч. «Первый удар луча пришёлся по заводской трубе...» И дальше: «Луч гиперболоида бешено заплясал среди этого разрушения...»

221, 220, 219, 218...

Спокойствие. Главное — спокойствие. Что мы там имеем? «Луч из дула аппарата чиркнул поверх двери — посыпались осколки дерева». Ещё: «Пенсне всё сваливалось с мокрого носа Роллинга, но он мужественно стоял и смотрел, как за горизонтом вырастали дымные грибы, и все восемь линейных кораблей американской эскадры взлетели на воздух...» Не то, но всё равно прекрасно. Мокрый нос Роллинга... Ключ мне нужен, ключ, а не мокрый нос!

187, 186, 185, 184...

«То-то! Идея аппарата проста до глупости...» Это я знаю, что она проста... «В аппарате билось, гудело пламя...» Это я тоже знаю. О чём это он тогда Зое?.. Пирамидки. Гиперболоид из шамонита. Так я и не собрался узнать, что такое этот шамонит... Стоп! Гиперболоид вращения, выточенный из шамонита! Пирамидки! Микрометрический винт! Гиперболическое зеркало! Ура!

153, 152, 151, 150...

Теперь сформулируем. Спокойненько сформулируем, не спеша. Да, тут Ведро опять маху дало. Просчиталось Ведро. Не учло нынешний уровень. У нас все эти гиперболоиды, фотонные ракеты и прочие машины времени от зубов отскакивают, мы их как орешки щёлкаем, они нам что братья родные!

Андрей Т. с шумом выдохнул, дождался, пока на дисплее появилось число 100 (для ровного счета), и принялся со вкусом и обстоятельно описывать принцип действия и устройства аппарата для получения инфракрасных лучей большой мощности, известного под названием «гиперболоид инженера Гарина».

Он увлёкся. Он говорил с выражением. Он декламировал излюбленные отрывки. Он щедро показывал руками и даже пытался расхаживать взад и вперед в тесноте между шкапами-ящиками. И — дивное дело! — по мере того как он рассказывал, всё медленнее мигали жёлтые лампочки, всё тише делались шумы, угасали запахи, и становилось как будто всё прохладнее. Когда же он с особенным наслаждением и во всех подробностях описал бронзовое кольцо с двенадцатью фарфоровыми чашечками для установки пирамидок из смеси алюминия и окиси железа (термит) с твёрдым маслом и жёлтым фосфором, ВЭДРО замер и затих окончательно. Возможно, заснул, а то и просто застыл с разинутым от изумления ртом.

Андрей Т. подождал немного и сказал:

— Ну?

На дисплее появилась и погасла одинокая семёрка. Затем не понеслись, обгоняя друг дружку, не побежали чинно, а побрели вразнобой на дисплее светящиеся слова: ТРЕТИЙ ВОПРОС ОТВЕТ ВЕРЕН ВЕРЕН ВЕРЕН ОТВЕТ ВЕРЕН ГРАНИЦА ВЕРНОСТИ РЕАЛЬНОСТЬ ГИПЕРБОЛОИДА МИКРОМЕТРИЧНОСТЬ ВИНТА ЖЕЛТИЗНА ФОСФОРА ОСМЫСЛЕНО ВЕРНО ВЕРНО ВЕРНО ОСМЫСЛЕНО...

Читая по складам эту бредятину, Андрей Т. ликовал и злорадствовал. Обалдело Ведро! То-то же, знай наших! Видно, даже попрощаться не придётся...

И опять преждевременным было его ликование. Вновь вспыхнули и замигали россыпи круглых лампочек, вновь вокруг зашелестело, застрекотало, защёлкало, и ВЭДРО как ни в чем не бывало бодро объявил:

— Конец первого этапа. Второй этап начинается. Школьник Андрей задаёт мне три любых вопроса, я отвечаю на них правильно, конец второго этапа, конец испытания. Школьник Андрей возвращается домой, к мамочке. Доложите осмысление информации о втором этапе.

У школьника Андрея отвис подбородок.

— Это как так — к мамочке? — ошеломлённо произнёс он.

На дисплее побежала надпись:

БЕЗ ОТВЕТА ВОПРОС РИТОРИЧЕСКИЙ БЕЗ ОТВЕТА БЕЗ БЕЗ БЕЗ...

— Это как так — к мамочке? — возопил возмущённый Андрей Т. — Мне не надо к мамочке! Мне не надо домой! Мне надо к Генке! Меня Генка ждёт на подмогу! Это нечестно! Я на все вопросы ответил!

ВЭДРО снисходительно прогудел:

— Дополнительная информация, разъяснение. Даже тот Желающий Пройти, кто успешно выдержал первый этап испытания, пропускается только в том случае, если я не сумею, не смогу, окажусь не в состоянии правильно ответить хотя бы на один вопрос из трех вопросов, заданных им мне на втором этапе. Поскольку вероятность такого случая теоретически исчезающе мала, а практически равна нулю, второй этап испытания рассматривается как формальная процедура, предшествующая возвращению Желающего Пройти восвояси. Доложите осмысление дополнительной информации.

— Осмыслил, — мрачно сказал Андрей Т. Он чуть не плакал от обиды. — Ну, а если я всё-таки задам такой вопрос, что вы не ответите?

— Невозможно, — высокомерно отозвался ВЭДРО. — Я всемогущ. Во всём, что касается вопросов, ответов, загадок, задач, проблем, теорий, гипотез, придумок и задумок, я всемогущ.

— А всё-таки?

— Никаких всё-таки быть не может. Я всемогущ.

Бороться и искать, найти и не сдаваться!

— Мало ли что всемогущ, — тоном неверующего Фомы возразил Андрей Т. — А если всемогущ, то вот, пожалуйста. Первый вопрос: как мне отсюда попасть к Генке?

Ответ упал подобно удару сабли:

— Никак.

А на дисплее побежало:

ПЕРВЫЙ ВОПРОС ПОДВЕРГНУТ ОТВЕТУ НЕЙТРАЛИЗОВАН ОТВЕТ
ВЕРЕН ВЕРЕН ВЕРЕН ОТВЕТ ВЕРЕН...

Андрей Т. в отчаянии закусил губу. Не вышло... Он кое-что смыслил в электронных машинах. Если у этого Ведро достаточно обширная память (стоит только посмотреть на эти шкафы-сундуки) и приличное быстродействие, то его ведь и в самом деле ничем не проймёшь. Но есть, наверняка есть на свете загадка, которую не знает даже эта железная скотина, но пока додумаясь до этой загадки — состаришься. А вопросов всего три... Даже два уже только...

— Бросьте вы это, молодой человек, — произнёс у него над ухом странно знакомый голос.

Он обернулся и увидел рядом давешнего то ли сторожа, то ли вахтёра в ватнике и с берданкой под мышкой. Овчарки при нём не было.

— Разве его одолеешь? — продолжал сторож-вахтёр, безнадежно махнув рукой. — Он же здесь для того и поставлен, чтобы Желающих Пройти заворачивать. Его пронять никакой возможности нет. Здесь ведь как? Хоть рыбы не есть, зато и в воду не лезть. А вы всё о друге хлопчете, о Генке своём. Друг с тобой, знаете ли, как рыба с водой: ты на дно, а он на берег. Да и это бы ничего, но только здесь вам не отломится, нет. Не ступай, собака, в волчий след — оглянется, съест...

Тут только, к своему огромному изумлению, Андрей Т. узнал в вахтёре Коня Кобылыча. Правда, со времени их последнего свидания Конь Кобылыч как будто слегка поусох и съёжился, но это был, несомненно, он, беспардонный болтун и оппортунист.

— Так что послушайтесь доброго совета, — бубнил Конь Кобылыч, — Заканчивайте здесь. Ну задайте ему для проформы вопросики попроще... Дважды семь там... Или, скажем, куда девается земля, когда в ней дырка... Он вам ответит, распрощаетесь вы по-доброму — и домой, в постельку, к мамочке...

— Сгиньте вы! — дрожа от ярости, просипел Андрей Т.

И Конь Кобылыч сгинул.

«Вопрос, вопрос... — мучился Андрей Т. — где же мне взять вопрос? Может, дать ему доказать какую-нибудь теорему? Из тех, о которых галдит старший брат-студент со своими лохматыми приятелями. Как её... Проблему Гольдбаха, например, или эту... О бесконечном количестве пар... Нет, не годится. А вдруг докажет? А я ведь даже проверить не сумею, правильно или нет. Гм... Нет, умными вопросами машину не испугаешь. Умными... Тут всё дело в том, что правильно поставленный вопрос уже содержит в себе половину ответа (из очень давней речи папы по поводу страданий над забытой ныне арифметической задачей). А неправильно поставленный? Что, если вопрос поставить неправильно? Гм... Как бы это его поставить?...»

— Почему у кошки пять ног? — выпалил Андрей Т.

ВЭДРО не снизошёл до ответа голосом. На дисплее побежали слова:

ВОПРОС НЕ ВОПРОС НЕКОРРЕКТЕН СОДЕРЖИТ ЛОЖНУЮ ИНФОРМАЦИЮ ЛОЖНУЮ ОТВЕРГАЕТСЯ...

Честно говоря, Андрей Т. ожидал чего-то вроде этого, но немедленно изобразил негодование.

— Как это так — отвергается? — вскричал он. — Нечестно! Сами же говорили, что всемогущий! А раз всемогущий, должны на любой вопрос...

— Разъясняю! — веско провозгласил ВЭДРО. — Дополнительная информация. Всемогущий Электронный Думатель, Решатель и Отгадыватель отвечает верно, правильно на любой корректно поставленный вопрос. Он отвергает вопросы некорректные, то есть содержащие заведомо ложную информацию, типа «Почему у привидений короткая стрижка?». Он не отвечает на вопросы, имеющие эмоциональную подоплёку, типа «Почему да отчего на глазах слезинки?». Он оставляет без внимания вопросы, содержащие неопределённость, типа «В чем смысл жизни?». Он игнорирует риторические вопросы типа «Иван Иванович, вы ли это?». Восклицание «Нечестно!» — отмечается. Заявление «Сами же говорили, что всемогущий!» — подтверждается.

— Всё равно нечестно, — проворчал Андрей Т.

Он понял, что дело дрянь. Вторая попытка обвести вокруг пальца хитроумное Ведро провалилась тоже. Ну, и с чем же мы теперь остались? Задачи ему давать бессмысленно. Если и есть на свете задачи, которых ему не решить, то я их не знаю и придумать не сумею. Дурацкие вопросы он отменяет. И прямо скажем, правильно делает. Я бы на его месте тоже отменял. Поэтому остаётся... Что? Вернуться к себе и лечь в постельку. Я буду в постельке нежить свою ангину, а Генка будет гибнуть и пропадать. Очень мило.

Всё горе ведь в чём? Всемогущий. Значит, всё может. Все задачи. Все вопросы. Все загадки. Все теоремы...

Постой-постой! Кто-то что-то мне про это говорил. То ли мне, то ли при мне... Неважно. Что же это было? Ага. Что со словом «всё» должно быть связано какое-нибудь исключение, а иначе получается парадокс... Парадокс! Ну держись, Ведро! Всемогущий? Я тебе покажу всемогущество, ты у меня попляшешь. Сейчас... Сейчас... Ага! Только надо сначала его подготовить. И Андрей Т. вкрадчиво осведомился:

— А можно, я спрошу просто так, не в порядке? Я не всё понимаю и хотел бы уяснить...

— Разъяснение? — весело рявкнул ВЭДРО. — Готов!

— Значит, вы можете ответить на любой корректный вопрос.

— Да.

— И можете решить любую задачу...

— Да!

— И можете придумать любую задачу и любой вопрос...

— Да!

— Любой-любой? Любую-любую?

— Да! Да! Да! Всемогущ! Думаю, придумываю, решаю! Думаю, загадываю, отгадываю! Всемогущ!

— Прекрасно, — произнес Андрей Т., задыхаясь от возбуждения. — Отлично. От скромности вы не умрёте.

Хвастливое Ведро секунду молчало, а затем объявило высокомерно:

— От скромности не умирают. Скромность не смертельна. Кроме того, я вообще бессмертен.

— С чем вас и поздравляю, — сказал Андрей Т. — а теперь разрешите вопросик уже в порядке.

— В рамках второго испытания?

— Да. В рамках.

— Готов!

— Вопросик, — проговорил Андрей Т. и изо всех сил стиснул кулаки, чтобы не трястись. — Такой, значит, вопросик. Дано: вы можете придумать любой вопрос. Требуется ответить: можете ли вы придумать такой корректный вопрос, на который сами же ответить не сможете?

ВЭДРО сейчас же гаркнул:

— Да!

На дисплее справа налево понеслись светящиеся слова:

ВТОРОЙ ВОПРОС ПОДВЕРГНУТ ОТВЕТУ НЕЙТРАЛИЗОВАН ОТВЕТ ВЕРЕН ВЕРЕН ВЕ...

И в ту же секунду ВЭДРО столь же горделиво и уверенно гаркнул:

— Нет!

И немедленно, тоном ниже:

— Да.

И тут же, почти уже робко:

— Нет...

На дисплее началась каша. Натыкаясь друг на друга и болезненно дёргаясь, то пускаясь вскачь, то едва ползя, двигались там такие примерно строки:

НЕЙТРАЛИЗДОТВЕТ 7777 НЕТ ОТВЕТГНУТВОПР ДА 777 ДНЕТНДА ВЕР-
НЕВЕРВЕТ НГУЖЖ..

Андрей Т. рыдал от счастья. Можно было представить себе, что сейчас творится в электронных кишках этого самодовольного идиота! Анализируя начало коварного вопроса, Ведро обнаруживало ключевое выражение «можете ли» и по своему всемогуществу немедленно отвечало «да». Но через долю секунды в анализатор поступало выражение прямо противоположное: «сами же... Не сможете», и приходилось всё по тому же всемогуществу отвечать «нет». И не было этому конца.

ВЭДРО отчаянно боролся с этой логической икотой.

— Да! — хрипел он. — Днет! Нда! Данетданеда! Днднет! Ндет! Нечестно! Дандн!..

Включились и беспорядочно замигали все круглые лампочки, сколько их было. Во всех шкафах-сундуках бешено хлестали перематываемые магнитные ленты. Панически гудела, набирая обороты вентиляторов, система охлаждения. А на дисплее уныло, словно осенние мухи, ползали вокруг странного слова «бндэщ» покосившись семёрки..

— Ндюк!.. — из последних сил выкрикивал ВЭДРО. — Амндгу!..

Потом лязгнул ржавый замок, и распахнулись настежь низкие дубовые ворота, пропуская в комнату поток радостного солнечного света и свежего воздуха. Протрусила и скрылась поджавшая хвост овчарка. И прошёл между рядами шкафов-ящиков с деловым видом Конь Кобылыч, но уже без берданки, в чёрном рабочем халате и в очках с мощной оправой, похожий на физика-теоретика из какого-то кинофильма. Он удалился в дальний угол комнаты, чем-то там щёлкнул, и ВЭДРО, прощально гукнув, смолк. Наступила тишина.

— Опять тебя, родимого, зациклили, — произнес Конь Кобылыч с состраданием. — Ума много, а толку мало... Эхе-хе-хе-хе!..

Андрей Т. спохватился и взглянул на светящийся циферблат. А взглянув, не поверил своим глазам. Чёрные стрелки показывали двадцать три часа двадцать одну минуту! Всего пять минут прошло с тех пор, как он начал подъём по скобяной лестнице!

— А чего тут удивительного, — донёсся голос Коня Кобылыча. — Записывали вас на большой скорости, а пускали на нормальной..

Андрей Т. не стал спрашивать, что это означает. Придерживая за пазухой Спиху, он поспешно вышел наружу.

Он стоял в самом центре площади, посыпанной чистеньким красноватым песком, круглой и совершенно ровной, как пол в зале с белёсой дымкой. Вовсю светило солнце, и это было странно в такой близости от новогодней полуночи, хотя в то же время казалось и вполне естественным, как и несколько лун в различных фазах, разбросанных по разным участкам голубого неба. Площадь правильным кольцом окружали стоящие друг к другу впритык хорошенькие разноцветные павильоны, причём над входом в каждый павильон красовалась художественно выполненная вывеска.

«Филуменисты, — читал Андрей Т., медленно проворачиваясь на пятках, — филокартисты, нумизматы, бонисты...»

Он нимало не сомневался, что уж теперь-то бедствующий Генка пребывает где-то совсем поблизости, он даже как будто бы слышал уже и голос его, по-прежнему взывающий о помощи, он просто знал, что отсюда до Генки рукой подать, но неизвестно было, в какую сторону подавать эту руку. Вспыхнула надежда на справочное бюро, и вот среди множества художественно выполненных вывесок он искал вывеску справочного бюро.

Но очень скоро ему стало ясно, что такой вывески он здесь не найдёт. Не место здесь было справочному бюро. Не могло здесь быть и милиции, и газетного киоска, и зеленой лавки. Здесь были только учреждения (возможно, клубы?), где лелеют все мыслимые хобби, страсти, страстишки и увлечения человека. Были павильоны для вполне понятных авиамоделлистов и для смутно знакомых тиффози, и для вовсе непонятных гурманов. Были для меломанов, были для библиофилов, даже для алкоголиков и наркоманов были, хотя, казалось бы, кому в здравом уме и трезвой памяти могло взбрести в голову держать открытый притон для алкоголиков и наркоманов?..

Андрей Т. уже ощутил подступающее отчаяние, когда взгляд его остановился на вывеске филателисты. И ему сразу стало легче и веселее. Филателисты — это всё-таки нечто близкое, это не какие-нибудь тиффози или бонисты. Андрей Т. сам был филателист, а филателист филателисту не волк, не алкоголик какой-нибудь. Филателист всегда объяснит филателисту, как добраться до страждущего друга. Лучше справочного бюро объяснит. И Андрей Т. со всех ног припустил через площадь к яично-желтому павильончику под вывеской «Филателисты».

Конечно, филателистом он был ещё молодым, не очень опытным. Многие тайны этого почтенного хобби ещё оставались для него за семью печатями, однако основные законы филателии были ему уже знакомы. Прилежное изучение журнала «Филателия СССР», ежегодника «Советский коллекционер», а также измусоленного, давно утратившего обложку французского каталога Ивера принесло свои плоды. Во всяком случае, главное он знал: а) самая красивая марка — это ещё не самая ценная; б) самая ценная марка — не обязательно самая интересная, в) простое обрезание у марки зубцов не превращает её в редкую беззубцовую разновидность.

В павильоне Андрея обступила тишина, прохлада и приятная полутьма. Вдоль стен высились застеклённые шкафы, стеллажи и витрины, уставленные альбомами и кляссерами. Альбомы и кляссеры были в приятном беспорядке разбросаны по поверхности длинного стола посередине. Альбомы и кляссеры громоздились на табуретках и стульях. Десятки и сотни альбомов и кляссеров! Может быть, тысячи!.. Андрей Т. даже не представлял себе, что такое может быть, хотя и знал, конечно, из литературы, что за последние полтора века в мире выпущено около миллиона марок...

Не помня себя, он приблизился к столу и раскрыл наугад один из больших кляссеров. Кровь ударила в лицо, закружилась голова, его бросило в жар: кляссер был набит «цеппелинами». И не подумайте, здесь были далеко не одни только марки, посвящённые межконтинентальным перелётам дирижабля «Граф Цеппелин», ничего подобного! Здесь были собраны все марки всех стран с изображениями дирижаблей — именно так собрал бы их сам Андрей Т., если бы был он не школьником восьмого класса, а небольшим государством с развитой промышленностью и со

статьёй бюджета, предусматривающей пополнение и углубление государственных коллекций.

Здесь был «цеппелины» Италии и «цеппелины» Лихтенштейна, «цеппелины» Парагвая и редчайшие «цеппелины» США, знаменитые немецкие «Поляр Фарт» и «Зюд-америка Фарт», здесь были великолепные советские серии, посвящённые дирижаблестроению, и все разновидности «Малыгина», и ленинградские конверты, доставленные дирижаблем ЛЦ-127 из Ленинграда в бухту Тихую, а оттуда ледоколом «Малыгин» в Архангельск, со всеми сопроводительными штампами, штемпелями и отметками...

Андрей Т. восседал в удобном высоком кресле, и в одной руке у него была большая филателистическая лупа, а пальцы другой сжимали специальный, удобно изогнутый филателистический пинцет, и настольная лампа с козырьком заливала страницы кляссера ярким матовым светом, и он листал и рассматривал, рассматривал и изучал, изучал и смаковал, и мир стал тесным, тёплым и необыкновенно уютным — не было в этом мире ничего, кроме круга света и красоты марок, сверкавших, словно драгоценные камни.

Впрочем, был в этом мире ещё комментатор. Но он скромно оставался в тени, за границей яркого круга, и он был услужлив, ненавязчив и полезен. Не надо было шарить по страницам новенького наисовременнейшего Ивера — страница с искомой серией раскрывалась как бы сама собой, и только мелькала на мгновение ловкая смуглая рука. Не надо было копаться в горах справочной литературы — негромкий доброжелательный голос без задержек сообщал всё самое интересное о каждой марке, о каждом конверте, о каждом спецгашении. Не надо было тянуться за очередным кляссером — он сам бесшумно выскакивал из темноты, направляемый и раскрываемый всё той же ловкой смуглой рукой.

— Беззубцовые «цеппелины»! — восклицал потрясённый Андрей, и мягкий, доброжелательный голос немедленно подхватывал:

— Совершенно верно. Причём обратите внимание — угловые экземпляры, огромные поля...

— И без наклеек!

— В идеальном состоянии.

— Не фальшивки?

— Ни в коем случае. Взгляните в лупу. Видите? Растровая сетка — квадраты, между тем как у фальшивок растровая сетка — точки...

Но вот наступил момент, когда «цеппелины» исчерпались, и тогда комментатор предложил своим мягким голосом:

— Может быть, вас интересует тема «Космос»?

— Ну... Это же просто раскрашенная бумага... — неуверенно возразил Андрей Т., повторяя заявление кого-то из собратьев-филателистов.

— В каком-то смысле, безусловно, да, — согласился комментатор. — Торговцы марками ловко используют популярность этой темы для обдeldывания своих сомнительных делишек... И всё-таки не откажитесь взглянуть.

Да, здесь было на что взглянуть! Яркие, словно тропические бабочки, серии Экваториальной Гвинеи... Потрясающие воображение стереоскопические блоки

Бутана... Тяжелые, словно медали, чеканные марки молодых африканских республик, выполненные на золотой фольге... Пиршество красок, буйство фантазии... Здесь был даже один из знаменитых сувенирных листков с изображением Юрия Гагарина, побывавших с космонавтом Георгием Гречко на борту «Салюта»! Все автографы всех космонавтов! Марки «Лунной почты»!..

— А вот взгляните-ка на этот конверт... — говорил и показывал всезнающий и доброжелательный комментатор. — А вот обратите внимание: редкая типографская ошибка в дате — 1999 вместо 1969...

Альбомы и кляссеры следовали один за другим непрерывным и неиссякаемым потоком, и вот постепенно какое-то смутное беспокойство начало овладевать Андреем.

Почему всё темнее становилось вокруг и все ярче разгорался манящий круг света, в котором возникали всё новые сокровища? Почему пинцет как будто бы сам собой тянулся к очередному шедевру, а лупа словно бы так и ловчилась, чтобы лучше увеличить и выявить тонкий нюанс? И почему всё никак не удавалось разглядеть в сгущающемся сумерке доброжелательного и всезнающего комментатора?.. И Спиридон, Спидлец, старый верный Спиха! Как это ты очутился там, на самом далёком шкафу, в самом тёмном углу? Что вообще происходит?

Генка!

Андрей Т. положил лупу и пинцет и рывком отодвинулся от стола вместе с креслом.

— Извините, — пробормотал он. — Я очень вам благодарен, конечно...

— Вы ещё не видели самого интересного, — мягко остановил его комментатор. — Классику! Вы ведь знаете, что такое классика, не правда ли? Старая Германия, Чёрный Пенни в листах, Британские колонии...

— Всё это, конечно, страшно интересно, — виновато пробормотал Андрей Т. и встал. — Но тут такое дело... Я очень спешу... И кстати, не могли бы вы мне сказать...

— Вы не понимаете, — проникновенно и внушительно произнес комментатор. — Мне следовало еще раньше объяснить вам... Это не рядовой просмотр, молодой человек. Это ДАРИТЕЛЬНЫЙ ПРОСМОТР! Для пятидесятитысячного посетителя! Вам разрешается выбрать себе любую марку! Такое выпадает раз в жизни...

Андрей Т. впервые повернулся к нему лицом.

— Дело в том... — начал он и остановился, разинув рот.

Ну конечно же, это опять был Конь Кобылыч! Он совершенно уже усох, он сделался настоящим карликом, смуглым и чёрным карликом с ослепительно белой манишкой и ослепительно белыми манжетами, но это, несомненно, был тот самый Конь Кобылыч!

— По... послушайте... — заикаясь, проговорил Андрей Т. и отступил на шаг.

— Да! — нестерпимым голосом взвизгнул комментатор Конь Кобылыч. — Да, это я! Но какое это имеет значение? А это вы видели?

Рука его, сверкнув манжетой, шестиметровой молнией метнулась во тьму, выхватила из нее и грохнула на стол в круг света плоский металлический ящик с четырьмя секретными замками разных систем.

— Это вы должны увидеть, молодой человек... — сипел Конь Кобылыч, торопливо нажимая клавиши, набирая цифры на миниатюрном телефонном диске, чем-то щёлкая, клацая и стрекоча. — Это мало кто видел, а вы сейчас увидите... И может

быть, не только увидите... Как пятидесятитысячному посетителю... Ваше право... Конечно, придётся выполнить целый ряд формальностей... Вот, прошу вас!

Крышка стального ящика откинулась. На чёрном бархате под плитой броневого стекла в отсветах лампы лежала ОНА. Единственная. Неповторимая. Уникальная. Фантастически знаменитая.

— Розовая Гвиана! — благоговейно прошептал Андрей Т.

— Она! — сверкая глазами, подтвердил Конь Кобылыч.

— Но ведь её нет даже в Британской королевской коллекции!

— А у нас есть!

— Обалдеть можно... — жалобно простонал Андрей Т.

И наступила Тишина Почтительного Созерцания.

Нет, лучше скажем так. Указанная Тишина попыталась наступить, но у неё ничего не получилось.

Вмешался забытый Спиридон. Вмешался негромко, но самым решительным образом! Он запел незамысловатую песенку, от которой у Андрея всегда почему-то бежали мурашки по спине и становилось грустно и весело одновременно. Это был песенка о весёлом барабанщике, всего лишь о барабанщике, но Спиридон пел её от души, и получалось как-то так, что дело не только в том, что весёлый барабанщик в руки палочки кленовые берёт. Главное, оказывается, в том, что мир огромен и сложен, и дел в этом мире у человека невпроворот, что жизнь коротка, а Вселенная вечна, и смешно тратить свои лучшие годы на ерунду, а любая марка, даже самая знаменитая, есть всего-навсего кусочек раскрашенной бумаги, и стоит она никак не больше, чем пачка других раскрашенных кусочков бумаги, которую предложат за неё в распродаже...

— Но взглядишь — и ты увидишь

Как весёлый барабанщик

С барабаном вдоль по улице идёт... —

пел Спиридон, и Андрей, сдерживая накипающие слёзы, слушал его и давал себе слово больше никогда, никогда...

Почтительное Созерцание не состоялось. Даже не бросив на Розовую Гвиану прощального взгляда, Андрей Т. молча двинулся вдоль стола в самый тёмный угол, чтобы взять Спиху в свои хозяйские руки и прижать к своей хозяйской груди. Он уже подошёл к шкафу, когда за спиной его раздался нечеловеческий, каркающий звук. Он обернулся, и в то же мгновение Конь Кобылыч выхватил из-под мышки лазерный пистолет. Ослепительный луч просёк темноту над головой Андрея и вонзился прямо в грудь транзисторному менестрелю.

Андрей Т. задохнулся от ужаса, а Спиридон жалобно пискнул на полуслове и замолк. Посередине шкалы диапазонов у него тлело, остывая на глазах, раскалённое вишнёвое пятно.

— Это подло! — закричал Андрей Т. Он сорвал Спиридона со шкафа и спрятал за спину. — За что? Что он вам сделал?

Конь Кобылыч стоял на другом конце стола и смотрел на него, выставив вперёд отвратительную физиономию.

— Иди! — просипел он. — Иди и сдохни!

— Скотина вы, — сказал Андрей Т. — такой приёмник загубили, такого певуна...

Ему и самому было немножко странно, что он не испытывает никакого страха перед этим фантастическим мерзавцем с фантастическим оружием. Ему было только горько за Спиху, тревожно за Генку и досадно за потерянное время. Но зато он знал теперь, куда идти: шкаф медленно повернулся на невидимой оси и открыл проход в промозглую ржавую тьму.

Место было совершенно непонятное. Андрей Т. шагал по железным решётчатым галереям и время от времени спускался по крутым железным же трапам. Решётки галерей и ступеньки трапов были ржавые и мокрые. Справа тянулась мокрая шершавая стена. Слева тянулись мокрые ржавые железные перила. За перилами была непроглядная пропасть, и, насколько хватал глаз, ничего больше не было. Сверху, сквозь переплетения балочных и решётчатых конструкций, тоже, несомненно, железных, ржавых и мокрых, сочился жиденький ржавый свет. Всё. Сначала Андрей Т. решил, что попал в какую-то необычную шахту, потом подумал о внутренностях старого океанского лайнера, потом представил себя в заброшенной тюрьме и в конце концов перестал думать об этом вообще.

В стене справа изредка попадались мокрые ржавые железные двери с разнообразно-однообразными надписями типа: «Пожарный выход». Или: «Выход здесь». Или: «Входа нет. Выход». Или даже: «А вот и выход». Один разок из чистого любопытства Андрей Т. приоткрыл дверь с надписью «Самый простой выход из» и полюбовался спящим дедушкой, после чего закрыл дверь плотнее, вытер руку о штаны и пошёл дальше, более не останавливаясь. Впрочем, чем дальше он шёл, тем чаще стали попадаться двери либо заставленные штабелями пустых ящиков, либо просто забитые крест-накрест досками. Возможно, это свидетельствовало о том, что противник уже отказался от попыток остановить Андрея Т. путем запугивания, дезинформации и подкупа. Если это так, то теперь Андрею предстоял открытый бой.

Тут была одна трудность: у него не было собственного опыта настоящих боёв. Участие в случайных кампаниях после уроков в качестве сражателя или сражаемого считать за опыт в нынешних обстоятельствах, очевидно, не стоило. Правда, на первый взгляд, он мог бы опереться, с одной стороны, на боевой опыт дедушки-подполковника, а с другой — на обширный материал, вычитанный в батальной литературе и высмотренный в кино. Однако, если судить по дедушкиным рассказам, наука побеждать сводилась главным образом к науке обеспечивать свои войска в достаточных количествах боепитанием и пищевым довольствием, что опять-таки мало подходило к обстоятельствам. А из литературы и кино Андрею, как на грех, ничего сейчас не вспоминалось, кроме отчётливой, но довольно бесполезной фразы: «Наступать! Они уже выдыхаются!»

Одним словом, как ни верти, наиболее разумным представлялось следующее: приостановить стремительное продвижение, попытаться собрать информацию о противнике, спокойно оценить обстановку и тогда уже действовать в соответствии. И он стал охотно замедлять шаги и через минуту остановился, прижимая локтем к боку навеки умолкшего Спиридона, и вдруг увидел перед собой Генку.

— Генка... — прошептал Андрей Т., не веря глазам.

Абрикос был совершенно таким же, каким он видел его в последний раз, когда они прощались после школы «до следующего года», — в распахнутой настежь кожаной куртке, с голубой сумкой «Аэрофлота» через плечо, со снежинками в волосах на непокрытой голове, и решительно непохоже было, что он терпит какое-то бедствие.

— Генка! — заорал Андрей Т. вне себя от радости. — Ура! Бежим!

— Я не Генка, — виновато произнес Генка.

Андрей Т. заморгал. Он увидел, что да, это, пожалуй, действительно не Генка. Вернее, не совсем Генка. Во-первых, настоящий Генка никогда не говорил виновато, просто не умел. Во-вторых (и это показалось Андрею главным), этот Генка просвечивал насквозь. Правда, не очень сильно, а так, слегка. Читать сквозь него газету было бы, наверное, затруднительно, но вот смотреть телевизор, например...

— А... А кто же ты... вы? — растерянно спросил Андрей Т.

— Я — напоминание, — ответил прозрачный Генка и смущённо усмехнулся.

Это смущение было легко и понять, и простить. Действительно, смешно и неловко называть себя напоминанием, если ты огромен, как танк, имеешь толстые румяные щёки, густые и кудрявые (оч-чень попсовые!) волосы до плеч и пусть тщательно скрываемый, но вполне различимый прыщ на лбу. Но вот чего нельзя было простить, так это бьющего в глаза намека, который был, несомненно, заложен в столь лирическом имени.

— Напоминание? — проговорил Андрей Т., ощетиниваясь. — А кому же, интересно, это напоминание?

— Как это кому? Тебе, конечно, — с дурной наивностью призрака ответил Генка-напоминание.

— Ах, мне? — Андрей Т. понизил голос до шипения. — И кто же это просил тебя мне что-нибудь напоминать?

— Никто не просил.

— А если никто не просил, так чего же ты лезешь со своими напоминаниями?

— А ты чего?

— Чего я чего?

— Чего ты тут затормозил? Испугался?

— Я испугался?

— Ты.

— Я?

— Ты.

— Я испугался?

— Я не знаю, испугался ты или не испугался, — пробормотал Генка-напоминание, делаясь от неловкости ещё прозрачнее. — Я только вижу, что ты затормозил, а времени до полуночи осталось всего ничего, вот я и...

— А тебя просили? — разразился Андрей Т. — Тебя просили напоминать? Без тебя, думаешь, не помнят? Я в напоминаниях не нуждаюсь! Я без напоминаний сто лет обходился и ещё сто лет обойдусь! Мне твои напоминания...

Тут он обнаружил, что разговаривает сам с собой, и замолчал, остывая. Шмыгнул носом и поправил Спиридона под мышкой. Покосился на тёмную пропасть за ржавыми перилами. Ещё раз шмыгнул носом. Покосился на то место, где только что

маячило напоминание. И, не давая себе больше ни секунды на раздумья, ринулся вниз по гремящим железным ступенькам.

Он ураганом нёсся по дребезжащим решётчатым галереям, он обвалом ссыпался по гудящим трапам, он проскальзывал под какими-то нависающими фермами, он был ловок, стремителен, могуч, упруг, гибок и неудержим. Не было ему преград ни в море, ни (тем более) на суше. Не были ему страшны ни льды, ни (смешно сказать!) неведомые хозяева этого ржаво-железного балагана. Даёшь Генку! Была ясная цель, была стальная решимость этой цели достигнуть, и он не нуждался ни в каких позорных напоминаниях. Жаль, конечно, что нет в руках ракетного ружья, или штурмового автомата, или, на худой конец, хотя бы боевого штатива, но ведь главное оружие — решиться!..

И вот он оказался на самой нижней галерее, над самым последним трапом, и странная, наводящая оторопь сцена открылась перед ним.

Действие происходило на дне гигантской, метров пятьдесят диаметром, кастрюли с низкими, в лошадиный рост, железными стенками. На самой середине кастрюли возвышался Генка Абрикос. Он стоял в знакомой до боли позе, расставив ноги, заложив руки за спину и угрюмо набычившись, как сотни раз стоял у доски, когда до такой степени не знал урока, что не мог даже пользоваться подсказками. Но Андрей Т. лишь мельком оглядел его, привычно отметив натренированным глазом и попорченную причёску, и подбитый глаз, и ссадины на костяшках пальцев. Всё это было, конечно, очень интересно, однако по-настоящему внимание Андрея с первого же взгляда целиком поглотила удивительная публика, вольно расположившаяся у стены в левой части кастрюли на множестве кресел, стульев, диванов, кушеток и прочих седалищ. В течение первых секунд невероятная пестрота красок и форм в этой массе народа не давала Андрею сосредоточиться, и только постепенно обрёл он способность выделять из неё отдельные фигуры.

Была там омерзительного вида старуха в сером штопаном балахоне, который вздымался у неё на спине двумя острыми горбами разной величины. Физиономия у неё тоже была серая, нос загибался ястребиным клювом, правый глаз горел кровавым огнем наподобие катафота, а на месте левого тускло отсвечивал большой шарикоподшипник, подбородка же у неё не было вовсе — торчали там, на месте подбородка, растопыренные жёлтые зубы. Словом, это была такая старуха, что от неё надлежало бежать со всех ног немедленно, стремительно и в бесконечность...

Был там страхолюдный толстяк в бесформенном костюме в красно-белую шапечку, распространившийся на четыре стула и половину тахты, целая гора нездорового ноздреватого сала. Лицо его общими очертаниями и цветом, а также выразительностью походило на небезызвестный первый блин, да вдобавок и не просто первый, а самый первый из всех блинов. Впрочем, при всей своей устрашающей наружности, толстяк этот был, наверное, не из опасных противников, ибо все свои силы без остатка употреблял на то, чтобы не расползтись и не расплыться по полу...

И был там удивительный мужчина, похожий на покосившуюся вешалку для одежды. Он единственный из всей компании стоял, подпёртый костылем спереди и двумя костылями по бокам, а на нём висело расстёгнутое пальто горохового цвета, из-под которого виднелись: висящий до полу засаленный шёлковый шарф, свободно

болтающиеся полосатые брюки и шерстяной полосатый свитер, не содержащий внутри себя, как казалось, ничего, кроме некоторого количества слегка спёртого воздуха. Сдвинутая вперёд и набок широкополая шляпа скрывала почти всё лицо его, так что видеть можно было только его узкий, лаково поблескивающий подбородок и торчащую далеко вперед узкую, лаково поблёскивающую трубку...

И был там еще поповый — нет, не просто поповый, а прямо-таки забойный молодой человек с длинными прямыми волосами, с одутловатым прыщавым лицом и с глазами столь красными, воспалёнными, что они тут же вызывали воспоминание об уэллсовском Спящем, который проснулся. Помещался он в массивном кожаном кресле, развалившись поперёк на манер сыщика Пауля Дрейка, покачивая ногой, перекинутой через подлокотник и облачённой в задубеневший от грязи клёш сверхъестественной ширины, копая в носу и то и дело поднося к свисавшей с губы сигарете роскошную зажигалку «Ронсон»...

И ещё был там могучего телосложения хмырь без шеи, в пятнистой лиловой майке, замшевых штанишках выше колен и кедах на босу ногу, с бледной безволосой кожей, испещрённой затейливой татуировкой, и с колоссальной щетинистой челюстью, которая непрерывно и весьма энергично двигалась, то ли перетирая попавшие в ротовую полость булыжники, то ли умеряя зуд в воспалённых деснах. Глаз и лба у этого гражданина почти что не было, во всяком случае, чтобы их заметить требовалась известная сосредоточенность, зато у него были колоссальные, под стать челюсти, вилоподобные длани, и ими он в рассеянности сгибал и разгибал железный дворницкий лом...

Всего их там было не менее двух десятков, нехороших и разных, и все они поразительно различались друг от друга формами и расцветками, словно бы принадлежали к различным зоологическим семействам, и в то же время в чём-то были схожи — наверное, в том, что самим обликом своим и повадками дружно и нагло бросали вызов распространённому мнению, будто бы в человеке всё должно быть прекрасно, а потому, несомненно, составляли то неопределённое сообщество, которое принято называть дурной или неподходящей компанией. И странное дело, хотя каждый из них являл мерзопакость совершенно бредовую, однако у Андрея, остолбенело их разглядывавшего, шевелилось в глубине души ощущение, что они ему не совсем незнакомы, что где-то он их или таких же уже видывал — то ли на репродукциях картин знаменитых художников, то ли на иллюстрациях к книгам знаменитых писателей, а может быть, и в натуре, живьём, во плоти...

Вцепившись в мокрое железо перил, Андрей Т. понемногу приходил в себя, оцепенение от первого шокового удара отпустило его, и он разом ощутил волны ледяного зловония, поднимавшиеся из гигантской кастрюли, услышал голоса, гулко раздававшиеся в этой железной бочке, и понял, что тут происходит.

Происходил допрос. Неподходящая компания допрашивала пленника, а пленником был не кто иной, как старый верный друг Генка по прозвищу Абрикос.

— Так что же, юноша, — произнес Удивительный Мужчина, подёртый костылями, — так и будем всё время молчать?

— Он полагает, что мы тут собрались играть с ним в молчанку! — пропыхтел Самый Первый Блин и рассмеялся собственной шутке, отчего весь пошёл волнами, как плохо застывший студень.

— В молчанку унд в гляделку, — добавил Красноглазый Юноша, поигрывая «Ронсоном».

— Уж полночь близится, а толку нет и нет, — брюзгливо проговорил Недобитый Фашист в мундире без пуговиц и на деревянной ноге. — Сколько можно уговаривать этого молодчика? Обед проуговаривали, ужин проуговаривали...

— Дайте его мне, — свистящим шёпотом предложил Хмырь с челюстью, не переставая жевать.

— Помолчите, коллеги, — сказал Удивительный Мужчина, выбросил из трубки кольцо синего дыма и снова обратился к Генке: — Как мне кажется, вы, юноша, всё ещё не осознали, что выхода у вас нет и говорить вам всё равно придется...

— А он будет отвечать, — дребезжащим голосом проворковала Двугорбая Старуха. — Это он с вами, скверными дядьками и тётками, не хочет разговаривать, а мне он всё расскажет. Ведь правда, моя лапочка? Ведь ты расскажешь милой доброй старой бабушке, как формулируется закон Бойля — Мариотта?

В ответ на этот странный и неожиданный вопрос Генка только едва заметно повёл плечом, и тогда в дело вступила Эстрадная Халтурщица, располагавшаяся с ногами на диване и горстями жвавшая шоколадную карамель из расставленных вокруг неё коробок. Утерев ладонью пасть, измазанную шоколадом и губной помадой, она решительно заявила:

— Если уж на то пошло, гораздо интереснее было бы выяснить схему промышленного производства серной кислоты. Да и лабораторная схема не помешала бы...

— Пусть он мне насчёт квадратных уравнений всё обскажет, не то я из него кишки вытяну и на барабан намотаю... — просвистел Хмырь с Челюстью, не переставая жевать.

— Позвольте, позвольте! — взревел Человек-Ишак, вскакивая и опрокидывая при этом свою табуретку. — Я ведь так ничего и не услышал о строении инфузории! И ещё мне так и не сказали, почему при смачивании лица одеколоном мы ощущаем охлаждение...

— Не смей без очереди! — рявкнул Недобитый Фашист и треснул деревяшкой об пол.

Тут почтенная компания чудовищ словно взорвалась. Разом разверзлись все два десятка глоток, угрозы, проклятия и призывы к тишине и порядку смешались в сплошной нечленораздельный гам, железные стены гигантской кастрюли загудели, и затряслась даже решётка галереи, на которой стоял Андрей Т. Уже Недобитый Фашист схватился врукопашную с Человеком-Ишаком, уже Двугорбая Старуха вцепилась с яростью в патлы Эстрадной Халтурщицы, уже Хмырь с Челюстью (не переставая жевать) с угрожающим видом поднял над головой лом... Но вот Красноглазый Юноша, так и не покинувший своего кресла, отделил от губы сигарету, сунул в рот два пальца и издал оглушительный свист, от которого у Андрея засвербило в ушах. И столпотворение в кастрюле мгновенно утихло.

— Продолжайте, — сказал Красноглазый Удивительному Мужчине.

Тот выпустил в гнусный воздух кастрюли два синих дымовых кольца и вытянул в сторону Генки длиннющий костлявый палец.

— Отвечайте, юноша, и не медлите, — произнёс он. — Какие страны играют ведущую роль в мировом производстве хлопчатобумажных тканей?

Генка молчал.

— Каков удельный вес США в производстве электроэнергии развитых капиталистических стран?

Генка едва заметно повел плечом.

— Какое минеральное сырьё из стран Южной Азии вывозится на мировой рынок?

Генка был недвижим.

Кто бы они ни были, эти жуткие инквизиторы-экзаменаторы — диверсанты ли, разведчики из другого мира или служители неведомого культа, — с Генкой им не повезло. Во-первых, Генка был прирождённым троечником и ничего этого (из физики, математики, биологии и, тем более, из экономической географии) не знал и знать не хотел. Но самое главное — он был из тех, кто никогда никому и ничего не уступит. Особенно если его припирают к стенке. Андрей Т. сам был свидетелем того, как Генку в метро припёрла к стенке почтенная пожилая женщина, увешанная сумками и кошёлками. Генка проехал восемь остановок, в том числе и ту, где им нужно было выходить. Он краснел, бледнел, читал газету, в которую были завёрнуты его ботинки с коньками, даже притворялся мёртвым, но места своего так и не уступил... Да, этой банде уродов следовало бы схватить кого-нибудь послабее духом и покрепче знаниями!

— А скажи мне, малтшик, — вкрадчиво произнес Недобитый Фашист, — какими характеристиками отличается танк Т-34 от танка Т-6 «Тигр»?

Это он попал в яблочко. Генка на всю школу славился великолепным знанием танковой, артиллерийской, авиационной и ракетной техники, как отечественной так и иностранной, как современной, так и давно прошедших эпох. Неужели?.. Генка есть Генка. Он едва заметно повёл плечом и сплюнул в сторону. Между уродами произошло движение.

— Однако же, юноша, — проговорил Удивительный Мужчина, — вы воображаете, что наше терпение безгранично. Но перед вами не тюфяки какие-нибудь, не рохли и не слабонервные интеллигенты! Вы сами отлично знаете, что мы умеем получать сведения, в которых мы нуждаемся. Так попробуйте напрячь свое убогое воображение и представить себе, что станется с вами, когда после полуночи у нас будут развязаны руки!

Двугорбая Старуха облизнулась. Самый Первый Блин плотоядно потер руки. Эстрадная Халтурщица хихикнула. Хмырь с Челюстью сломал лом и с лязгом швырнул обломки на железный пол.

Андрей Т. взглянул на светящийся циферблат. Чёрные стрелки показывали без пяти минут новогоднюю ночь. Вдруг что-то лязгнуло под его ногой. Он поглядел... Шпага. Мокрая, ржавая, холодная, как все здесь. Но — шпага. Оружие. Сила! Только силу можно было противопоставить этому купающемуся в зловонии амфитеатру разбойников. У Алексея Толстого сказано как-то не так, и вообще никакой здесь не амфитеатр, но это как раз неважно. Андрей Т. обтёр рукоять шпаги полрой куртки.

— Надо полагать, — говорил Удивительный Мужчина, — вы всё ещё надеетесь на помощь вашего приятеля Андрея Т. Напрасно. Полночь близится, близится время Крайних Воздействий, близится ужасное для вас испытание, юноша, а тем временем! — Удивительный Мужчина возвысил голос. — А тем временем ваш так

называемый друг мирно сидит себе в окружении любимых своих марок, смакует своё любимое фруктовое мороженое и о вас даже думать забыл!

— Врёшь! — взревел Андрей Т. и вскочил на железные перила. — Врёшь! — вскричал он и одним прыжком приземлился на самой середине железной кастрюли рядом с Генкой. — Выходите! Выходите! Выходите все! На меня! На одного!

— Вперёд, вперёд! И не сдаваться!.. — хрипло запел вдруг оживший Спиридон.

На Андрея, расставив чудовищные лапы, шел Хмырь с Челюстью. За ним, отставая на шаг, выдвигались, ухмыляясь и переглядываясь, Недобитый Фашист и Красноглазый Юноша. Андрей Т. мрачно усмехнулся и сделал глубокий выпад..

Прекрасное новогоднее солнце било сквозь морозное окно.

— Пришёл твой, — сказал дедушка.

— Который час? — хриплым со сна голосом спросил Андрей Т.

— Начало одиннадцатого, — сказал дедушка и удалился.

Приблизился Генка-Абрикос, совершенно красный с мороза, со снежинками в попсовых волосах и без автодрома. Он уселся на табурет и стал смотреть на Андрея жалкими, виноватыми глазами. Многословные и несвязные объяснения его сводились к тому, что вырваться от Кузи оказалось невозможно, а потом Славка принес новые диски, а потом Кузин папан приготовил шербет, а потом забарахлил магнитофон, а потом пришла Милка... Ну, разумеется — Милка! Так бы и сказал с самого начала...

— Знаешь, Абрикос, — сказал Андрей Т., прерывая на самой середине все эти малодостоверные объяснения, — хочу тебе подарок сделать. Новогодний. Бери мою коллекцию марок.

— Ну?! — воскликнул восхищённый и виноватый Генка.

В передней послышались шаги и голоса. Это вернулись родители, сбежавшие из Грибановской караулки, потому что не в силах оказались выдержать видения любимого Андрюшеньки, распростёртого на ложе фолликулярной ангины.

Генка-Абрикос бубнил что-то благодарное и виноватое, а Андрей Т. лежал на спине, обеими руками держа Спиху, Спиридона, Спидлеца этакого, глядел на его страшную сквозную рану — круглую дыру с оплавленными краями — и слушал.

Будет полдень, суматохою пропахший,
Звон трамваев и людской водоворот,
Но прислушайся — услышишь,
Как весёлый барабанщик
С барабаном вдоль по улице идёт... —

негромко пел Спиридон, и эта песенка, как всегда, была уместной, и от неё тихонечко и сладко щемило сердце.

1978 г.

Учебный год закончился, впереди каникулы, и у вас, дорогие ребята, будет много времени, чтобы познакомиться с замечательными книгами, из которых вы узнаете много интересного о мире и о себе. Читайте книги! Это сейчас самое важное для вас!

Задание	Результат
Учащиеся объединяются в группы и составляют общий список проблем, волнующих их на сегодняшний день. Приглашают на эту встречу учителей по другим предметам, а также родителей, старших братьев или сестёр.	Учащиеся вывешивают общий список проблем на доску, зачитывают его. Затем рассказывают, как действовали в подобных ситуациях литературные герои во время войны и в мирное время. Учителя и родители не наставляют, а рассказывают о своём опыте преодоления проблем в семье и школе, на улице в период их взросления. Цель встречи: не усугубить проблемы, а найти возможные пути их решения.

Задания для повторения и обобщения изученного в разделе «Из литературы XX века»

1. Рассмотрите заставку к этому разделу. Что на ней изображено? Чем XX век отличается от XVIII и XIX веков? Назовите 5 событий, произошедших в XX веке, которые изменили мир. Если затрудняетесь ответить, спросите у старших.
2. Почему темы Родины и детства стали так часто встречаться в литературе XX века?
3. Что объединяет произведения кыргызских и русских авторов, с которыми вы познакомились в этом разделе?
4. Что вы знаете о Великой Отечественной войне? Как ваша семья сохраняет в памяти это событие? Расскажите, какие мероприятия, посвящённые войне 1941–1945 гг., проходят у вас в школе, в селе, в городе?
5. Какой вклад в победу над фашистскими захватчиками внёс Кыргызстан? Расскажите о героях-кыргызстанцах.
6. Нарисуйте иллюстрацию к любимившемуся стихотворению из этого раздела. Подпишите тем четверостишием из стихотворения, которое соответствует тому, что вы изобразили. Устройте выставку. Выучите это стихотворение наизусть и расскажите с выражением.
7. В чём состоит главная идея прозаических произведений данного раздела? Постарайтесь в одном-двух предложениях сформулировать вашу мысль.
8. «Смехом он, разумеется, закалял наши лукавые детские души и приучал нас относиться к собственной персоне с достаточным чувством юмора». Как вы понимаете эти слова из рассказа Ф. Искандера «Тринадцатый подвиг Геракла»?
9. Подготовьте для выразительного чтения (или исполнения в лицах) одну из сцен в рассказе В. Распутина «Уроки французского». Подумайте, какие интонации требуются для чтения реплик каждого из героев.
10. Почему рассказ называется «Уроки французского»? В чём смысл такого названия?
11. Какие произведения жанра фэнтези вы уже читали? Подготовьте сообщение, выступите перед классом и убедите своих товарищей прочитать эти книги.

12. **Почините таблицу «Жанры прозы».** В таблице перепутались все жанры, установите соответствия и перепишите таблицу в тетрадь. В случае затруднений обращайтесь к словарю. Приведите примеры для каждого жанра, выбирая произведения из тех, которые вы изучали в 5 и 6 классах.

Большие прозаические жанры		Примеры
Роман	Произведение, в котором излагается история жизни и деятельности какого-нибудь лица. Описание жизни человека.	
Биография	Небольшой рассказ в аллегорической, назидательной форме. Реальность в нём дана без указания конкретных исторических имён действующих лиц.	
Повесть	Описательное произведение малой формы, в котором отсутствует единый, быстро разрешающийся конфликт. Этот жанр затрагивает проблему гражданского и нравственного состояния общества.	
Малые прозаические жанры		
Рассказ	Произведение, небольшое по объёму изображённых явлений жизни, сюжет связан с одним событием из жизни одного или нескольких героев. Оно невелико и по объёму.	
Эссе	Прозаическое произведение, близкое к роману. Сюжет чаще всего излагается последовательно, воспроизводя естественное течение жизни, изображая небольшой отрезок времени из жизни героев. По объёму занимает промежуточное место между романом и рассказом. В Древней Руси так обозначали любое прозаическое повествование, в отличие от поэтического.	
Очерк	Большое по объёму повествовательное произведение со сложным и развитым сюжетом, в котором действует большое количество героев: несколько главных и множество второстепенных.	
Притча	Произведение небольшого объёма и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и суждение по конкретному поводу.	

Темы для сочинений и творческих работ

1. Милое и родное в произведениях русских кыргызских авторов
2. Поступок, о котором я сожалею
3. Случай из детства, который я не могу позабыть

4. Как юмор и смех помогают мне в жизни
5. Кого я могу назвать настоящим учителем в моей жизни
6. Рассказ о моём родственнике
7. Легко ли быть подростком?
8. Дети – герои Великой Отечественной войны (по материалам интернет-ресурсов)

Мои достижения

Изучив материал раздела «Из литературы XX века», вы можете сами узнать о своих достижениях. Перечертите таблицу в тетрадь, оцените по одному баллу ваши знания и умения. Впишите в последний столбик то, что ещё надо учить. Сколько баллов вы получили? Поставьте себе отметку.

Знаю		Оценка	Надо повторить
1	содержание сказки-были М. Пришвина «Кладовая солнца»		
2	писателей, которые работали в жанре научной фантастики и фэнтези		
3	кто такой лирический герой		
4	смысл названия рассказа Ю. Яковлева «Багульник»		
5	чем отличается повествование от лица рассказчика и от лица автора		
Могу			
6	составить словесный портрет героя, его характеристику		
7	пересказать от лица героев рассказ «Тринадцатый подвиг Геракла» Ф. Искандера		
8	писать сочинение на заданную тему		
9	найти определение термина, используя литературоведческие словари или ресурсы интернета		
10	привести примеры стихотворений и песен на военную тему		

Моя оценка

СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Аллегория — иносказательное изображение абстрактного понятия или явления через конкретный образ. В сказках, баснях и притчах роль аллегории исполняют животные: лиса — аллегория хитрости, волк — жадности и злобы и т. д.

Антитеза — противопоставление, контрастное сравнение противоположных чувств, характеров, предметов, действий (свет — тьма, небо — земля, любовь — ненависть).

Афоризм — обобщённая, глубокая мысль определённого автора, выраженная в лаконичной, отточенной форме, отличающаяся выразительностью и явной неожиданностью суждения. Афоризмами нередко становятся отдельные строки из стихов и прозы.

Баллада — лиро-эпический жанр литературы, повествовательная песня с драматическим развитием сюжета, основой которого является необычный случай.

Басня — стихотворное или прозаическое литературное произведение нравоучительного характера, в конце или в начале которого содержится мораль.

Былина — русская народная героическая поэма.

Герой литературный — персонаж, действующее лицо литературного произведения.

Гипербола — художественное преувеличение.

Деталь художественная — это подробность, подчёркивающая смысловую достоверность произведения достоверностью вещественной, событийной — конкретизируя тот или иной образ.

Диалог — обмен репликами, сообщениями, живой речью двух или более лиц.

Драма (от греческого слова «драма» — действие) — род литературы. В драматических произведениях — пьесах, комедиях, трагедиях — герой действует и говорит на сцене. Драматические герои так и называются — действующие лица, а части пьесы — акты, то есть — действия. Голос автора в драме звучит редко, прямо своё мнение он не высказывает. Как же тогда изображается характер героев в пьесе? Через его поступки и высказывания: в монологах, в репликах диалога.

Жанр — исторически сложившаяся группа произведений, объединённых общими признаками.

Завязка — событие, которое определяет возникновение конфликта литературного произведения. Иногда она совпадает с началом произведения.

Идея художественного произведения — главная мысль, обобщающая смысловое, образное, эмоциональное содержание художественного произведения.

Изречение — кратко изложенная мудрая мысль.

Ирония — троп, состоящий в употреблении слова или выражения в смысле, обратном буквальному, с целью насмешки. / *Отколе, умная, бредёшь ты, голова?* (Крылов — в обращении к ослу.)

Композиция — расположение, чередование, соотношение и взаимосвязь частей литературного произведения, служащее наиболее полному воплощению замысла художника. В литературном произведении — это расстановка персонажей, событий и поступков героев, способов повествования, подробностей обстановки, поведения, переживаний, стилистических приёмов, вставных новелл и лирических отступлений.

Кульминация — момент наивысшего напряжения в развитии действия словесно-художественного произведения, когда происходит перелом, решающее столкновение изображённых характеров и обстоятельств, после которого сюжет произведения движется к завершению.

Легенда — повествования, рассказывавшие первоначально о житиях святых, затем — вошедшие в мирской обиход религиозно-дидактические, а порой и фантастические биографии исторических, а то и сказочных героев, деяния которых выражают особенности народного характера.

Летописи — рукописные русские исторические повествования, рассказывающие о событиях в жизни страны по годам; каждый рассказ начинался словом «Лето... (год...)», отсюда и название — летопись.

Лирика (от греческого слова «лира» — музыкальный инструмент, в сопровождении которого нараспев исполнялись стихи) — род литературы, чаще всего — это поэтические произведения. Словами здесь изображаются картины, события и, главное, передаётся то впечатление, которое они произвели на автора, те чувства и мысли, которые они вызвали. Герой лирического произведения называется лирическим героем.

Метафора — оборот речи, в котором свойства и действия с одного объекта переносятся на другой. В основе метафоры лежит сравнение двух объектов, но один из них, как в загадке, скрыт, не назван, не обозначен. Метафоры незаметно, не прямолинейно пробуждают заданные автором мысли, чувства и настроения. / *Пчела за данью полевой летит из кельи восковой.* (А. С. Пушкин)

Миф — древнейшее сказание, представляющее собой художественное повествование о важных природных, физиологических, социальных явлениях, о происхождении мира, загадке рождения человека и человечества, подвигах богов, царей и героев, об их победных сражениях и горьких поражениях.

Монолог — речь одного из литературных героев, обращённая либо к себе, либо к окружающим, либо к публике, обособленная от реплик других героев, имеющая самостоятельное значение.

Мораль — правила нравственности, а также сама нравственность; логический, поучительный вывод из чего-нибудь: *мораль басни.*

Очерк — разновидность малой формы эпической литературы, отличная от другой её формы, рассказа, отсутствием единого, быстро разрешающегося конфликта и большой развитостью описательного изображения.

Пейзаж — в литературе — изображение в литературном произведении картин природы как средство образного выражения замысла автора.

Повесть — произведение эпической прозы, тяготеющее к последовательному изложению сюжета, ограниченное минимумом сюжетных линий.

Портрет — описание или создание впечатления от внешнего облика персонажа литературного произведения, в первую очередь мельчайших деталей лица, фигуры, одежды, манеры держаться. Обычно используется в эпическом роде, реже — в лирике и драматургии.

Поучение — наставление, назидательный совет.

Похвала́ — один из жанров древнерусского красноречия.

Притча́ — небольшой рассказ в аллегорической, назидательной форме. Реальность в нём дана без указания конкретных исторических имён действующих лиц.

Пьеса́ — общее обозначение предназначенного для сценического представления литературного произведения — трагедии, драмы, комедии и т. п.

Развѳзка́ — завершающая часть развития коллизии или интриги, где разрешается, приходит к логическому образному завершению конфликт произведения.

Расска́з — небольшое прозаическое произведение в основном повествовательного характера, композиционно сгруппированное вокруг отдельного эпизода, характера.

Рема́рка — указание автора в тексте драматического произведения на поведение героев: их жесты, мимику, интонации, тип речи и паузы, обстановку действия, смысловое подчёркивание тех или иных высказываний.

Робинзо́нада — поджанр приключенческой литературы, который вслед за романом Д. Дефо «Робинзон Крузо» описывает перипетии выживания одного или нескольких людей на необитаемом острове.

Род литерату́ры — группа произведений литературы, объединённых общим признаком. Признак этот — способ изображения литературного героя и событий. Есть много способов изобразить литературного героя. Можно рассказать о том, как он рос и вырос, какие поступки совершал. Можно показать отношение героя к природе, людям и событиям, мир его чувств. А есть и такой приём — предоставить персонажам возможность говорить и действовать, чтобы читатель из собственных поступков и слов героев догадался о том, как они выглядят и что чувствуют. Как изображать героев — выбирает автор. От того, как представлены герои, зависит род литературного произведения. Когда говорят о родах художественной литературы, имеют в виду три большие группы: эпос (эпические произведения), лирику (лирические произведения) и драму (драматические произведения).

Рома́н — эпическое повествование с элементами диалога, иногда и с включением драмы или литературных отступлений, сосредоточенное на истории отдельной личности в общественной среде.

Сати́ра — разновидность литературы, специфическими формами обличающая и высмеивающая пороки людей и общества. Формы эти могут быть самыми разнообразными — парадокс и гипербола, гротеск и пародия и т. д.

Симво́л — многозначный образ, выражающий какие-либо глубинные смыслы, порой противоположные друг другу. Образ становится символом, когда он приобретает дополнительные, исключительно важные значения.

Сказ — своеобразная литературно-художественная ориентация на устный монолог повествовающего типа, это — художественная имитация монологической речи, которая, воплощая в себе повествовательную фабулу, как будто строится в порядке её непосредственного говорения.

Сравне́ние — изобразительный приём, основанный на сопоставлении явления или понятия (объект сравнения) с другим явлением или понятием (средство сравнения) с целью выделить какой-либо особо важный в художественном отношении признак объекта сравнения.

Сюжёт — ход событий, составляющих содержание художественного произведения. Элементы сюжета: завязка, развитие действия, кульминация, развязка.

Трагедия — вид драмы, возникший из древнегреческого обрядового дифирамба в честь покровителя виноградарства и вина бога Диониса, представлявшего в виде козла, потом — подобием сатира с рожками и бородой. Трагедия противоположна комедии. Данный жанр изображает конфликты в предельно напряжённой форме и показывает противостояния между личностями, судьбой или обществом. Всегда имеет трагический финал (смерть героев). Конфликт в трагедии может быть разрешён только смертью.

Тропы — средства художественной выразительности и образности в литературном творчестве: эпитеты, метафоры, сравнения, олицетворения, гиперболы и др.

Фельетон — жанр художественно-публицистической литературы, которому присуще критическое, нередко комическое, в том числе сатирическое, начало, и непременно — актуальность.

Фэнтэзи — фантастическая литература сказочного характера.

Хорей — двусложный стихотворный размер с ударением на первом слоге.

Художественный образ — всеобщая категория художественного творчества, форма истолкования и освоения мира с позиции определённого эстетического идеала, путём создания эстетически воздействующих объектов. Художественным образом также называют любое явление, творчески воссозданное в художественном произведении.

Эпиграмма — краткое стихотворение, высмеивающее какое-либо лицо.

Эпиграф — выражение, предпосланное автором своему произведению или части его. Эпиграф обычно выражает суть творческого замысла автора произведения.

Эпизод — фрагмент сюжета литературного произведения, описывающий некий целостный момент действия, составляющего содержание сочинения.

Эпитет — художественное определение, которое выявляет важные для автора качества героя, предмета, явления или события («Золотые руки»).

Эпос (от греческого слова «эпос» — повествование, сказание) — 1. Род литературы. В эпических произведениях подробно рассказывается о людях, о событиях, с ними связанных, об обстоятельствах их существования. Автор не высказывает прямо своего отношения к происходящему, как бы скрывается, отдаляется от своих героев. Основная форма словесного выражения здесь — повествование. 2. Народная героическая поэма большого объёма.

Эссе — сочинение небольшого объёма, написанное в свободной, индивидуально-авторской манере изложения.

Юмор — вид комического, в котором пороки осмеиваются не беспощадно, как в сатире, а доброжелательно подчёркиваются недостатки и слабости человека или явления, напоминая о том, что они часто лишь продолжение или изнанка наших достоинств.

Ямб — двусложный стихотворный размер с ударением на втором слоге.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	3
РАЗДЕЛ I. ЛИТЕРАТУРА И ДРУГИЕ ВИДЫ ИСКУССТВА	6
Литература – искусство слова	6
Аполлон и музы	7
Особенности литературы как вида искусства	9
Герой художественного произведения и его автор	10
Брюсов Валерий Яковлевич. Библиотеки	12
Цветаева Марина Ивановна. Книги в красном переплёте	12
👤 Высоцкий Владимир Семёнович. Баллада о времени	13
Задания на повторение и обобщение изученного в разделе «Литература и другие виды искусства»	14
Темы для сочинений	15
РАЗДЕЛ II. ГЕРОИ МИФОВ И ЛЕГЕНД В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ	17
Мифы и герои	17
Фразеологизмы из древнегреческих мифов	18
Подвиги Геракла	19
Стимфалийские птицы	19
Из славянской мифологии	21
Миф о Солнце	22
Эпос, эпические жанры	23
👤 Гомер. Одиссей на острове циклопов (<i>Отрывок из поэмы «Одиссея»</i>)	24
Мифологические образы кыргызского эпоса «Манас», древних тюркских легенд и сказаний	26
Сказание о Манасе. Вещие сны (<i>Отрывок из эпоса «Манас»</i>)	28
Айтматов Чингиз Торекулович. Акбара (<i>Легенда</i>)	31
Проект «Герои мифов и легенд в произведениях искусства»	37
Задания для повторения и обобщения изученного в разделе «Герои мифов и легенд в прошлом и настоящем»	37
<i>Мои достижения</i>	38
РАЗДЕЛ III. ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ СРЕДНИХ ВЕКОВ	40
Письменность и просвещение	40
Мудрые изречения, санаты и притчи	41
Летописание	42
Сказание о белгородском киселе (<i>Отрывок из «Повести временных лет»</i>)	43
Похвала князю Ярославу Мудрому (<i>Отрывок из «Повести временных лет»</i>)	45
Предание о смерти князя Олега (<i>Отрывок из «Повести временных лет»</i>)	46
Почтение Владимира Мономаха (<i>Отрывок из «Лаврентьевской летописи»</i>)	47
👤 Юсуф Баласагунский. Наука быть счастливым (<i>Отрывки из поэмы</i>)	49
👤 Низами Гянджеви. Искандер-наме (<i>Отрывки из поэмы</i>)	51
Проект «Рукописная книга»	55
Задания для повторения и обобщения изученного в разделе	

«Из литературы Средних веков»	55
<i>Мои достижения</i>	57
РАЗДЕЛ IV. ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА.....	59
Роман – большой эпический жанр	59
 Даниэль Дефо. Робинзон Крузо (<i>Отрывки из романа</i>).....	60
Композиция литературного произведения	68
 Джонатан Свифт. Путешествия Гулливера (<i>Отрывки из романа</i>)	69
Средства художественной выразительности сатиры: гипербола, ирония, аллегория	75
Проект «Дружелюбный критик»	76
Задания для повторения и обобщения изученного в разделе «Из литературы XVIII века»	78
Темы для сочинений	79
<i>Мои достижения</i>	79
РАЗДЕЛ V. ИЗ КЛАССИКИ XIX ВЕКА. НАЧАЛО XX ВЕКА.....	81
Классическая литература	81
Детские годы Александра Сергеевича Пушкина	83
Пушкин Александр Сергеевич. Песнь о вещем Олеге.....	87
История и поэзия	90
Лермонтов Михаил Юрьевич. Бородино	91
Что такое идея литературного произведения (На примере стихотворения Лермонтова «Бородино»).....	94
 Роберт Льюис Стивенсон. Вересковый мёд.....	95
Художественный перевод	98
Герои Тургенева и Некрасова. Обычные люди в обычной жизни	98
Тургенев Иван Сергеевич. Муму	99
Тургенев Иван Сергеевич. Собака.....	113
Тургенев Иван Сергеевич. Два богача	114
Тургенев Иван Сергеевич. Русский язык	114
Некрасов Николай Алексеевич. Крестьянские дети	114
Некрасов Николай Алексеевич. Школьник.....	118
Некрасов Николай Алексеевич. Несжатая полоса (<i>Отрывок</i>)	118
Смех в жизни и в искусстве	119
Крылов Иван Андреевич. Волк и ягнёнок.....	121
Крылов Иван Андреевич. Слон и Моська.....	122
Чехов Антон Павлович. Толстый и тонкий	123
Чехов Антон Павлович. Лошадиная фамилия.....	125
Зошенко Михаил Михайлович. Галоша	128
Зошенко Михаил Михайлович. Встреча	131
Марк Твен. Приключения Гекльберри Финна (<i>Отрывок</i>)	133
Проект «Литературная викторина «Угадай-ка!».....	138
Задания для повторения и обобщения изученного в разделе «Из классики XIX века. Начало XX века»	139
Темы для сочинений	139
<i>Мои достижения</i>	140

РАЗДЕЛ VI. ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА.....141

О чём ты, век двадцатый?	141
Бунин Иван Алексеевич. Помню — долгий зимний вечер...	142
Ахматова Анна Андреевна. Тот город, мной любимый с детства	143
Ахматова Анна Андреевна. Перед весной бывают дни такие...	143
Цветаева Марина Ивановна. Наши царства	144
Есенин Сергей Александрович. Где ты, где ты, отчий дом	145
Заболоцкий Николай Алексеевич. Журавли	145
Заболоцкий Николай Алексеевич. Одинокий дуб	146
Заболоцкий Николай Алексеевич. Не позволяй душе лениться	146
Яшин Александр Яковлевич. Орёл	147
Яшин Александр Яковлевич. Спешите делать добрые дела	147
Рубцов Николай Михайлович. В горнице моей светло	148
Рубцов Николай Михайлович. Звезда полей	148
Лирика	149
Взрослеем с героями литературных произведений	149
Пришвин Михаил Михайлович. Кладовая солнца (<i>Сказка-быль</i>)	150
Яковлев Юрий Яковлевич. Багульник	162
Астафьев Виктор Петрович. Конь с розовой гривой	169
Распутин Валентин Григорьевич. Уроки французского	179
Искандер Фазиль. Тринадцатый подвиг Геракла	200
Тема Великой Отечественной войны в поэзии и прозе	210
Симонов Константин. Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины	210
Шефнер Вадим Сергеевич. 22 июня	212
Боконбаев Джоомарт. Прощай, Ала-Тоо, твой сын уходит на фронт	212
Рыленков Николай Иванович. Бой шёл всю ночь...	214
Окуджава Булат Шалвович. До свидания, мальчики	215
Яковлев Юрий Яковлевич. Цветок хлеба	216
Айтматов Чингиз Торекулович. Солдатёнок	219
А вы любите фантастическую литературу?	223
Рэй Брэдбери. Каникулы	224
 Стругацкий Аркадий, Стругацкий Борис. Повесть о дружбе и недружбе	230
Проект «Диалог поколений»	262
Задания для повторения и обобщения изученного в разделе «Из литературы XX века»	262
Темы для сочинений и творческих работ	263
<i>Мои достижения</i>	264
Словарь литературоведческих терминов	265

Учебное издание

**Озмитель Екатерина Евгеньевна
Яковлева Лариса Эмильевна**

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебник для 6 класса
школ с русским языком обучения

Редактор *В. А. Грибинюк*
Корректор *А. А. Локтионова*
Дизайн обложки *В. С. Вихарев*
Компьютерная вёрстка *Е. Д. Елфимова*
Художники: *Н. А. Джумакалиев, А. Н. Бронников*

Подписано в печать 26.04.2018 г.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Формат 70 x 100 ¹/₁₆. Гарнитура Literaturnaуа.
Объём 17,0 п. л. Тираж 43 700 экз. Заказ № 248.

Издательская подготовка осуществлена
ОсОО «Издательство Аркус»
720016, Кыргызская Республика,
г. Бишкек, ул. Самойленко, 7 В

Отпечатано в типографии

